

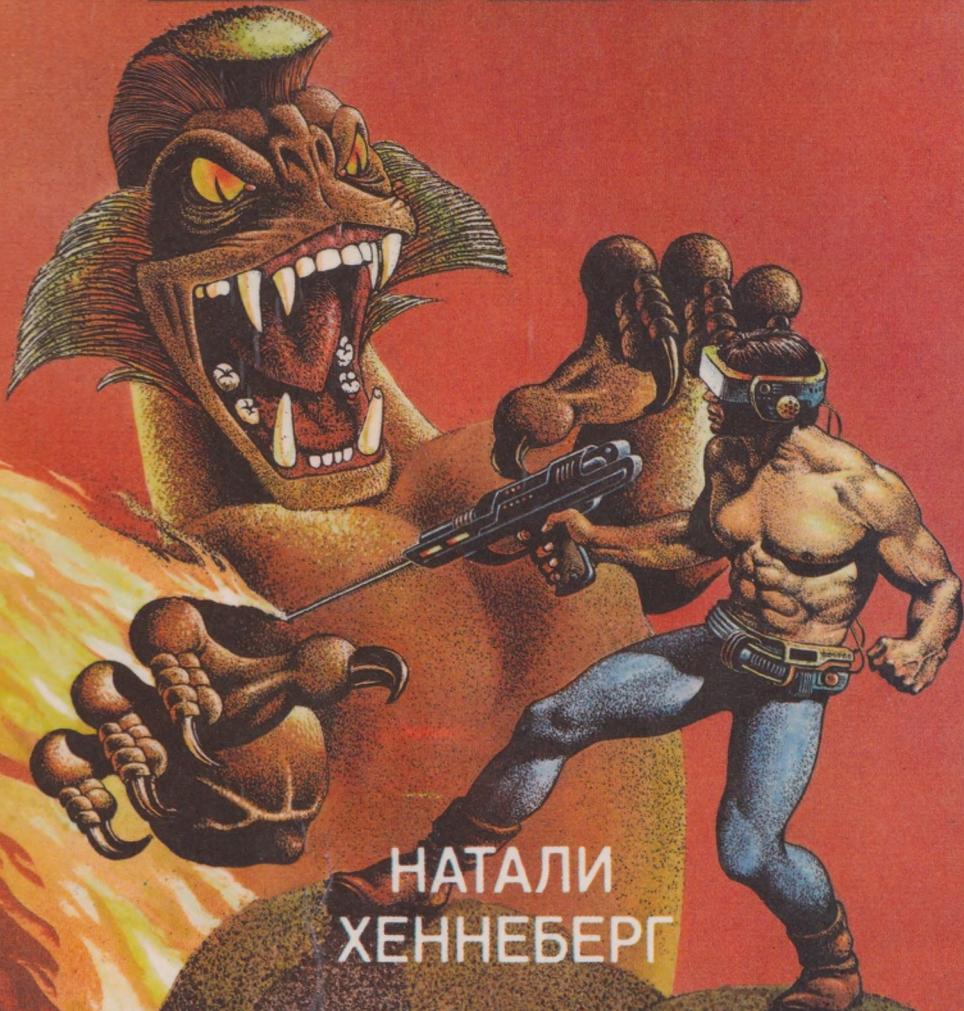

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

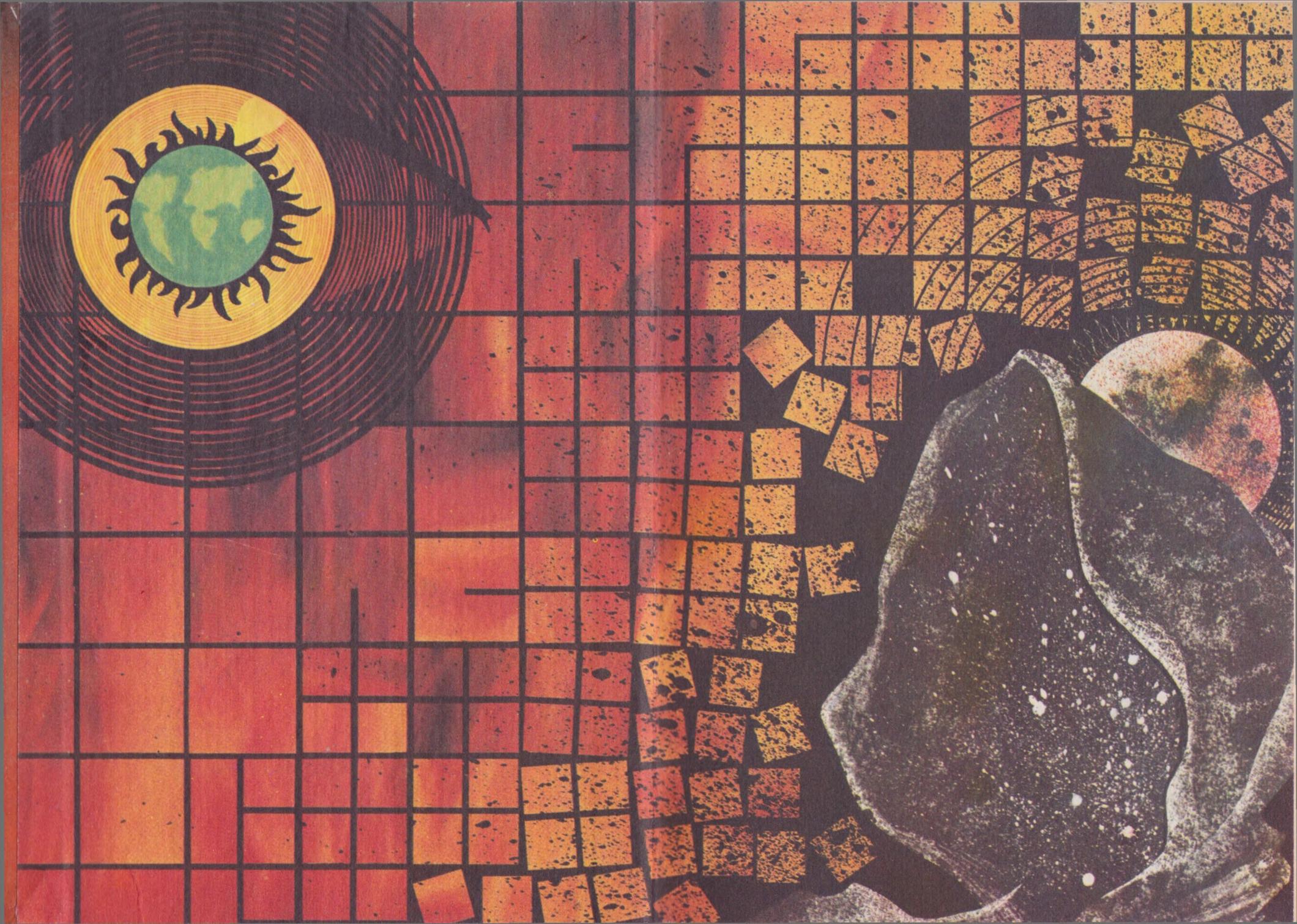
ЯЗВА

ЯЗВА

НАТАЛИ
ХЕННЕБЕРГ

НАТАЛИ
ХЕННЕБЕРГ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ДЕТЕКТИВ

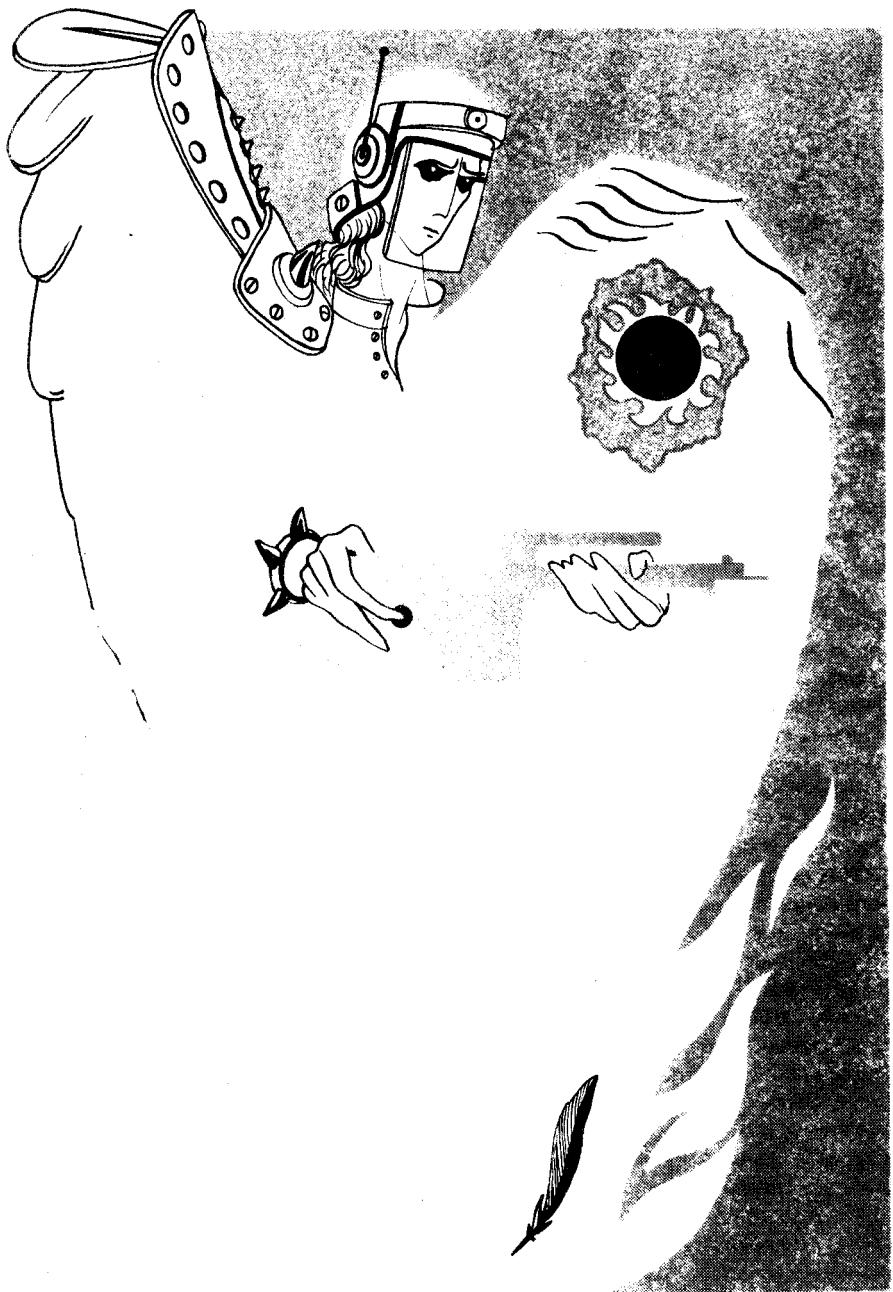
DATA · МОРГАНА

ФАНТАСТИКА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДЕТЕКТИВ

НАТАЛИ
ХЕННЕБЕРГ

ЯЗВА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1993

ББК 84.4 ФР
Ф 27

Хеннеберг, Натали.

Ф 27 Язва: Фантастический роман/Пер. с французского С. Цырульникова.— Н. Новгород, Фирма «Флокс», 1991.— 336 с.
ISBN 5-87198-033-3

В «Язве», своем наиболее значительном романе, известная французская писательница сочетает захватывающий сюжет с глубокими размышлениями о путях развития цивилизаций, о вечной борьбе разума и социальной энтропии.

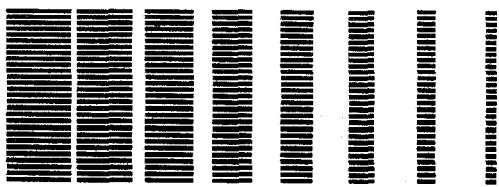
Для широкого круга читателей.

Х 4703010100-024 без объявл.
Д40(03)-92

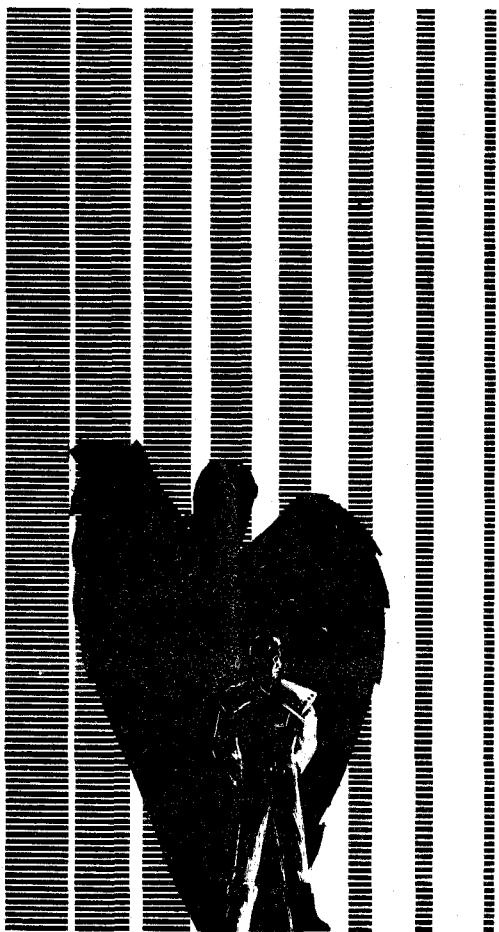
84.4 Фр

ISBN 5-87198-033-3

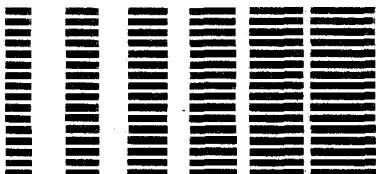
© Цырульников С., перевод, 1991
© Фирма «Флокс», оформление, 1991

ПРОПОГ

Написано кровью из перерезанной вены

Предсмертное
С. Есенина

стихотворение

I

По земному летоисчислению — 3000 год.

Сигма, восемнадцатая планета двойной звезды Арктур, созвездие Волопаса.

Мужчину, который должен был умереть на рассвете, разбудили в полночь. Он тотчас вскочил, его движения были гибкими и мягкими, как у леопарда. Он был все еще в космических доспехах, пробитых и потускневших в сражениях, на руках его были электромагнитные наручники. Он прислонился к стене своей камеры — эта поза плененного бойца была полна благородного достоинства...

Две последние луны Сигмы, — а всего их насчитывалось семь (что считалось одним из признаков ее очарования) — зеленая и сиреневая — отражались в окне, и на полу рисовался четкий квадрат. И в этом рассеянном лунном свете приготовленный увидел входящего в камеру мужчину огромного роста, одетого в пурпурно-красную симарру. Его лицо облегала, словно перчатка, маска из черной пленки по последней сигмийской моде.

Это мог быть палач — в стародавние времена палачи на Земле любили такие одеяния — а Сигма была когда-то заселена землянами. Но па-

лач должен был появиться только на рассвете. Это он знал точно.

Но сомнения приговоренного длились не более секунды — потолок камеры засветился, и незнакомец приблизился к нему. Человек, который должен был умереть, тотчас вытянулся по стойке «смирно», откинулся назад голову и рассмеялся сумасшедшим смехом.

— Почему вы смеетесь? — поинтересовалась тень.

Голос был властным и грубым. Это был голос человека, привыкшего повелевать, землянина высшей касты. Через прорези своей маски он рассматривал узника, которого утром сам приговорил к смертной казни... И подумал, что парень как нельзя лучше соответствует сложившемуся образу космического героя — да, это был леопард в образе человека, идеальная боевая машина без страха и упрека... И он еще подумал: «Может быть, именно это их и спасает — его и таких, как он, — ведь этот мальчишка прошел огонь, воду и медные трубы, даже не подозревая об этом...» Но в этот момент он обратил внимание на слишком правильные черты лица пленника, на его странную мимику, на серые, а быть может, голубовато-зеленые, как волны океана, глаза, глубокие, как сама бесконечность... И до ночного посетителя вдруг дошло, что приговоренный выше его на целую голову (физически, естественно...).

— Почему вы смеетесь? — спросил он сурово.

— Я смеюсь, потому что поначалу принял вас за палача, что достойно всяческого порицания, — училиво ответил молодой человек.

— А разве это не так?

— Нет. Вы всего лишь его предвестник.

— Вы знаете меня?

— Ну конечно. Вы космический префект Сигмы, великий адмирал Арктура, единственный землянин, который командует космическими эскадрами и которого зовут Ингмар Кэррол. Это смешно, не так ли?!

— Не думаю. У вас странное представление о юморе.

— Разве это так уж важно в моем положении?

— Вы сами его выбрали! — Казалось, рот под черной маской буквально выплюнул эти слова. — Какая наивность, пытаться бороться с Сигмой!

— Я перевозил беженцев с Земли.

— Да. На борту пиратского корабля, на захваченных кораблях! Наши досье полны жалоб на межпланетных корсаров!

— Ну уж! Жалобы Ночных похожи на мяуканье тигра! — молодой человек пожал плечами, насколько это было возможно в электромагнитных наручниках.

— Ночные! Опять Ночные! — воскликнул адмирал с досадой. — Все вы повторяете это как оправдание!

— Нет, как обвинение. Или вы не знаете, что они из себя представляют?

— Да знаю, знаю,— отвечал тот, кого звали Ингмар Кэррол (а это было страшное имя, оно заставляло трепетать звезды).— Но вы, кажется, хотите мне рассказать что-то новое?

Он досадливо тряхнул полами своего пурпурного одеяния, и перед молодым пиратом предстал во всем величии тот, кого сама вечность ковала в течение долгих лет скитаний по Галактике и суровых испытаний: это был мужественный, атлетически сложенный землянин, жизнь на более цивилизованной планете сделала его утонченнее, но сущность не изменилась. В нем не было ничего от этой планеты с ее неясными рассветами, от этих стройных ангелов, от этих статуй из хрустала — местных жителей, которые расцветали под лугами Арктура, клонились к земле, как лилии к воде, и так легко умирали. Которые любили умирать... Он подвинул к себе единственный стул и уселся на него верхом, лицом к узнику.

— Ну,— сказал он,— говорите.

Тот, по-прежнему стоя в позе плененного леопарда, воскликнул:

— Вы, что же, не знаете, что Земля завоевана и покорена Ночными!?

— Да, я слыхал об этом, потому что присутствовал на вашем процессе.

— Вы даже приговорили меня — но ведь это такая ерунда...

— У меня и у судей были на то причины. Сигма дала вам возможность защищаться, не так ли? Вам это не удалось. Тем не менее, подумав как следует, я предоставляю вам еще одну возможность объясниться. Слушайте меня внимательно: дело в том, что официально мы, жители Арктура, ничего не знаем о теперешней Земле: ни о черном знамени, которое развевается над ней, ни о Ночных. Об этом ходит много сплетен. Так что это — их отличие или уничижительная кличка? Действительно ли они силы ада или просто психопаты?

В самом деле, примерно от двадцати до тридцати лет назад неизвестная эпидемия, ужасная эпидемия — средство от нее не найдено до сих пор — которую мы называем «Я з в а», «з е м н а я б о л е з н ь», «в е л и к а я с м е р т ь», обрушилась на планету-мать и продолжает разрушать ее. Во избежание заражения все межпланетные отношения были прерваны, а Солнечная система — подвергнута постоянному карантину. Наши дипломатические миссии не проходят дальше пояса астероидов. Создается впечатление, что эта болезнь имеет и физические симптомы. Время от времени до нас доходят фотографии, ужасные и богохульственные микрофильмы, в которых встречаются самые разные виды насилия — их тотчас уничтожают. Те редкие корабли, которые курсируют в районе созвездий Центавра и Стрельца, подвергаются драконовским мерам карантина. Время от времени некоторым кораблям с эмигрантами удается ускользнуть...

И вот именно на эти слабые связи с Землей вы и напали под предлогом, что эти корабли перевозят неприятеля. Так вот, по законам свободных звезд, космический разбой — это единственное преступление, за которое нет пощады. Слабый от природы, человек, заброшенный в бесконечность, не может внедрять там законы волчьей стаи. А вы были тем самым волком, который нападает на путешественников! На это обвинение вы ответите: «Но ведь речь идет о Ночных!» — и будете думать, что этим все сказано. Но на корабль не нападают просто потому, что он перевозит, например, матютинов из созвездия Крыла или сумеречников из созвездия Лиды! Это было бы точно таким же нарушением.

— А, так вы думаете, что?..

— Все формы жизни имеют право на существование в гиперпространстве. Все, независимо от того, будет ли их структура основанной на кремнеземе, газообразной или протеиновой; все, если они пробудились к жизни, сохранили ее, развили и увековечили: это и есть три принципа созидания...

— А, так вы верите?..

— Здесь я задаю вопросы. Я вас спросил. Отвечайте. Что же представляют из себя эти самые Ночные, к которым вы так неравнодушины?

Голос, доносящийся из-под маски, неожиданно стал резким и насмешливым. Узник уловил это. Веки его медленно опустились. Казалось, он опять погрузился в собственный сумрачный мир. Он не двигался, но в то же время создавалось впечатление, что он где-то далеко отсюда... Наконец он произнес:

— Адмирал-префект, следует заметить, что это последняя ночь в моей жизни. Вы приговорили меня к смерти по вашим законам, но не по моим. Но, насколько я понимаю, никакой свод законов не дает вам права мешать мне спать. Спокойной ночи, адмирал.

Великому повелителю космоса понравилась реакция узника.

Ингмар Кэррол пришел к власти не только потому, что был тонким стратегом и хорошо знал космос. Чрезмерная утонченность и закат благородной сигмийской расы при общем закате цивилизации во многом способствовали его возвышению, но он должен был благодарить за это и свою невероятную выдержку, и работоспособность, и свою дерзость перед лицом судьбы. В какой-то момент он увидел в этом молодом человеке свои собственные черты, как в зеркале; в мальчишке, который говорил о своей смерти сдержанно и с улыбкой.

Машинально продолжая наблюдать за узником, Кэррол вынул футляр из космического хрусталия, в котором поблескивали тонкие черные палочки «схрауи» — легкого венерианского наркотика, весьма популярного на Сигме. Он протянул одну из них осужденному. Магнитные оковы мешали узнику, и адмирал сам зажег и

поднес тонкую сигарку к его губам. Несколько минут молодой человек с наслаждением вдыхал дым, не говоря ни слова.

— Последняя сигарета приговоренного к смерти,— произнес он наконец.— Это ведь земное выражение, не так ли? Я всегда задавал себе вопрос, какой вкус может быть у этих сигарет. Что ж, ничего особенного. Но это весьма любезно с вашей стороны.

И он слегка повернулся к адмиралу удивительно юное лицо с ясным невинным взглядом, как будто слегка удивленным... Густые ресницы, одна бровь слегка загибалась вверх, к виску. И, оказавшись лицом к лицу с этой — такой несокрушимой, такой победоносной — земной юностью, Ингмар Кэррол почувствовал, как у него похолодели руки...

— Что ж, любезность за любезность, адмирал,— продолжал узник,— я отвечу на ваш вопрос — и тем хуже, если мой ответ застанет вас врасплох. Я не знаю, кто такие Ночные. Я даже скажу больше: это не какая-нибудь группировка, хотя они появляются прямо из своего мрака, вооруженные и в доспехах. Но я знаю наверняка, что МРАК существует.

— Что вы имеете в виду?

— Что ж, начнем с самого начала. Меня зовут Айрт Рег. Вы знаете, это довольно сильное ощущение — повторять свое имя в той ситуации, в которой я нахожусь. Оно как будто начинает жить отдельно... Итак, я родился на одном из астероидов, на космическом маяке, одном из тех, которые еще ведут космические корабли на окраинах галактики. Посты на таких маяках резервировались за людьми, «которые хорошо послужили Свободным Звездам» и больше ни на что не были пригодны. Это была почетная, достойная и нищенская пенсия. И моего отца, оставшегося инвалидом в последнюю звездную войну, назначили смотрителем этого маяка (извините, что мне приходится касаться всех этих деталей, но они нам еще пригодятся). Так мы и жили на этом небесном камне — отец, мать, моя сестра Диана и я. Астероид диаметром в полсотни километров вращался где-то за Плутоном. Атмосферу пришлось создавать искусственно, вокруг царил адский холод. Над домиками маяка возвышался синтетический купол. Нам даже удалось создать кое-какую атмосферу вне купола. В другом конце было небольшое озеро, где жили слепые рыбы и моллюски, привезенные с Земли. Этой живности, а также водорослей, лишайников и небольшой оранжереи, нам хватало, чтобы свести концы с концами. Я думаю, мы были даже счастливы...

Н-да. На земле росли какие-то бесформенные злаки, а в воздухе возникали странные завихрения — они рождали миражи и разноцветные зори... Огромные обнаженные звезды сверкали над нашим куполом, время от времени пролетала комета, ослепляя нас своим жемчужным хвостом. Мы жили очень дружно, держались друг за

друга, как птицы в гнезде,— мой отец, которого преследовали нервные припадки, моя глухонемая мать, Диана и я, зачарованные старыми микрофильмами, которые показывали нам Гагарина, Гленна и других. Да, это была действительно жалкая семейная ячейка...

А потом, в один прекрасный день — если можно так выразиться, ведь наши неоновые лампы не давали представления о времени суток — исчезло все. Не стало домика, маяка, родителей, маленькой сестры...

Мимо пролетали Ночные.

Я так и не понял, почему они все разрушили, почему набросились на нас — ведь это был не какой-нибудь стратегический объект, мы никому не угрожали. А вообще-то... Когда я вспоминаю о нашей жизни там,— проговорил узник, скав кулаки так, что ногти впились в ладони,— как мы там бедствовали и мечтали о лучших днях... мне стыдно, что я выжил... один!

Вскоре после нападения меня подобрал арктирианский корабль. Об этом упоминалось на процессе.

— Да, в самом деле,— сказал Ингмар Кэррол.— Но ваш адвокат плохо использовал эти сведения...

— И он был прав. Эти воспоминания принадлежат мне. Черная космическая ночь, когда я карабкался по голым скалам, разгребая лед и пепел, с обезумевшим счетчиком Гейгера на поясе, с ободранными до крови ногтями и разбитыми кулаками... а на месте живых существ — пустота... Ведь это все мое достояние, мое единственное достояние!

— Вы уверены, что это был корабль Ночных?

— Конечно! Он же сбросил свою эмблему с условным знаком «МРАК». И потом, он все превратил в прах бомбами типа Зет. Арктирианские астронавты объяснили мне, что этот корабль нельзя было уничтожить: это был старый корабль с эмигрантами, экипаж которого взбунтовался — на нем еще оставались узники... Настоящий странствующий ад. И вот тогда я понял...

— Что же?!

— Что эту заразу можно встретить где угодно. А сама Земля — именно эта зараза и есть!

— Но вы же не могли быть в этом уверены...

— Не мог. Поэтому я решил узнать.

— И вам удалось это, после того, как вы стали пиратом?

Молодой леопард оскалился в улыбке:

— Но я не сразу стал «пиратом». Сначала я выучился на астронавта.

— Где же?

— Да в вашем колледже, адмирал! Я — выпускник вашего Астронавигационного училища на Сигме!

— Ах, вот как?.. — пробормотал Кэррол.— Я думал об этом —

у вас сохранился стиль, которому там учат. Но не радуйтесь: эта деталь только отягчает вашу вину... Выпускник Училища... и дезертирует!

В ответ раздался крик:

— Я не дезертир! Я дрался!

— Оставим схоластическую дискуссию. Рассвет уже близок... и есть вещи более интересные, чем ваша судьба. Нужно думать о будущем Земли! Итак, Ночные разрушили ваш астероид. Но вы утверждаете, что их не существует. Разве вы не усматриваете в этом противоречия?

— Нет не усматриваю. О! Все это волновало меня в течение многих лет. Сколько раз вспоминал я этот земной корабль! Он набросился, попусту растрачивая свое время, горючее и энергию, да еще с такой злобой и точностью, на полезную людям космическую станцию, на которой жили несчастные бедняки... Но почему, почему?! Это не поддавалось никакой логике, просто не укладывалось в голове!

Вы скажете мне: речь идет об особом случае... Так нет же! Я изучал статистику: на Сигме знают толк в правильной информации. Так вот: все акты с эмблемой МРАК носят тот же отпечаток иррациональности. Да, все: изоляция и медленная агония Земли, взбесившиеся планеты, разрушенные корабли, спутники, которые неожиданно взрываются! И есть только один ответ, одно объяснение этому...

— Какое же?

— Эти существа действуют так только потому, что они жестоки. Они олицетворяют зло без всяких примесей, чистую жестокость. Вы утверждаете, что Язва — это земное зло?! Да нет же, потому что это зло распространяется в метагалактике и на каждой планете принимает форму, которая ему больше всего подходит. И вы тоже, в этом блестящем, радужном, совершенном мире Арктура, можете подвергнуться его влиянию! Что, я ошибаюсь?! А для чего тогда служат ваши «сады отдыха», ваши «дома радостной смерти»? Ну, конечно, арктурианцы принадлежат к более древней, более чистой расе, чем нынешние жители Солнечной системы — они не убивают других, они убивают сами себя... Но привести это может к тому же самому: к МРАКУ, ведь Язва — всеобщее зло...

— А на Земле...

— Что ж, на Земле речь пока идет об этой страшной лихорадке, которая опустошает континенты и косит людей миллионами! Как вы там ее называли?

— Чумой?

— Да, чумой. Одно слово, одно название, которое способно объяснить все. Земля дрожит и горит, новые вулканы извергают потоки

лавы? Это радиоактивная чума. Происходят оргии, разворачиваются сцены всеобщего помешательства, резни... Так это корчи и бред зараженных чумой! Массовые убийства, пытки, костры, женщины и дети с перерезанным горлом? Излишества, убийства и самоубийства, вызванные страхом заболеть чумой, скажете вы мне! Я спрашиваю себя, не окажется ли эта так называемая чума гениальной выдумкой сил тьмы, ведь она служит одновременно маскировкой их подлой деятельности, преградой для любого вмешательства, а также — средством всеобщего уничтожения, в конце концов!

И вспомните еще вот что, адмирал: в пространстве нет микробов, и на моем астероиде с температурой минус сто по Цельсию их тоже быть не могло!

— Ну, ладно,— сказал Кэррол. Он все так же внимательно слушал узника, как равный равного, он был сейчас воплощением упорства и ожидания. Однако, вдохновение молодого человека по имени Айрт Рег резко пошло на убыль... Прекрасные сигмийские луны подошли к зениту.

— Ну ладно,— повторил адмирал.— Вы утверждаете, что существуют понятия МРАКА и ЯЗВЫ. Но я снова задаю вам вопрос: что такое Ночные?

— О! — ответил Айрт Рег,— вы хотите, чтобы я обозначил вам определенный Ночной народ или Ночную планету? Их нет! Как только наша воля ослабевает или теряет свою цель — то есть, когда мы пересекаем границу, которая отделяет нормальное существо от чудовища, любой из нас может превратиться в Ночного — и вы, и я. Они были на борту моего корабля, и я лечил их — настоящих Ночных! Если хотите, это больные!

— Зараженные чумой?..

— Лучше сказать: одержимые. Этот стариинный термин выражает то, что хочет выразить: перед нами живые тела, чья воля крайне ограничена, так как находится во власти чужеродных сил, и они заставляют одержимых действовать по своей прихоти. Эта болезнь не нова для Земли — так объяснил мне человек, который понимает кое-что во всем этом. Он также сказал мне, что нельзя, что не нужно уничтожать больных. Вот тогда я и покинул Сигму и отправился воевать и учиться...

— Учиться — чему именно?

— Как бороться против этого зла!

— И вы научились? Вы теперь можете победить его?

Но это был единственный вопрос, на который Айрт Рег не мог дать ответ. По крайней мере, пока не мог.

— Вы знаете,— продолжал Кэррол со своей обычной железной непреклонностью,— что Сигма только что получила ультиматум с Земли? Вы знаете, о чем в нем говорится?

— Я догадываюсь.

— «Мы, представители законных земных властей,— процитировал адмирал,— ознакомившись с делом, приняли следующее решение. Вот оно, ужасное, но справедливое: если Космосу угрожает новая война, если провокации будут продолжаться, и если наши посланцы будут подвергаться нападениям эмигрантов с Земли, то пусть знают все: Земля будет взорвана посредством термоядерной реакции. Так как будет лучше, если только одна планета погибнет для Вселенной. Подпись: Исполнительный Совет Мрака».

Эти слова били в голову огромным кузнецким молотом, адмирал дрожащей рукой сорвал маску и вытер платком вспотевшее, побледневшее от волнения лицо. «А все-таки он всего лишь человек...» — пронеслось в голове у Айрта.

— Ну, конечно,— продолжал адмирал,— мы уже слыхали заявления подобного рода. Естественно, все это кажется абсолютно нелогичным и бессмысленным. Но если принять во внимание ваше утверждение, что Земля находится во власти одержимых, возникает опасение, что это не просто угроза!

— Да, это не пустая угроза,— сказал Айрт.— И вы понимаете это не хуже меня.

— Вы осмеливаетесь утверждать...

— Да осмеливаюсь. Они взорвут Землю, если сочтут это необходимым. Она — не единственная планета, где они могли бы поселяться.

— Но такой мощный взрыв уничтожит и их самих!

— Взрыв может уничтожить только материю...

— А по-вашему,— спросил Ингмар Кэррол,— это зло не материально?

— Нет. И я повторяю: вам об этом известно так же хорошо, как и мне.

...Какой невероятной казалось эта мирная беседа на грани метафизических проблем между судьей и осужденным, между всемогущим повелителем космоса и молодым корсаром, запертым в камере...

Айрт воскликнул — как будто это была его последняя ставка и последний довод:

— Вы задаете мне вопросы, ответы на которые вам заранее известны! Вы — великий адмирал, а я — всего лишь несчастный корсар, который скоро умрет. Но ответьте только на один вопрос: это т доклад, под названием ЗЕМЛЯ, который я передал вам два года назад — подписанный двумя именами: Морозова и Кэррола — что вы с ним сделали?! Вспомните! Я специально приехал сюда, чтобы передать его вам. Это было в день выпуска Колледжа. Тогда еще была попытка покушения на вас...

— Да, я помню о заговоре...

— Я был в толпе у подножия эскалатора. Меня ранило. Однако вам передали этот доклад, в нем была вся правда о положении на Земле!

— Думайте, что говорите! — оборвал его Кэррол.

Айрт вздрогнул: сейчас это был не обычный голос префекта, политика, это был голос человека, привыкшего повелевать, отдавать приказы в бою — голос адмирала! Сейчас, быть может, они смогут понять друг друга...

— Так вы утверждаете, что доклад, подписанный Кэрролом и Морозовым — доклад о Земле?!

— Да, утверждаю. Я получил его от Морозова, из его собственных рук. А почему вы спрашиваете?

— Потому что,— отвечал адмирал с необычным волнением,— такой доклад был на самом деле! Но вы ничего не могли об этом знать: его авторы покинули Сигму еще в то время, когда ваш маяк был в целости и сохранности! Итак, у вас в руках был документ, который мог бы изменить все. Так где же он?!

— Вы сами должны это знать.

— Берегитесь!

— Вы смешите меня, адмирал-префект. Подходит к концу моя последняя ночь. Ничто уже не может напугать меня... Да и вообще, я не из пугливых. Я продолжаю утверждать, я клянусь, что передал вам этот документ. Я не мог сделать это своими руками, так как был прикован к постели, но через посредника, который вне подозрений...

— А кто был посредником?

— Валеран Еврафриканский, последний земной принц королевской крови.

— Так вот,— сказал Ингмар Кэррол, произнося раздельно каждый слог,— я клянусь, что мне никто никогда не передавал этот доклад.

Они замолчали. Молчание было таким тяжелым и глубоким, что мужчины с удивлением услышали равномерный глухой шум: биение своих сердец...

— Великий Космос! — воскликнул Айрт Рег. Впервые с начала их разговора он побледнел и вынужден был прислониться к стене.— Это невозможно, я не могу в это поверить. Валеран, мой ближайший друг, которого я почитал за старшего брата...

— Послушайте,— сказал Кэррол, вставая,— если вы играете со мной, то вы лучший актер Вселенной. Но вы так близко от смерти, что я не вижу смысла в такой игре. Поэтому я вам верю. Но это значит, что Валеран... Нет, это невозможно. Во всяком случае, я должен допросить его.

— А он на Сигме?

— Он как раз в Центре Мутаций...
Они переглянулись, ошеломленные.

— Адмирал,— сказал Айрт,— это вопрос нескольких часов. Или даже минут. Не теряйте времени на меня. Летите в Центр.— Казалось, что это в порядке вещей: он отдавал приказы. А Ингмар Кэррол выполнял их! — Вы должны как можно скорее добраться до Башни. Конечно, он уже знает, что вы спускались в шахту и разговаривали со мной. Он должен предполагать, что вы уже узнали всю правду от меня. А находится он сейчас в Центре Мутаций, в самом сердце цитадели... Лишь бы вы успели...

— Да, но вы сами,— адмирал остановился на пороге,— вы забываете?..

— Что я приговорен к смертной казни, и что приговор — как это там говорится — обжалованию не подлежит?.. Да, я знаю. Но вы сами сказали: «Речь идет о будущем Земли». И это намного важнее, чем моя судьба. Ведь Талестра, Виллис — вся группа была направлена в Центр. Во имя Земли, торопитесь, адмирал!

Прежде чем переступить порог, великий предводитель космических эскадр обернулся. Он еще раз внимательно посмотрел на юное лицо, выражавшее смертельную тревогу.

— Я вернусь до рассвета,— пообещал он.

II

А потом?

Прошло несколько минут. А может, часов?

Арктур, солнце Сигмы — огромная двойная звезда. Ее планеты вращаются значительно медленнее, чем в Солнечной системе, а значит, дни и ночи намного длиннее...

Айрту Регу незачем было бороться с отчаянием — он толком не знал, что это такое. Когда дверь за адмиралом захлопнулась, он завалился на свою узкую кровать в камере смертников, вытянулся на ней и приказал себе спать. Точно так же он поступил бы накануне очередного боя. Он погрузился в глубокий сон, снились ему, как он и хотел, звезды и женщины. С гладкой поверхности темного океана подсознания, куда так глубоко погружаются люди во сне, приблизились к нему, в ореоле кружящихся огней, два прекрасных лица. Одна из незнакомок, с золотистыми распущенными волосами, дружелюбно улыбалась ему, а ее продолговатые зеленые глаза были беззаботны и веселы... Ее звали Талестра, как средневековую королеву.

А вот имя другой он произнес несколько раз. И на губах он почувствовал вкус пепла и меда, а потом ему показалось, что началось бесконечное мягкое падение, как это бывает в невесомости...

«Виллис...», прошептал он и неожиданно понял, что проснулся и сидит, свесив ноги с койки. (А в самом деле, почему ее звали Виллис? Кто-то сказал ему, что на каком-то славянском языке, давно забытом, так звали русалок, которые плакали и смеялись в ветвях ив...)¹.

Сквозь окно его камеры было видно небо, бледно-фиолетовое небо, и две последние луны, уже совсем бледные. Рассвет был близок. Айрту почему-то показалось, что этой ночью ничего такого не было, что Ингмар Кэррол не появлялся в его камере, что все это ему тоже приснилось. Это было вполне правдоподобно, к тому же, с какой стати ему было приходить?.. Однако, в воздухе по-прежнему чувствовался сладковатый запах схрауи.

«Что ж,— решил узник, когда понял, что это был не сон,— сейчас он уже должен быть в Парапсе; и каша заварится! (Парапс было уменьшительным названием, которое в народе дали этому необыкновенному заведению — Центру Мутаций Парапсихологического колледжа.) Если бы это чертова окно не было в действительности перископическим экраном, я смог бы предпринять что-нибудь. Надо же, я уже заранее погребен на сотне метров под землей. К тому же воображение у меня совсем не работает, и в голове пусто, как в трюме ограбленного корабля.— Он закрыл глаза.— Я знаю, что со мной: они не пришли в суд на мой процесс... Талестра была так несчастна и попросила Валерана увезти ее куда-нибудь. Но ведь и Виллис не пришла, и Валерана не было...»

Вдруг он вспомнил последние фразы, которыми они обменялись с Кэрролом, их недосказанные подозрения, и руки у него похолодели, а на висках выступил пот. Он напрягся изо всех сил, пытаясь связаться со «своей группой», но с самого начала заключения ему давали массу всяких успокаивающих средств — «для его же пользы», как они говорили — и теперь он не мог воспользоваться своими способностями слышать и передвигаться за границами реальной действительности... Он догадывался о причинах такого обращения с ним: кто-то раскрыл тюремщикам, что он обладал способностями мутанта.

Но был ли он на самом деле мутантом? Всякий раз, когда он доходил в мыслях до этого вопроса, его охватывало странное чувство стыда. У всех членов группы обнаруживались какие-нибудь сверхъестественные способности: Талестра была бесподобной ясновидящей, она прогуливалась по всем четырем измерениям, как по своему дому; Анг'Ри, например, несколько месяцев назад заметил, что на небольшом расстоянии может заставить кого угодно говорить все, что угодно; Морозов знал почти все на свете и телепортировался

¹ Собственно, в западнославянской мифологии — вилы. Виллисами их называет французская романтическая традиция.

с довольно большой точностью. А Виллис... О-о, Виллис могла залечить любые раны...

Ну, а сам он?

«Я могу сделать очень многое, но в очень небольшой степени, и ничего не могу в одиночку. Мне случалось побеждать Ночных, но мне помогали. Я умею погружаться в подпространство, но только с помощью других. А сейчас я совсем один. Почему же я так фатально одинок?..»

Вдруг до него дошло: даже стены тюрьмы источали угрозу... Он знал, что в эту старую тюрьму заключали самых опасных преступников с чужих планет: парапсихопатов из созвездия Скорпиона, газообразные субстанции из созвездия Змеи, всех телекинетиков, телепатов, левитантов. Никакие психические излучения не могли проникнуть сквозь стены подземной тюрьмы...

Все особые свойства группы были бесполезны перед этим препятствием! Айрт различил скрежет бронзовой двери в глубине коридора, затем тяжелые шаги; это были тюремщики. Он выпрямился и снова почувствовал на руках немного ослабшие магнитные наручники. Шаги приближались. Это за ним?.. Нет... Еще слишком рано, луны еще светили. Приоткрылся глазок на двери камеры. В застоявшемся воздухе глухо забулькали чьи-то голоса, словно пузыри со дна затянутого ряской болота. Один из голосов пробормотал:

— Ну что, старика прикончили?

— Да, вместе с его геликоптером. Его даже собрали потом по кусочкам,— ответил кто-то резким и хриплым голосом.— А сбили его прямо над Парапсом...

И эхо повторило: «Сбили... сбили...»

— Во всяком случае, он больше не будет надоедать нам, даже если его и в самом деле склеят из этих самых кусочков,— вставил третий голос, показавшийся Айрту невыразимо гнусным.— Но только не этим утром...

«Да это же Ночные»,— неожиданно догадался он. Истина была слишком простой, но явной и жестокой: он различал характерный акцент, усмешки, привычные выражения. Да, именно так они и разговаривали на борту своих кораблей, превращенных в настоящие блуждающие преисподние, на взбесившихся планетах, на завоеванной Земле. Большинство из них были телепатами, и он напряг свой мозг.

— Что, геликоптер попал в ловушку? — спросил первый голос.

— А уж это, старина, ты спроси у своего командира группы.

— Итак, мы начинаем?

— Да. Сады Парапса уже горят. Со двора виден огонь.

— И в городе кое-где слышны взрывы...

— И резервуары заминированы!

- И башня Центра?
- Да, это было бы неплохо. Все может быть.
- Что ж, операция МРАК началась!
- Во всяком случае, этой ночью пощады не будет.
- А сколько их?
- Трое. Один с Сириуса, какая-то обезьяна и землянин.
- ...И пощады не будет.

Они рассмеялись и удалились, стуча коваными башмаками. В конце коридора хлопнула другая дверь. Итак, Ингмар Кэррол заплатил своей жизнью за вмешательство в эти события. Айрт приказал себе больше не думать о могущественном старике. Надо было попытаться заглянуть в будущее — именно для того, чтобы помешать ему сделать это, они и затеяли весь этот разговор перед его дверью, и он тотчас узнал обычную тактику Ночных: любой ценой подорвать его веру в свои силы, сбить его с толку. Помешать ему думать о башне, в которой собиралась его группа... Ведь страх смерти должен был ослабить особые свойства. Однако, он постарался встремиться: «Ну-ну, точно ничего еще не известно. Они нарочно говорили все это. Они хотят, чтобы я сломался, стал типичным смертником, ползал у них в ногах, плакал и умолял: «Минутку, господин палач! Я невиновен, я...» Нет, этого они от меня не дождутся...»

Неожиданно он почувствовал какую-то слабую волну, очень слабую... мысленный призыв, идущий из самой тюрьмы... Ну да, они забыли закрыть глазок!

— Они придут за нами через четверть часа, — передала волна. — Вы ведь командир Айрт, да?

— А ты?

— Я Джелт, вы меня знаете, тот самый Джелт, которого Виллис когда-то вылечила, «самый маленький и самый слабый из «кузнецов». Но дело в том, что сейчас я и Джелт... и не Джелт... В общем, сами увидите. Я был на процессе, вы знаете, когда они вас приговорили — это она, Виллис, послала меня, сама она не могла прийти. Все сгруппировались, чтобы помочь вам...

— Я знаю, — пробормотал Айрт, и горячая волна благодарности захлестнула его.

— Я так хотел последовать за вами, так хотел! И вдруг я оказался в огромном дикаре, которого вели сюда. Этот дикарь тоже осужден.

— Не везет нам, малыш Джелт! — Айрту даже удалось выдавить из себя улыбку. — Но скажи-ка, а если тебе попытаться перебраться в моего соседа? А еще лучше... в охранника?!

— Я уже пытался изо всех сил. Но я не могу, командир. Я не знаю, как мне это удалось в первый раз. Может, было какое-то ключевое слово или жест? А сами вы не знаете?

— Нет...

Аирт подумал: именно это и было проклятием новой материи, несчастьем первых космических мутантов: их необыкновенные свойства проявлялись неожиданно, и далеко не всегда удавалось управлять ими...

— Послушай, Джелт, — сказал он, — попробуй думать о каком-то определенном предмете, я тоже буду думать о нем. Давай думать о Башне. Может быть, наша волна дойдет до нее.

— Но они говорили, что стены мешают...

— Ну и пусть. Все равно, давай попробуем.

Последовала пауза, в течение которой Аирт Рег сконцентрировался на изображении белой башни, сверкающей сверхъестественным блеском среди голубых и пурпурных садов Сигмы. Центр Мутаций. Убежище. Пристанище...

«Но если Валеран там...»

Не стоит думать о Валеране. И о прочем, что может привести в уныние или огорчить.

Не думать о стрелках, которые на всех часах системы Арктура неумолимо приближаются к неизбежному часу... к часу смерти...

Вот и заря.

Вдали снова послышались шаги.

Скрежещет металл. Огромный арктурианец, похожий на большого ангела, входит в камеру и объявляет, что он вынужден (любого арктурианца это приводит в ужас) зачитать приговор, форма которого была заимствована когда-то из уголовного права Земли. «Ввиду» проходят через весь текст обвинения, который разъясняет, что «вы, Аирт Рег, экс-аспирант, возраст — примерно 22 года, преступили все законы Свободных Звезд, виновны в нарушении статей XXX... XXXX... и т. д., в нападении с оружием в руках в космосе, в насилии, убийстве и в практике пиратства (среди прочих на корабле «Летающая Земля», который ранее... и на планетах созвездия Лебедя), подлежите наказанию смертной казнью — и этот приговор обжалованию не подлежит. Вам нечего сказать?» А что говорят в таких случаях? Его еще ни разу не пробовали умертвить легально. Один из охранников подсказывает ему, что это всего лишь формальность. Обычно говорят: «Ничего, господин прокурор». Некоторые кричат: «Да здравствует Земля!» или «Великий Космос!», или еще что-нибудь. Другие повторяют: «Я невиновен!» В таких обстоятельствах люди хотят заявить о своих убеждениях, часто абсолютно изживших себя, оставить после себя слова, которые отметят их конец и переживут их. Никто не кричит: «Да здравствует мой корабль такой-то!» или имя жены, матери, как смертельно раненые солдаты...

...И Аирт чувствует себя в одном строю со всеми бойцами, которые погибают на своем посту, но не теряют хладнокровия, и он пока еще не потерял его: видно, что чувство наивысшего всепрощения,

которое стирает морщины со лба распятого, которое придает детски невинное выражение лицам солдат, что остались висеть на колючей проволоке после боя, еще не коснулось его. Свое тело, которое считается мертвым с того момента, как произнесен смертный приговор, он чувствует все таким же молодым и живым, с его горячей кровью и гибкими мускулами. Только руки похолодели...

Пауза длится нескончаемо долго.

Адвокат, назначенный судом, покашливает.

Приговоренный смотрит на арктурианского прокурора и прищуривает глаза. Все арктурианцы немного телепаты, говорил Лес. Прокурор колеблется: все арктурианцы смертельно боятся насилия. Указы, которые он держит в руке, подписаны космическим префектом, эскадренным адмиралом Ингмаром Кэрролом. Но в этот час Ингмар Кэррол, несомненно, мертв. Не ведет ли это обстоятельство к автоматической амнистии? Да, но казнь назначена на рассвете. Правосудие должно идти своим чередом.

Правосудие?..

В коридорах тюремщики нетерпеливо переступают с ноги на ногу. Открываются другие двери, выводят других приговоренных. Процессия формируется и пускается в путь с той обязательной торжественностью, с той лукавой вежливостью, которые сами по себе являются предвестниками похорон...

«Смотри-ка, а здесь не подают стакан рома,— думает Айрт.— Если уж они так неравнодушны к ритуалу...»

Похороны? А разве могут похоронить после того, как превратят в пыль? Нет, в самом деле? Может, есть какой-то символический обряд?

Прибегает пухленький землянин, переводит дыхание. Это служитель культа одной из земных религий — казни на Сигме бывают редко, поэтому там нет должности штатного тюремного священника, и приглашают первого попавшегося. Троє осужденных продвигаются цепочкой между двух рядов стражников с мертвенно-бледными лицами, которые кажутся странно знакомыми. Священник подбегает к первому узнику и кладет руку ему на плечо — на то место, которое соответствует плечу. «Брат мой,— бормочет он,— меня посыпает к вам бог...» Узник поворачивает к нему лицо на шарнирах, но это не лицо — это куб из позолоченной керамики с острыми гранями. Это житель Беты Сириуса, его привычки вошли в противоречие с элементарными законами Сигмы. Его нельзя повесить — у него нет шеи. Нельзя убить током — он питается током переменного напряжения. Его разобьют молотком... Второй приговоренный — ревущая горилла (как это отметил Джелт, всегда отличавшийся тонким чувством юмора). Священник растерянно пятится, отступает и сталкивается с Айртом. Это человеческое лицо, такое юное, насмешливое, окончательно сбивает его с толку.

— Брат мой,— продолжает он автоматически,— я пришел, чтобы спасти вашу вечную душу... во имя Христа, или Будды, или Магомета... Послушайте меня! Молитесь! Неважно, какому богу... Раскайтесь...

— В чем? — спрашивает Айрт вежливо.

— А-а-а... так вы один из этих, несокрушимых!

Все-таки священник сует ему в руки четки. А что с ними делать? Самое главное сейчас — не показывать им, что его мозг страшно напряжен, что напряжение растет, что все его существо готово к последнему прыжку... а эти магнитные наручники держатся еле-еле. Главное теперь...

— А другой ведь тоже гуманоид,— вмешивается старший тюремщик.— Он не землянин и очень похож на обезьяну, но он уже на достаточно высоком уровне развития, стало быть...

— Возьмите эти четки, брат мой,— находится священник, обращаясь к обезьяне...

Кортеж снова пускается в дорогу. Только выходцу из созвездия Сириуса нечем помочь, ему не нашли служителя культа — может быть, у него и религии-то нет. Но на всякий случай ему тоже вешают четки на основание куба. В канцелярии суда приговоренным отдают их личные вещи. Айрт старательно натягивает свой шлем космонавта, повязывает на шею бирюзовый платок, который ему выдали в Колледже в день производства в космонавты. Как это там говорили, когда выдавали платки: «Будь доблестным, храбрым и чистым» или «Честь и верность»? В общем, что-то из этой оперы. Один конец платка уже обветшал и рвется. В стародавние времена матери и невесты зашивали в платки, как гласит обычай, какую-нибудь реликвию или молитву. Но у Айрта нет ни матери, ни невесты, ни жены,— есть только блестательная и жесткая Талестра, она без предрассудков. Однако он продолжает некоторое время поглаживать угол платка, ласкает его...

Венерианская горилла получает пакет дешевых крепких схрауи. Но она не знает, для чего они (ведь Джелт не курит). Она разрывает упаковку и погружает в пачку свою плоскую физиономию...

У выходца из созвездия Сириуса вообще нет рта и легких.

Кортеж продолжает путь под бронзовыми сводами.

Айрт думает:

«А ведь есть какая-то земная мелодия, похожая на все это. Бронзовое эхо, бледные тени, танцующие на сумрачном своде, мрачные и величественные толпы, шествующие под этими сводами... Кажется, это называется «Шествие на казнь» Берлиоза¹. Какое подходящее земное название!»

¹ «Шествие на казнь» — одна из частей «Фантастической симфонии» Гектора Берлиоза.

Наконец все оказываются в конце туннеля, где их ждет железный ящик лифта. «Для ящика, пожалуй, чуть рановато...» Чей-то незнакомый голос произносит удивленно:

— А что, внизу больше не казнят?

— Нет,— сухо отвечает адвокат.

— Помолимся,— говорит священник.— Святая Мария, Мать Господа нашего...

Говорят, что в минуты, предшествующие смерти, перед осужденным мгновенно проносится вся его жизнь. Но Айрт уже вспоминал совсем недавно сожженный астероид, свою исчезнувшую семью, нескольких товарищей и несколько битв. Как, и это все?! Какая же она короткая, эта жизнь! Да, мне всего лишь 22 года. И она уже кончена. Ну-ну, разве только это было в моей жизни? Были еще две или три взбесившиеся планеты, мертвая принцесса, несколько поцелуев Талестры, которые уже потеряли вкус соли и морских раковин. И это все?.. И душа его протестует. Да нет же, есть Лес, Морозов, товарищи, великое дело, великий порыв... А Виллис! А я умираю, как это абсурдно!

И вот они уже в кабине лифта, напоминающего железный ящик — судьи, узники, священник и несколько охранников, которые, несомненно, и есть палачи. Почти все лица без особых примет и мертвенно-бледны. Итак, Ночные победили... и на Сигме тоже. В этой тесноте Айрт чувствует лапу гориллы, которая касается его руки, грани сириусского куба царапают ему висок... Как смешно будет умирать, я всегда был так одинок, а теперь нахожусь перед смертью в этом зверинце... Его рука машинально касается платка, и он узнает защитный в нем предмет: это ветка коралла в форме креста, которую Виллис недавно нашла в заоблачных пещерах Антигоны...

Лифт медленно поднимается по темной шахте.

— Как долго,— говорит арктурианский прокурор, он обмахивается чем-то похожим на крыло.

— Повторяйте за мной: «Святая Мать Господа нашего...»

— Св'М...— бормочет горилла.

— Гуль-гуль...— вырывается откуда-то из сириусца.

— Я уже заявлял протест! — неожиданно надсаживается от крика адвокат.— И я снова заявляю об этом! Заставлять проделывать такой маршрут, да еще в таких условиях, существа, которых вот-вот... это бесчеловечно! Это даже антизвездно! И все это только потому, что какая-то древняя традиция созвездия Волопаса гласит, что «преступники должны быть казнены на свежем воздухе!» Как будто в казематах нет воздуха! Или его нет в центре города! Так нет же, нужно искать его за городом!

— Успокойтесь, мэтр,— говорит Айрт сочувственно.— Мы нормально переносим все это, спасибо.

- Вы умрете, примирившись с Господом! — объявляет служитель культа.
- И потом,— звучит голос третьего охранника,— нельзя же дезинтегрировать человека в туннеле...
- Дезин...о! — У адвоката нет больше слов.— А я думал, что будет еще и молоток...
- Успокойтесь. Есть и молоток.
- Ах, как долго...

Орбита Омикрона в созвездии Волопаса. Двое мужчин в помещении центрального поста космического корабля, который блокирован там на время карантина вместе с тысячей других кораблей. Один из мужчин, сидящих у пульта межпланетного переговорного устройства, невысокого роста, худощав, черноволос, похож на мушию с живыми глазами. Другой (весь его облик отбрасывает холодный блеск) похож на одного из ангелов, на одну из хрустальных статуй, которые заселяют планеты Арктура. Единственное, что отличает его от них — суровый взгляд и земное, человеческое выражение лица... Он ходит по рубке взад и вперед, нервно похрустывая суставами пальцев.

Неожиданно приемник оживает.

«Созвездие Волопаса. Солнце Арктур. Планета Сигма. Цивилизация земного типа.

Всем-всем-всем!

Как мы уже с прискорбием сообщали во время нашей последней передачи, двухместный геликоптер с космическим префектом упал, объятый пламенем, в окрестностях Центра Мутаций. Командующий эскадрами тяжело ранен. Следствие продолжается, предполагается заговор.

Охвачена пламенем башня Парапсихического колледжа, а также ряд различных публичных заведений. Пожар распространяется по садам Самарры. Одновременно раздаются взрывы в различных частях города. Исчезло много высокопоставленных чиновников Сигмы ... (помехи)

Учитывая смертельную угрозу общественному спокойствию и звездному порядку, Совет Пяти решил передать всю полноту исполнительной власти в руки его высочества принца Валерана Еврафриканского. Принц проходил службу под знаком Двойной Звезды Арктура в должности... (помехи).

Будут приняты жесточайшие меры, чтобы подавить мятеж. На рассвете состоится казнь следующих преступников и мятежников:

Гадойи, венерианца, поджигателя.

Квексцитлкхха, с Тау Сириуса, проникающего в чужие мысли.

Айрта Рега с Земли, дезертира из арктурианских эскадр, космического пирата...»

— Да это какое-то безумие! — воскликнул человек небольшого роста, которого звали Иван Морозов. — Это просто дурацкий спектакль...

— И ты хочешь, чтобы мы и дальше сидели здесь в карантине? — спросил тот, кого звали Лес Кэррол.

«Ах, как долго. Я хочу спать. Какая чушь. Это же последние минуты в моей жизни... а я хотел так много сделать... и я страдаю не от того, что ничего не успел, а потому, что моя рука прижата к кубу сириусца... и потому, что мне надоели лицемерные рассуждения этих людей. Джелт не может вступить в переговоры, он совсем растворился в этом слишком тяжелом для него теле. Да, именно Виллис зашила крест в мой платок... в тот последний вечер в созвездии Скорпиона, когда она проверяла наше обмундирование. А тогда она сказала: «Ничего не бойтесь, двигатели выдержат». И еще: «Я бы никогда не подумала, что вам может быть так плохо...»

И еще, позже: «Айрт, мы — существа с непредвиденными возможностями. Никакая тень, или мечта, или порыв не должны встать между вами и Талестрой...» В этот момент я должен был заключить ее в свои объятия и закричать... Но я не сделал этого. А сейчас слишком поздно. Виллис, я сейчас умру. Губы мои уже мертвые. И все-таки, я вас целую и думаю о вас».

Лифт поднимается на поверхность. Какое-то бесцветное небо. Склонившиеся ветви деревьев. Открывается дверь фургона. Их заталкивают внутрь. Айрт чувствует, как его нога проваливается в какой-то податливый перегной...

Потом он видит: перед ним пустырь прямоугольной формы. Пожар, а может быть, рассвет, окрашивает горизонт в пурпурные тона. В глубине площадки стоят три столба. Сириусец опускается на землю.

Воздух Сигмы мягок и свеж, как только что сорванный плод. Воздух свободы...

Чей-то запыхавшийся, но ясный голос начал разговаривать с ним, как только он оказался на поверхности:

— Соберитесь с силами, Айрт! Думайте о побеге, о свободе! Как вы это там делали, чтобы нырнуть в подпространство?! Да, я знаю, вам давали наркотики, ваши способности ослаблены, но вам помогут, Айрт! Кто поможет? Да все мы! Да прежде всего я. Вы что же, не узнаете меня? Я же Виллис...

— Ну что, поехали, ребята? — сказал старший охранник.

Сириусца пришлось нести. Он уже начал понемногу рассыпаться...

И вот их привязывают к столбу. Веревки такие шершавые. Но живые...

Священник протягивает к ним какой-то предмет, похожий на ветку коралла.

— ...Айрт, покиньте эту вселенную. Она больше не существует. Бегите к нам. Вас зовут, вам помогут...

— Нет, не надо завязывать глаза, — говорит Айрт.

— Н'пл... — говорит горилла.

У сириусца нет глаз.

Охранники занимают свои места.

Дезинтеграторы поднимаются. Потом настанет черед сириусца.

— Да здравствует Венера! — неожиданно ревет горилла. Потом тонким голосом: — Да здравствует Земля!

И еще:

— ...Земля мутантов!

— ...Эта вселенная больше не существует. Есть только вы и я. Я вызываю вас. Я люблю вас, Айрт!

Залп.

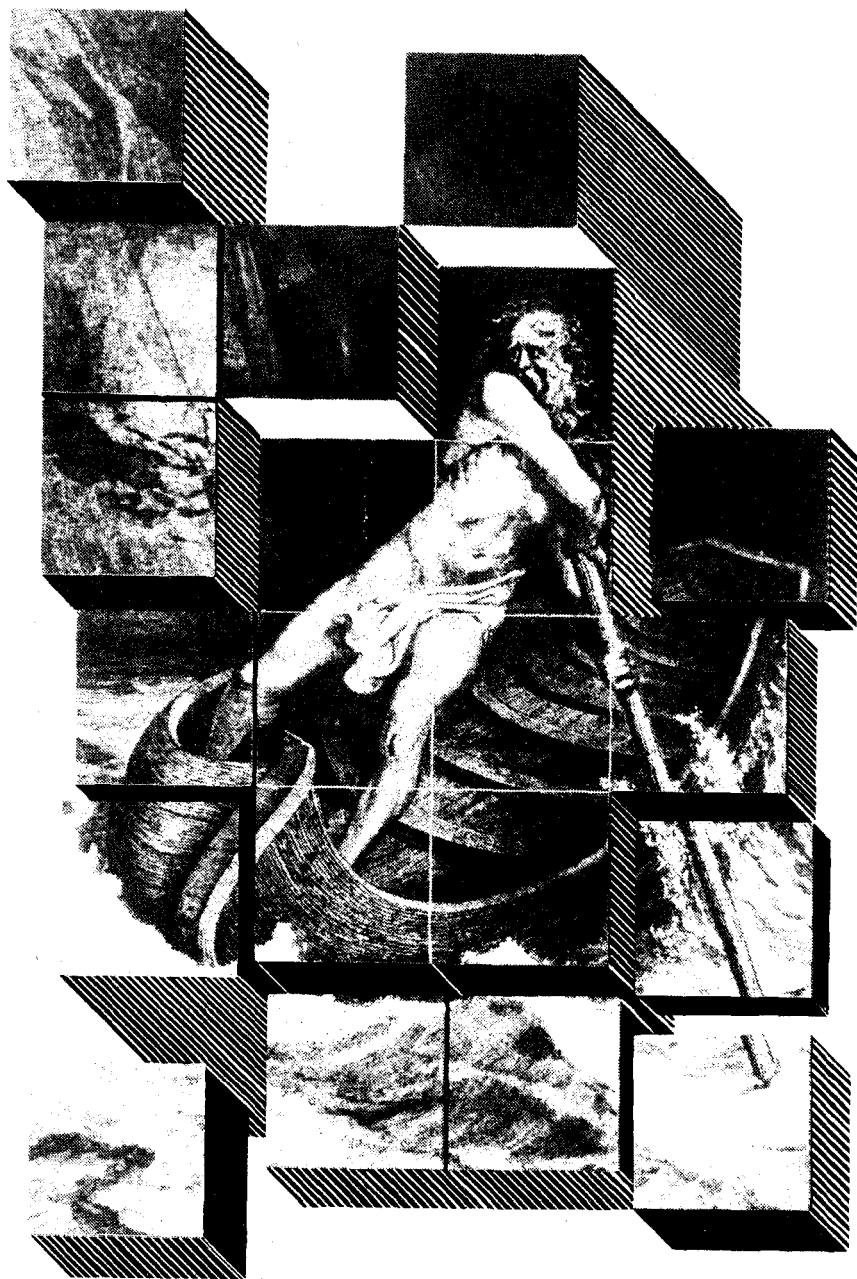
Через несколько секунд настор чувствует себя совсем плохо. Арктурианский прокурор стонет в углу тюремного двора: завтра же, нет, уже сегодня, он подает в отставку...

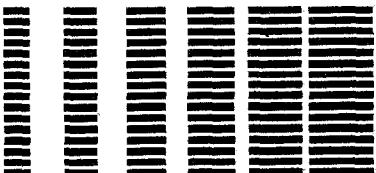
— Интересно, — говорит старший охранник, рассматривая странный черный отпечаток, как будто инкрустированный в камне, которым покрыт двор в том месте, где только что произошла казнь. — А мне казалось, что столбов три...

А их оказалось только два.

БЕЗОПАСНОСТЬ

А что, если я назову вас
Сатаной?
Ведь мы играем в Фауста...
Поль Валери «Мой Фауст»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Два зеленых миндалевидных глаза на треугольном кошачьем лице. Гибкое худое тело, вьющаяся шевелюра цвета спелой ржи. Талестра не думает... она видит.

Сначала было повальное бегство.

После «последних событий на Земле» (они всегда бывают, эти «последние события») не оставалось ничего другого, как спасаться бегством. По крайней мере, если у вас были человеческая душа и нервы. И, естественно, возможность убежать. У нас она была, эта возможность — какой-то разведывательный корабль ограниченной вместимости, в него должны были набиться, как сельди в бочку, женщины и дети. Корабль располагал минимумом горючего и ничтожными запасами провианта. Для дыхания можно было рассчитывать лишь на небольшую гидропонную оранжерею и несколько кислородных аппаратов. Многие пассажиры были ранены, умирали один за другим уже в полете, и их выбрасывали за борт. Другие склонялись с ума и сами следовали за ними. И, в конце концов, корабль плыл в бесконечности, набитый кучей трупов...

Да, так обычно и бывало. Но, к счастью, никто не мог об этом знать заранее. И никто не мечтал о возвра-

щении на ненавистную планету, такую желанную — и потерянную навсегда...

Даже я не мечтала.

У нас почти не было багажа — и фальшивых удостоверений личности тоже не было. Мы не хотели подводить (даже если погибнем, и те, д р у г и е, найдут на борту разбитого корабля наши невесомые тела) тех, кто оставался на Земле. У одной это был муж, сражающийся на каком-то неизвестном фронте, у другой — потерянный ребенок, у третьей — больные или престарелые родители. Те, кто не мог улететь.

Из всей нашей огромной семьи до космодрома удалось добраться только четверым: моей матери, мне, моей молодой тете и ее младенцу. Мне кажется, что тогда, среди этой сумасшедшей толпы, именно младенцу Юрию и мне, которая в 11 лет была больше похожа на лягушонка, удалось решить судьбу нашей группы. А может быть, моей матери — кто знает? Эта молодая фурия с перекошенным от ярости лицом схватила Юрия поперек тела, меня — за плечо, сильно ущипнула и приказала: «Орите!» Мы заорали. Тетя тащила за нами сумки. Мы спотыкались об ужасные почерневшие тела, скользили по липким зловонным лужам... Юрий был синий от крика. Мы пробирались именно к этому кораблю, где был начальник космодрома, сквозь толпу исступленных людей. Я еще помню (это уникальное в своем роде зрелище, оно произвело на меня огромное впечатление среди всех криков, в красных расплывчатых отблесках пожарищ), как люди боязливо расступались перед нами. В центре космодрома стоял небольшой белый столик. Вокруг него были расставлены четыре легких дезинтегратора, направленных в разные стороны, а огромные черные собаки с вытянутыми грустными мордами лежали среди разбросанного оружия и лениво лизали покрасневший бетон... Начальник разговаривал с мужчиной огромного роста, затянутым в черный пластик. На фоне покрытого заревом пожаров неба четко вырисовывался мертвенно-бледный профиль, в разрезе его глаз было что-то восточное, как и во всем выражении его лица и в изгибе губ кофейного цвета. (Я потом слишком часто встречала на самых различных лицах эти несмыываемые признаки и знаю, что их нельзя отнести к какой-либо определенной расе. Речь идет о признаках определенного клинического состояния.) В отличие от сопровождающих его людей, вооруженных до зубов, у гиганта в руке был только хлыст из бычьих жил, и его сухое пощелкивание по камню как бы подчеркивало его слова. Я рассыпалась:

«Иностранцам из-за пределов Солнечной системы нечего здесь делать... полнейшее уничтожение... будут ликвидированы...»

Выражение невероятной скуки делало это лицо абсолютно нечеловеческим.

Но моя мать решилась атаковать это чудовище, крича:

«Пустите меня! Пустите меня! В городе чума, по трупам ходят!

А мои дети здоровы, они после прививки, вы слышите, как они кричат?! Болезнь поражает в первую очередь легкие, да?! Но эти мальчики боятся, а когда Юрий чего-нибудь пугается — это катастрофа...»

Начальник бросил исполненный покорности взгляд в сторону затянутого в черное гиганта.

— Эти детки, должно быть, страшно живучи — а в сумках, наверное, грязные пеленки. Пропустим?

— Пропустим.

— Надо же, чтобы кто-нибудь подыхал и в космосе! — съязвил, оскалив зубы, высокий чернокожий охранник.

Вот таким был наш пропуск в будущую жизнь.

Когда мы оказались на борту этого кораблика, поразительная житейская хватка моей матери и то, что она называла «своими связями» (случайные любовники, просто чувствительные люди, охранники, получившие взятку) помогли нам занять крохотный служебный отсек, где старшие стали выяснять отношения.

— Если ты думаешь, что я потащу тебя через всю галактику, — сказала мать тете, — то ты напрасно надеешься. Неизвестно даже, сможет ли Юрий приспособиться — я стащила в муниципальной лаборатории кое-какие тесты. Незачем тебе говорить, что это не для него — а условия, в которых он родился, не предвещают ничего хорошего!

— Ах, если бы мы могли остановиться на Уране, — прошептала тетка, всхлипывая. — Там мама...

— Ты высадишься на первой же планете, где мы сделаем остановку! — отрезала мать. — Необходимо избавиться от большинства пассажиров до того, как корабль вырвется в большой Космос. Здесь слишком мало воздуха. Эти водоросли и традесканции ничего не стоят с точки зрения фотосинтеза. Идиотка, перестань стоны! Ты хотела покинуть Землю — что ж, ты ее покинула! Или ты надеешься долететь до Сигмы в созвездии Волопаса?!

— Но ведь вы, Ксантия...

— У меня, — воскликнула мать, приподнимаясь на цыпочки, — у меня свои расчеты! Ты ничего не знаешь об особых возможностях Талестры, она родилась в момент прохождения кометы с максимальным уровнем тяжелых частиц в хвосте. И это моя дочь. Так ты что, хочешь, чтобы она продолжала путь без своей родительницы?!

На этом месте она неожиданно умолкла и выскочила в коридор, чтобы распространить свою идею о высадке бесполезных ртов. Тетя Элла, бледная и как-то сразу сдавшая, неожиданно заснула с Юрием на руках. Я же, насколько помню, пошла прогуляться. Не знаю, при чем здесь тяжелые частицы, но я умею проделывать некоторые

вещи, от которых у людей лезут глаза на лоб. Этот небольшой кораблик был каким-то странным: он был тесным, как обычный лунный грузовик местного сообщения, но кое-где виднелись замаскированные дополнительные мощные двигатели. Всюду блестели экраны и механизмы, чьи совершенные линии напоминали экспонаты в музее земной космонавтики. Все это было похоже на семейный геликоптер, переоборудованный для межгалактического перелета. Я попробовала пройти в рубку управления, но все пути к ней были перерезаны, а я еще не могла как следует управлять своими способностями. А жаль!

Тогда я «вернулась в свое тело» и решила затесаться среди пассажиров, напиханных в жилых отсеках, как сельди в бочке. Они жаловались или ругались, их мысли были весьма примитивны. Присев отдохнуть в похожей на нашу каюту, я неожиданно обнаружила очень старого мужчину — ему было не менее пятидесяти лет. Я удивилась, что ему удалось попасть сюда, а потом поняла, что он один из этих многосторонних людей — он был одновременно и астрофизиком, и археологом, и астроботаником и т. д. Он был худеньким, кожа — цвета сухого дерева, щупленьким, как кузнецик. На нем не было ничего, кроме набедренной повязки фиолетового цвета и огромного монокля в глазу. Он прижал к себе, словно бесценное сокровище, очень старую книгу в футляре. Пока я вертелась около него, он вытащил нечто совсем не похожее на наших классиков на микропленке: пачку переплетенной бумаги, структура и запах которой напоминали сухие лепестки розы. То, что он прочитал, было похоже на музыку:

...Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины...¹

Он сделал паузу, рассматривая меня через свой монокль, и это было так странно, что я не могла произнести ни слова. Тяжело падавшие фразы больше не были слышны, и я была уже на пороге каюты, но в то же время я очутилась в диком лесу, «дремучем и грозящем», среди сказочных зверей. Я чуть было не вскрикнула, картины мгновенно изменились, но остались все такими же тревожными: я увидела прямо перед собой какую-то темную дверь, похожую на люк космического корабля. Я увидела полустертую надпись на каком-то языке, который я понимала, совсем не зная его:

Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколеньям².

¹ Данте, «Ад», песнь первая, 1—3 (перевод М. Лозинского)

² Там же, песнь третья, 1—3.

И я тотчас поняла: это была та самая дверь, через которую мы вошли. А спускаться с горы нам придется по этой дороге.

Я отпрянула: несомненно, это была книга черной магии! То, чего больше всего боятся на Земле...

И я сказала голосом, который не был моим:

— Но это же не учебник по астроботанике!

— Да, — согласился незнакомец. — И тем не менее, это прекрасная книга.

— А у вас есть разрешение на ее вывоз?

— Ну, конечно; — он погладил страницы. — Каждый имеет право провезти полтора килограмма. Моя одежда ничего не весит. И я взял эту книгу...

— Она приносит пользу?

— Конечно. Эта книга рассказывает о человеке, который в давно прошедшие времена пережил то же, что и мы: попал в ад и вернулся обратно.

— Что ж, — сказала я, — это позанимательнее, чем астроботаника. Не почитаете ли вы мне еще что-нибудь оттуда?

— А что тебе хотелось бы услышать?

— Только, пожалуйста, не надо никаких ужасов, нам их и так хватает. Если можно — что-нибудь о существах с крыльями, как у ангелов, блестательных, невозмутимых и очень чистых душой. А возможности у них пусть будут безграничны...

— А ты видала таких?

— И довольно часто — во сне.

Я подумала немного. (Его мозг излучал только доброжелательность и любопытство.) Потом продолжала с рассеянным видом:

— Пилот нашего корабля — охож на одного из них.

— Да? Так ты встречала Леса? Нет, это невозможно, он ни разу не выходил из рубки, а ты всего лишь маленькая лгунья. Но, поскольку у тебя такое богатое воображение, слушай дальше.

И он начал читать (или петь — это было не совсем ясно) о таких событиях, которые вызвали перед моими глазами массу странных образов: гигантскую золотую спираль, покрытую кровью; бесконечность, разделенную градусами параллелей и меридианов, перекрещивающиеся вспышки и северное сияние... А под ним копошились невиданные чудовища, гигантские осьминоги, видения из ночных кошмаров. Огромные высокомерные фигуры поднимались из пла- мени. Они были похожи на лилии или на сами языки пламени ослепляющие-белого цвета... Я узнавала некоторых, будто уже видела их в каком-то прошлом, которое было, возможно, чьим-то будущим. Особенно знакомыми показались мне одна или две из них. Я поняла, это о них шла речь, когда зазвучали строфы:

И с ними ангелов дурная стая,
Что, не восстав, была и не верна
Всевышнему, средину соблюдая¹.

Однако я обрела свое обычное хладнокровие, когда маленький старичок наклонился и заглянул мне прямо в глаза.

— Ты видишь все это, не так ли? — сказал он.

— И разные другие вещи! — ответила я, показав ему язык.— Но я никому не говорю об этом.

— Почему?

— Потому что я волшебница с тяжелыми частицами, вот так-то! Я отбыла, прыгая на одной ноге.

В то время, как он кричал мне вслед:

— Малышка, как тебя зовут?! Скажи мне! Скажи...

А потом последовал толчок, и мы приземлились. На Сатурне.

Экраны отражали бледный полумрак, в нем мерцало Кольцо. Планета казалась неясным темным пятном где-то внизу. Моя мать куталась в легкую шубку из крыльев бабочек голубого, оранжевого и зеленого цвета, которую я раньше у нее наверняка не видела. Лицо у нее было загримировано, словно для какого-нибудь торжества — с позолоченными ресницами.

— Грязная посудина! — воскликнула она, прокладывая себе проход через толпу.— Мы садимся, потому что у нас нет горючего. Горючего всегда не хватает, но не при такой же несерезной склонности, как у нашего...

Она заставила меня взять с собой страшного игрушечного тираннозавра в сапогах: в его пластиковый живот она зашила все драгоценности и документы.

Нам всем пришлось выбраться из трюмов, из дортуаров, из кают, и экипаж ничем не мог нам помочь. Да и был ли тут экипаж? Казалось, что кораблем управляют роботы. Пассажиров собрали на посадочной площадке под куполом. Хотя здесь и был искусственный климат, холод пробирал нас, и я дрожала под моим зеленым анакондой. Дети не плакали, даже Юрий. Окружающее очаровало нас — и разноцветная планета, и странное, постоянно меняющееся небо.

А потом явились миражи или то, что нам сперва показалось миражами: повсюду оказались разверстые черные пасти дезинтегра-

¹ Там же, песнь третья, 37—39. Согласно апокрифическому преданию, неоднократно отраженному в мировой литературе (Дж. Мильтон «Потерянный рай», А. Франс «Восстание ангелов»), часть ангелов под предводительством Люцифера — Сатаны восстала против Бога и была низвергнута в преисподнюю. Но некоторые ангелы, не присоединившись к восставшим, не выступили и в защиту Бога. Согласно Данте их не принимает ни рай, ни ад.

торов, направленных на нас. Они выплюнули каскад пламени, он поднялся вверх и превратился в гигантское покрывало, оно зависло над нами, но не опустилось. Но самое страшное было еще впереди. Появился чудовищный зверь из Бездны (тот самый, из последней части Библии)¹. Это была черная, цвета сажи, спираль, странно и страшно живая, с когтями и щупальцами. У нее были три ужасных лика: один из них был одутловатым, язвительным и каким-то женственным. Другой был мертвенно-бледным, как у Черного Человека с космодрома на Земле. Третий — я не смогла узнать, он мне еще не встречался, — был ужасным и прекрасным одновременно, как маска Горгоны. Из живой спирали вылезли гигантские клешни, которые, казалось, могли объять весь горизонт. Все завопили. Тетя Элла хотела убежать вместе с Юрием, но мама удержала ее. Несожиданно динамики корабля с некоторым опозданием объявили, что на Сатурне желательно ни о чем не думать, так как газообразные частицы Кольца отражают все мысли... И что Зверь из Бездны на самом деле не существует. И в самом деле, он исчез, а в воздухе появилась идиотская бутылка молока гигантских размеров... Не успела закончиться эта фантасмагория, как раздался чей-то крик:

— С-сложить ор-ружие!

Это тотчас напомнило нам Землю, и мы все разом бросились на камни, как хорошо обученные собаки. Уткнувшись носом в гравий, я слышала, как тетя Элла повторяла, всхлипывая:

— Так что же это, они всюду?.. На всех планетах? Почему же мы сели здесь, ну почему?..

И снова послышалось:

— С-сдавайтесь... или будете уничтожены!

— Они сейчас все сожгут огнеметами, — сказал кто-то совсем рядом. — Надо хотя бы укрыться...

И мы поползли назад. Это было не очень-то удобно — по обледеневшим камням. На краю платформы был люк. На Земле я научилась скатываться куда угодно: я свернулась в клубок, спрятала лицо в согнутый локоть: было не так больно. Мы едва успели скатиться в какую-то канаву; там, наверху, люди уже горели, отблески пламени проникали под мои прикрытые веки... Еще я услышала голос матери, которая звала меня:

— Таль, где ты? Таль!

Она держала меня за шею, и я не могла пошевелиться и отозваться. Присев на корточки около тети Эллы, мужчина-женщина с Дежанира (их было не так уж мало среди эмигрантов — у них бывали высокие покровители) повторял, как автомат:

— Подвиньтесь, свободная гражданка. Немного места для Коко. Подвиньтесь...

¹ «Откровение Св. Иоанна Богослова», гл. 17.

А моя тетя укрыла своим телом Юрия, чтобы защитить его. А со стороны платформы шел огненный дождь...

Когда огонь погас, и сирены своим воем объявили конец тревоги и посадку, многие остались лежать на земле... А мы с мамой — нет. Я потянула за рукав тетю Эллу, но она стала какой-то тяжелой. Голова у нее запрокинулась, и я увидела, что глаза ее закатились...

— Оставь ее, — крикнула мать. — Она мертвa... Ты же не хочешь, чтобы мы здесь подохли, как она, как другие идиоты?! Сейчас же идем со мной, или я улечу без тебя?!

Я знала, что без меня она не улетит, что я нужна ей, по крайней мере, пока нужна... Но в 11 лет мы еще глупы, а тетя Элла была такой тяжелой, такой тяжелой... Когда я уходила, мне показалось, будто я все еще слышу тонкий задыхающийся голос Юрия, похожий на мяуканье котенка...

Мне показалось, что кто-то звал меня, искал меня на платформе. Кто-то могущественный, кто не знал моего имени.

Кто-то говорил:

«Где же эта малышка, которая так здорово умеет врать?..»

Пока мы шли к кораблю, со мной произошла гнусная история: я как будто оказалась в теле какой-то маленькой девочки, которая была раздавлена, как клоп... Я чувствовала, как из меня лезут кишкi...

Я была совсем больна. Мама подхватила меня.

Мы улетели, и теперь нам было уже не так тесно.

Потом мы сели на Уране. Никто не хотел выходить. Но на этот раз сломался двигатель. Кто-то утверждал:

«У нас на борту мутанты. Нас заманили — как дичь».

(Нужно было делать вид, что мне неизвестно, есть ли мутанты на корабле.) На космодроме, где охранники собирали нас в одну колонну, мама закричала благим матом, и кто-то подошел к нам. Она прыгнула на шею к какому-то незнакомцу, а я держалась в стороне с большим достоинством: не люблю такие демонстрации.

— Идиотка, — сказала мама, — поцелуй его. Все-таки, это твой отец.

Я никогда не видела его, кроме как в костюме астронавта, а здесь он носил «кожу-пластик», на нем не было его звезд, а лицо покрывала многодневная борода. Мне показалось, что он очень молод — ведь в пространстве не стареют. Он смотрел на мою мать, не высвобождаясь из ее объятий, потом он сказал со странным выражением лица:

— Почему вы прилетели в этот ад?

— А ты думаешь, что в Риме или Париже лучше? — спросила она язвительно. — Люди мрут, как мухи, если только их не убивают.

А что, я сказала нечто запретное? А ты сам, чем ты здесь занимаешься? Я думала, что ты на одной из планет Арктура, туда мы и направляемся.

— Ты забываешь, что здесь моя мама...

— В колонии зараженных радиоактивными элементами, конечно же? Меня тоже постоянно тестировали. Но это все такая ерунда...

Казалось, что он не слышит ее. Он спросил:

— А Элла с вами?

— Нет, к счастью, нет.— Она ущипнула меня, чтобы я молчала.— Эта идиотка родила... радиоактивного ребенка. К тому же, я тебя предупреждала, твоя семья мне надоела! Там мать, здесь Элла! У меня виза на Сигму Арктура, самую подходящую из земных колоний — ведь у меня дочь, которая... ну, не будем об этом. Да, это и твоя дочь. Нет, не может быть и речи о твоих домочадцах. Завтра этот чертов двигатель починят. А мы сможем, я думаю, найти комнату в отеле этого сумасшедшего города. А завтра... завтра будет видно.

— Что ж, ты права,— сказал отец, подняв нашу сумку.— Мож но, конечно, найти комнату в отеле и даже целые пустые отели. На Уране это единственное, что можно найти...

Беглецы направились к куполу. Мы пошли за ними. Под куполом мы обнаружили славный городок. Местность напоминала земную, за тем исключением, что в садах росли амбра и индиго, а гидропонные бассейны кишили пурпурными водорослями. Низкие домики утопали в оранжереях. Отец объяснил нам, что растения жизненно необходимы, ведь атмосфера Урана, состоящая из аммиака и метана, непригодна для жителей Земли. К тому же, ее постоянно потрясают страшные ураганы. И в самом деле, за светящимися стенами проносились ужасные вихри, и их воронки, казалось, соединяли планету с самой бесконечностью...

Воздух под куполом был свеж, повсюду благоухали розовые мимозы и деревья, похожие на эвкалипты. Мы подошли к первым жилым домам, и даже мать умолкла, настолько это было впечатляюще: город был пуст. Абсолютно.

Мертв.

Мы вошли в первый попавшийся особняк — большой и красивый. Он тоже был пуст. Отец объяснил, что так повсюду. Сам он прилетел часов десять назад, но так никого и не встретил, кроме охранников на космодроме, они загоняли беглецов обратно на корабли... Можно было свободно ходить по всему дому. Что мы и сделали. В пустых комнатах тонкий слой пыли покрывал мозаику, раскрытые книги, увядшие цветы в хрустальных вазах. Казалось, дом покинут только что, еще подавалось электричество, а в холодильниках лежали продукты.

— Ох, уж эти провинциалы! — ворчала мать, откидывая взгля-

дом залы, отделанные драгоценными камнями.— Надо же, и они стали жертвами! И героями! А ведь они жили припеваючи...

— Ты забываешь, что они подвергались постоянной опасности нападения!

— А на Земле?!

Тут и другие беглецы стали занимать дома. Они радостно растекались по улицам, засаженным экзотическими деревьями и цветами. Истощенные, обессилевшие, волоча за собой своих малышей и свои скромные пожитки, они заполняли светлые домики. Слышался смех и радостные возгласы. Дети начали играть с брошенными игрушками.

Очень скоро выяснилось, что эти «ваньки-встаньки» и «ихтио-заврики» были полны внутри (как и мой тиранозавр) и набиты деньгами, драгоценными камнями и документами... Всем этим бесполезным грузом, без которого нельзя ни дышать, ни двигаться в цивилизованном мире! Жители Урана были уже давно готовы к... к тому, что произошло!

Взрослые отобрали игрушки и заперли их. Все-таки они немного опасались. А если «те» вернутся?.. Но состояние эйфории было всеобщим. Подумать только: из кранов текла горячая вода! А в шкафах лежало чистое постельное белье! После всех этих ужасных дней, этих ночей — постельное белье! После всех этих ужасных дней, этих ночей на ревущих космодромах, после бегства на кораблях, набитых так, что они готовы были лопнуть, и после отвратительной интермеди на Сатурне... они наконец-то перевели дух! Должно быть, город был оставлен жителями в панике, все постройки были невредимыми. Если эти люди вернутся, им все объяснят...

Отец был хмур. Он посетил колонию радиоактивных. Эти люди утверждали... Но кто будет слушать радиоактивных? Мама обнаружила в шкафах целый ворох радужных туник по последней моде, золотые котуры и парики — розовые, пепельные, оливковые... Она начала примерять их перед зеркалами. Отец поцеловал ее, потом они зашептались. Конечно, ведь они были такими молодыми...

Я довольна, что в моей памяти моя мать, которая не любила меня (она не любила никого, кроме себя) осталась именно такой: в золоте и жемчуге, в котурах с крыльышками, восхищенно глядящая на себя и свою прическу в серебряном зеркале...

Я играла с куклой, которую назвала Юрием.

И пришла ночь. А ночью под планетарным куполом две трети освещения погашены. Полумрак стал каким-то неверным, обволакивающим. На город опустилась невероятная тишина: на поверхности Урана не было заводов, не было ничего такого, что могло бы ее нарушить. А завывания ураганов не проникали через стены купола.

И тогда мы услыхали... Да, я забыла сказать о том, что в городе все же кое-что не работало — движущиеся тротуары и эскалаторы.

Потом я поняла: их выключили специально, чтобы помешать бегству... Итак, в тишине, казавшейся космической, мы услыхали откуда-то издалека — шаги... шаги... шаги! Неожиданно погасли все огни, и стали слышны глухие удары, глухой стук в двери вдоль улиц; он отдавался эхом сто, тысячу раз. Сначала далеко, очень далеко, потом все ближе и ближе...

— Это жители возвращаются, — сказала моя мама довольно неуверенно. — Все те, кто покинул город...

Потом раздался первый страшный крик. И первый огненный залп. А потом застучали и внизу — в нашу дверь...

...Ночь. Ночь, озаренная пламенем. Город, превращенный в ад. Кто-то сказал: «Мы в аду. Это Ночные...»

Но никто не видел то, что вижу я в темноте: черные, фосфоресцирующие силуэты быстро заполняют весь дом. Вооруженные огнеметами, излучателями, дезинтеграторами. Но кожа у них не черная — с головы до ног они затянуты в черный пластик. Это как кошмарный сон — хочешь проснуться и убедиться в том, что на самом деле всех этих ужасов нет, но ничего не получается — проснуться невозможно... Но это не люди. Не думающие и чувствующие существа. Не потому, что у некоторых щупальца и перепончатые крылья. А потому что...

Нет, я не могу это выразить.

Они излучают ужас.

Захватив дома, они выгоняют беглецов на улицы, сгоняют их в стадо. Несомненно, они кого-то или что-то ищут... Их мертвенно-бледные лица с закатившимися зрачками, как это было с тетей Эллой, наклоняются вплотную, рассматривают лица пленников. Мама, сверкая своими драгоценностями, подталкивает меня вперед, и тут до меня доходит, что пора уносить ноги. Толпа незнакомых людей оттирает нас от отца, мое лицо находится на уровне их колен, и их прерывистые, приглушенные голоса слышны где-то у меня над головой:

— А, и вы здесь!

— Да, видите, никто не может этого избежать...

В этой толпе были астронавты, покорители космоса в наручниках, женщины, дети, старики. Разыгрывались гнусные сцены: летные знаки отличия срывались и топтались ногами, приклады обрушивались на залитые кровью лица... А потом хлестнули лучи пламени, рассекая жалкое стадо. Моя мама вскрикнула: черный коготь вонзился в ее обнаженное плечо, и я увидела отца, неожиданно появившегося из мрака. Его юное лицо было залито кровью. Я хотела крикнуть им: «Спрячтесь, исчезните в ночи, не время играть в благородство, мы попали в злосчастную полосу времени!»

Я не успела. Неожиданно мама вытолкнула меня на свет.

«Вот моя дочь, она чудовище, возьмите ее!!!» — кричала она.

А может быть, она не крикнула, а только подумала?.. Но мне и этого хватило. В голове у меня бились все эти крики, предсмертные хрипы, ужасные мысли... Я вывернулась, упала посреди лучей пламени, инстинктивно поползла в сторону, в темноту...

Вдруг надо мной склонилась чья-то тень. Чей-то голос (или мысль?) прошептал мне в ухо: «Обними меня за шею». Я послушалась. Зрачки у меня остановились от ужаса, но видела я все вокруг довольно ясно: полусгоревшие тела — они извивались, как раздавленные слизняки, волосы горели, как факел; розовую желеобразную массу на мостовой, которая еще дышала... «Держись крепче за шею...» Я видела и его самого. Он не был похож на человека — скорее, на статую из хрусталия и льда. Его космическая форма была белого цвета, а волосы искрились. В этой толпе, подгоняемой безжалостным пламенем, где друзья были разъединены и не могли помочь друг другу, где матери отрекались от своих детей, в свалке, где слабые были растоптаны толпой, этот чужак продвигался как-то очень быстро, с маленькой девочкой, повисшей у него на шее, словно ягненок...

Неожиданно мы оказались вдалеке от центра, прямо у стены купола. Вдоль нее шел длинный ров — он был наполнен какой-то серой массой. Мне стало страшно при мысли, что это такое... Казалось, наступил конец света: под черным, низким и тяжелым небом, среди воплей, хрипов, ругани и беснующихся огненных бичей...

Я никогда это не забуду.

...Не знаю, почему я не сошла с ума. Я смотрю и вижу: какой-то землянин раздирает свою одежду и падает лицом вниз; другой во весь голос поет псалмы; еще один перегрызает себе вены — и смотрит на текущую из них кровь. Одетая в белое женщина падает, поскользнувшись, на нее тут же со всех сторон набрасываются воющие тени... Мой спаситель закрывает мне рукой глаза. (Не стоит видеть некоторые вещи: увидеть их — значит умереть, а я не должна умирать, по крайней мере, пока не должна.) Голос (или мысль?) говорит мне: «Держись малышка, сейчас начнется!» Неожиданно белый астронавт бросается ничком на дно рва, увлекая меня за собой. Огненные смерчи скрещиваются в ночи где-то над нашими головами. Хорошо еще, что «они» не применяют дезинтеграторы. У меня идет кровь из носа, а рот забит этой серой хрустящей массой. Но мы живы — мы вовремя упали. Своей теплой и липкой от крови рукой незнакомец привязывает меня к себе широким ремнем, и мы медленно ползем по дну рва, заполненного пеплом. Да, по тому, что совсем недавно было тысячами жизней, тел, любящих сердец — по этой порошкообразной массе... по человеческому пеплу! Наконец мы упираемся в решетку, которую мой спутник с трудом отодвигает.

Люк. Шахта. Лестничные пролеты, теряющиеся в темноте.

— Не бойся,— говорит мой спутник.— Это старый круговой путь, им пользовались до сооружения купола. А теперь он поможет нам.

— Я не боюсь! Я мутантка!

Он тихонько смеется и усаживает меня на выступ в стене, блестящей от селитры.

— Ты — мутантка, и объявляешь об этом первому встречному?!

— Мне хочется кричать об этом! А вы — не первый встречный!

— Так ты меня знаешь?..

Он наклоняется надо мной. В слабом свете фосфоресцирующих камней он кажется очень красивым. Но инстинктивно я стараюсь не смотреть в упор на совершенный изгиб его губ, брови вразлет, золотистые арктурианские глаза — признаки неземного совершенства, неземного происхождения, от которых мне потом будет так плохо...

— Ну конечно,— говорю я, стараясь не выдать свою растерянность,— я прочитала ваши мысли: вы Лес, сын Ингмара Кэрролла, он — что-то вроде Правителя... в каком-то мире... о! Очень далеко. У вас там города из кристаллов и два солнца. Но это не самое главное, не так ли? Главное то, что вы командуете странным космическим кораблем, который ищет... Не пойму, что именно...

— Так ты прочитала все это?!. А еще что?

— Ничего,— отвечаю я жалобно.— Не забывайте, что нас немного пощипали...

— Господи, спасибо! — восклицает он.— Ведь это был мой последний шанс! За год я искоlesил все пять континентов Земли, у меня не осталось надежды — и вот на обратном пути я нахожу мутантку! Кто же ты? Ясновидящая, левитантка или повышенно чувствительная? Да ты и сама, наверное, не знаешь! Но мы не должны терять времени.

Он приподнял незаметную с первого взгляда плиту на выступе и достал из тайника свой шлем астронавта и небольшой скафандр из легкого пластика.

— Надень его,— сказал он.

— Так вы знали, что мы будем здесь? — спрашиваю я с легким чувством разочарования.

Он усмехается:

— Я — нет. Кое-кто другой, он тебя немного знает.

— А, стариашка небольшого роста с книгой, которая, как и он сам, готова рассыпаться?!

— Ну-да, если бы Морозов мог бы тебя сейчас слышать! Ну, давай, я понесу тебя.

— Я сама могу идти,— возразила я с достоинством.

Но он не слушал, он устроил меня на своем плече и быстро пошел

вперед в полнейшей темноте подземелья. Мир вокруг нас превратился в ад, но я чувствовала себя в полной безопасности, я пошла бы за ним куда угодно...

Неожиданно подземный ход привел нас на берег гигантского темно-зеленого озера. Оно казалось мертвым (потом я узнала, что его называли Озером Времени). Черно-фиолетовая ночь Урана раскручивала свои спирали. Я спросила:

— А что, надо войти в эту воду?

— Да.

— Она такая густая. Вы уверены, что она не отравлена?

— Ну и что? Это самый короткий и безопасный путь, которым можно добраться до нашего корабля-исследователя.

— Так он и вправду называется «корабль-исследователь»? Как здорово! Я вижу что-то похожее на пузатую ракету с острым наконечником: им, кажется, можно прошить насквозь все звезды. Вы посыпаете вездеход, который и исследует планеты?

— Да, что-то в этом роде.

— И в опасных местах вы собираете определенных людей, да?

— В одном древнем земном языке — мертвом, но очень красивом и благородном, было слово «с п е р о», — сказал он. — Кажется, это означало «надеюсь».

— Как это мило с вашей стороны — считать меня надеждой Земли!

— Ну, такой напыщенный слог не по мне... Что ж, пошли?

— Да, конечно.

И снова начался спуск вниз. Тяжелая, непроницаемая темно-зеленая вода сомкнулась над нашими головами. Как только мы начали спуск, я поняла, что передо мной мрачное космическое кладбище: глубины озера были «заселены» обломками, антенны старинных ракет переплетались между собой, и то там, то здесь виднелись корпуса спутников с зияющими пробоинами.

Тут были останки техники всех видов и всех времен — начиная со старинных плоских дисков незапамятных времен, аэродинамических ракет с зеркалами и солнечными батареями, которые применялись космонавтами XX века; были непонятные механизмы немыслимой спиралеобразной формы, построенные по геометрическим законам чужих звездных систем и, наконец, современные звездолеты, у которых мы даже смогли различить названия. Озаренная догадкой, я поняла, что Уран был средоточием космических катастроф. Постоянно меняющаяся, таинственная планета вызывала, должно быть, в пространстве движение наподобие всасывания, и оно притягивало корабли... а трупы поднимались к поверхности, заставляли там и еще долго плавали в этом озере Смерти...

Незнакомец остановился и снова привязал меня к себе, на этот раз — стальной проволокой.

— Я не боюсь! — повторила я.

— Ты уже говорила об этом, но твои мускулы недостаточно сильны. А мы не можем позволить себе ни малейшей ошибки: мы входим в зону сильных циркулярных течений. Там есть нечто похожее на чудовищный зев, который втягивает воду с большой скоростью. Это какой-то выход из недр планеты. На твоем месте я бы закрыл глаза.

— Да, но вы — это не я.

Мы вышли на что-то похожее на широкий проспект, усеянный останками недавних катастроф, на которых еще можно было различить названия, хорошо известные всей Земле: «Блестящий», «Ослепительный», «Победоносный». Длинные побеги водорослей, которые облепили их со всех сторон, вытягивались в одну сторону. Неожиданно «проспект» перешел в просторную «площадь», что-то вроде цирка, окруженного ноздреватыми скалистыми уступами — и я чуть было не вскрикнула от ужаса: в се они были здесь. Я узнавала товарищей моего отца, которые когда-то приходили в наш дом, я узнавала такие веселые тогда лица, такие живые, и фигуры, которые я видела когда-то на экранах телевизоров и голограмб.

Мы попали на собрание мертвых космонавтов!

Да, все они были здесь. Они стояли, удерживаемые весом свинцовых подков, в своих старых доспехах, обожженных пламенем и изъеденных кислотами... И те, которые попали в адское поле притяжения планеты-ловушки, и те, у кого не хватило воды или горючего в космосе, и спасатели, посланные спасти хотя бы те крохи, которые еще можно было спасти. Герои, жертвы, корсары — все они стояли здесь. Некоторые тела были изуродованы, в доспехах зияли страшные пробоины, а лица — сожжены или искашены грибом ужаса... Их медленно качало подводным течением. Ах! Астронавты, земные астронавты...

Мой спутник должен был знать многих из них; он, казалось, тоже застыл в оцепенении и стоял с отсутствующим видом. Потом он подошел к какому-то зыбкому силуэту, у которого не было лица.

— Это Орс, — сказал он глухим голосом. — Мой первый пилот с Земли. Я узнаю его по швам на доспехах. После вынужденной посадки в пустыне Аль-Нилам у нас не оказалось исправной брони для него, и мы просто заварили прорехи в его доспехах золотом его обручального кольца. Он только что женился, и его молодая жена осталась на Земле. Он тогда еще взял отпуск, чтобы встретиться с нею — и вот он здесь.

Он был так заворожен этим зрелищем, что мне пришлось самой потянуть за проволоку.

— Пошли, — сказала я, — мы ведь ничем не можем помочь ему. Как вы думаете, стоит ли оставаться здесь так долго! Я не сильна в химии, но я чувствую, что эта вода насыщена угольной кислотой.

Она хорошо сохраняет трупы, однако, мы не заметили здесь ни одной живой рыбы или краба...

И вот что превращало это сорище в ирреальное: у большинства мертвецов были заметны, в основном, следы ран, полученных в боях. В то же время в этой «толпе» были видны доспехи, напоминающие раковины и ракообразных, здесь были тяжелые железные ошейники (не знаю толком, как они называются), а сквозь открытые люки виднелись трупы существ неизвестных времен с неизвестных галактик...

— Да, — согласился мой спутник, — пошли отсюда.

Но соблазн остаться и посмотреть еще был слишком велик...

И тут я поняла:

Там, под скалами, под охраной мертвецов, находился гигантский всасывающий зев — воронка, которая выходила вовсе не в недра Урана, может быть, даже не в эту вселенную. У притягательной силы, исходящей от нее, была та же сущность, что и у мыслей, нет, скорее, тяжелых флюидов Ночных, и напрасно я пыталась оградить себя от них — они овладевали мной, и я неожиданно начала понимать вещи странные, неопределенные, ужасные, смутно различимые в потемках подсознания — вещи, которые не поддавались точному определению и шли откуда-то извне; которые заставляли начать разрушение всего окружающего, убить все живое, а перед этим — все унизить, осквернить, растоптать. Все эти низменные чувства были абсолютно чужды, но в любой момент могли овладеть нами. Уже сама эта мысль была невыразимо ужасной, и у меня вырвался крик:

— Да, но как же им удалось проникнуть сюда, проникнуть в город?!.. Им, Ночным!!!

— Замолчи! — прошептал мой спутник. — Ты знаешь уже достаточно много! Ради бога, хватит!

Он плыл, и я — за ним, на прицепе. Циркулярные течения вокруг нас стали сильнее, вода закипела, и мы были вынуждены пристязаться к скалам, как мертвецы, а мой спутник по пояс утопал в какой-то крутящейся взвешенной породе...

— Это пепел, — объяснил он. — На Уране все попадает в Озеро Времени.

Как будто для того, чтобы подтвердить его правоту, огромный черный столб, несомненно, продолжение внешнего завихрения, опустился на скалы, и тут, вне себя от ужаса, я увидела, что он состоит из каких-то знакомых фрагментов... Дно Озера приподнялось с глухим бульканьем, будто какой-то омерзительный глотательный спазм пронесся по нему... Черный столб протянулся к центру озера, прошла секунда, он втянулся туда и распался, выбросив прямо на нас изувеченный труп. Я узнала одного из красавцев-космонавтов нашей группы. Его доспехи были раздавлены чудовищным давле-

нием, как яичная скорлупа, разинутый рот застыл в беззвучном крике. За ним последовало тело женщины с длинными голубыми волосами, они обмотались вокруг лодыжек космонавта — Тристан и Изольда в стране ужасов...

Нет. Я, конечно, не узнала в них своих родителей. Но почему-то начала кричать:

«На помощь... на помощь! На ПОМОЩЬ!!!»

Я не могла остановиться. Вцепилась в белые доспехи...

А потом, как всегда, неосознанно, я совершила свое любимое маленькое волшебство — прыжок.

В пространстве и во времени.

II

Я не перестаю спрашивать себя: что происходит во вселенной, когда мы колдаем? Остается ли след в пространстве, когда мы перемещаемся? Является ли наша энергия конкретной материей, которая заполняет его, или мы создаем то, что называется «узлами» и «складками»? И ни на один вопрос нет ответа. Во всяком случае, в озере Времени я оставила после себя здоровенную прореху. Я еще кричала, а мы уже были в кабине космического корабля-исследователя. И он уже летел в открытом космосе...

Обо мне заботились: кто-то вставил в левую ноздрю пластиковую трубку, из которой поступал кислород, а мое правое предплечье жег укол. А глухой шум, который я приняла сначала за волнение озера, оказался ропотом пассажиров. Они хотели вышибить люк и ворваться в рубку, они кричали, что на борту корабля чума... Хрустально-бронзовый голос, совсем непохожий на голос гуманоида, произнес по радио небольшую речь: «Нет, на борту не было чумы, просто одна пассажирка, впервые попавшая в космос, плохо переносит невесомость. Обычная история. Ее лечат. Уважаемым пассажирам лучше сохранять спокойствие, учитывая небольшой запас кислорода на борту, устойчивость гравитационного поля — и все такое прочее. Нет, сейчас не представляется возможным произвести посадку — корабль пересек фотосферу». Придя в себя, я поняла, что не стоит напрасно возбуждать публику. Я зажала рот рукой и спрятала голову под подушку.

— Вы плачете, малышка? — произнес странный певучий голос моего спутника.

— Нет, ничего страшного. Это... из-за людской трусости...

Да, это было невероятно: блистательные космонавты, которые давали себя сжигать без сопротивления, моя мать, которая отдавала меня (ничего себе звучит, а?) Ночным... женщины и дети,

превращенные в пепел, и два связанных трупа... соединенные навечно! Но я не собиралась реветь всю оставшуюся жизнь. Я отбросила подушку и уселись на своем ложе. Кислородная трубка вывалилась и поплыла. Казалось, что весь экипаж корабля, в нарушение правил распорядка, собрался в рубке: мой пилот из льда и хрусталя, радиоэлектронник, изысканный брюнет механик-кибернетик и знакомый интеллектуал со своей фиолетовой набедренной повязкой, своим Данте и своим моноклем.

— Хочешь, я почитаю тебе «Рай», — предложил он вкрадчиво.

Я энергично замотала головой:

— Вы что, верите, в Деда Мороза?

Выражение лица у старика стало грустным. Он уселся на край моего ложа и, казалось, задумался:

— Ты спрашивашь, верю ли я в бога. Да, верю. Или, вернее, я верю, что я верю. Вследствие политической необходимости, из альтруизма и потому, что плохо переношу состояние невесомости. В этой античной трагедии такова судьба нищих и людей благоразумных...

— Мор, — сказал пилот, — вы — сама любезность, но зачем вы разговариваете с этим напуганным ребенком, как с коллегой из Парapsихического колледжа?! Она не знает, что такое трагедия. К счастью, конечно! Ведь ты не знаешь, что такое...

Он не закончил фразу, но я прочитала продолжение в его мозгу и достаточно метко выдала ответ:

— Трагедия? Это будет в тот день, когда забудут, что нас были миллионы... и наша история будет излагаться высоким стилем в двенадцатистопных стихах. Это будет происходить во дворце, в бассейне с искусственным подогревом, никто не будет болеть дезинфекцией, и докладчик покинет нашу с вами историю как раз в тот момент, когда мы должны будем сгореть в пламени огнеметов или нам вспорят животы, и ночь поглотит нас. Но именно в этот момент и начинается истина. Что доказывает, что все трагедии — шлюхи.

— Великий микрокосмос! — выругался астроботаник, а следом и прочие. Механик и радист разглядывали меня, разинув рты. — Сколько тебе лет?

— Следует заметить, — сказала я, прижавшись к стене, которая начала мелко дрожать, — что я не интересовалась вашим возрастом. Как и вашими именами.

— Она права, — вмешался пилот. Он рассмеялся, и в рубке как будто взошло солнце. А я уже ругала себя: «Я не знаю, что в моем распоряжении удар молнии. Еще рано. Надо себя сдерживать...»

— Свободная гражданка, меня вы уже знаете. Я командую этим кораблем. А это ученый-эксперт нашей экспедиции Морозов Иван, сын Петра, из Арктурианской Академии Наук. Далее — элек-

троник Гейнц Шталь и специалист по кибернетике Даг Моррис. Мы, конечно, совмещаем обязанности. Именно мы и составляем экипаж корабля, который прозвали за его форму «Летающая игла», и нам, соответственно, 24, 50, 25 и 26 лет. Мы прилетели сюда — я имею в виду Солнечную систему — чтобы попытаться спасти хоть что-нибудь. Я думаю, вы можете доверять нам.

— Я думаю, мне не остается ничего другого, — в тон ему ответила я со всем возможным достоинством. — Вы тоже должны доверять мне, так как я потеряла в этой заварухе моего тиранозавра с документами. Меня зовут Талестра Новак. Через восемь месяцев мне исполнится двенадцать лет. Я всевидящая мутантка, а также немного телекинэистка.

— Нунк димиттис! ¹ — воскликнул Морозов. Это было так же непонятно, как если бы он выражал свои мысли по-русски, но он весь прямо-таки светился. — Наконец-то я вижу одну из них!

— Да знает ли она сама, что это такое? — осторожно осведомился кибернетик. — Ведь она не так уж чудовищна на вид...

Ничего себе! А как же они себе это представляют?! Что я, должна быть похожа на диплодока?!

— Знаю, — отвела я, пародируя манёру старика, — по крайней мере, считаю, что знаю. В самом деле, будущее человечество — это мы, а гомо сапиенс (к присутствующим это, конечно, не относится) является чем-то вроде диплодока — он на пути к вымиранию.

— О... Ого!

— Повторяю — к присутствующим это не относится. Но я про должна мою речь: Ночные называют нас «проклятием», а ученые-ортодоксы «панацеей от земного Зла». Нас, носителей наследственных мутаций, мало а Земля вдруг стала нуждаться в нас. Такие свойства называют «особыми возможностями». Вот, например, я свободно читаю в ваших головках, что вы думаете, будто я сумасшедшая — может быть. Тем не менее, я договорю до конца! Я могу предвидеть будущее и даже переноситься в пространстве и во времени. До сих пор мне удавалось пересечь одну или две перегородки, замедлить один или два часа и переносить небольшие предметы. Но эти «возможности» проявляются внезапно и развиваются очень быстро — случается, что они буквально «вспыхивают», как Новая. Ночные считают нас опасными, и мы действительно опасны для них. Поэтому они и преследуют нас на Земле и в космосе. Что касается меня, то моя мама однажды неосторожно показала меня в психоаналитическом цирке, и буквально через день городок, в котором мы жили, был разрушен до основания. Но, как будто совсем

¹ Nunk dimittis — Ныне отпускаши... (лат.), Евангелие от Луки, 2,29; слова старца Симеона (который не мог умереть, не увидев Сына Божия) при виде младенца Христа. Выражение употребляется как формула разрешения от тяжелого долга.

случайно, я не захотела в этот день идти в цирк, а попросила вывезти меня на природу... У нас есть союзники, даже во вражеском лагере: нам достали поддельные документы, а потом прилетел ваш корабль. Но...

— Но потом был Уран,— сказал старичок.— Я вот думаю, не была ли эта западня устроена специально, чтобы перехватить мутантов...

— То есть материю с отклонениями,— дополнила я,— чудовищ или гениев, которые появляются в определенные, решающие эпохи. И не я заявляю об этом, а новый Земной кодекс. В параграфе XXXXXXXX указано: «Это сверхчувствительные, телекинезисты, электромагнитники, ясновидящие и изменяющие пространство». Мне ни разу не приходилось встречать изменяющих. Между прочим, мне кажется, они должны быть забавными...

— Так вот,— сказал кибернетик (он обращался не ко мне и говорил, часто переводя дыхание) — значит, эта малышка была бы чем-то вроде полезного чудовища... я хочу сказать: полезного для Земли. Она сможет поддерживать связи между мирами и свободно погружаться в подпространство?..

— Во всяком случае,— сказал мой старичок,— так думают Ночные. Вы же знаете, как они охотились и за нами с самой Земли!

— Да, но...— сказал электроник, он вдруг стал очень осторожным.— Если я правильно понял, мы подвергаемся особой опасности, взяв ее на борт корабля?..

— Конечно,— ответил Лес.— Но это была наша задача. Мы отправились в полет, чтобы попытаться спасти «надежду Земли».

— Н-да. Но та ли она, за кого себя выдает? Поймите меня правильно, командир: все мы дали галактическую клятву, и «умереть за свое созвездие — счастливая судьба»... Но надо еще узнать, действительно ли мы погибнем за правое дело. А если Ночные ошибаются? Вы же знаете — им чуть не удалось уничтожить нас: они превратили всю планету в ловушку. А если... я не знаю, как лучше выразиться.

— Ну,— сказал Лес,— говорите.

— Я думаю... эта девочка утверждает, что она может путешествовать во времени и в пространстве, предвидеть, переносить вещи на расстоянии и так далее. Но все это только слова. Она не может представить никакого вещественного, так сказать, доказательства!

— Никакого...— как это, повторил кибернетик.

— Да?! В самом деле?!

Я сказала это равнодушным голосом, но, честное слово, они пересекли всякие границы! Это заставило меня сделать то, чего я терпеть не могу: одно из моих маленьких волшебств — путешествие во времени назад. Рубку заволокло туманом, я парила в бесконеч-

ности и за один миг снова пережила агонию на Уране, бегство, ров с пеплом, озеро. Я услышала свой крик «На помощь!» и разжала руку...

Оттуда посыпались разные штуки: горсть серого пепла... длинная гибкая водоросль, которая зацепилась за мой скафандр в озере, женские волосы — обгоревшие, липкие от крови — из шевелюры Изольды, которая хлестнула меня по лицу... наконец, личная бляха космонавта, изъеденная кислой водой Озера Времени, на ней еще сохранились лоскутья его кожи. На кусочке металла можно было прочитать: Орс, арктурианские эскадры. И дата — 2995...

Я бессильно опустилась на руки Леса Кэррола, он повернулся к своему экипажу.

— Оставим ее в покое, — сказал он, — Отныне я отвечаю за нее... перед всей вселенной.

...Они думали, что я сплю.

Все они были здесь и сидели под огромным колпаком светильника-отражателя, их единственной защитой от вечной космической ночи, похожие, несмотря на окружающую их звездную бездну и световые века, на горстку древних мореплавателей — греков или финикийцев с блестящими ожерельями из звезд и раковин, на королевских корсаров, на первых космонавтов в их неуклюжих ракетах.

...А вокруг был все тот же корабль, и его изможденный груз глухо роптал — усталые матери, оцепеневшие дети, побежденные и раненые солдаты. А за моноатомными переборками корабля — безбрежная пустота, она была заполнена потоками космических частиц, энергетическими каскадами, раскаленными метеоритами. А еще дальше мерцали звезды со своими свитами из мрачных планет — мифические туманности — тот самый большой космос. И люди думали, что завоевали его, проложили по нему пути, поняли его закономерности... еще в 1980 году!..

А в нашем XXXI веке по новому летоисчислению они обнаружили, что ничего о нем не знают и точно так же не знают об этом химическом заводе с непостоянными процессами, об этом протеиновом атоме — человеке. Пространство бороздят тяжелые звездолеты, залетая иногда и в подпространство, ну и что с того? Гомо сапиенс превратился в космического скитальца и в мутанта, ну и что с того?

Все равно изученная часть вселенной была всего лишь островком в мире хаоса...

И все-таки, эти четверо решили довести свое дело до конца. Это был, в общем-то, обычный экипаж автоматических кораблей: электроник был выходцем с Марса, кибернетик — с какого-то малоизвестного спутника Плутона. Лес Кэррол объединял в своем лице потомков выходцев с Земли с древней арктурианской расой, о которой Библия рассказывала в весьма странных выражениях... Один Морозов был землянином. А весь экипаж был тем самым «первым развед-

отрядом», заброшенным в бесконечность, чтобы спасти Землю.

Я рассматривала их сквозь полуопущенные веки. Светильник-отражатель освещал лица, искажая черты, углубляя глазные впадины, укрупняя мускулатуру. И становились заметнее присущие каждому черты характера: Лес был похож на классические статуи греческой или римской работы, Морозов — на добродушного старичка-лесовика, а двое других — то на гномов, то на раздраженных обезьян. Очертания космических доспехов терялись в тени.

— В глубине души, — сказал электроник, который обычно с опозданием выражал общие мысли, — я так до конца и не понял, почему, собственно, начали искать этих самых мутантов...

— Ночные?

— Нет, мы.

— Я мог бы на это ответить, — сказал Лес очень спокойно, — что под солнцем Арктура есть Совет Пяти, указы которого обсуждению не подлежат. Но это не было бы правильным ответом. Вы видели, что происходит на Уране, на Сатурне и на Земле. Вы знаете, что опасность велика. Мутанты — это грозное оружие.

— Так что же, эта маленькая девочка...

— Речь идет не о конкретной маленькой девочке, а об особой расе, которая обладает невероятными возможностями. В том числе, может превратиться в настоящую батарею. Нет, речь идет не об отдельных индивидах, которые, собравшись вместе, образуют готовое к действию соединение, а о чем-то вроде сообщества, братства. В рамках самой группы индивиды независимы. Я думаю, что... что это как раз то, что на заре цивилизации называлось владычеством, господством; позже эти термины потеряли свой смысл.

— Я слыхал... — начал кибернетик. И замолчал. Облизнул губы. Прошло несколько секунд, и он продолжил мысль, словно какая-то неведомая сила заставляла его говорить:

— Там на Земле... говорят, будто на Сигме есть какая-то станция, где делают таких вот существо. То есть мутантов.

— Даже на Земле пытались этим заняться, — подтвердил Лес. — Но безуспешно. Еще в XX веке. Эксперименты удаются, когда нужно создать двойные георгины или мышей с хвостом, торчащим, как штык. Но опыты с мозгом никогда не удавались. Мутанты 3000 года обладают свойствами, которые можно обозначить как Духовные. Эти силы могут проявляться самым невинным образом: они могут принимать вид такой маленькой девочки, неизвестной молекулы, простой песчинки. Но это первая песчинка в лавине пророчества... И эти самые Ночные, что подчинили себе Солнечную систему и оспаривают могущество у самих Свободных Звезд, знают это. И боятся. А Центр на Сигме — место небывалой концентрации мутантов.

— Можно задать вопрос и по-другому, — продолжал электроник. — Наша подготовка на Сигме была ускоренной, а на Земле мы

оставались недолго. Мы даже не знаем точно, кто нас преследует...

— Ну, задавайте, задавайте ваш вопрос.

— Так кто же такие Ночные?

— Мор,— сказал Лес,— вопрос к тебе. Объясни им.— Он сделал что-то вроде официального представления.— Профессор Морозов по таким проблемам спец.

Лица повернулись, полускрытые тенью, к ученому.

— Что ж,— сказал он,— это всего лишь теория. Но она начинает принимать реальные формы...

Я уже знала, что он единственный в своем роде ученый. И когда он заговорил, мне стало ясно, что объяснение его адресовано, скорее, экипажу, чем мне.

Вот что он сказал:

— Видите ли, следуя стаинным теориям, наша галактика существует примерно 5 миллиардов 900 миллионов лет, а человек на Земле появился, по крайней мере, 50 миллионов лет назад. Первые памятники письменности относятся к периоду, отстоящему от нас примерно на 15 000 лет, и я еще делаю значительный допуск. В течение этого времени цивилизации рождались, развивались и умирали. Люди изобрели колесо, ткацкое ремесло, открыли огонь, расщепили атом, завоевали планеты — и это всего за несколько тысяч лет, прошедших с момента появления волосатого первобытного человека, который жил в пещерах и питался сырым мясом. Хорошо, а раньше? Что было в эти 49 миллионов лет, за которыми последовал расцвет? Что было до неандертальца, царя Хаммурапи, Амбруаза Парэ и Эйнштейна?.. Есть ли уверенность, что на земном шаре не было никакого другого разума, кроме известного всем Гомо сапиенса?

После того, как была открыта жизнь на других планетах, мы поняли, что такая уверенность была бы смешной и глупой.

Скорее всего, на этом очень старом земном шаре существовали бесчисленные цивилизации, от которых не осталось никаких следов. И вся история Земли состоит из этих исчезнувших атлантид, разрушенных дотла — но в результате чего, каких катаклизмов?.. Мы никогда ничего не узнаем об этом. Единственным свидетельством этих событий являются вот эти противоречивые теогонии: Библия, иероглифы пирамид, Пополь-Вух...

И вдруг наступает эта передышка, которая длится 15 000 лет. Тысячелетия медленного и тяжелого продвижения вперед, прерываемого катаклизмами — но, все-таки, мы прогрессируем: от синандропа до доктора Швейцера, и далее!

Прошу извинить меня за то, что я употребляю термины и цитирую имена, которые вам абсолютно ничего не говорят, но они имели немалое значение в прошедшие века.

Так вот, прошли 15 000 лет истории до расцвета человеческого величия. Это было слишком хорошо, чтобы длиться вечно!

— Вы считаете, — сказал кибернетик, до которого, очевидно, не все сказанное дошло как следует, — что Земля уже переживала периоды прогресса, похожие на нашу эру? И что все разрушили катаклизмы... и что сегодня мы находимся на пороге такой же эры всеобщего разрушения?

— Возможно, — сказал Морозов. — Не обязательно, конечно, но вполне возможно.

— Но откуда тогда, — спросил электроник, — этот промежуток в 15 000 лет?

— Нам неизвестна длительность промежуточных периодов между катастрофами. К тому же, разве я утверждал, что речь идет о всеобщем правиле? Такое обобщение было бы ошибкой. — У Морозова был виноватый вид.

— У нас есть документы за последние 10 000 лет. В то же время, начиная с восстановленных папирусов и кончая хорошо сохранившимися документами хаотичного XX века, с которого и началась современная нам эра, начиная с мраморных изваяний Парфенона и кончая микрофильмами о последних столкновениях в космосе, мы видим множество неоспоримых свидетельств о страшных войнах и катаклизмах, которые были в той или иной мере ослаблены обстоятельствами или которых общество смогло избежать! И какая ужасная цепь этих приливов вырисовывается перед нами!

Ну а тот бич, который разоряет теперь наша планету, мы называем Я з в о й или В е л и к и м З е м н ы м З л о м. Но раньше существовали и другие виды заразы. Кроме войн, которые являются признаком коллективного умопомешательства, в XX веке были известны полиомиелит, лейкемия, различные виды рака. Живые тела поражались разнообразными бактериями, люди умирали от нервных болезней, от разрыва сердца. Со всеми этими болезнями было в конце концов покончено, и мы можем сделать вывод, что все они были мало похожи на современное нам бедствие. Для того, чтобы признаки надвигающейся катастрофы больше бросались в глаза, нужно бросить взгляд в глубь веков.

И тогда мы узнаем, что относительно недавно, в течение покрытого мраком периода длительностью примерно в 1000 лет, Земля страдала от болезней, о которых мы не знаем ничего, кроме названий и нескольких расплывчатых и ужасных признаков. Эти... эпидемии возникали обычно в результате или в течение каких-либо безумных войн. В течение этого тысячелетия, о котором у нас сохранились свидетельства очевидцев, Землю потрясало иррациональное зло, которое низвергало человека, превращая его, в конце концов, в гнусного дикаря. Проказа разъедала кожу, и живые существа становились ходячими трупами. Была еще ужасная водянка, припадки бешенства... Гангрена, которую называли еще сухой гангрей, отделяла члены от туловища за одну ночь...

И это были не отдельные случаи, — подчеркнул Морозов, прикрыв глаза своей тонкой рукой (казалось, он переживает наяву кошмары, о которых рассказывал). Это были всеобщие бедствия и кризисы, и никто точно не знал, сходили ли люди с ума в результате войн или это войны рождались вследствие всеобщего сумасшествия. История не оставила почти никаких конкретных следов этих ужасов. В качестве подтверждения мы можем обратиться к одной хорошо сохранившейся фреске с изображением картины всеобщего помешательства того времени: черное с кроваво-красным оттенком небо, разрушенные города и покинутые села, по которым в конвульсиях пролетают хороводы смерти Святого Ги. Мужчины и женщины подпрыгивают, держась за руки, извиваются в судорогах, затем падают на землю на головину полумертвые; они видят демонов и ангелов, им кажется, что они тонут в озерах крови, что красный цвет и музыка сводят их с ума... Это всеобщее исступление было связано также с кровавыми и зловещими политическими событиями и преступлениями, которые разоряли те же самые страны...

— Но, в конце концов, — сказал электроник, осторожно взвешивая каждое слово, — это были настоящие болезни. В то время, как сейчас...

— А что, интересно, вы называете настоящими болезнями? — спросил Морозов. — И каковы их основные признаки? Сегодня, как и тогда, речь идет о коллективной смерти от бешенства, исступления и насилия. Тем не менее я хочу обозначить как можно более четко это сходство: была еще одна болезнь, которая имеет много общих признаков с Язвой нашего времени. Этому время от времени посещающему нас бичу дали немало названий: его называли велическая смерть, черная смерть, всемирная смерть (уже в то время!), а также вязкая смерть, что придает этому термину какой-то странный физико-химический оттенок. В зависимости от века болезнь могла называться чумой Ороза, антонианской чумой, ужасной юстинианской чумой и пестис атrossима в XIV веке новой эры.

Начальные симптомы почти всегда были одни и те же. Эпидемии всегда начинались с «потрясений и чудес», предсказанных звездочетами. По мнению ученых далекого прошлого, чума всегда имела отношение к звездам, к тайнам космоса. Где же она брала свое начало? Откуда брался ее микроб? Мнения не совпадали. Конечно, в те времена гигиены на Земле не было, бедняки спали на подстилках из гнилой соломы, а вокруг кишмя кишили крысы и паразиты. Тем не менее, следует обратить внимание на одну деталь: чума всегда появлялась откуда-то. По мнению одних, она приходила из Азии, огромного таинственного континента, где неизвестные катаклизмы выворачивали наизнанку горы, где огненные шары падали на бескрайние равнины, а зараза находила благодатную почву.

В Европе просыпались вулканы. Неожиданно и невесть откуда появлялись тучи насекомых, они пожирали урожай. Цитирую летопись некий Вилани из Флоренции рассказывает «о настоящем ливне из гигантских черных гусениц с восемью ножками, укус которых ядовит». В 1342 году все той же новой эры чумной ветер подул над Эгейским архипелагом. От него умирали люди и животные. На небе появился огненный шар. Он пролетел 100 км на глазах у многочисленных свидетелей и взорвался, распространяя вокруг «ядовитые тучи и пары»... Что это было — метеорит или космический корабль?.. Через пять лет во Франции произошло землетрясение, в небе были видны изрыгающие огонь предметы, похожие на отрубленные головы, мечи, вилы и трезубцы. Может, это были летающие тарелки и сигары (космические корабли и ракеты)? Через год огромный раскаленный «столб» появился и некоторое время парил над папским дворцом в Авиньоне.

В то время этим событиям приписывали исключительно религиозный характер. Но человек 3000 года не может ошибиться, в атмосфере Земли производились космические полеты. Удавались они или нет? Скорей всего, удавались, так как сразу же начинались катастрофы. Свидетельства массовой гибели населения имели двойную окраску: материальную и моральную (как и сегодня). Лихорадка, кровотечение, черные пятна, бубоны, мертвенно-бледные лица... И смерть, смерть — часто мгновенная, но всегда мучительная — вот основные физические признаки. Что, эти симптомы вам уже кажутся знакомыми? Продолжим: смертность была такой высокой, что иные страны теряли половину своего населения. Я могу привести статистические данные. Надо помнить, что Земля в те времена была довольно слабо заселена. В главных столицах арабского мира, в Багдаде, в Каире, за один день умерло 10 000 человек. И 500 000 за 3 месяца. В Европе погибло 26 миллионов человек, то есть, вероятно, четверть всех жителей. Инфекция передавалась быстрее, чем весть о ней, она просачивалась вместе с водой, а в сельской местности переносилась дикими животными, догоняла всадника вместе с ветром. В эти времена происходили невиданные миграции крыс, которых называли «странниками»: они кусали людей прямо на улицах! Ги де Шольяк отмечает: «Эта самая болезнь была так заразна (достаточно было даже плевка), что не только при совместном проживании, но даже посмотрев на больного, человек заражался и умирал».

— ...Посмотрев, — сказал Лес Кэррол. Он был очень бледен. — У меня было такое впечатление на Уране...

— И у меня, — подтвердил электронник.

Кибернетик промолчал.

— Во время вспышки юстинианской чумы, — продолжал свой рассказ Морозов, — в Константинополе, по свидетельству Проко-

пия, в день умирало 1000 человек; и «ужасные галлюцинации овладевали живыми, и они убивали себя из страха заболеть чумой». Во Франции болезнь вызывает «странные виды летаргии и ужасные галлюцинации». Или вот, например, слухи, которым уже просто не хочется верить. Летописи утверждают, что некоторые люди, умершие несколько дней назад, лица которых уже почернели, а саваны были покрыты кровью и грязью, появлялись среди живых и предавались невероятным оргиям. Может быть, это были живые, которых похоронили по недосмотру? Было и кое-что поинтереснее: не вынеся этих сцен всеобщего помешательства и ужаса, некоторые вполне здоровые люди хоронили сами себя! Другие уединялись в замках, искали забвения в оргиях. В обезлюдевших городах людоеды питались трупами; в Париже, например, они собирались на улице Транс-Ноннэн. В сельской местности чудовища с человеческой внешностью сосали мозг мертвецов. Некоторых из них сожгли, а их дома оказались забитыми черепами жертв...

И упорные слухи обвиняли каких-то чужаков или мертвецов в том, что они отравляли воду в источниках и продукты на рынках. Они осторожно выскользывали из своих убежищ ночью, их лица были черными или мертвенно-бледными. В 1581 году парижанам было дано право убивать на месте «злодеев, которые разбрасывают на улицах пакетики с чумным веществом». В Италии были раскрыты крупные заговоры, тайные лаборатории, в которых иностранцы производили «чумную мазь», от которой должен был погибнуть род людской. Мертвые. Иностранцы. Неизвестные...

— Ночные! — сказал Гейнц Шталь. — Именно это вы хотите сказать, не так ли? И они уже не первый раз нападают на Землю?

— Да.

— И это все те же?

— Все те же.

Но что-то было не так в этом совершённом докладе. Я была согласна в том, что касалось чумы и черных чужаков. А вот космические полеты... но стоп, что-то мне почудилось... В кабине было шумно, электроник ругался, а может, это был кибернетик? А я устала от постоянного напряжения, которым поддерживала свое ясновидение. А потом я поймала пробивавшуюся через вибрацию, через расслабление от болеутоляющего укола, через мое недомогание и слуховые барьеры, среди знакомых мне мыслей экипажа и беглецов... какую-то резко отличающуюся волну — холодную, нечеловеческую. Волну, которая с иронией передала: «Ошибочка, старина! Звездолетов там не было!»

Странно, не так ли? Но я тоже знала: они высадились не с кораблей, они... А, ладно, в тот момент это не имело особого значения. Главное заключалось в том, что среди нас затесался Ночной — и он приговорил нас к смерти! Это было какое-то озарение, а потом

барьеры опустились, как тяжелые ворота замка, и я не была уверена, что смогу узнать противника. И потом, я не могла предупредить Леса: этот субъект был телепатом. Он был настороже, но спокоен и уверен в себе.

В моем мозгу вспыхнул красный свет: опасность!

Если он спокоен, значит, он делает свое черное дело. И это должно быть нечто ужасное. Не обязательно в этой рубке. Но где? «Летающая Игла» все летела в бесконечности.

III

А вот что происходило в это время.

Бегство немыслимо...

Их неожиданно разбудили среди ночи, кое-как объяснив, что необходимо покинуть это ненадежное укрытие, что на город вот-вот нападут партизаны, что нужно скрыться. Солдаты, одетые в длинные и тяжелые щубы — от них шел застарелый запах пота, кожи и дыма — срывали с них одеяла, совали им под нос короткие стволы дезинтеграторов, пинками сбрасывали на землю тех, кто еще спал.

И они послушно, тупо поднимались, это уже вошло в привычку. Они быстро одевались и собирали вокруг себя кое-какие жалкие пожитки: книги, картины, сувениры, которые люди хотят сохранить до самой смерти. К тому же они смертельно устали: последние дни, последние месяцы тюремщики были беспощадны. Так их и переводили из города в город под угрозой этих коротких стволов — а среди них был старый ученый, похожий на старого льва, быть может, самый великий ученый на Земле; ученый открыл принцип расхождения миров и принцип их взаимозаменяемости. Здесь был также президент Всемирного конгресса профсоюзов, довольно молодой еще, он заикался из-за ранения, полученного на войне. Был еще седой священник очень высокого сана, проповедник объединенных земных религий и, наконец, последняя императорская семья Христиана VII — императрица и шесть детей. И несколько придворных, оставшихся верными...

Последние месяцы ими, словно шариками, жонглировали военные и предатели. Иногда им казалось, что надежды больше нет, иногда появлялся какой-то просвет. Их передавали из рук в руки, они становились заложниками то у одной, то у другой партии. Они вели кочевую жизнь, останавливались на ночлег то в старых противоатомных убежищах, то в деревенских амбарамах. Их перевозили на вертолетах над горящими городами и фронтами, дышащими смертью. Им приходилось ночевать в погребах, их сон прерывался

гомерическими схватками, в которых решалась их судьба и судьбы Земли. Схватками, в которых они не могли принять участия. В конце концов, говорили они себе в утешение, они были всего лишь горсткой стариков, больных и детей. Между этими людьми, которым в той, прежней жизни, не суждено было встретиться, установилось что-то вроде согласия, потому что они уважали друг друга — и особенно в эти последние дни, когда стало ясно, что никакой надежды больше нет... Иерарх объединенных религий, хрупкий артистик, ужасно страдал, каждое движение причиняло ему мучения. Христиан VII и президент профсоюзов несли его на самодельных носилках из солдатской шинели, натянутой на копья или палки. Юные принцессы вели под руки великого ученого, тот уже почти ничего не видел. Императрица ни на шаг не отходила от своего сына, бледного юноши, который страдал лейкемией. Они старались держаться все время вместе, как будто присутствие других могло их успокоить. Загоняемые в подвалы и вагоны для скота, они оставались предельно вежливыми, изысканно обходительными и жертвовали единственным ведром воды — она выдавалась утром вместо чая — для того, чтобы умыться.

Однако по мере того, как продолжались их странствия, условия содержания становились все омерзительнее и ужаснее. Одежда приходила в негодность, заменить ее было нечем. Эрцгерцог, которого взяли прямо в кровати, носил... сколько уже месяцев?.. полосатую пижаму, она напоминала старинную форму концлагерей. Среди них был рабочий депутат, который шел без обуви с распухшими и кровоточащими ступнями... По мере того, как их охранники превращались в тюремщиков, более обеспокоенных собственной судьбой, положение пленников все более ужесточалось, слежка становилась все жестче и унизительней. Но каким образом удалось бы им бежать? Им больше не разрешалось отходить от группы. Ночью вооруженные охранники располагались у открытых дверей в их спальни; гасить свет было запрещено. Узники даже в туалет не могли ходить без сопровождения, с тех пор, как там повесился один из главных функционеров Социальной помощи... Даже в помещениях, где спали женщины, двери были открыты настежь. Юные принцессы отворачивались, но не плакали. Мать и старая кормилица сшили в одно целое их нижние юбки таким образом, что они образовали нечто вроде сплошного балахона, который скрывал их с головы до ног: в этих подземельях, среди черных стражей такая предосторожность не была излишней... Тем не менее Далия, вторая по старшинству принцесса, была однажды найдена в дальнем коридоре раненой в живот, в разорванной одежде. С тех пор никто не покидал группу.

Священник, руководитель профсоюзов и император еще старались держаться, они вели философские беседы об истории и духовных ценностях, об Эйнштейне и святом Фоме Аквинском. Старый

преданный камердинер, умирая от дезинтерии на руках своего господина, пробормотал: «Прости, Господин, даже собаке можно глядеть на епископа!» На это старик ответил: «Брат может делать все, что угодно, в присутствии своего брата» — и вытер блевотину.

Самая маленькая из принцесс спала у ног своей матери и тихонько поглаживала ее лодыжки. Ей было 15 лет и звали ее Астрид. У нее было прелестное лицо инфанты с картин Веласкеса, волосы цвета воронова крыла свободно рассыпались по плечам, фиолетовые глаза удивленно и вопрошающе взирали на мир. В какой-то, кажущейся сейчас невероятной, прошлой жизни она была обвенчана с принцем Ральфом-Валераном Еврографиканским, своим кузеном, и иногда еще мечтала о нем...

Той ночью они были неожиданно и бесцеремонно разбужены. Им приказали немедленно спуститься в глубь заброшенного метрополитена какого-то большого города, через который они шли. «Быстрой, быстрой! — рычали охранники. — Шнель, вит, скорей, квикли!» Они грозили оружием великому ученому, который никак не мог найти в потемках свои фетровые боты, священнику, который не мог самостоятельно подняться, кормилице, которая одевала детей. За окнами с разбитыми стеклами виднелось небо, покрытое отблесками пожарищ. Неизвестно было, кто напал, но было ясно, что бой проигран. Со стен капала вода, и, сам не зная почему, руководитель социалистических профсоюзов вспомнил историю двух очень древних сектантов, которые считали себя воплощением Бога-Отца и Иисуса Христа и как-то раз вынуждены были прятаться в погребе под какой-то постройкой, которую в это время обыскивали солдаты какого-то правителя. Подстилка сдвинулась, и Отец сказал: «Сын мой, вы промокли». На что Христос отвечал: «Ничего, лишь бы это не случилось с Господом». «Именно это нас и спасает, — мрачно подумал профсоюзник. — Забота о других. Но это всего лишь моральная помощь, а мы уже покинули ту область, где еще можно помочь морально...» Всех выгнали во двор. Было очень холодно, тонкий лед хрустел под ногами и превращался в грязную жижу. Эрцгерцог в полосатой пижаме неожиданно выпрямился, поднес руку ко рту, потом к голове, отдал безупречный воинский салют и произнес отчетливо: «Да здравствует Христиан VII!» И рухнул на землю: он проглотил то, что бережно хранил под камнем дешевого перстня. И черные сапоги топтали его бледное лицо...

Императрица успела прикрыть глаза сына своими тонкими пальцами. Ее застывшее лицо было мертвенно-бледно. Девушки бросились к ней, но охранники грубо их оттолкнули. Астрид закрыла глаза. «Это кошмарный сон, — сказала она себе. — Сейчас я проснусь. И перед моими глазами будет покачиваться цветущая ветка минда-

ля на фоне сиреневого неба. Я увижу восходящее солнце, а зеленая вода озера будет отражать его лучи. И Валеран пригласит меня полетать на гелико». Но тут рядом с ней упал, не в силах перенести страшные боли, великий священник, и охранник разрядил в него излучатель.

...И осталась только черная тень на устланном плитами покрытии. А потом?

Их загнали в грузовики, крытые брезентом, рабочий делегат заплакал и поцеловал покрытые синяками руки Далии. Машины помчались через охваченный пожарами город, и моторы повторяли: невозможно, невозможно, невозможно... Жалкий груз был выброшен у сумрачного входа в метрополитен. Здесь были автоматические дверцы, из метро уже несло плесенью. Если это и был вход в ад, он казался довольно банальным. Астрид успела разглядеть в красноватом отблеске пожаров застывшее лицо своего отца, смотревшего вверх, на небо. Он нес принца Аэруса. «Я довольна, — подумала Астрид, — что Валерана нет с нами. Его астронавигационная школа эвакуирована на Сигму, планету звезды Арктур в созвездии Волопаса (она могла бы рассказать это, как хорошо выученный урок). Как хорошо, что он спасен, что его нет в этом аду...»

Она несколько раз повторила это слово, которое еще не понимала толком — оно пришло к ней из какого-то далекого прошлого, но мысль ее обрела в этот момент новую, небывалую силу и достигла других членов ее группы. Рядом с ней какая-то знатная дама с седыми волосами сошла с ума и очень громко запела стаинный щуточный куплет:

Как страшно мне бывать в аду,
Когда я с чертом не в ладу!

Она рухнула, испепеленная излучателем. Затем та же судьба постигла неизвестно как попавшую в группу простую девушку с красивыми зелеными глазами. «Ад! Дьяволы!» — крикнул кто-то. По ступенькам метро медленно и в молчании спускалась настоящая стена одетых в черное и блестящее людей, чьи лица были скрыты черными масками, а каждый шаг их повторял: невозможно, невозможно. Они оттеснили жалкую человеческую массу в глубь подземелья. Станция называлась, кажется, Ришель-Друо. И брызнули огненные залпы. На последнем пролете лестницы профсоюзный деятель оставил Далию и поднял руки вверх, как будто хотел предстать в последний момент воплощением самой Демократии... «А может быть он хотел выразить свое недоумение по поводу того, — подумала Астрид, — что приходится умирать в метро?» Сноп огня сбил с ног, и он вспыхнул, как факел. В этот момент Астрид увидела отца, который еще вчера говорил ей: «Я знаю, что они ненавидят меня, но я тут не при чем. Я всегда старался делать как лучше, по-

нимашь? Я запретил войны. Эти дома для престарелых космонавтов — их создал я...» Но она не могла ответить ему, что это ничего не значило, что никто не оценил этого... А сейчас ее отец медленно опускался на колени, и тело принца Аэрса горело у него на груди. Императрица бросилась к ним и исчезла под огненным покрывалом. Потолок над платформой тяжелый, давящий. Астрид подумала, что это их последнее место на Земле...

На рельсах выросла груда сожженных тел. У ног Астрид ее сестра-двойняшка Анна спрятала лицо в ладони и опустилась на пол, как усталый ребенок. Далия истерически закричала: «Пощадите! Я еще молодая, я хочу жить. Я буду делать все, что вы захотите! Все, что вы захотите...» Один из Ночных с площадки неторопливо прицелился и полил огнем ее и остаток группы. Пораженная в ноги и в грудь, Астрид покатилась под неподвижный вагон с последней мыслью:

«Удивительно, я еще о чем-то думаю...»

IV

Исход...

Были и другие — они улетели раньше. Раньше, чем получил всеобщее признание принцип искривления космического пространства для звездолетов дальнего радиуса. Решались на полет, который должен был длиться десятки лет, и на смерть от старости в космосе, лишь бы оставить потомство. В основном, это были простые люди, слишком бедные для того, чтобы позволить себе полет на современном быстроходном корабле, а еще — члены философских или религиозных сект, распавшихся политических партий, разочарованные профсоюзные активисты — почти все обремененные многочисленными семьями.

Устаревшие, списанные корабли, с экипажами из всякого сбrosda, на тайных космодромах брали на борт отряды эмигрантов. Несчислимое множество этих кораблей должно было через десятилетия достигнуть ближайшей звездной системы с грузом трупов на борту...

Многие умерли на другой же день после этих отчаянных стартов. А дети рождались.

Рожденная на корабле, Виллис была одним из самых невежественных на свете существ. Она не знала ничего об обстоятельствах, забросивших ее родителей в пространство, где они потом сгинули. Для нее не существовало никакого другого мира, кроме капсулы с моноатомными переборками, узких коридоров, просторных, но мрачных площадок. В то время, когда до нее начал доходить смысл

окружающих вещей, корабль, казалось, был заселен одними детьми, выращенными роботами. Дети дали кораблю красивое название «Летающая Земля».

В их подсознании смешивались эти два понятия — Земля и корабль. Они ничего не знали о Вселенной, о Солнце, о свежем воздухе. Роботы-воспитатели были тяжелыми и уродливыми, а под влиянием чудовищных перегрузок и излучений в течение многих лет они портились и мало-момалу распрограммировались.

И все же дети, пленники летающей скролупки, были не так уж несчастны — они ничего не знали, даже не испытывали известное взрослым желание скрыться. В летающей крепости царил определенный порядок. Но странное дело, казалось, что пространство вокруг них постоянно сужается. И это происходило не потому, что мальчики подрастили; в пространстве время, кажется, земеделят свой ход, здесь живут в замедленном темпе, как в старинных учебных кинофильмах. Два длинных коридора предназначались для игр — один для мальчиков, другой для девочек; вместе они питались витаминными таблетками и смотрели учебную программу по телевизору. Но зал отдыха и гидропонический бассейн уже давно исчезли, как и многое другое. Детям было запрещено заходить в места расположения экипажа, да и в большинство других помещений. Виллис все это заботило не более, чем других. До того самого дня, когда...

Они играли в мяч у пластиковой переборки, разделяющей два коридора, и Марса, ее подруга, тринадцати-четырнадцати лет с красивыми глазами орехового цвета, вдруг выронила мяч и заплакала. А Виллис отчего-то почувствовала, что ей ужасно грустно. Как будто несчастье, от которого страдала Марса, перенеслось и на нее, коснулось мрачными шупальцами лба и проникло в мозг. Все ее существо наполнилось сочувствием к Марсе, она хотела успокоить свою подругу, но не могла найти слов. «Ах, если бы я могла взять на себя часть ее горя, — подумала она. — Может, я и помогла бы ей. Но как это сделать?.. Я хотела бы, чтобы мне стало плохо, но чтобы она больше не страдала». Все это было не совсем ясно. В одной книге, которую робот-проповедник читал им теперь очень редко, рассказывалось об одной больной женщине, которая выздоровела, коснувшись одежды какого-то странника. «И он сказал: прикоснулся ко мне некто; ибо я чувствую силу, исшедшую из меня...¹». Но странник был, кажется, каким-то богом, а Виллис — всего лишь маленькой девочкой. Тотчас явился, покачиваясь на своих колесиках, робот-воспитатель и предложил Марсе тюбик сладкой пасты.

— Ну вот, прямо как с шестилетней малышкой! — сквозь слезы выдавила Марса. — Убирайся, я не хочу твою противную сосалку!

¹ Евангелие от Луки, 9, 45.

— Вы плачете, — констатировал робот мягко. — Значит, вы хотите что-нибудь вкусное.

— Черт возьми! Я плачу, потому что мне грустно.

— Воспитанная девочка не должна грустить, — объявила машина. — Она не должна также пачкать свое красивое платье, грызть ногти, говорить «черт возьми» и что-либо подобное.

Но Марса заткнула уши и завизжала дурным голосом. Робот немного покачался в раздумье, потом начал умолять:

— Прошу вас, не брюзжите так. Это разрегулирует мои цепи...

— Ну так пойдите, проверьте ваш блок памяти! — приказала ему Марса довольно неосторожно. — БРСЗЖ... уж не знаю, что вы там еще бормочете! Нет, вы только послушайте! Какой-то нечеловеческий язык! Смотри-ка ты, сосалку принес!

Несчастный робот удалился, погасив в знак отчаяния свои глаза-мигалки. Марса положила голову на плечо своей подруги и гостно всхлипнула.

— Ах! Я не могу больше! Я не знаю, что делать! Все они исчезают, все!

— Кто? — рассеянно спросила Виллис.

— Взрослые, — отвечала Марса. — Юноши, как только они становятся умнее. Девушки, как только они становятся привлекательнее. А скоро наступит и наша очередь.

Виллис оглянулась вокруг, будто она увидела этот мир в первый раз. В самом деле, население корабля было очень молодо — от 2 до 15 лет. Но куда же девались остальные? Родители, например, которые по словам роботов должны были существовать, а еще старшие товарищи? Она вспомнила знакомые светловолосые головы и лица, которые ей улыбались...

Она сказала осторожно:

— Может быть, их высаживали на планетах, мимо которых мы пролетали? Телеробот учит, что пространство заполнено такими штуками. Астероидами и прочими...

И вдруг она почувствовала какую-то тень, обволакивающую ее сознание — ужас и страдание витали в воздухе.

— Глупости! — оборвала ее Марса. — Никто не высаживается на этих планетах без воздуха, а у нас нет установок для его производства. Только регенераторы, которые очищают атмосферу здесь, на корабле, да и они баражлят! Если захочешь знать, скорее всего, мы потому и летим так долго: невозможно найти планету с пригодной для дыхания атмосферой! Знаешь ли ты, сколько лет эта старая посудина мотается в космосе?! Но сначала присядь. А то ты шлепнешься, когда у тебя ножки устанут.

Марса была привлекательной девушкой из местности От-Терр на Марсе, вела свой род от первых колонистов, но живя среди роботов, она переняла их манеры и лексикон.

Виллис хотела отвлечь ее и сказала, указывая в сторону:

— А вот, смотри, еще один антик...

На подходе был другой робот, прозванный Ржавый Гвоздь. Этот даже внешне не был похож на гуманоида. В его задачу входило запирать двери между помещениями, и изумленные девочки увидели, что его жесты были абсолютно бессмысленны...

— Но он же ничего не может закрыть, — сказала Виллис. — Он сломан.

— Ну конечно! Ты же видишь, все портится и ломается. Это какое-то безумие. Мне кажется, пассажиры, которые поднялись первыми на борт этого корабля, были нашими дедами. Они умерли, это ясно, и их выбросили через люк за борт. Но потом же были наши родители... Ты никогда не спрашивала себя, куда они делись? Я — да.

— Ты слушаешь меня? Они же не могли быть старыми, не так ли? В момент старта им было не более 10 лет — иначе их родителей никогда не взяли бы в космос. Тогда мне пришла в голову одна мысль, и я спустилась в гидропонический сад, туда еще можно было ходить. Там есть такое устройство — оно отмечает циклы роста деревьев, а один цикл равен земному году. Так вот, милочка моя...

— Что?

— Мы уже 30 лет в космосе!

— Это невероятно, — сказала Виллис. — Невероятно.

— Осторожно, вон опять этот Сосалка.

А потом наступила ночь при мертвенноем свете неоновых ламп. (На ночь здесь оставляли слабо мерцающие голубые неоновые лампы, а днем светили ультрафиолетовые и оранжевые неоновые...) Марса осторожно встала и, не надевая обуви, повела Виллис вдоль пустынных коридоров. Все дети спали, роботы отключились, и корабль стал еще больше похож на огромную руину, бесшумно скользящую в космосе.

Девочки шли темными коридорами вдоль зыбких переборок. Покинув границы своей «территории», они попали в незнакомый мир. В пустых коридорах царilo невероятное запустение. Там, где они пересекались, виднелись искореженные останки роботов. В конце концов, они оказались в таком месте, где перегородки перестали быть непроницаемыми и стали испускать слабый свет — как будто это был аквариум, освещенный изнутри. И действительно, это были емкости, наполненные слегка фосфоресцирующей жидкостью, похожей на физиологический раствор. Марса судорожно сжала руку Виллис, а та едва сдержала крик ужаса: эти резервуары были полны голыми трупами...

Женские волосы стались по поверхности: должно быть, они росли в этой среде. И все тела стояли — так они были спрессованы. Их опускали туда в определенном порядке, так как внешние

ряды состояли из юношей и девушек с еще плохо сформировавшимися телами, с длинными ногами. Казалось, все они недавно заснули, и тени от густых ресниц слегка подрагивали на щеках... Марса и Виллис узнавали своих недавно исчезнувших товарищей. За ними мерно покачивались ряды взрослых, несомненно, второе поколение. И так они все и покачивались, покачивались — монотонно, в такт какому-то заданному ритму... А лица их были искажены выражением изумления и страдания.

Виллис почувствовала себя раздавленной...

— Ну, вот,— сказала Марса спокойным голосом.— Ты не знаешь своих родителей, нет? И я нет. Но все они здесь.

— Мертвые?

— Да нет же, идиотка! Посмотри как следует.

И с отвращением еще более сильным, чем охвативший ее ужас, Виллис увидела: у некоторых выражение лица изменялось. Губы слегка подрагивали. И от этой беспомощной толпы веяло почти осязаемым отчаянием.

— «Они законсервированы»,— как сказал бы Сосалка.— А научный термин — ограниченное оживление или временная приостановка...

Это было уже слишком для Виллис. Она закричала, принялась что было сил стучать в прозрачные переборки. Примчались роботы и утащили девочек.

Позднее она задала себе вопрос: для чего их там законсервировали? Чтобы питаться ими? Или чтобы в случае необходимости превратить их в рабов? Любая гипотеза была достаточно гнусной. Она поняла только, что на корабле произошел переворот, что он попал в руки тех, от кого пытался улететь.

То, что произошло потом, еще более напоминало кошмарный сон. Роботы потащили девочек через весь корабль; как потом оказалось — в рубку управления. В противоположность той части корабля, где они до сих пор жили в вечных сумерках и где путались дети и машины, эта часть корабля была ярко освещена и там чувствовался свежий воздух.

Марс и Виллис провели через огромный гидропонический сад, где росли невиданные голубые и красные цветы, чьи лепестки были похожи на клочья гниющей кожи. Были и другие — в виде челюстей кайманов с острыми зубами, замаскированными изящными лепестками цвета серы... И еще — в виде прозрачных студенистых мешков, которые слегка подрагивали, когда роботы с девочками

проходили мимо. «Они чувствуют свою пищу», — любезно объяснила одна из машин. И Марса сказала сухо:

— Не смотри туда, Виллис.

Наконец их втолкнули в просторную рубку, заставленную и увешанную редкими предметами (наверное, отобранными у пассажиров): коврами, инкрустированной мебелью, вышитыми подушечками, драгоценной посудой, картинами. И здесь уже были настоящие взрослые — в комбинезонах из черного пластика, увешанные оружием; их лица были мертвенно-бледными и заострившимися... Это был разбойничий экипаж, во главе которого стояло настоящее животное!

Женщина. Она полулежала в кресле под панелью управления, и ее ноги не доставали до пола. Может быть, раньше у нее было человеческое лицо, но теперь оно превратилось в бесформенный обрубок, как и вся она, налилось жиром и кровью, а черты его казались стертymi одним взмахом губки... Опыт Виллис подсказывал ей, что такие отложения жира были следствием сладострастия самого низкого пошиба с одной стороны, прозябания, когда не было другой пищи, кроме консервов, и невероятных излишеств, когда появлялась добыча — с другой. Такие чудовища появлялись в изобилии в смутные времена: они ненавидели чистое небо над головой, окружающую природу, музыку, танцы. Они находили удовольствие в контакте с изуродованными мертвыми телами, в присутствии при последнем издыхании умирающих, в посещении отхожих мест с их запахом экскрементов, во всем, что при определенных условиях характерно для низменных, животных наклонностей людей... И довольно часто это были женщины! Рожденные в безграничной блестящей вселенной, они забивались в какое-нибудь забытое богом место, если не могли найти выхода своим потребностям в разрушении и уничтожении; там они убивали себя каким-нибудь странным и ужасным способом — например, они вешались или принимали яд.

Эту звали Зенон Жаполка. Ей удалось использовать невероятный шанс и пробраться на этот сбившийся с курса корабль. Очень быстро, благодаря своим ночных ухищрениям, своему необычайному изощренному коварству, она встала во главе банды, которая захватила власть. Без всяких колебаний и предрассудков она хотела власть потешиться и потешиться жестоко, не зная преград для своих низменных наклонностей. Именно она назначала эфемерных командиров корабля, своими руками уничтожала непокорных, но особенно любила допрашивать и создала для этого целую серию роботов. И все коды к их программам были у нее. Она полностью сбросила ненужную маску женщины. Любимым ее занятием было превращать в ничто живые существа, их сердца, их мозг — она была переполнена черным, болезненным сладострастием. Рассказывали,

что по ночам она ходила мечтать возле баков... Это она изобрела такие удобные тюрьмы.

И теперь это чудовище долгим взглядом своих заплыvших жиром глаз изучало двух растерянных девочек...

— Кто из вас старшая? — спросила она.

— Я! — крикнула Марса: — Виллис только 12 лет! Я... Я!

— Ну, хорошо, — сказало чудовище. — Отвечай: что вы делали у баков? Для того, чтобы... а, ну, конечно...

Она выплюнула грязное ругательство — Марса побледнела.

— Подойди ко мне и протяни руку, — скомандовала Зенон. Она непринужденно вытащила изо рта горящую сигару и воткнула ее в трепетную детскую ручонку. Марса вскрикнула, но и Виллис пронзило такой страшной болью, что у нее подкосились ноги. Она неожиданно поняла, что помогает своей подруге, которая, откинув назад голову, смотрела на чудовище с выражением скорее удивления, чем ужаса. «Только бы не упасть, — подумала Виллис. — Только бы не показать... никто не смог бы перенести это в одиночку...» На запястье Марсы появился огромный волдырь, запахло горелым мясом...

— Почему ты так смотришь на меня?! — крикнуло чудовище.

Марса ответила спокойно:

— Вы так противны...

— Пóсмотрим, какой красивой будешь ты... потом... Роботы, электроды сюда!

К Марсе подкатила небольшая машинка, ощетинившаяся клешнями и зажимами. Действовала она очень четко, выстрелила электрический заряд, и пластиковая блузка Марсы растаяла... И Виллис опять почувствовала вместе с Марсой ее стыд и ужас, когда красивые черные волосы Марсы свободно рассыпались по ее голым плечам. Но в рубке было такое психическое напряжение, что даже Зенон почувствовала это и обвела взглядом мертвенно-бледные лица своего экипажа.

— Ага! — сказала она.

Приятное лицо Марсы осталось странно спокойным.

— Что ж, отведите ее в подготовительное отделение. И не делайте обезболивающих уколов, она ведь не чувствует боли. Мне хочется, чтобы она знала, что с ней будет. Эй, ты, слышишь меня?! Твою прекрасную шкуру законсервируют живьем. Вместе с теми, которые там мокнут уже 20 лет!

Она рассмеялась. Виллис уже была не в состоянии держаться на ногах и медленно опустилась на вышитый золотом ковер, покрытый плевками и кровью...

— Через час, — продолжала Жаполка, — я приду посмотреть, какая ты красивая. А потом... ты не спрашиваешь себя, что я с тобой сделаю? Так вот, тебя продадут газообразным с Сфиошиса, имею-

щим половые признаки, или Икстлам, которые имеют обыкновение подвешивать свои личинки в свежей коже. Что ты на это скажешь?

Медленно и тоже вполне непринужденно Марса приблизилась к ней и плюнула ей в лицо. Роботы утащили ее.

А потом наступила очередь Виллис. Когда она оказалась перед «капитаншей», та подняла руку, будто собиралась прихлопнуть невесомый, покачивающийся перед ней призрак. Пощечина... другая... со всего размаха. Какой-то мужчина, худощавый, с заострившимися чертами лица, с зелеными глазами, стоял справа от нее. Он мог быть ее заместителем. И он сказал:

— Если ты будешь продолжать в таком же духе, ты рискуешь нарушить какой-нибудь нервный центр.

— А, чтобы она подохла! — прорычала толстуха.

— Да ведь и так уже достаточно умирает каждый день в этих твоих бараках. А когда мы сядем на пригодную для жизни планету, нам все равно понадобятся девушки этого поколения.

— Для чего бы это?

— Мы не знаем, способны ли к деторождению те, которые законсервированы.

— Вот еще новое дело! — отвечала «капитанша». — Ты стараешься убедить меня, что эта вошь представляет какую-то ценность?

— Нет. Но она незаменима. Ты немного поторопилась избавиться от взрослых. Отныне будущее зависит от этих детей.

— В таком случае, — проговорила Зенон, приподняв над глазами складки розовой кожи, которые должны были соответствовать бровям, — я спрашиваю себя, почему мы до сих пор храним эту полудохлую сельдь в наших трюмах. Может быть, стоит выкинуть ее через люк, Хелл?

Хелл... его звали Хелл. Виллис подобрала это имя, как крупицу черного жемчуга на песке...

— Да, это было бы удобно, — сказал мужчина с зелеными глазами. — Особенно, если ты уверена, что нам удастся найти какую-нибудь пустынную планету. Но я опасаюсь, что в противном случае у нас могут спросить перечень пассажиров...

— Ну и что?! Пусть поищут этих гнид... а я взорву реактор! И корабль взлетит на воздух вместе со мной!

— Ну, это не выход. А ребенок этот уже на пределе. Я думаю, его можно отправить.

— И пусть ее изолируют как следует! В клетке!

Но на старой посудине не было таких клеток... Ведь все свободное пространство было занято бараками. И Виллис заперли в библиотеке — довольно просторном и мало посещаемом помещении, по

которому ходили из угла в угол мало кому теперь нужные роботы-телефоспитатели. Вначале она не хотела слушать их болтовню и затыкала себе уши, особенно, когда ложилась спать. Но наступила ночь, когда она забыла закутаться с головой в бахрому гардин, и какие-то странные, устаревшие, но притягательные знания влились в ее сны. Учитывая, что дни длились необычайно долго, а о ней, скорее всего, просто забыли, что она не видела вокруг себя ни одного человеческого существа (витамины для питания ей подавали роботы через окошечко в двери), она просмотрела все микрофильмы и知道了 тем, что стала, как она сама про себя говорила, «отвратительно ученой».

В то же время она выросла. Ее длинные, серебристые с зеленоватым отливом волосы свободно ниспадали до колен, а грустное лицо светилось, словно потускневшая жемчужина. Она стала очень красивой, но ничего не знала об этом — в библиотеке не было зеркала...

Между тем на корабле все приходило в упадок, роботы двигались все медленнее и произносили много лишних слов. Но были ли эти слова лишними? Ведь раньше машины обещали детям скорое приземление на идиллической планете, голубые небеса и зеленые долины, на которых будут резвиться белые барабашки. А теперь все эти цвета почти ничего не значили, а под словом «барабашек» подразумевался, скорее всего, довольно свежий мясной концентрат...

И больше не было Марсы.

И вообще никого не было.

Все светильники в библиотеке погасли, и Виллис не могла различать корабельные дни и ночи. Горел только большой центральный плафон, у него было автономное питание.

Однажды в библиотеке появился еще один робот — это был один из самых совершенных механизмов, на его лобовом выступе мигала сигнальная лампа, напоминавшая глаз циклопа. В торжественно вытянутых руках он нес одного из собратьев крошечных размеров, тот, видимо, был полностью разрегулирован. Он положил крошку к ногам Виллис и попросил ее заняться больным.

— Но я ничего в этом не понимаю! — восхликала девушка.

— В самом деле? — удивился робот. — Однако, судя по вашим данным, вы должны быть очень ученой и очень участливой. А может быть, это я с индексом библиотеки перепутал?.. Все разлаживается, знаете ли...

И, склонившись к ней, он прошептал:

— Она тоже сошла с ума. Жаполка, то есть. Она хочет сама вести корабль, завоевывать планеты, разрушить вселенную... Нет, я вас спрашиваю — ну к чему хорошему это может привести? У нее же уровень развития санитарки 6-го класса, а она только что убила командира корабля. Она хочет занять его место, но...

Он не успел закончить фразу — дверь библиотеки распахнулась настежь. На пороге стоял мужчина с зелеными глазами. Годы сделали его облик более утонченным, и Виллис вспомнила, как восхищалась этим шедевром мужского совершенства, мощным и гибким одновременно, словно клинок.

А он застыл, будучи не в состоянии узнать в высокой и стройной девушке, одетой в странный наряд из пурпурно-красного велюра, надерганный из обивки стен, чьи длинные волосы, заколотые пряжкой, спускались до колен, несчастного ребенка, которого посадили три года назад в клетку...

— Пошли, — сказал он. — Этот корабль превратился в настоящий ад: Жаполка теперь сама им командует. Мы направляемся прямо к какой-то черной планете, где у нас есть все шансы разбиться при посадке. Но у нас есть еще возможность покинуть корабль на небольшой спасательной ракете с искусственной гравитацией и умереть отдельно от них...

Он сделал паузу, потом добавил:

— Боже мой, какой красивой вы стали! Пошли быстрее.

Он повел Виллис, и робот последовал за ними, слегка прихрамывая. А еще через минуту им показалось, что все потеряно: корабль начал брыкаться, как взнужданная лошадь, и в центральном проходе закружила лавина голых тел, уносимых потоком питательного раствора, которым теперь начало затоплять боковые коридоры...

Виллис вскрикнула от ужаса и инстинктивно бросилась в объятия своего спасителя. Это было кошмарное зрелище — мертвецы окружили их, они налезали друг на друга, загромождали все проходы. Тела были дряблыми, вялыми и скользкими. Длинные волосы женщин, переплетаясь, превратились в огромные сети, полные мертвецов. Виллис показалось, что где-то на высоте ее плеча проплыл невзрачный белый трупик Марсы...

Толчок от чрезмерного ускорения разрушил хрупкие стенки аквариумов...

Хелл передал бессильно поникшую девушку роботу, который, по своему обыкновению, понес ее на вытянутых руках. А сам принял расчищать проход в груде обнаженных тел мощными разрядами дезинтегратора. Им удалось добраться до еще невредимого склада скафандров и ангара. Хелл раздвинул входные створки, они проскользнули туда и услыхали, как гора полу-мертвецов накрыла вход...

— Благодарение космосу! — воскликнул человек с зелеными глазами, вытирая со лба пот дрожащей рукой. — Запоры пока держат, но мы не должны терять ни минуты.

Оборудование и ракеты располагались вдоль стен. Пронзительные сирены раздирали разреженный воздух. Отныне каждое движение было пыткой. И все экраны заполняло чудовищное изображение

ние растерзанной, утопающей в жире рожи свободной гражданки Зенон Жаполки, небрежно опиравшейся на пульт управления и ведущей свой корабль к конечному пункту... А вокруг нее весь пол был покрыт трупами; черными, залитыми кровью. Санитарка 6-го класса уничтожила свой генштаб!

Беглецы подготовили ракету к старту. Они работали в полном молчании, и робот помогал им. В какой-то момент Хелл различил едва заметное изменение в системе вибраций корабля. Он понял: корабль замедлял ход. Летучий Голландец становился на орбиту. Нужно было срочно воспользоваться этим невероятным шансом, чтобы стартовать. С помощью робота они подкатили ракету к спасательному люку, Хелл забрался в нее, втащил Виллис, нажал кнопку аварийного запуска двигателей.

И всего через какую-то секунду проклятый корабль превратился в огромное фосфоресцирующее голубое пятно, слепящее глаза. А потом и пятностерлось в бескрайней ночи позади.

V

Виллис не могла вспомнить, когда она осознала свои странные способности — до или после нашествия. Она не раз замечала, что рядом с нею человеческие существа плакали, горевали, а потом быстро успокаивались. Люди страдали и неожиданно переставали страдать, но на ее душу ложилась какая-то непонятная странная тяжесть...

Именно это она почувствовала у баков, в которых царил безграничный ужас, и в рубке, во время издевательства над Марсой. Ощущив эту облегчающую силу, Марса плакала в коридоре у нее на плече, и именно эта сила, замеченная разрегулированными цепями, привела к ней в библиотеку робота-носильщика, а может быть, и Хелла тоже...

Ведь Хелл был тяжело болен. Теперь она это точно знала.

Они высадились на ближайшей планете — Гере в созвездии Стрельца. По картам можно было определить, что у нее есть атмосфера, но это и так было ясно, стоило подлететь поближе. На планете жили две расы: сохизы — таинственные дремучие бродяги, которые обитали в густых непроходимых лесах, и геранды — наполовину угасшая раса, которая доживала свой век среди величественных руин, странного великолепия и древних мифов. Их всех оставили в покое: Гера не имела никакого стратегического значения.

Виллис довольно быстро поняла: Хелл опасался встречи с Ночными. Проведя столько времени в команде Жаполки, он должен был представлять себе их возможности и экспансионистские планы.

В то же время он бережно хранил то, что ценилось на любой обитающей планете: драгоценные камни и золото.

Мало-помалу их жизнь наладилась. Робот — они любовно называли его Квик — здорово помог им на Гере. Они сняли на окраине Гераны, столицы планеты, розовый домик, и обосновались в нем. Для Виллиса это был первый в жизни дом на первой в жизни планете. В основном, беглецы проводили все свое время в его нижней части. Пол там был устлан камышовыми циновками, мебели было очень мало, а потускневших зеркал очень много. Виллис прекрасно чувствовала себя в компании своих блеклых двойников.

На Гере начиналась осень — сезон дождей. Над холмом, над озером переливалась; гасла и вновь появлялась радуга. Длинные, ничем не заполненные дни проходили чередой, Хелл с Виллис жили, словно в полусне, не покидая друг друга ни на минуту. После долгого полета в космосе акклиматизация шла медленно. Даже Квик временами отключался и спал на полу, как верный пес.

Хелл говорил очень мало. С его лица не сходило выражение какой-то растерянности, она таилась и в зеленых прищуренных глазах. Он не мог и не осмелился рассказывать Виллис о том, что видел и пережил на сумасшедшем корабле, обо всем этом жестоком бреде. Ему было примерно 30 лет, он относился ко «второму поколению». У Жаполки, должно быть, были свои причины, если она не отправила этого слишком красивого парня на консервацию.

Однажды Хелл выкурил больше, чем обычно, «киита», геранского опиума, и забылся тяжелым сном на циновках. Квик и Виллис сидели на террасе и смотрели, как сильный дождь поливал поля местных тайнобрачных растений. Вода стекала по огромным стеблям и кронам, похожим на зонтики, покрытые оранжевым и коричневым бархатом. Склон холма был целиком покрыт толстым слоем гриба, размножающегося делением, а озеро заросло сплошным ковром водорослей, и сочно-зеленая вода казалась тяжелой от переполнявшей ее жизни.

В какой-то момент очередная радуга пробила облака и повисла над водой. И каждая капелька воды, каждый гриб заблестели, словно бриллианты. Весь пейзаж запестрел и заиграл всеми красками.

— Госпожа, — сказал Квик, — кругом так красиво!

Квик был очень сложным роботом, вероятно, экспериментальным, и внешность его не соответствовала «начинке». У него был даже блок «эстетика» и блок «жалость». Но, к сожалению, он часто выходил из строя.

— Очень красиво, — продолжал он. — Это похоже на Землю... Я хочу сказать, на Соль III. Вы любите Землю, госпожа?

— Не знаю, — ответила Виллис. — Я никогда не видела ее. А ты?

— О, очень недолго. Как раз перед упаковкой. Я помню ясное небо, солнце... Так было хорошо.

Он умолк, захлестнутый волной воспоминаний, слишком сложных для его лексического запаса.

— Мне казалось, что человеческие существа, чьи глаза с самого рождения отражают такое великолепие, должны быть чисты душой и счастливы. Но они не такие, госпожа.

— А... какие они?

— Я ни разу не видел их в состоянии полного оживления, — объяснил робот сдержанно. — Я хочу сказать, в нормальном состоянии. Казалось, их цепи бездействуют. Но были и другие — те, которые командовали (Квик понизил голос) — и они были хуже, чем мы. Их программы были... неправильно составлены. Я не имею в виду господина, вы понимаете?

— Понимаю.

— Среди них были такие, у которых, казалось, неисправен блок контроля. Они делали то, что противно законам роботов, и сами страдали от этого... очень страдали. Но, в конце концов, они начинали сходить с ума, многие открывали люк и выбрасывались в пустоту.

— Ну, а сама Жаполка? — спросила Виллис.

В работе что-то слегка звякнуло. Таким образом он выражал ужас и отвращение.

— Нет, — сформулировал он свои мысли. — Эта была самой страшной. Зло доставляло ей удовольствие. Она как будто была... переполнена чернотой. Мне даже казалось сначала, что ей было необходимо питаться молодыми жизнями, что это было ее горючим... но это было нечто другое. Баки были для нее развлечением. Госпожа, у меня не хватает слов, чтобы выразить это.

— Да, Квик.

— Я всего лишь машина, — сказал он смиренно.

В соседней комнате Хелл застонал во сне, и Виллис показалось, что она услышала свое имя. Она бросилась к спящему. Но он был в беспамятстве, в той бездне, которую открыл ему «киит», и он жаловался на одиночество, ужасное одиночество, жаловался, что на него давит невыносимый груз...

— Совсем один, — говорил он. — Бесконечность, разбегающиеся галактики — а я один. У меня нет никого, не на кого опереться, ничего, ради чего стоило бы жить дальше. Я погружаюсь в эту пустоту. Навсегда...

Она изо всех сил сжала красивое мертвенно-бледное лицо с закатившимися глазами, почувствовала всю тяжесть этой головы для своих еще детских ручек и воскликнула:

— А я, Хелл?! Разве меня нет рядом с тобой? И разве я не останусь с тобой навсегда, на жизнь или на смерть?

— Да это же Виллис... — прошептал он, приходя в себя.

Захлебываясь рыданиями, она опустила голову.

Он хотел обнять ее, но его тело, неповоротливое и холодное, было целиком во власти наркотика. Виллис вытянулась рядом с ним на циновке и принялась укачивать его, как ребенка.

— Завтра, — сказал он.

— Да, завтра наступит рассвет...

— Виллис, если ты покинешь меня, у меня в этом мире больше ничего не останется.

На другой день они пошли в город, чтобы купить разрешение на брак.

Виллис думала, что это совершенно ни к чему, но таков был обычай. Нужно было сдать кровь, пройти собеседование, уточнить данные о происхождении.

— Планетарные власти, — загнулся каппелан голубого цвета, исполняющий обязанности секретаря мэрии, — могут воспротивиться такому союзу людей различных рас...

— Мы принадлежим к одной расе, — сказал Хелл. Он снова обрел былую твердость характера. Потом он положил на стол слиток золота. Каппелан покосился на него.

— Приходите завтра в это же время, — сказал он.

Они вернулись в свой дом на холме. Дождь прекратился на какое-то мгновение, и изумрудный туман растаял. За покрывающими всю округу тайнобрачными растениями была заброшенная взлетная площадка, заросшая грибом, из которого тот тут, то там виднелся то ржавый стабилизатор ракеты, то обломки фюзеляжа.

В этих радужных сумерках Хелл и Виллис уселись на своей террасе, утопающей в водяных растениях, чьи цветы расцветали и увядали невероятно часто. Этот плотный покров, пурпурно-красный и фиолетовый, оплетал опоры, и зеленые глаза Хэлла светились в этой тени, как два изумруда. Сердцу Виллис было тесно в груди. Хелл прижал ее к себе, может быть, даже слишком сильно. Только теперь они по-настоящему объяснились друг с другом.

— Видишь ли, — сказал Хелл, — мы похожи на эти космические корабли, которые созданы были, чтобы пересечь пространство, и ржавеют сейчас в плодородной земле этой планеты. Но у нас есть еще крылья, однажды мы взлетим.

— Мы должны сказать друг другу все, — взмолилась Виллис. — И как можно быстрее. Мы так мало знаем друг друга, Хелл. Если завтра мы умрем, наши души могут не встретиться...

Он смеялся, но взгляд его был жестким...

— Мы будем жить вместе долгие годы, Виллис!

И каждый истекавший час был коротким и бесценным. Звезды мелькали в черной бездне, и луны Геры казались бриллиантовыми розами.

На следующий день Хелл собирался уладить последние вопросы с оформлением брака. Виллис проводила его до дверей.

— Этим вечером мы станем супругами,— сказал он, остановившись у порога.— На счастье и несчастье. Я не знаю, имею ли я право... Ты ведь такая молодая, Виллис! Тебе лет шестнадцать, я думаю.

— Правда?...

Смеясь, она обвила его шею волнами своих волос:

— Ты... ты будешь молодым. Всегда!

Это был невероятно прекрасный день в начале осени, что соответствует знаку Тельца в Зодиаке, когда легкие перламутровые облака свободно пропускали лучи почти чистого сиреневого цвета, которые рассыпались в сыром воздухе, отражались от всех гладких поверхностей и от воды. Казалось, вся Гера купается в щедро разбросанных бриллиантах.

Хелл ушел, но сразу же вернулся.

На старинном, давно бездействующем камине из черного мрамора стояла керамическая ваза с желтыми нарциссами, а рядом на блюде лежали длинные зеленовато-желтые плоды, благоухающие медом. И Хелл, который не особенно обращал внимание на окружавшие его предметы, вдруг сделал нечто неожиданное: он расправил стебли цветов, сложил золотые плоды в пирамиду. Потом нежно поцеловал Виллис и ушел с радостным смехом. Квик последовал за ним.

Время шло даже медленнее, чем обычно. Как всегда, Виллис занималась хозяйством. Насколько она помнила, все в этот день шло хорошо. Ничто не волновало ее, даже при ее повышенной чувствительности. Она вспомнила, правда, что видела этой ночью плохой сон: будто она стояла у раскрытоого окна, которое выходило на взлетную площадку, а за окном клубился туман, омытый кровью...

В два часа дня, выйдя на террасу, она заметила какую-то бесформенную массу, которая карабкалась вверх по холму. Это было нечто невообразимое — оголенные рессоры, обуглившиеся батареи и ячейки. Разбитый робот. Квик.

Она побежала к нему навстречу, скользя по грибу, пугаясь в во-дорослях, и упала перед ним на колени. Он даже не остановился. Он катился дальше, бормоча:

— Господин. В связи отказано. Господин, в связи отказано. Господин. В связи...

На лестнице он рухнул. Тогда до нее дошло.

Как оказалось, Хелл был сражен сильным разрядом едкого газа — беспощадным, типично земным оружием. Он звал ее перед смертью. Отчаянно. Но помещение центра коммуникаций, где это произошло, было уже занято чужаками в черном, и напрасно Квик пытался привести кого-нибудь на помощь: они превратили его самого в груду лома.

Но Виллис не хотела, не могла поверить, что все кончено. Хелл был ранен, пусть так, но он жив, он зовет ее. Она хотела было бе-

жать туда. Стальные руки — последнее, что еще жило в роботе, вцепились ей в лодыжки:

— Не надо, госпожа, — прошелестел он. — Геранцы принесут его.

— Квик, — сказала она, слабея. — Не хочешь ли ты сказать, что он мертв?

— Да, госпожа.

А дальше было еще кошмарнее. Ей привезли тело, и лицо его было уже той самой маской — нечеловеческой восковой маской с веками фиолетового цвета, с пожелтевшими губами с незабываемым выражением горестного удивления, что делало его похожим на лицо обиженного ребенка. Ну, конечно, она не могла уже ничем помочь: газ выел у него легкие...

Она просидела у тела всю ночь (ту самую, которая должна была стать первой брачной ночью...), отгоняя прозрачных летучих мышей, которые садились на покрывало, обмахивая веткой такое красивое перекошенное лицо. Потом она натянула покрывало... Огромная белая лежащая статуя отражалась в окне, как в ее сне, и на уровне груди была видна узкая полоска крови...

Виллис не умела молиться. Эта девушка, выросшая среди полумертвецов и машин, не знала, что такое смерть. Если бы Хелл открыл глаза и позвал ее, она легла бы рядом с ним и не удивилась бы.

На рассвете пришли какие-то люди. Это были не убийцы и не друзья, просто геранцы. Они сообщили, что какой-то отряд с Земли атаковал город, а потом скрылся. Тот, кто был, по всей вероятности, главой делегации, слабый седой старик, заверил Виллис, что все необходимое будет сделано и что Хеллу будут оказаны положенные почести. Самое главное — она поняла, что этот уставший народ панически боялся любых осложнений. Несчастный случай с чужаком был достоин сожаления, и это нужно было выразить подобающим образом.

И они унесли, словно какой-то неодушевленный предмет, тело того единственного человека, который держал ее в своих объятиях. И даже не было никакого смысла цепляться за него или закричать, чтобы его пожалели! Ей оставили свидетельство о браке на геранском языке, который она не знала. Осталась еще охапка мертвых нарциссов, плоды манго, которые начали издавать слабый запах — и обломки Квика...

Она вышла из дома. Из гриба торчали бесполезные обломки звездолетов. «Мое солнце, моя заря, — сказала она, — мы уже никогда не взлетим вместе...» До нее вдруг дошло, что со временем их первой встречи она звала его с в о и м с о л н ц е м и с в о е й з а р е й.

Потом она добралась до космодрома и купила билет.

Рейс на Сигму в системе Арктура.

Еще не чувствуя, что уже призвана туда.

Бегство.

Полет чужих кораблей в космосе.

Какой-то астероид.

И на этом шарике, что крутится по эксцентрической орбите — живое существо. Сколько уже рассказов начиналось так? И сколько еще так закончится?..

Только на этот раз живым существом был ребенок, а планетоид только что был атакован бомбами Зет...

Что ж, постараемся привести в порядок события, произшедшие на другой день после катастрофы. Итак, это был один из постов внешней линии защиты Солнечной системы в поясе астероидов, что за Плутоном. На голом утесе, лицом к лицу с гигантскими звездами, стояла одна из станций «последней надежды», их еще называли «галактическими маяками», откуда мощный передатчик вел на посадку поврежденные космические корабли. Это была одна из самых славных вех на пути к звездам.

Далекие звезды не могли обогреть этот небесный булыжник, ледяной и безмолвный. Но земляне построили на нем несколько домиков под прозрачным куполом, посадили гидропонный сад и оборудовали миниатюрный космодром. Первые строители хорошо понимали, что этого недостаточно, надо было создать что-нибудь похожее на настоящую жизнь. Пробурив глубокую скважину, они обнаружили, что этот крохотный шарик (каких-то пятьдесят километров в диаметре) обладал раскаленным ядром. Пришли другие люди, растопили лед двух кратеров, создали что-то похожее на атмосферу, посадили водоросли и традесканции, и с тех пор астероид, у которого даже не было названия, только номер, считался обитаемым...

После восстания роботов земляне перестали безоговорочно доверять своим компьютерам, и смотрителем маяка был назначен человек. И, учитывая частые случаи помешательства космонавтов на почве длительного одиночества, ему позволили взять с собой жену. Это был инвалид, который потерял обе ноги в катастрофе где-то у Плутона и, как говорили его товарищи, «был еще счастлив, что так дешево отдался». Ноги восстановить не удалось, а звание пилота восьмого класса гарантировало только частичную компенсацию. Понемногу он свыкся со своей электрической каталкой, а на маяке ему нужен был только электронный мозг да две руки, шутили его товарищи. Он никогда ни на что не жаловался. Звали его Ларс Рег, он был уроженцем одного из суровых и бедных районов Земли, который в незапамятные времена назывался Карелией. Его жена была довольно привлекательной пухленькой блондинкой, родом из прекрасной страны — Франции. Он называл ее «золотая ма-

лютка» и еще «ма шери». Они прекрасно ладили друг с другом, не говоря при этом ни слова: родители Изольды работали на Марсе в ториевых шахтах, и она была немой от рождения.

У них родились двое детей — девочка Диана и мальчик Айрт — абсолютно нормальные дети. Мать учила Диану шить, готовить, варить целебные настои из лекарственных трав, которые привились на астероиде, а также лечить ужасные космические ожоги. Ее сокровенным желанием было послать девушку на Уран, на курсы повитух (сама она еле оправилась от родов). Отец обучал Айрта принципам астронавтики, открывал ему мрачные тайны Млечного Пути: не было сомнений, что мальчик станет астронавтом.

Звездолеты пролетали мимо, обмениваясь новостями с маяком; Айрт довольно быстро научился управлять им. Мальчик подрастал, он любил безграничный океан — огромное поле гигантских бриллиантов и дрожащих спиральных туманностей. Он был хорошо развит физически — красивый боец, гибкий и стройный, как стрела. Рыжие кудри, казалось, жили своей особой жизнью. Из-за того, что он слишком долго любовался пространством и звездами, его серые глаза были какими-то отрешенными, словно подернутыми голубой дымкой.

Товарищи его отца сложились, подарили ему новый скафандр, и он время от времени начал покидать прозрачный купол и бродить по небольшому королевству, по планетоиду, который, будто заведенный, кружился по своей причудливой орбите. Год его равнялся тысяче девяностам дням и шести часам или десяти месяцам зимы с коротким летом...

Он много мечтал, то ли из-за земных микрофильмов, то ли от предрасположенности беспокойного ума. Он еще точно не знал, чего хочет: летать — ведь мир был таким огромным — или остаться со своей любимой семьей? Побывать на других планетах, таких прекрасных и разных, посмотреть вблизи на звезды, которые так похожи на глаза матери, послужить Земле, бороться, может быть, пострадать за самое великое дело... в общем, он был вполне обычным мальчишкой. Его сестра ни разу не покидала купол, ни разу не видела снов. Мать сделала ей пластиковую куклу, которую называли «Маленькая Сирена». Каждый вечер — время считалось по-земному — отец показывал и комментировал какой-нибудь земной микрофильм. Он начал с Библии, но очень быстро отказался от этого: ну что могли значить все эти истории о королях, о судьях и придворных, о выигранных битвах и уничтоженных народах для белокурой немой женщины и для детей, родившихся на астероиде? Потом он заметил, что Изольде и Диане в чтении больше всего нравятся напевные интонации, и начал читать им стихи.

Между вахтами на маяке все они собирались в салоне. Используя мебель с кораблей, потерпевших крушение, они создали в доме

почти земной комфорт. В огромном торцовом окне, где мерцали яркие, беспощадные звезды, висели даже тяжелые бело-розовые шторы в мелкую клетку. Детям они очень нравились.

Словом, семья устроилась, как устраиваются потерпевшие кораблекрушение на скале, куда их выбросил бурный океан...

А потом наступил тот день...

Вспоминая об этом, Айрт снова видел призрачный свет какой-то блуждающей звезды, что пролетела за сотни парсеков от них, озарив горизонт мимолетными вспышками золота и перламутра. Это было феерическое зрелище, которое сопутствовало короткому лету... На другом конце горизонта астероида занималась заря, и Айрт решил добраться до другого «конца света», принести мягких лишайников и спелых ягод с кустарников, вывезенных с Земли, наловить на озере раков. Да, их называли «ракчаками», хотя они, скорее, походили на студень... Мама и Диана очень любили их.

Итак, он вышел в своем скафандре и довольно быстро добрался до озера. В искусственных джунглях атмосфера была вполне пригодной для дыхания, и он осмелился снять шлем и начал первый раз в своей жизни жадно вдыхать этот воздух — настоящий земной воздух, пахнущий холодной водой, рябиной, диким гиацинтом — настоящий аромат земных перелесков, неведомый до сих пор. Он рождал в душе Айрта глубокие сокровенные ассоциации... В самом деле, это было так красиво — верхушки огромных папоротников казались посеребренными перламутровой росой, и на концах широких лепестков водяных лилий тоже дрожала роса, сверкая гигантскими бриллиантами. Когда Айрт оказался рядом с водной гладью, на отлогом спуске, покрытом мхом, он почувствовал, как сердце его сжалось, словно от какого-то предчувствия. И только. И уж совсем никакого предчувствия не было у него, когда перед уходом он поцеловал свою мать в висок, рядом с седой прядью, которую отец заметил только вчера: «Что, Изя, твое золото стало серебряным? А разве не вчера я привез тебя на этот астероид, где мы столько выстрадали — и где мы были так счастливы?» К ним тогда подбежала Диана, волоча за длинные волосы Маленькую Сирену.

— Айрт, ты принесешь мне клюквы?

— Ну, конечно.

— И колючих каштанов. И морской капусты.

— Да, да...

— А если ты найдешь эти красивые штуки — ну, такую, с одной стороны белую, а с другой — розовую, — она сложила руки чашечкой, — скажи, ты мне сорвешь хотя бы одну?

Он отстранился, разжимая нежные, но цепкие пальчики.

— Диана, тебя зовет мама. Иди. В гидропонном саду есть цветы...

Но девочка скривила гримаску:

— Да, но я хочу цветок, растущий на свободе!

— Я обещал тебе — значит принесу. Ну, иди же, Диана.

А наверху, на маяке, отец включил свет...

... да, он ничего не почувствовал, он был всего лишь тупым животным. Дикарем. Он даже не понял, что видит их всех в последний раз. Он был захвачен открывающимся перед ним загадочным миром, неописуемой прелестью дикого ландшафта под звездами наступающих сумерек, в которых поблескивали фосфоресцирующие лишайники, волнующейся воды в озере, окруженном обрывистыми стенами кратера — жалкой копией гигантских океанов Земли...

В мелкой воде вокруг маленького астронавта кишила масса космических медуз. Они прилипали к ногам, волочились за ним среди тонких стеблей болотных растений — он рвал их охапками, впремешку с плавучими водорослями, глубоко вдыхал их запах, погружал в них лицо.

Все-таки лето на затерянном астероиде было чрезвычайно благодатным, все цвело, а над озером клубился перламутровый туман. Охваченный сладостной истомой, Айрт опустился на колени в высокой ранней траве, потом лег и, сорвав стебелек, начал жевать его: он был сочным и немного горьковатым. «Так вот она какая, Земля, — подумал он. — С тонким ароматом, покрытая зеленью, теплая, плодородная. И как хорошо лежать вот так: ни о чем не думая, глядя на звезду — самую далекую, самую чистую, самую холодную...» Он бездумно поискал глазами Полярную звезду.

И как раз в это мгновенье глухой толчок потряс астероид. Что это было, Айрт не смог понять. Он потерял чувство времени, скопре всего, он перемещался в нем по своей воле. Позднее, значительно позднее, Вселенная поймет, какая ужасная мощь проявилась в это мгновенье. Айрту, который успел в это время слетать к Полярной звезде, показалось, что он просто задремал на несколько секунд. Голубой бриллиант Веги спустился к горизонту. Охапка собранных трав, несколько увядшая, распространяла вокруг себя нежный и грустный запах увядющей зелени. Похолодало.

Мальчик поднялся с травы. Ему стало стыдно, что он так задержался, родители, наверное, уже беспокоятся. Он сбросил в воду несколько медуз, слишком сильно светящихся, сорвал три поникшие лилии и побежал. Он уже представлял скорую встречу со своим маленьким семейным очагом, улыбку матери — «привет, малыш!» — Ларса Рега и Диану, танцовщицу от радости при виде лилий. А он скажет им: «Привет, маман! Привет, Диана! Вот, папа, медузы, то есть, я хотел сказать, ракчи!»

На плато было холодно, воздух был тяжелым, и с каким-то нехорошим предчувствием в глубине души мальчик натянул шлем и застегнул скафандр. «Мама будет довольна, я был осторожен...»

Это были его последние беззаботные мысли. Дальше начался

сплошной кошмар. Тусклый свет звезд освещал пустынное плато, на котором ни одно здание не отбрасывало больше своей расплывчатой тени, а сами звезды не отражались больше в зеркальной поверхности синтетического купола — на плато просто ничего не было...

... «Понимаете, командир, вообще ничего! Ни станции, ни маяка. Ни отца, ни матери, ни сестренки. Ничего, кроме опаленной скалы, обломков металла и пепла. И, боже мой, этот ужасный запах! Я побежал, не разбирая дороги, мой скафандр лопнул, колени были разбиты в кровь, я был весь ободран... Я кричал, звал их... но вокруг была только тишина, а в небе виднелась розовая комета, она уже исчезала. На какое-то мгновение я подумал, что все это натворила комета, но нет, она проходила слишком далеко, в десяти парсеках, по крайней мере. А в самом центре плато, там, где раньше стоял маяк (я это высчитал потом), я наткнулся на огромный металлический знак земного происхождения с надписью «МРАК»... Что это значит, командир?!. Что это значит, объясните мне?!

Астронавт-землянин, подобравший на астероиде полубезумного от отчаяния и ярости, отважного и упорного мальчика, который окровавленными пальцами скреб лед и пепел, до конца выслушал бессвязный рассказ. Потом он размял фаланги своих застывших пальцев. Он сидел у амортизационного ложа и смотрел с не слишком глубоким сочувствием на хорошенъякого зверька, рожденного для игр и спорта, который корчился от горя, слишком сильного для него; о таком он и не подозревал в своем царстве снов и звезд. Астронавт был спокоен, насколько это возможно для человека, который спустился в ад и оставил там половину своей души. Прядь волос цвета воронова крыла ниспадала до самых бровей, словно нарисованных кистью художника. Этот человек, Ральф-Валеран, командир второго класса арктирианских эскадр особых поручений, принадлежал к большому и знатному роду и был наследником многочисленных титулов. Но все это были пустые звуки, и он сам хорошо это знал... Он напоминал один из тех старинных портретов, которые в стародавние времена висели в феодальных замках — и, действительно, был последним представителем древнего королевского рода. Он иногда вспоминал эрцгерцога Франца-Генриха, изображенного на картине, в красном костюме для охоты, его разболтанную фигуру с невероятно тонкой талией и широкими плечами. Вспоминал он иногда и Орза-кибернетика, который имел обыкновение устало прикрывать глаза своей длинной узкой ладонью артиста или хирурга. Такой же взгляд, цвета небесного камня, можно было встретить и у Христиана VII, последнего императора Еврафики.

Ральф-Валеран предпочитал не вспоминать об этих признаках вырождения.

Сейчас он командовал кораблем арктурианской эскадры. Он посетил Полярную звезду, созвездие Весов, созвездие Кита, а также Землю. Остальное не считалось. На Сигме, в центре Самарры, ее столицы, у него был дворец из розового мрамора, похожий на жемчужину в своей раковине. Он мечтал, как однажды, заплатив все долги Двойной Звезде, приютившей его соотечественников, заживет в свое удовольствие в этом прибежище из яшмы и рибелянита. Гипностены будут наигрывать ему гармоничные мелодии Листа и Прокофьева, создавать стереообразы блестящих эпох Земли. Он даже сможет воссоздать свою семью... ведь архивы Сигмы фундаментальны, а его воспоминания совершенны...

А теперь вот появился этот мальчик, сами мысли которого взвывали о помощи.

С некоторой скучой он полистал его досье.

Ну конечно, кто-то из членов экипажа сфотографировал эмблему, которая слишком глубоко засела в почве, чтобы ее можно было извлечь и увезти с собой. В ее значении не могло быть никаких сомнений: этот знак фигурировал на многих знаменах.

— «МРАК», — прочитал он.

Да, преступление было подписано. Но почему они напали на этот полузабытый маяк?

— У нас не было ни оружия, ни радаров дальнего слежения. Но это было последнее людское обиталище в системе... Может быть, поэтому?..

— Ну что ты задаешь мне все эти вопросы? Ты хочешь отомстить?

Все это было смешно и жалко.

Ну, конечно, не было никакого сравнения между Великим Злом, которое угрожало Галактике, и горем этого красивого зверька, рожденного для борьбы и спорта, который сейчас привстал на ложе и смотрел на него взрослым взглядом смертельно раненного человека.

— Я хочу знать, — сказал Айрт глухим голосом. — Мне нужно знать...

Валеран велел сделать ему успокаивающий укол и ушел. Корабль должен был вот-вот коснуться плит астропорта Сигмы, и принца Валерана Еврафриканского вызывали к стереовизору.

Он и так уже извел слишком много времени на эту душепитающую, жалостливую историю...

Исход...

Некоторые, привилегированные, прибыли первыми. Они тотчас заняли свое место в гармоничном арктурианском обществе.

Великое созвездие принимало землян по-братски. Ведь в спра-вочниках свободных звезд оно фигурировало под именем не Воло-паса, а Пастьря... Со своими гигантскими солнцами, голубыми и белыми, целым роем планет, необыкновенное звездное скопление стоя-ло в зените космоса, являясь вождем и защитником многих дру-гих созвездий. Его могущественные эскадры бороздили космос с незапамятных времен. В арктурианских хрониках сохранились сведения о том, что в незапамятные времена корабли со звезд по-сетили маленький голубой шарик в Солнечной системе и научили диких землян строить города, производить стекло, окрашивать ткани в яркие цвета и играть на флейтах из тростника. А теперь эмигранты из Солнечной системы с избытком отдавали долги. И в самом деле, вот уже тысячетелетия арктурианцы, изысканнейшая раса, находящаяся на грани упадка, жили в сказочном мире гар-монии, игр и развлечений. Они были так совершенны, что обычная реальная действительность наносила им неизлечимые душевые ра-ны. Экипажи арктурианских эскадр состояли теперь почти исклю-чительно из землян. А руководил ими Ингмар Кэррол, великий ад-мирал и космический префект Сигмы.

Именно в его семье и нашел пристанище беглый принц Валеран. Он подружился с Лесом Кэрролом, сыном адмирала, и они постави-ли перед собой химерическую цель: освободить Землю. Конечно, это были всего лишь юношеские мечты. Для Валерана это было се-рией заранее запланированных поражений. Правда, он никогда не признавался в этом своему товарищу. А для Леса, который никог-да не видел Голубую планету, ее полушария были настоящими поэмами, он застыпал в восхищении, прочитав или услышав об ее жемчужных полярных шапках, о величественной смене времен го-да и о загадке ее магнитных полей. Он отдавал весь свой пыл их за-нятиям, и Валеран не мог знать, что в его чистых, как кристалл, мыс-лях Земля представлялась ему с лицом женщины...

Иногда, прослушав очередной цикл лекций по геофизике или астронавигации, молодые люди шли прогуляться в окрестностях школы. В ограде искрились крупные опалы и галиты, а над импер-ской Самаррой северные сияния простирали свои роскошные раз-ноцветные ковры. В садах нижнего яруса цвели большие таин-ственные цимбидии, коложинии, похожие на огромных, грациоз-ных сказочных зверей, звездоподобные платанатеры — все эти цве-ты напоминали фей и химер. И как приятно было провести время на теплом озере с фиолетовой водой... Но Лес Кэррол, «первый сын

принца», как в шутку называл его Валеран; юноша, который мог бы свободно пользоваться всеми этими бесчисленными сокровищами, предпочитал разговаривать и мечтать о другой планете цвета ночи и крови...

— Мы освободим Землю! — объявлял он. — Она снова будет свободной и могущественной, и ее корабли будут бороздить пространство. Борьба будет жестокой, но разве это не самая лучшая судьба: быть участником и зрителем такой невиданной эпопеи?!

— Ты помнишь о битве Ангелов? — спокойно отвечал ему Валеран.

Он не сомневался, что великий адмирал наложит вето если не на все предприятие, то во всяком случае на участие в нем своего сына. Но он так думал, не учитывая упорства Леса, его ангельского коварства: в тот самый момент, когда он возвращался из разведывательного полета на Землю, его товарищ готовил тайную экспедицию Морозова.

Итак, они не встретились. К тому же, Валеран спешил и сам: он получил срочный вызов в Главный Парapsихический колледж, который называли также Центром Мутаций.

Было утро, и Валеран был не прочь снова повидаться с Сигмой, облетев ее на гелико. В этот час она походила на один из тех стилизованных пейзажей, которыми он любовался когда-то на голубой планете. Сигма была шаром, немногим более крупным, чем Венера. Получив разрешение на жительство, земляне основали там самую могущественную из своих колоний.

Обладая прекрасным климатом, этот мир состоял в основном из аметистовых океанов, заросших пурпурными водорослями. Несколько мастерски надстроенных небольших континентов служили местонахождением городам сказочной роскоши. Преимущества приморских городов были признаны повсюду, а Сигма возвысилась над всеми своими соперниками. Она обладала современным космодромом для своих эскадр и Центром астронавигации с гигантскими ангарами, она гордилась своим Астронавигационным колледжем, единственным в космосе, своими ракетными заводами, запускающими в космос тысячи летающих крепостей, своими летающими доками, в которых можно было устраниТЬ последствия самых серьезных аварий. Вторая гуманоидная планета жила, полностью сконцентрировавшись вокруг своих космодромов, и лишь иногда отражалась в очень похожем земном прошлом, как в объемном зеркале.

Самарра, ее столица, благоухала, как древний Карфаген, экзотическими цветами своих садов, среди которых были диксвонии с Венеры, и земные орхидеи, и солнечные розы с Андромеды. Она отражала в своих каналах, похожих на венецианские, храмы и дворцы, украшенные драгоценными камнями и искусственными минералами, которые затмевали аквамарин и хризопраз, а в ее амфи-

театрах из нефрита и желтого мрамора с зелеными прожилками, вывезенного с Денеба, проходили такие великолепные игры, которые заставили бы покраснеть от стыда цезарей древнего Рима.

«О прекрасная Самарра,— подумал Валеран словами национального гимна,— богатейшая и могущественная Самарра! Ты так похожа на Землю, ты настоящая новая Земля! У тебя есть космодромы и верфи, сады и мудрые правители... — Его левая бровь слегка приподнялась, выдавая некоторое раздражение и усталость.— У тебя есть мудрый Сенат, в нем заседают принцы-торговцы, для которых «кредор — всегда кредитор», и еще Совет Пяти, высший правящий орган, занятый политикой и финансами, такой грозный, что простые космонавты, как я, например, не должны даже упоминать его вслух... Он анонимно финансирует три четверти арктурианских экспедиций. Трое из его членов — земляне, а его президент Ингмар Кэррол обладает двумя голосами. Итак, получается четыре голоса против двух и, в случае чего... Вот это власть — о таком даже мой бедный дядя Христиан VII не мог бы и мечтать. И его всемогущество адмирал вызывает меня сегодня в Центр Мутаций. Для чего бы это?»

Его аппарат точно опустился на террасу белого здания, стоявшего среди белых пальм и пурпурных сигмианских сосен. Парапсихический колледж представлял собой цепь дворцов из мрамора, яшмы и малахита, похожих на старинные азиатские шатры и утопающих в буйной зелени странного вида. В аллеях стояли статуи великих космонавтов, в звездчатых водоемах журчала вода.

Движущийся тротуар доставил Валерана в зал аудиенций. Космонавт, впервые оказавшийся в Центре, рассеянно отметил резкий контраст между звездным величием здания и внутренним его убранством, которое старалось передать исчезнувший навсегда облик старой Земли: золотые гирлянды, цветы и фрукты, барельефы какого-то Людовика, тяжелые пурпурные драпировки...

«Как это все фальшиво! Но как приятно! И как мало похоже на современную Землю...» Она оставила у него на губах вкус крови, ощущение тяжести атомного дезинтегратора на плече и воспоминания о беснующихся толпах на космодромах... Когда он выходил в просторный амфитеатр из голубоватого мрамора, до него вдруг дошло это чувство потрясающего совпадения между состоянием его души и давящей гармонией окружающей обстановки. «О, великий Космос... эта беспощадная музыка... этот дворец, где для его удовольствия играется Бетховен... ну конечно, IX симфония...» Неожиданно золотые гирлянды и обстановка XVIII века исчезли с последней, затихающей нотой, и Дворец Мутаций принял свое обычное строгое обличье. Валеран понял, что дворец воссоздал перед ним в слуховых и зрительных миражах то, что он любил больше всего, и эта подделка ужаснула его. Если арктурианцы будут использовать,

несмотря на все свои добродетели и высокую культуру, такое совершенное «приворотное зелье», что же будет с землянами? Он тотчас вспомнил, что его собственный дворец в Самарре должен быть оборудован такими же гипноустройствами и дал себе слово однажды опробовать их.

Но ему сразу же стало стыдно за эту слабость и страстно захотелось снова очутиться в космосе с его привычными опасностями, с его пустотой, его обнаженными звездами, которые он облетает на послушном звездолете, который дрожит и артачится, как норовистый скакун, но потом спокойно принимает любые ускорения. На том самом звездолете, на котором он был, как указывала старинная формула «первым после бога в космосе».

Да, не следовало возвращаться на Сигму: он ведь уже забыл ее экзотические соблазны.

Теперь было слишком поздно бежать. Певучий голос андроида произносил его имя, и двери открывались. В какой-то момент ему показалось, что его ведут в зал Справедливости, где заседал Главный Трибунал — но нет, он ведь только что прибыл, никто не мог знать... В полном недоумения он прошел по длинному, ярко освещенному коридору, поднялся на головокружительно крутом эскалаторе и попал в вестибюль, где андроиды надели на него белую маску и белую накидку. Итак, ему придется присутствовать при операции... Высокий, худощавый и гибкий арктурианец с благородным лицом, с прекрасными руками великолепного хирурга вышел ему навстречу и слегка поклонился (медицина и особенно хирургия до сих пор принадлежала к тем редким специальностям, которыми занимались настоящие арктурианцы — тут они были неподражаемы).

— Она в коматозном состоянии, — сказал главный хирург. — Она не узнает вас. Но ваше присутствие необходимо: вы единственный ее родственник на этой планете.

— Но... о ком идет речь? — спросил Валеран.

Врач, казалось, не слышал его. Он увлек Валерана за собой в залитый ярким светом зал, к операционному столу, накрытому чем-то вроде савана. Слепящие лучи огромного светильника дробились в металле. Это было похоже на пульт звездолета, каким обычно пользовались гуманоиды... Медсестра, схожая с белым призраком, отдернула покрывало.

... Лицом к лицу с кровавой плотью, которая еще сохраняла подобие человеческого тела, которая еще дышала, страдала, может быть, Валеран был готов от всего отречься, все опрокинуть, и за какую-то ничтожную долю секунды его судьба могла стать совсем другой...

— Кто же это? — спросил он с трудом.

— Астрид Еврафриканская. Пятая дочь вашего императора.

Так это была Астрид! В голове Валерана вспышками промелькнули образы — фальшивые, вызывающие раздражение, но в то же время привлекательные — все, что родная планета хранила для своих последних принцев... Он увидел голубой шифер на крышах крепостных башен, благородный ордер фасада замка, который сохранился в первозданном виде благодаря консервантам, зеленые парки, по которым в колясках с разукрашенными по старинной моде, пританцовывающими лошадями проезжали призраки, озера, где плавали голограммические лебеди. Он вспомнил и наивного веселого ребенка, девочку с длинными локонами и острыми коленками, которая бегала вместе с ним среди этих призраков. Да, прошлое возвращалось. Первые балы, первые волнения, милые и глуповатые «стандартные ситуации» детства: «Кузен и кузина — опасная картина... Уроки любви в глухом уголке парка», и шепот усыпанных бриллиантами старых фрейлин, сбившихся в кружок.

— Конечно, Астрид только шестая на ступеньках трона. Боже храни императора!

— Но ведь Аэрс такой хрупкий, бедняжка...

— А Анна так набожна!

— Вы говорите «набожна» с таким выражением, словно хотите сказать, что она безобразна или что у нее сенная лихорадка...

— Нет, нет! А вот Астрид будет очень хорошенская!

Места по рангу, разговоры о наследстве, этикет, чем-то похожий на этикет Кастильского двора в 1500 году. И все это бессмысленно, привлекательно и безнадежно архаично... И все это покатилось в бездонную шахту, которая выплюнула сегодня эту кровавую пясть...

— Астрид... — повторил Валеран. — Она умирает, да?

— Она не так уж далека от смерти, — сурово ответил арктурианец. — Ее сожгли огнеметом, и она выжила только потому, что упала под вагон метро. — Все этоказалось Валерану невозможным, абсолютно невероятным... — Что касается других...

Он махнул рукой, что на всех языках означало только одно: конец...

— Один из наших разведывательных кораблей смог собрать то, что вы сейчас видите. С большим трудом ему удалось сесть на Уране, и под предлогом смены двигателя переправить останки принцессы на корабль-госпиталь.

— Она умирает. Уйдите. Оставьте меня с ней.

— Это бесполезно. Она не сможет узнать вас, — сказал чей-то суровый голос с земным акцентом, показавшийся ему странно знакомым. Он был похож на голос Леса Керролла, но в нем слышалась только сталь. — Вы должны принять решение, принц Валеран. Вы ведь были с нею помолвлены?

— Да... то есть, нет... Это была своего рода игра. Она была слишком молода, и мы принадлежали к одной семье.

— Вот именно. Сейчас вы должны решить ее судьбу.

— Что?! Но вы же не можете спасти ее!

— Верно, мы ничем не можем помочь ее телу. Его жизнь поддерживалась до сих пор искусственно, благодаря питательной среде... Объясните ему, Ариц.

— Да, кожа сгорела,— сказал высокий арктирианец с какой-то странной нежностью в голосе.— Сохранилось только несколько жизненно важных органов, и среди них — мозг. А 120-я статья межгалактического кодекса запрещает нам бесконечно хранить «человеческие останки в консервированном виде». Итак, вы должны решить...

— Это ведь такая драгоценная кровь...— сказал стальной голос.— Не думайте, что мы так наивны: речь идет о символе. Для землян на Арктире эта девушка — все, что осталось от Земли. От их Земли.

И Валеран тотчас вспомнил Христиана VII, который отвечал своим тусклым и грустным голосом верным придворным, умолявшим его эмигрировать: «Мы не можем оставить Землю. Мы сами и есть Земля...»

— Но вы говорите,— крикнул принц (или ему показалось, что он крикнул?), — что не можете спасти ее тело! Если остается только эта куча законсервированных остатков, то что же вы собираетесь из нее сделать?!

— Биоробота.

Мог ли он — должен ли он был лишить ее этого последнего шанса? В час выбора он снова понял, кем он был на самом деле — земной принц, довольно незамысловатое существо, которое в общем-то, верит в свою исключительность. Предки Валерана поклонялись культу расы. В их экспериментальных лабораториях посредством скрещивания и инъекций создавались гибриды, и в том, что прекрасно сохранившийся и отделенный от несовершенного, безжизненного тела мозг будет помещен в черепную коробку андроида, не было ничего сверхъестественного. Конечно, хирурги и невропатологи Сигмы творили чудеса. Так можно было бы сохранить всех последних землян «старого двора» — древнего маршала, старого камергера, фрейлина — всех, кто знал прежнюю Астрид. А потом терпеливо, мало-помалу, подбирая то аметистовый оттенок радужной оболочки глаза, то магнолиевую бледность лица, можно будет создать настоящий шедевр, живую статую, и она будет еще совершеннее, чем настоящая Астрид... если бы она была жива. К тому же, биологические андроиды всегда получались красивее, чем люди.

Он еще долго думал, но потом дал согласие и поставил подпись.

Выйдя с территории Центра и не встретив, к счастью, никого из знакомых, он зашел в первое подвернувшееся злачное место на

космодроме, отказался от опиума и схрауи, а также местных сегхиров, и основательно напился.

На рассвете, вернувшись в адмиральский дворец, он увидел Леса, как всегда аккуратного и бледного, в летной форме. Он пришел прощаться. Валеран был еще достаточно пьян, чтобы толком передать Лесу все свои мысли. Коротко пересказав ход событий, он прошел сквозь зубы:

— Я же не мог отказать ей в этом, да?

И Лес ответил, как и следовало ожидать:

— Да, не мог.

Позже Валеран вспомнил, что в изголовье Леса, влюбленного в Землю, висел портрет пятой принцессы...

А потом?

Потом прошли месяцы. Годы. Шел курс адаптации, ужасно долгий и трудный. Еще несколько веков назад один ученый писал: «...самым трудным этапом является соединение коллоидального механизма с электрической системой».

Между экспедициями Валеран находил время посетить Центр. Он узнавал, что там происходили странные чудеса, что величайшие умы Арктура создавали из живой плоти оружие, предвидя будущие беспощадные битвы с врагом. Но все это мало интересовало его, он спешил к Астрид. Стадия адаптации мозга, искусственно питаемого, помещенного в капсулу, успешно миновала, наступила стадия формирования андроида, движимого электрическими импульсами, с гибкими суставами и крепкими мускулами.

При первом свидании Ральф оказался лицом к лицу с бессмысленным коконом, по которому время от времени пробегали судорожные пульсации. В следующий свой визит Ральф увидел застывшую безликую маску и неподвижное тело...

Лес исчез. Он улетел на встречу с незнакомой, опасной и страшно любимой Землей. Конечно, Валеран должен был предупредить его, что нельзя посетить ее безнаказанно. Но они больше не встречались. Принц Еврафиканский, словно зачарованный, продолжал ходить в Центр Мутаций; после каждого полета — к этому ложу... До него начал доходить смысл старинного земного выражения, несколько сатанинского: нелюбовь. «Я ненавижу тебя и не могу обойтись без свиданий с тобой...» — говорилось в старой песне одного из народов Земли, которому когда-то пришлось много выстрадать.

Наступил день, когда она смогла управлять своими рефлексами.

Однажды она подняла руку. Левую. Правая оставалась неподвижной из-за обрыва цепи.

Однажды красиво очерченные губы разомкнулись, и она прознесла: «Р-р...Ральф...»

Он тотчас вышел. Его вырвало.

Талестра думает:

В то время, как на Сигме происходили все эти события, когда в созвездии Рака вспыхнула Новая, когда какая-то комета задела своим хвостом несколько незначительных звездочек в Гиадах, когда, спрятавшись от подступившего врага в погребе, какая-то женщина-мать на Земле душила своего ребенка, чтобы он не кричал, когда собака нашла своего убитого хозяина и лизала ему лицо, когда десятки собак — и тысячи собак... когда потоки и пучки частиц встречались в космосе, когда одни миры рождались, а другие — нет, (и все это я знала), когда в одно и то же время на деревьях наливались плоды, а люди умирали с голода, когда узник выпрыгнул в окно, чтобы избежать пыток, когда один ученый нашел способ победить рак, а другой ученый — как опрокинуть вселенную (оказалось, что оба они ошибались. Я проникла в их мысли. И не могла же я знать...)

В то время, как происходили все эти события, и много других, я, Талестра, кончила тем, что обнаружила две опасности, две угрозы. Да, две. Именно в этом заключалась трудность.

Заряд взрывчатки поместили в систему снабжения горючим, а прибор, создающий помехи, — на пульте управления.

У меня не было времени, чтобы обдумать и определить, кто подложил эти штуки. На первый взгляд, это мог быть электроник. Прибор, создающий помехи, был страшно опасен, но взрывное устройство вызывало большее беспокойство. Тогда я сотворила одну штукку, которая требует определенного умения: я переместилась в пространстве. Казалось бы, это такая безделица, но попытайтесь сами как-нибудь! Я обнаружила заряд в глубине трюма (если можно так выразиться). Люди сбились там, как сельди в бочке. Во всяком случае, мне так показалось. Пожалуй, они одурели, когда я материализовалась.

В центре толпы.

Тут я обнаружила, что дело идет к катастрофе: заряд был в капсуле, прикрепленной к трубе. Циферблат на ней показывал, что через несколько минут он сотрет нас всех в порошок... а дурачье вокруг думало, что это обычный корабельный прибор. Но самым неприятным было то, что я забыла, какой была слабой, с моими тонкими, как спички, ручками. Слабой, когда не надо было изменять облик

или переноситься в пространстве. И теперь я держала эту капсулу обеими руками и никак не могла остановить ее адское тик-так! Все, что мне удастся, это взлететь при взрыве на воздух раньше всех... Когда он грянет, естественно.

И я мысленно закричала изо всех сил:

«Лес! Лес Кэррол!»

И откуда-то сверху, оттуда, где должен находиться верх, меня резанул хрустальный голос:

«Ну, что ты от меня хочешь, противная девчонка?!»

Он следовал за мной! Он понял, что полупрозрачная фигура в углу — это я!

Я так возликовала, что заговорила во весь голос:

— Лес Кэррол, вот она! Я не могу сказать, что это... даже подумать... здесь есть телепаты! Ну, эта штука, вы знаете... она взрываетя. Я держу ее в руках.

— А... а... А-а-а-х-х-х...

В одно мгновение меня сплюснули, как ту селедку.

— О... ох... она ее держит!!!

— А дальше что? — спросил невозмутимый голос.

— Я ничего не могу с нею сделать... она запаяна.

— Она запаяна, — подтвердил чей-то низкий, но дрожащий от ужаса голос над моей головой. — Она так говорит.

— А если посмотреть?..

— Подождите, я сейчас вытащу зажигалку...

Только этого не хватало! Я хотела заорать, но кто-то набросил мне на голову толстое покрывало — оно показалось мне тяжелым, как свиней. Зажигалка, которая при максимальном пламени может заменить паяльник! А я даже не знала, из чего состоит заряд мины... Я думаю, что Лес тотчас все понял. Когда сверкнуло пламя, я услышала, как кто-то ворвался в помещение, и услышала удары во что-то мягкое.

Позднее, когда Леса просили рассказать об этом гомерическом бое, он говорил следующее:

— В помещении было полно женщин и отставных военных. Некоторые из них, уроженцы Нептуна, были трех метров в диаметре. Я ткнул головой в живот того, кто игрался с зажигалкой. Потом схватил за лодыжки другого умника и начал молотить им направо и налево. Естественно, Морозов перед этим отключил искусственную гравитацию, и все эти деятели ничего не весили. Я нашел девчушку полузадавленной под кучей спасательных скафандров и надувных матрацев, но она не бросила машинку, она прямо-таки вцепилась в нее... Понадобилось немало усилий, чтобы обезвредить мину.

— А злоумышленник? — спрашивали обычно.

— О!.. Его втянуло в трубу вентилятора, когда отключили искусственную гравитацию, представляете?

— И тогда?

— И тогда,— говорил Морозов с грустной улыбкой,— я воткнул ему в сонную артерию спицу. Видите ли, у меня не было другого оружия...

— Это был электроник?

— Нет, кибернетик.

Между тем, пока мы там, в трюме, входили в межзвездную Историю, ад проник в рубку...

Оказалось, я недооценила прибор, создающий помехи. Когда мы, помятые, усталые и ободранные, пробились через клубки парящих людских тел и показались в рубке, мы были просто счастливы... Временами, как мне казалось, Лес тащил меня за волосы, а я, похоже, случайно куснула Морозова за ногу.

К счастью, электроник (я мысленно извинялась перед ним) в нужный момент открыл входной люк, и мы тотчас рухнули на то, что было в этот момент полом. За секунду до этого Морозов добрался до пульта и включил гравитацию.

— Ну? — спросил он, усевшись среди обломков.

Лес рассматривал экраны.

— Что ж, мы сбились с расчетной траектории и летим сейчас с энной космической скоростью. Я не понимаю...

Я вытерла кровь (пробираясь сюда, я упала лицом в кучу обломков и поранила губу).

— Это все вторая капсула, красная. Но ее больше нет. Вот все, что от нее осталось,— я показала на обломки и оборванные провода.

— Она права! — воскликнул электроник, он глядел на меня с ужасом и уважением.— Тут была красная капсула. Дьявол!

— Не ругайтесь! — Морозов поднялся с пола, облаченный, как всегда, в свое достоинство и набедренную повязку, усеянную осколками.— Здесь ведь девушка!

— Я думаю,— задумчиво сказал Лес,— после того, что она слышала в трюме, ей можно слушать все. Так что вы сделали с этой капсулой, Гейнц?

— Я разбил ее вот этим! — и он поднял окровавленные кулаки.— Когда мы начали беспорядочно смещаться, я решил поискать как следует. Она была встроена вон там, в цепи коррекции, я никогда раньше ее не видел! Я понял, что ее надо тотчас уничтожить, иначе она унесет нас к дьяволу. Я так и сделал, но было поздно.

— Не понимаю,— сказал Морозов.— Что же, она действует до сих пор?

— Мы уже набрали скорость,— ответил Лес. Он казался утомленным. Повернувшись ко мне, он протянул платок:

— Выти... губу, она у тебя кровоточит. Ты знала, что этот прибор здесь?

— Да, я почувствовала его одновременно с мной.

— Почему же ты ничего не сказала?

— А когда? Тот, кто их установил, был телепатом, а мина должна была вот-вот взорваться, и мне нужно было как можно быстрее предотвратить взрыв. А потом меня погребли под надувными матрасами...

— Ты права. Мы обязаны тебе... обязаны жизнью! Спасибо.

Я сразу заважничала и поднялась с пола, который раньше был потолком.

— Так что же,— сказал электроник сурово,— Даджи был чумным?

— По всей видимости.

— И он хотел взорвать нас всех и себя заодно?

Морозов вздохнул:

— Безответственность — один из симптомов...

— Но не совсем ясно вот что: зачем ему нужны были помехи на пульте?

— О!.. — ответил наш интеллектуал,— это было нужно для страховки. Он хотел уничтожить нас наверняка.

— Но для чего это ему,— электроник сформулировал мысль с ослепляющей логикой,— если бы он умер в ту же секунду?

— Психология этих чудовищ,— продолжил свою лекцию Морозов,— почти так же непредсказуема, как психология умалищенных. Это напоминает мне историю одного типа, который, проглотив две склянки снотворного, перерезал себе вены на руках и привязал груз к ногам. Потом он затянул веревку на своем горле и бросился в реку...

— И погиб?

— Конечно, нет.

— Ну, ладно, так мы ни до чего не договоримся,— прервал разговор Лес из-за пульта управления.— Мы летим неведомо куда. Держитесь как следует и пристегните ремни. Я запускаю двигатели обратного хода, хотя, скорее всего, они нам не помогут.

Такие же распоряжения он отдал через интерком пассажирам.

И на «Летающей Игле» снова начался ад. Я не знаю, о чем могли думать эти несчастные люди в нижних помещениях корабля, когда на них навалилась сила двойного торможения. После всех этих ускорений, торможений, вращений все мы, кроме Леса, привязанного к пульту, очнулись среди разбитых приборов и оборудования и услышали голос командира, который невозмутимо сообщил нам:

— Ничего не поделаешь. Я надеялся, что притяжение Нептуна поможет нам затормозить. Ничего не получилось. Эх, Нептун! Мы выскочили из Солнечной системы и продолжаем лететь неизвестно куда...

— О! — протянула я жалобно. — К созвездию Лебедя, несомненно.

Морозов посмотрел на меня с интересом.

— Ты в этом уверена?

— Почти что. Я прочитала это в голове у типа в вентиляционной трубе. Только это название: созвездие Лебедя. Я хотела узнать еще что-нибудь, но вы несколько поторопились с вашей спицей...

Он прямо-таки позеленел:

— Не смей напоминать мне об этой спице!

— Откровенно говоря, — сказала я высокомерно, — у вас не так уж много в головке!

— Дрянная девчонка! Маленькое чудовище! Испражнение муравья!

— Кончайте ругаться, — прервал беседу Лес, он лихорадочно проверял показания приборов. — Что ж, так оно и есть — за точку отсчета я принимал Нептун, а наша траектория упиралась в созвездие Дракона. Учитывая неожиданное отклонение, нас понесло к созвездию Рака. На нашу трассу влияет усиливающееся притяжение гигантского звездного скопления. Короче, мы фатально приближаемся к созвездию Лебедя, а тот, кто скажет мне, что же такое на самом деле этот Лебедь, знает больше, чем Картографическая служба. Она довольствуется тем, что классифицирует его как одну из зон, куда полеты запрещены, располагает его «по соседству с созвездием Лиры» и предполагает там «самую большую плотность звезд в Метагалактике».

— Созвездие Лебедя! — воскликнул Морозов. — О! Дайте мне помечтать! Бездна, заполненная миллиардами астероидов. Вечная мерцающая ночь. Сверхтяготение солнц — представляете? Подумать только, даже время там другое: ускользающее, бесформенное, постоянно меняющееся... Метеориты, блуждающие звезды... дверь, открытая в бесконечность...

— Все это прекрасно, — прервал его Лес, вдруг снова ставший капитаном и «первым после бога на борту». — Будем надеяться, что одно из этих гигантских тел обладает достаточной гравитацией, чтобы погасить нашу скорость, иначе мы рискуем превратиться в «Летучего Голландца» гиперсферы. Нам не повезет, если мы встретим на пути плотную массу тел со слабой гравитацией. Спектроскоп уже показывает плотную газообразную массу...

— Мы превратились в настоящую комету! — возликовал Морозов. — Так оно и есть. Только обычная комета не несет человеческого груза, бешеного от страха, самую малость кислорода и минимум провизии...

— Теперь, — добавил Лес, бросив на нас суровый взгляд, — слушайте меня внимательно: пассажиров будоражить незачем. Мы проникнем в эти звездные заросли. Все, что мы знаем об этих мес-

так, минимальные сведения, которые у нас есть, говорят, что это не курорт. Единственный путь к спасению — посадка на планете, более-менее пригодной для жизни. Определите наши точные координаты, Мор. У нас хватит горючего еще на один-два парсека.

IX

Звездолет, уносивший Виллис на край света — а, неважно, куда! — вдруг резко затормозился и лег на эксцентрическую орбиту над какой-то неизвестной планетой. Припав к перископическим экранам, пассажиры любовались видневшимся в почти белой ночи неизвестным миром, испещренным кратерами, похожими на лунные. Поверхность была покрыта многометровым слоем льда. На вершинах пиков (или контрольных башен) мерцали рубиновые огни.

— Я никогда бы не подумала, что Сигма так близко. И что она такая промерзшая! — произнес рядом с Виллис приятный и нежный женский голос.

— Это не Сигма, — ответил мужской голос. — Это невозможно, прекрасная идиотка... даже если бы у вас был лучший в мире двигатель...

И вдруг раздались короткие резкие приказы:

— Всем выйти! Надеть скафандры! Пристегнуть парашюты!

Экипаж, состоящий из нитеобразных гуманоидов с Капеллы, обходил все переходы. Он, несомненно, получил какие-то строгие указания — капеллане из красных стали голубыми. На все вопросы ошарашенных пассажиров они отвечали очень кратко. Все ли должны высадиться? Да. С парашютами? Да. Корабль не может сесть, но не потому, что посадка невозможна...

— Но где же нас высаживают, в конце концов?!

Ответ едва можно было понять (автоматы-переводчики не приспособлены для землян): речь идет о Гефестионе, одной из планет в созвездии Лебедя, очень удаленной от своего солнца, 500-й или, может быть, 700-й — при постоянно меняющейся частоте пульсаций Лебедя ничего нельзя сказать наверняка. Во всяком случае, их занесло куда-то на самую окраину созвездия...

— Но кто же заставляет нас высаживаться здесь? — возмутился один молодой землянин с Арктура, из толпы его выделяло шикарное обмундирование и высокомерная элегантность. Он путешествовал в компании «прекрасной идиотки», розовой креолки с Венеры.

— Мы взяли билеты до Сигмы, — продолжал он настаивать, — и заплатили за них довольно много денег! В конце концов, есть же межпланетные законы...

Капелланец, к которому он обращался, встремхнул своими щупальцами.

— Таков приказ! Мы ничего не можем сделать!

— Тем не менее,— вмешался в разговор величественный купец с Юпитера, одетый в фиолетовую тогу,— можно хотя бы узнать, какой корабль подберет нас? И когда?

— Ничего не известно! Вы высаживаетесь, вот и все!

— Это разбой! Мы будем жаловаться Совету Свободных Звезд!

— Спускайтесь! Спускайтесь все!

Даже не дав пассажирам возможности взять багаж, всех их, угрожая дезинтеграторами, вытолкали в люк, и они полетели к ледяной земле. Просто чудо, что этот спуск не превратился в бойню. Но все парашюты оказались исправными, и атмосфера планеты украсилась огромными белыми цветами, которые медленно опустились на равнину.

Парашютисты были еще на полпути к земле, когда космический корабль, не теряя ни секунды, покинул свою орбиту и на максимальной скорости исчез в ночи...

— Вот и все,— сказал высокий поджарый космонавт с какого-то земного транспорта, опускавшийся рядом с Виллис. — Надо же, а я никогда не хотел верить, что это существует.

— Что именно?

— Великая западня созвездия Лебедя!

Потом, опустившись на снег, он объяснил:

— Эти истории уже давно ходят в пространстве: толпы людей исчезли в этих местах...

Они были неожиданно оторваны от реального мира и погрузились в странную неестественную ночь, озаряющую смутными пульсирующими радужными свечениями, будто их накрыл купол из мириад светлячков. Но купола не было: это было само небо, сотканное из бледных звезд. Приборы скафандров отметили пригодную для дыхания атмосферу. На равнине дул сухой и холодный ветер. Время от времени падал легкий снег. То, что их окружало, не было на самом деле днем или ночью. Это были какие-то тусклые сумерки; так описывали древние поэты свой Лимб, где бродили души тех, кто не получил прощения, но и не был приговорен к адским мукам...

Не имея представления, куда идти, пассажиры остались на месте. Женщины дрожали в своих легких скафандрах, мужчины ругались. Среди них было несколько легкораненных, которые оказали некоторое сопротивление, когда капелланцы загоняли их, словно стадо, в люк. Закутавшись в свою накидку из лебяжьего пуха, которую Хелл зачем-то подарил ей на Гере, Виллис равнодушно смотрела на попавших в катастрофу людей. Они были в ярости, страдания еще не начались, а она уже чувствовала предательство и насилие.

¹ Данте, «Ад», песнь четвертая.

Землянин с Арктура, которого звали Рекс, оценил их положение:

— Слава космосу, здесь есть атмосфера и твердая почва! Они вообще могли выкинуть нас в космос или на какую-нибудь планету без воздуха! Теперь мне будет урок на будущее: никогда не садиться на корабли без двойной звезды. И это я, житель Сигмы, так глупо попался! Но они заплатят за это.

Он говорил так, будто был гражданином древнего Рима и сбился с пути на чужой финикийской галере! Виллис чуть было не рассмеялась: эта непоколебимая гордость в окружавшем их несчастьи была прямо-таки обезоруживающей!

— Что же теперь делать? — спросил в пространство юпитерианец. — Я ведь деловой человек! Меня ждут на Сигме... и еще где.

Я не могу терять время на то, чтобы считать здесь звезды!

— Бессмысленное занятие, — констатировал высокий космонавт. — В этой части неба им нет числа.

— То есть, в созвездии Лебедя?

— Да. Это созвездие Лебедя.

И хотя никто, кроме этого одинокого космонавта не представлял себе, что это такое, по толпе прошла нервная дрожь — предвестница всеобщего ужаса...

— Мне кажется, — заявил Рекс-арктурианец, — что мы должны держаться вместе. Если появится какой-нибудь звездолет, группу будет легче обнаружить. Но кто-то должен пойти на разведку. Несомненно, сюда залетают корабли и...

— Посмотрим, — сказал космонавт, проверяя крепления своего скафандра. — Но я сомневаюсь.

— Мы будем ждать вас здесь, — поспешил уточнить Слам-юпитерианец. Космонавт посмотрел на него в упор и сказал:

— О! Уж в этом-то я уверен.

Он иронически улыбнулся, отошел на несколько шагов, потом вернулся:

— Послушайте, — сказал он, — не будьте идиотами, никуда не уходите отсюда. Не разлучайтесь ни под каким видом и не верьте... ни в какие видения. Созвездие Лебедя... понимаете, слишком долго объяснять вам магнитные и оптические явления, которые пересекаются и смешиваются здесь. Постоянно получается так, что время здесь другое, не как на других планетах.

— Как же это понимать?

— Как вам сказать? Можно только отметить, что здесь понятия прошлого, настоящего и будущего лишены смысла...

И он исчез в тусклой ночи, не позывав с собой никого, и никто не вызвался пойти с ним. Так они и остались стоять, сбившись в толпу. К счастью, в группе были только взрослые, но «прекрасная идиотка» тотчас заплакала, за ней другая женщина, потом еще одна...

Странно, но Виллис как-то спокойно отнеслась к этим риданиям. «Это не настоящие страдания», — подумала она. Или это от того, что с момента смерти Хелла ее сердце было холодно и мертвое? Ах, Хелл... Виллис больше не надо было беспокоиться за него, успокаивать его. Он спал под дождливым небом Геры...

Снег залеплял стекла скафандро, тела одеревенели в неподвижности. Ожидание казалось бесконечным. Цвет неба абсолютно не менялся — это не было ни ночью, ни рассветом, и неожиданно девушка подумала, что незнакомый космонавт был прав... что время здесь остановилось, и, оказавшись в этом мире, они будут теперь вечно блуждать здесь — бледные тени в мглистых сумерках.

Неожиданно из глубины заснеженной равнины до них донесся какой-то звук: в белом безмолвии это было похоже на скрип полозьев геликоптера по снегу. Все взгляды обратились в эту сторону: что это, снежный вихрь?.. На горизонте появилось какое-то удлиненное серое пятно. Хлынувшие оттуда волны страдания были такими сильными, что Виллис зашаталась.

Какая-то расплывчатая колонна поднималась по астродрому — это был поток машин и пешеходов, окруженных короткими вспышками. Пешеходы были, конечно, гуманоидами. У тех, что сидели на платформах транспортеров, руки были скованы. Другие, привязанные по четыре к какой-то решетке, так глубоко утопали в снегу, что, казалось, должны были грудью прокладывать себе дорогу. Виллис захотелось заткнуть уши — ей показалось, что она слышит, как хрустят кости. Некоторые пленники шли босиком, их ноги совершенно оледенели. Когда они подошли совсем близко, молодая жительница Земли с ужасом различила: то тут, то там двое живых двигались, волоча меж собой два трупа... или двое в центре были скжаты мертвцами, которых они тащили за собой...

Какая-то непреодолимая сила тянула Виллис к ужасной процесии. Она чуть было не бросилась туда. Рекс-арктурианец схватил ее за руку.

— Стойте! — прошептал он застывшими губами. — Или вы не видите, что это мираж?

— Что?!

— ...Как только они спускаются с плато, они исчезают. И не оставляют следов на снегу...

— Но они страдают! — воскликнула Виллис. — Я это чувствую!

— Я не утверждаю, что они не существуют, что они не страдают. Но они не здесь, а где-то в пространстве или во времени — неведомо где, вот в чем дело.

Конвой прошел так близко от пассажиров, что несколько женщин упали в обморок. Мужчинам казалось, что они чувствуют тяжелый запах грязи, пота и крови, даже запах человеческого страха.

В то же время, эта процесия привидений была странно молчалива: не слышно было ни криков, ни стонов, хотя казалось, что распахнутые черные рты оглашали пространство безмолвными завываниями. И другие тени, сумрачные и проворные, бегали по краям колонны и хлестали ее огненными бичами... Одна из этих теней бросила какою-то клейкий черный кусок, что-то совсем не похожее на хлеб, но все же бывшее хлебом, и тотчас же двое ребятишек, похожие на маленьких медвежат, отделились от общей массы, бросились к куску, чтобы тотчас исчезнуть в длинном языке пламени. С грузовика упала очень красивая женщина и сразу же была растоптана черными сапогами. На повороте вдруг открылась бездонная шахта, и безмолвный огненный залп пронесся по равнине. Гроздья живых тел посыпались в бездну. Юноша, похожий на крылатого духа, еще сжимал в объятьях мертвую девушку...

Потом все исчезло.

Виллис повернулась к ошарашенным мужчинам. Рекс был мертвенно бледен. Юпитерианец истекал потом в своем скафандре.

— Я никогда не думал, что такое возможно... — сказал он.— Призраки!

— Даже не призраки, — поправил его Рекс. — Это отражения. Оптические феномены, обязанные своим происхождением различной плотности атмосферы...

А кто-то другой добавил:

— Но они идут с Земли! Я видел те самые знаменитые свастики!

А другие видели денебские стрелы или капелланские факелы!

— На этой планете не может получиться ничего путного! — сделал вывод юпитерианец. — Разве может быть так, чтобы события, произошедшие когда-то на других планетах, пересекали бесконечность?.. Я хочу сказать, отражение этих событий?

Никто не ответил.

После ожидания, казавшегося бесконечным, наконец вернулся Крис-космонавт, и тоже едва не был принят за привидение. Он сказал, что обошел вокруг астродрома. При этом он принужденно улыбался.

— Ну и...? — спросил Слам.

— Ну что ж, это уже не астродром. Раньше это, действитель но, был космический порт... может быть, много веков назад. Несколько контрольных вышек и площадка содерялись в порядке до недавнего времени, а все остальное — превратилось в руины. Мне не хочется вас пугать, но все это похоже на заброшенное убежище пиратов, которые оставили все это для того, чтобы заманивать сюда корабли.

— Должно быть, вы правы, — сказал Рекс. — В этом случае...

— В этом случае, незачем здесь оставаться. Никто больше не

появится, разве только затем, чтобы ограбить нас или уничтожить. Поищем какое-нибудь убежище. Мне кажется, на востоке есть город.

— А если это опять мираж?

— А! Вы уже видели здесь мираж? Во всяком случае, они беспасны.

— Что ж, пойдем, посмотрим.

Это был одновременно и город и мираж.

Когда обессиленная группа добралась до пригородов, Виллис подумала — хорошо еще, что существование миражей здесь не вызывало сомнений. Черные руины рисовались на фоне багрового неба. Все оставалось таким, как будто на рассвете, на какой-то неизвестной планете, завоеватели только что покинули распятый ими город. Еще дынились и горели — холодным пламенем — развалины. На застывших тротуарах еще корчились похожие на гусениц тела с отрубленными руками и ногами. Девушки, сошедшие с ума от страха, выбросились, должно быть, из окон — они валялись, как изломанные куклы, а разбитые головы с длинными спутанными волосами заполняли сточные канавы. Посиневшие от холода старухи бродили по улицам и время от времени приподнимали трупы. Они подолгу разглядывали изуродованные лица, потом молча опускали и шли дальше искать своих близких... Виллис дрожала, воспринимая как близкого человека каждую такую фигуру с остекленевшими глазами.

Огромные черные собаки с длинными острыми мордами слизывали с мертвых лиц кровь и слезы.

Когда кто-нибудь из группы заговаривал с призраками, те не слышали их, а живые, в свою очередь, не слышали ни хрюнения умирающих, ни воя собак. Призраки проходили мимо, повторяя все те же движения. «Может быть, это и есть ад, — подумала Виллис, — постоянно жить в том времени, когда жертвы и палачи перемешаны. А может быть, и мы для них тоже призраки — бледные тени, чуждые их страданиям...». Она уже не раз видела, как одна из старух проходила сквозь их группу. В первый раз она вскрикнула — но только в первый...

— Ах, как это неприятно! — жаловалась «прекрасная идиотка». Ее звали Синтия, она была помолвлена с Рексом, и они направлялись на Сигму, «чтобы узаконить перед всей вселенной их союз». Она буквально висела на правой руке у Виллис, поминутно спотыкаясь, плача и рассказывая попеременно о своих расчетах и сердечных делах: они с Рексом не могли пожениться на Нептуне, несмотря на то, что она была «наследницей завода по производству снов», процветающей отрасли, которая занималась продажей видений и наркотиков по почте, а Рекс был всего лишь... К несчастью, существовали эти дурацкие расовые законы, а у нее в шестнадцатом

волене был какой-то газообразный с Шератана. Но все это теперь ничего не значило... Другая роскошная женщина, чья голова была похожа на хризантему, повисла у Виллиса на другой руке. Она немногу ушиблась при посадке и теперь всхлипывала. Эти женщины были так напуганы, что Виллис прямо-таки физически ощущала их ужас и старалась превозмочь его испытанными приемами: абсолютное спокойствие, ровный голос, логичные ответы на бредовые вопросы, ровное поведение. Неожиданно Синтия остановилась, ее тошило.

— Мне кажется, я сейчас свалюсь,— объявила она.

— Вы ничего этим не добьетесь,— сказала Виллис.— Снег ледяной. Если упадете — останетесь одна среди призраков.

— Так этот город населен только призраками?! Рекс, мне страшно! Я устала, Рекс!

— Это важный вопрос,— рассеянно произнес молодой гражданин Арктура. Казалось, он не слышал ее воплей и все еще отражал далекий отблеск своей великолепной планеты.— Существует ли этот город? Или его нет?

— Я думаю,— отвечал космонавт, которого звали Кристофер,— что два города накладываются здесь друг на друга. Старый город — разграбленный, разоренный, полуразрушенный — тот, который мы видим. Современный город, состоящий из одних развалин, сливается с древним. Может быть и так, что это два разных города. Ведь мираж может прийти с другой планеты...

— Нет, вы правы! — воскликнул Слам, который с трудом поспевал за молодыми людьми.— Здесь смещались два города. Я только что случайно уселся на одну из этих скамеек, прямо рядом с призраком. И представьте, это оказалась настоящая скамейка. Каменная!

В тот самый момент, когда он подчеркнул слово «каменная», откуда-то из-за угла появилась растрепанная женщина с безжизненным застывшим лицом и походкой лунатички. Она прошла прямо сквозь Слама. Юпитерианец отпрянул и поднес руку к оружию, спрятанному под скафандром. Кристофер схватил и сжал его запястье:

— Незачем погуству тратить боеприпасы,— сказал он.

— Чудовищно! — пробормотал человек, который так уважал законы.— Никак не могу привыкнуть к этому — это какое-то обезличивание... Когда они проходят вот так сквозь нас, у меня дрожь пробегает по спине.

— Это мираж,— сказал космонавт, спокойно отбирая у него украшенный бриллиантами дезинтегратор размером не более зажигалки.— А также ощущение призрака, вызванное миражом. Не стоит пугаться. Я думаю, на этой планете бывают самые разные оптические феномены. Есть местные ужасы: призраки, отдыхающие на настоящих скамейках, а есть и другие, которые прибывают неизвест-

но откуда по своим призрачным делам. Я, например, готов к тому, чтобы в любую минуту попасть в Дахау 1942 года или в дом тугенота 24 августа 1572 года. И, тем не менее, все это не представляет настоящей опасности. Послушайте меня, свободные граждане.

Он обращался только к мужчинам, и это было настолько ясно, что изнеженная «идиотка» тотчас перестала хныкать, а дама-хризантема (королевская куртизанка с Титана, спутника Юпитера) умолкла на полуслухе.

Снег падал медленно, непрерывно и, казалось, готов был похоронить этот безумный мир под сухим и тонким саваном. Их группа немного отдалась от остальных, и они начали понимать, что именно Кристофер подталкивал их к этой пустынной площади, где бродили только тени. К тому же он взял Виллис под руку и теперь энергично тянул её за собой.

— Мне кажется, — продолжал он, — что пришло время принимать решение: мы должны отделиться. Остальные совсем потеряли голову, теперь это просто стадо баранов, годных только для убоя. Они ждут, когда что-нибудь изменится, когда за ними прилетит звездолет... Никто не прилетит за ними, кроме, может быть, тех, кто заманил нас сюда. И, поверьте мне, ничего хорошего из этого не выйдет. Опасно оставаться со скотом, предназначенным для бойни. Нас трое — вооруженных мужчин, готовых защищаться.

— Действительно, — сказал Рекс. — У вас даже две «пушки» — ваша и Слама. Но у меня тоже есть небольшой дезинтегратор! И я вас предупреждаю: хотя у меня в жилах только десятая часть арктической крови, я умею целиться как следует!

Кристофер улыбнулся. Слегка, уголком рта. Виллис подумала, что эта суровая и грустная улыбка чем-то напоминает улыбку Хелла и намного больше — других членов экипажа «Летающей Земли»...

— О чём и речь. Вы недооцениваете вашу популярность в Солнечной системе... Рекс. — Он подчеркнул это имя, несомненно ложное. — А у Слама есть кредоры. Это может ничего не значить, а может и сослужить нам службу — уж как получится. Трое мужчин, три женщины — все как надо...

— Но я путешествую одна, — возразила Виллис, выходя из своего ледяного оцепенения. — И у меня нет оружия.

— Подождите, — сказал Рекс доброжелательно. — Дайте Крису изложить его план.

— Спасибо, — сказал Крис. — Итак, я продолжаю: в этом несчастном городе некоторые стены действительно существуют, особенно, в подвалах. И мы должны найти такой подвал, пригодный для убежища: наши скафандры не вечно будут сохранять герметичность и давать нам тепло, а здесь холодно, как на Марсе. Потом надо будет подумать о пропитании и сложить наши запасы вместе.

Таким образом, учитывая растопленный снег и пока неизвестные нам ресурсы планеты, мы продержимся много недель, а может, и месяцев.

— Ну, а потом? — спросил Рекс.

— Именно об этом я и думаю. О той борьбе, которую придётся вести потом. Нам необходимо укрепленное убежище и решительные бойцы, готовые защищать то немногое, что удастся накопить.

— Но, в конце концов, — воскликнула Виллис, вырывая свою руку из железных пальцев, в то время, как две другие женщины,казалось, находили абсолютно естественным, что их рассматривали в качестве добычи, — я не согласна! Я ни в чем не могу быть полезной вам...

— Ну, да что вы! — отвечал Крис, впервые обращаясь к ней. — И даже не в том смысле, как это могли бы понять остальные. Я не знаю, что вы представляете собой на самом деле, но вы — сила! Думаете, мы не заметили, как вы успокоили этих двух истеричек? А ссадина Лигейи начала заживать, как только она прислонилась к вам. И Слам перестал пыхтеть, как тюлень. Я ведь служил в космической милиции там, на Земле, и я слышал все эти разговоры о чудесах в решете... Вы и есть образец той самой человеческой породы, которой так боятся Ночные, так что я, пожалуй, не очень удивлен. Нам просто повезло, что среди нас оказалась мутантка!

...А снежный саван продолжал медленно падать, покрывая все вокруг.

— Мутантка? — переспросила Виллис. — Что-то я не понимаю...

— А вам и незачем понимать. Пойдемте. Мы должны найти убежище.

И они нашли его.

У большинства домов не было ни дверей, ни окон, а лестницы рассыпались под ногами. Но Крис был прав: оставались еще подвалы. Многие были непригодны из-за призраков, от которых никак нельзя было избавиться. В просторном подземелье, которое находилось над котельной, висел огромный труп, наряженный в тяжелую позолоченную мантию. Куски кожи вылезали из прорех мантии и свисали с рыхлого тела...

— Священник! — прошептал Слам с ужасом. — О, космос! Они же его поджарили!

Все существо религиозного юпитерианина протестовало. В другом подземелье со стенами зеленовато-коричневого цвета, цвета человеческого отчаяния, как подумала Виллис, сидели полусожженные трупы — синдики или члены городской управы. Их высунутые языки были прибиты к столешнице... Рекс выбежал первым, его замутило.

В конце концов, после того, как «идиотка» и «роскошная дама» успели несколько раз по очереди упасть в обморок, группа нашла

просторный крепкий подвал без нежелательных хозяев. Это был склад старых книг, в котором никому не пришло в голову убивать. Даже Виллис не имела ничего против. Она медленно прошлась меж рядов призрачных книг, думая о библиотеке на «Летающей Земле», о ее тишине, заселенной гипноснами... В какой-то момент ей показалось, что время повернуло вспять, что сейчас откроется дверь и появится Квик, потом Хелл... Но лицо ее под стеклом шлема словно застыло: она разучилась плакать. А ее спутники уже распологались.

Они не стали полностью отделяться от основной группы, решили не порывать с ней сразу. Немного позднее, когда на площади созвали общее собрание, Виллис и мужчины пошли туда. Долго спорили, что же делать дальше. Разжечь костры на всех возвышенностях, как это делают все потерпевшие крушение? Прекрасная мысль, но где взять топливо? Многие пассажиры искали в развалинах хоть что-нибудь похожее на передатчик или приемник. Они нашли только обломки, измельченные скрупулезно и яростно. К тому же, любое сообщение выдало бы группу. Если уж Гефестион действительно был ловушкой, то не следовало добыче самой лезть в мышеловку и ускорять свой конец.

И какой конец!

Никто не осмеливался думать об этом. Предложения были сформулированы и подлежали утверждению голосованием.

Было решено составить перечень имеющихся запасов продовольствия и создать общий склад.

Было решено после короткого отдыха предпринять разведку на равнине.

Было решено еженедельно собираться «на площади, где меньше всего призраков» с целью обсуждения очередных задач.

Было решено сверить все часы и, как водится, установить обычные земные сутки в 24 часа. Это было единственное предложение, которое сразу же приняли...

На следующее утро лишь несколько мужчин решились появиться на площади. Женщины отказались, сказав, что боятся фантомов. Это звучало вполне правдоподобно. Пассажиры мужского пола смотрели друг на друга так, будто впервые встретились в этом проклятом месте. Один из пассажиров, явно страдающий диспепсией, с отвращением осмотрел Слама с головы до ног и заговорил об обжорах, способных проглотить множество порций консервов. Слам попытался слабо протестовать, ведь у себя на Юпитере он не пользовался такими суррогатами...

— Ну, конечно,— продолжал наступать тощий мужчина,— капиталисты на Юпитере всегда были бы дураки пожрать.

Это было равнозначно моральному уничтожению Слама — о его положении говорили в прошедшем времени...

И неожиданно он понял, что сам тоже целиком остался в прошлом: галактические шахты и склады фиолетовой планеты стали теперь такими же бесплотными, как миражи Гефестиона. У него оставалась пачка кредиторов, на которые он мог бы купить целую планету, но эти деньги стали ничем в этом мире, где никто ничего не покупал и не продавал...

Двадцать четыре часа кряду мужчины укрепляли и обустраивали подземное убежище. Рекс нашел даже заброшенный склад: ходильники, естественно, не работали, овощи и фрукты давно превратились в кучки черноватой плесени, но оставались еще консервы — благодаря низкой температуре Гефестиона они хорошо сохранились. Ящики со склада пригодились для возведения перегородок в подвале. Женщины поселились вместе в импровизированной спальне. К ним, точнее, к Виллис, часто приходили другие женщины.

— Истерички, — повторял Крис. — Они сошли с ума от страха. Вы, можно сказать, притягиваете их!

— Я ничего для этого не делаю, вы же знаете, — отвечала она.

— Знаю. Это все ваше колдовское могущество. Ведь сами вы спокойны, даже слишком спокойны.

...Очень скоро у нее появилось ужасное ощущение, что живые и мертвые на площади составляют одно целое и что живые... еще безжизненнее, чем мертвые.

Они еще собирались вместе. Довольно часто. Они еще спорили о вещах, которые не имели никакого отношения к нынешней ситуации: деловых интересах и событиях былых времен на Земле или на Сатурне. Или о своем общественном положении. Эти дрожащие от холода призраки, которые утепляли вышедшие из строя скафандры всяческими тряпками, рассказывали о своих невероятных успехах в той, прошлой жизни. Создавались легенды: этот был правителем Плутона, тот — командиром космической эскадры на астероидах. Особенно неутомимы на выдумки были женщины: все были представлены при старом дворе, и только немногих из них не отметил в свое время император Христиан... Виллис про себя думала, что это — жалкие попытки оправдать свое пребывание на мертвой планете: тяжело страдать без вины...

Консервы подходили к концу, а других складов в этом дотла сожженном районе не было. Дискуссии стали более ожесточенными. Они прекратили изобретать законы, которые могли бы изменить к лучшему положение на Земле. Теперь они создали верховный трибунал для всеобщего распределения, но ему уже нечего было распределять. И посыпались доносы...

Виллис часто бродила по отдаленным улицам, куда живые никогда не заходили. Она пыталась приблизиться к призракам женщин, которые искали своих мертвцевов, хотела помочь им. Она тихим голосом говорила с ними, уверяя, что ее жизнь тоже потеря-

ла всякий смысл, и что она теперь так похожа на них. Но мертвецы не слышали ее, они все так же вели свое странное полусуществование. У Виллиса создалось сильное и таинственное впечатление, что на самом деле это были не призраки. Только реально и в такой ужасной действительности могли существовать люди, перенесенные вместе со своей частотой времени, со своей средой в несуществующий для них мир, в котором выглядели так реально...

С частотой времени, сохранившейся до мельчайших деталей, где, как в кошмарных снах, уже ничего нельзя было изменить... Да-да, частоты...

Но вырванные из своего времени, они должны были оставить после себя какие-то пустоты?

А, ведь природа не терпит пустоты.

Ведь что-то должно было их заменить, но что? Какое-то событие, соответствующее... чему? Геноциду гитлеровцев, конфликтам 2200 года, самым кровавым переворотам?

И какая же мощь руководила этими перемещениями и сама перемещалась в тех же плоскостях...

Виллис чувствовала себя совершенно безоружной перед этой тайной. Если бы здесь был Хелл, он бы понял и объяснил, но Хелл...

Самой ужасной была мысль, что и он теперь превратился в призрака.

Однажды, возвращаясь в убежище, она увидела сидящего на снегу старика со слезами на гноящихся глазах (в группе не было окулиста), шамкая беззубым ртом (дентистов, конечно, тоже не было), он предложил ей целую пригоршню собственных медалей и орденов за одну банку консервированной говядины.

Она расплакалась.

Вернувшись, она обнаружила, что у Синтии истерика. Среди причитаний и криков она различила обвинения в адрес всех окружающих. Рекс стал невыносимым, это больше не был элегантный арктурианец, которым она восхищалась — он перестал бриться, он стал таким грязным! И у нее не осталось ни одной смены одежды. Ее стенания усилились, когда она вспомнила о том, что эта толстуха Лигейя заплатила целую пачку кредиторов за вечернее платье, которое каким-то чудом удалось привезти одной из пассажирок. «Платье, которое она и надеть-то не сможет, ведь она сто кило весит! Вы знаете, почему Слам худеет?! Оказывается, она заставляет его платить консервами. Это у них такой обычай на Титане, видите ли! А у нее ведь нет никакого шарма, ни капельки вкуса, ну, вот, нисколечко...»

Неожиданно она разразилась рыданиями. Впервые Виллис была немного взволнована: и эта бедная идиотка страдала, по-своему, конечно. Она погладила ее по голове, и Синтия прошептала:

— Вот уже третью ночь она ходит в подвал с прибитыми мертвецами. И с кем бы вы думали?! С Рексом!

— Ну уж,— сказала Виллис,— это невозможно. Рекс любит вас. Вы же моложе и красивее, Синтия. И эти ужасные трупы...

— О! Она говорит, что это ее возбуждает!

И Виллис поняла, что их группа пропала.

Этой тусклой ночью Слам возвратился, пошатываясь, его одежда была изорвана, а лицо перепачкано кровью и грязью. На него напали какие-то неизвестные, избили и отняли пояс, набитый крепорами.

— Тогда,— сказала Синтия, садясь на своем топчане (сразу стала ясно видна жестокость молодого зверя),— тогда вы больше не представляете для группы никакой ценности. И вы слишком много едите. Рекс и Крис выставят вас за дверь пинками!

— Но,— пробормотал он,— Лигейя...

Она расхохоталась:

— Лигейя! Она и с поясом-то едва вас переносила. Ей от вас блевать хочется, жирный пустомеля! К тому же, она проститутка, это ее профессия.

— Не говорите плохо о Лигейе!

— Конечно, как я смею коснуться королевы девственниц всего Титана! Пойдите лучше поищите ее там, где она сейчас забавляется, старый дурак! С Рексом. Ха-ха!

Конечно же, Лигейя не пришла на раздачу остатков консервов, Рекс и Слам подрались, и Крис был вынужден стукнуть их как следует, после чего оба упали без сознания... Виллис была вне себя, она не могла утихомирить эти страсти. Вся грязь поднималась со дна человеческих душ и затопляла их, наступали сумерки... Она смутно чувствовала это и пыталась сопротивляться, потому что Хелл не захотел бы... Позднее Крис пошел, как обычно, припереть дверь бруском на ночь и объявил, вернувшись, что дом, стоящий рядом, тот самый, «с прибитыми мертвецами», только что загорелся...

— Это уже не первая постройка, которая таким образом становится настоящим миражом!

И тут глухие крики и удары нарушили безмолвие мертвой планеты. Кто-то бился в дверь подвала, душераздирающий женский голос умолял открыть. Виллис вскочила, но Синтия повисла на ней, кусаясь и завывая:

— Вы сошли с ума! Не открывайте! Они перебьют всех нас!

Крис положил руку на плечо девушки и сказал:

— Успокойтесь, тут уже ничего не поделаешь.

— Но ведь Лигейю убивают! Ведь мы же земляне! — воскликнула Виллис.— И мы спокойно смотрим, как люди погибают у нашей двери!

— Есть люди, которые заслуживают этого. Лигейя поссорила Слама с Рексом и сделала несчастной эту молодую дурочку. И потом, это же лишний рот.

— И мы еще считаем себя человечными... и цивилизованными!

— Разве? Мы здесь уже много дней, равных годам, и что-то никто не жалуется на отсутствие книг, музыки, приличного общества. Мы захотели спасти наши шкуры. Мы подумали о консервах, об оружии, о кредитах... Мы расположились в центре чудовищного кладбища, и присутствие призраков нисколько не тревожит нас. Может быть, причиной этому — атмосфера Гефестиона? Или, скорее всего, мы были заранее готовы к такому падению?

Виллис вытерла руку — Синтия укусила ее до крови.

— Нет, — сказала она, — я знаю, в чем дело: мрак последовал за нами, а наша группа оказалась слишком слабой, чтобы бороться...

— Ну, конечно, он последовал за нами! — крикнула Синтия с перекошенным от ненависти лицом. — А что касается борьбы... Вы же не знаете, что Слам занимался продажей наркотиков и гипнозов, Рекс был игроком, высланным из своего созвездия. А этот, этот...

Она указала на невозмутимого Кристофера, потом, словно вспомнив о чем-то, прикусила язык.

— А Лигейя была всего лишь старой шлюхой! — продолжала она. — Но ты, ты хуже всех: Лигейя хоть знала, чего она хочет! А тебе и всей вселенной не хватило бы!

— Замолчите, Син, — сказал Крис.

Но она продолжала ворчать:

— Мутантка! Чудовище! Она хочет проглотить весь мир — а ведь она даже не женщина! Посмотри на себя: твой скафандр превратился в лохмотья, а вы сами... скоро ты будешь ходить босиком, но ты даже не замечаешь этого... Колдунья! Плевать я хотела на всех вас, чудовищ и мутантов!

Крис ударил ее, она упала и замолчала. А Виллис с удивлением разглядывала свой прохудившийся, изношенный скафандр. Сколько же лет должно было пройти, чтобы сверхпрочный пластик превратился в лохмотья?.. Значит, прошло много лет? С тех пор, как Хелл покинул ее... И все это длилось бесконечно.

Когда крики снаружи утихли, Кристофер позвал ее, и они вышли на улицу. Обнаженный труп Лигейи лежал среди трупов призраков. Мочки ушей у нее были оборваны, пальцы разбиты. (Виллис вспомнила, что в ушах и на пальцах Лигейя носила огромные бриллианты). Крис склонился над истерзанным лицом.

— Ее убили женщины, — констатировал он. — Они обвиняли ее в том, что она подожгла соседний дом. И многие поддались всеобщему безумию.

— Это действительно сделала она?

— Нет, это Синтия подложила заряд.

— А вы позволили убить Лигейю и не вступились!

— А что я мог сделать? К тому же, они хотели убить не ее и не Синтию, а вас.

— Почему меня?!

Он устало пожал плечами:

— Потому что вы и ваши... вы и так уже слишком могущественны на Земле с ее просторами и ее размахом. А что бы вы сделали с Гефестионом? Ведь в беспощадной борьбе вселенная, чтобы залечить свои раны, не нашла другого средства, кроме как создать мутантов. Что же вам еще нужно, если у вас и ваших собратьев такая невероятная слава? Что же вы еще хотите, ненасытная мутантка?!

Виллис с трудом разжала зубы, ее губы кровоточили...

— Я хочу знать, что они из себя представляют на самом деле, — сказала она.

— Кто?

— Мутанты.

— Это вы должны знать лучше меня.

— ...И есть ли, другие.

Лицо Кристофера, похожее на маску волка, изобразило что-то похожее на улыбку:

— Только не на Гефестионе, надеюсь. Пойдемте, поможете мне. Снег все падал.

Неожиданно Виллис поняла: это всего лишь кошмарный сон, который не должен продолжаться... Кто это сделал? И с какой целью? Кто создал этот ад с накладывающимися друг на друга плоскостями, которые в любой момент могли опрокинуться, поменяться местами?

Они перенесли Лигейю в невредимый мираж подвала, где по-прежнему сидели прибитые мертвецы. Они уложили ее под стеной и засыпали снегом и пеплом. Виднелась только белая нога...

— Это все ерунда, — сказал Крис. — Если она окажется достойной этой планеты, она вернется на панель перед нашей дверью.

Виллис задрожала.

— Как это ужасно, — прошептала она еле слышно.

Крис повернулся к ней перекошенным лицом.

— Вы просто восхитительны! — сказал он. — Вы, что же, впервые это поняли? Мы живем в настоящем кошмаре. Вы говорили о мраке, который следовал за нами, но мрак этот в нас самих. Зачем скрывать это от вас? На Земле я был тем, кого вы называете Ночными. Это не просто организация и не какое-то определенное состояние. Следует отметить, что я бы, например, тотчас взбунтовался бы против любого закона... Так вот, мне здесь нужна сила,

и вы мне ее дадите. Вам не приходится выбирать. Только мы двое — действительно живые существа на Гефестионе.

И он грубо облапил ее, прямо при почерневших покойниках.

— Я дал убить Лигею, — сказал он с сухим смешком, — чтобы в убежище было больше места. За нею последуют другие. И мы останемся вдвоем. Мы будем здесь жить. И вы дадите жизнь моим детям. И не останется никого другого на всем белом свете...

А вот этого он не должен был говорить. Он мог заставить ее подчиниться, мог разорвать ее на куски — ее тело уже ничего не чувствовало, оно было мертвое. Но сама мысль иметь ребенка была для нее невозможна. Тем более, если она должна умертвить свою душу, сделать так, как будто Хелла никогда не было... Да, Крис был сильным, а она слабой. Но в то время, как он сжимал ее в своих объятиях, она сняла у него с пояса тот самый миниатюрный дезинтегратор, с которым он никогда не расставался, приставила к его груди и нажала на спуск...

Удар был таким сильным, что мираж на какое-то мгновение исчез, и она осталась наедине с трупами Криса и Лигеи, среди дымящихся развалин.

X

Она убежала, даже ни разу не оглянувшись. Ей казалось, что она разбудила и потрясла весь город — но ничуть не бывало. Живые залегли в свои берлоги, а мертвые — влачили свое призрачное существование. С холодным ужасом в сердце она спрашивала себя, будет ли Крис лежать рядом с Литейей под охраной прежних мертвцов, или же он будет теперь вечно бродить по улице бок о бок с ее обнаженным трупом. И будет ли рядом с ним ее собственный призрак, помогающий ему. «Но я еще не мертвая!» — подумала она впервые со дня гибели Хелла. И еще: «А ведь я чудовищное создание. Но я, наверняка, не единственная и создана не напрасно. Эта страшная пустота у меня в душе, та пустота, в которую я погрузилась с тех пор, как не стало Хелла, ничем не может быть заполнена. Если уж я должна жить дальше, мне нужно привыкнуть существовать с этой бездной во мне и идти дальше, к определенной цели. И этому должны научить меня другие люди такой же породы. Мне надо найти своих».

Она заметила, что забрела далеко от своей группы, от центра города. Теперь она была на другом его конце, в безмолвном и безжизненном пригороде. Вдруг до нее дошло, что она убила человека, и безграничный ужас охватил ее...

В этот момент волна страдания, достигшая ее мозга, вернула

ее к жизни. Это был зов о помощи. Она стояла перед группой зданий, с виду невредимых. Зов шел оттуда. Она с трудом спустилась в какое-то подземелье, где по острому, совсем свежему запаху, можно было сделать вывод, что раньше это был цех выделки кож. Тут была просторная зацементированная площадка с неглубокими выемками, которые в былые времена, должно быть, служили для вымачивания кож. Зеленоватые фосфоресцирующие колонны, поддерживающие купол, растворялись вверху в неверном свете белой ночи Гефестиона, и тут Виллис увидела.

Группа каких-то крошечных существ окружила один из чанов. Они были похожи на бесцветные тени, но были, несомненно, живыми. Дети, одетые в лохмотья; обезображеные экземой и язвами. А в середине толпы агонизировало точно такое же крошечное существо.

Именно его страдание и привело Виллис в подвал.

С трудом, словно лунатичка, она проложила себе дорогу через толпу существ, которые, ворча, отступали перед ней. Некоторые согнувшись и поднимали камни. Но спокойная сила Виллис действовала на малышей.

«Они не злые, — решила она, — они страдают».

Она уже чувствовала, как ее охватывает болезненная лихорадка малыша, вызванная кошмарами и ужасом, исходящим от группы. Она с трудом дотащилась до чана. С крошечного серого личика на нее смотрели два блестящих глаза раненого зверя. Она протянула руки, слегка коснувшись слишком большого для его возраста черепа.

— Где у тебя болит? — спросила она, забыв, что больной может не понять ее. Но он уловил интонацию, застонал, и его руки пришли в движение. Рука, похожая больше на птичью лапку, еле заметно указала на лоб, на грудь, из которой вырывались свист и хрипение, на живот. Девушка дотронулась до кожи, натянутой на тонкие кости, и невиданное страдание пронзило ее тысячами иголок...

Потом она села и уложила маленького заморыша у себя на коленях. Что-то похожее на вздох пронеслось по подвалу, и детские лица, похожие на обезьяньи, птичьи, беличьи мордочки, застыли в уважительном испуге. Напряженное тельце расслабилось, спокойное дыхание пришло на смену хрипу. И через несколько минут — Виллис, парализованная страданиями, не могла сдвинуться с места — ребенок уже заснул, улыбаясь...

Тогда произошло нечто странное: самый большой из скелетиков, ростом, примерно, метр тридцать, очевидно, главарь банды, выступил на несколько шагов вперед. Он смотрел не на Виллис, а на ее руки, в которых маленькое, истерзанное болезнью тело на глазах ожидало, а страдальческое выражение лица переходило в довольно...

Этот главарь, этот угловатый уродец, состоящий из одних

костей и мускулов, чье лицо было иссечено преждевременными морщинами, открыл рот, хотел что-то сказать, но не произнес ни слова. Неожиданно он наклонился к ногам чужеземки и положил туда все свое достояние: нож из полированного камня и личную бляху какого-то земного космонавта.

После этого «клан» принял ее. Так она прожила... месяцы? ...годы? ...Кто знает... в этом лишенном четких граней пространстве, которое состояло из глубоких подземелий, образующих целый подземный город, об его истинных размерах у них не было даже представления. Несомненно, это были старинные водостоки, противоатомные убежища и галереи метро. И все это было неразрывно связано между собой. Во всяком случае, атмосфера там была более подходящей, чем на поверхности.

Очень скоро между Виллис и детьми установилось настояще взаимопонимание. Они были очень чувствительны к ее голосу, к интонациям, похожим на пение, к плавным движениям. Для общения с Виллис они сначала использовали жесты, потом Виллис выучила несколько слов их языка и поняла, что это был искаженный межгалактический. Маленькие существа говорили на этом языке очень быстро, применяя любопытные словосочетания. Так, например, они обожали сложносоставные слова, выражающие несколько значений. Например, «быть голодным», что случалось очень часто, выражалось по-разному: голод, в результате которого кто-то заболевал, назывался «больголод»; голод, который раздражал, толкал на немотивированные поступки, назывался «бешголод». А охотиться, чтобы утолить этот голод, было «голодохотиться»; охотиться для собственного удовольствия (что случалось очень редко), то есть просто побегать и подурячиться, издавая боевой клич, называлось «смеххотиться». И так далее. По образу жизни и мышления эти дети были, бесспорно, гуманоидами, но скорее всего, не землянами.

Случилось ли так, что на Гефестионе потерпел крушение корабль, который вез одних детей? Как «Летающая Земля», например. Или они появились в результате контактов между потерпевшими крушение космонавтами и местным населением?.. Каким населением? Во всяком случае, банда состояла из живых существ, которые не имели ничего общего с призраками.

Большинство из них были безобразны, с серой кожей, вздутыми животами, с тонкими, как спички, руками и ногами, но попадались и блестящие глаза, и тонко очерченные губы... Они объяснили Виллис, что прозвали ее «Дамой-из-Поднебесья», что их родители погибли в «страшострое» (в страшной катастрофе, очевидно). Учитывая, что самому старшему, главарю, было не более 14 лет, можно было предположить, что это случилось недавно, это опрокидывало все расчеты пассажиров из группы Виллис. Позднее

она подумала, что на Гефестионе катастрофы должны случаться часто. Виновники последней — были они выходцами с этой планеты или пришли из космоса? Неясно. Девочки — Элла, Маша, Ирина — которые казались более суровыми и выдержанными, чем мальчики, звали этих существ «тенеротыми» — это могло означать, что у них были темнокожие лица или что возникали они из ночи. С другой стороны, дети имели представление о космических кораблях, наблюдали за ними, за их посадкой, но не приближались к ним. Мальчики называли потерпевших крушение «толстопопыми» или «плаплаплакальщиками», что было одинаково нелестно... По их лохмотьям Виллис догадалась, что они раздевали мертвцев. Но все это не имело никакого отношения к ужасу, который дети выказывали при упоминании о «тенеротых».

Их жизнь была такой тяжелой, что любое отношение к окружающему миру было оправдано.

Анг'Ри, молодой вождь, объяснил Виллис, что в этих местах было много шаек, живущих под землей в чанах или в котельных, которые особенно ценились. Чтобы не умереть, дети охотились. На кого? Ну, на каких-то огромных крыс, ужасных, должно быть, если судить по глубоким шрамам на руках и ногах детей. А еще на местных тушканчиков, на летучих мышах. Когда лед наверху таял (в течение трех-четырех гефестионских месяцев), небольшие группы поднимались на поверхность поискать корешки и лишайники. При такой жизни — в полусогнутом состоянии и абсолютно недостаточном питании — самые высокие были не выше метра, кроме Анг'Ри.

Виллис жила среди них, утешая, ухаживая за больными, — сама она уже почти не страдала при этом — залечивая открытые раны, укусы и кариесы. Она научилась понимать и любить их. Они были очень жестокими, но впечатлительными, нежными и беззащитными в глубине души. Они легко забывали зло и становились, как только представлялся случай, обычными земными ребятишками, играющими погожим летним днем на земных лужайках. Но в то же время, они были хитры и бесчувственны, не имели никакого представления о моральных ценностях, притерпелись к страданиям. Позже Виллис узрала, что сначала они сговорились убить ее, чтобы завладеть скафандром, который был им абсолютно ни к чему... и, может быть, чтобы съесть ее!

Анг'Ри защищал ее с новым каменным топором и старым дезинтегратором в руках (дезинтегратор, конечно же, уже никого не мог дезинтегрировать). Он объяснил возмущенной девушке, что идея была не такой уж абсурдной. «Мы не раз видели, как Толстопопые дерутся из-за женщин. Особенно из-за таких, у которых белая кожа — как у тебя. Они их очень ценят». А звучало все это примерно так: «М'вдли толпые дратьжен. Кож бел'цнят...»

— Но Анг'Ри,— воскликнула Виллис, раздираемая отвращением с одной стороны и смехом с другой,— это же не для того, чтобы их съесть!

— Ну конечно, у этих женщин должны быть и другие достоинства,— согласился мальчик с серьезным видом.— Именно это я и сказал моим «голодиотам». Например, ты умеешь залечивать раны. Это очень, очень хорошо. Там, наверху, Джелт, которого ты вылечила первым, наделал много шума. Он так долго катался по земле, рычал, что откусит нос первому, кто только дотронется до тебя, что остальные «страхумали»...

— Что-что?

— Ну, начали думать, что им откусят нос. И уши. Это я пообещал, что откусу уши. А что, ведь они не так уж плохо пошли бы с горько-кислым лишайником...

— Но, Анг'Ри,— воскликнула Виллис,— вы же каннибалы!

— Канни... как?

— Вы что же, едите друг друга?! Анг'Ри, это ужасно!

Он посмотрел на нее в упор, не мигая. Под его покрасневшими веками, в лихорадочно блестящих глазах, была вся вселенская скорбь...

— Нет, мы не едим друг друга, это сделало бы нас несчастными. И потом, многие привязаны к телам своих друзей, даже мертвых. Но в самые долгие зимы, когда не удается поймать ни одной крысы, ни тушканчика и когда уже приходится есть белую глину, от которой вздуваются животы, некоторые поднимаются на поверхность и вырезают куски из тел мертвецов. Не у своих, конечно, а у чужих.

— Только у мертвецов, Анг'Ри?

Он улыбнулся беззубым старицким ртом.

— А тебе-то что до этого? Ну конечно, мертвецы же не могут защищаться. Видишь ли (он подыскивал слова, стараясь избегать слишком сложных сочетаний), ты часто беседуешь с нами о добре и зле. Когда речь идет о том, что надо или не надо делать, чтобы спасти наши шкуры, твои советы хороши, и мы следуем им. «Не есть гниль, не царапаться, промывать раны» — все это очень правильно. Но когда говоришь «хорошо» или «плохо» о вещах, которые для нас не имеют смысла, наши начинают сердиться, а я вынужден объяснять им, что все это — ваши дурацкие табу, и что сам я в них никак не верю. Я тебе вот что скажу. Мы — «беспризорные». Это земной термин, он такой жесткий, но мне нравится, я слышал, плаплаплакальщики так нас называли — знаем только одно зло: подохнуть. И только одно добро: выжить. И именно поэтому,— добавил он уже доброжелательнее,— никто из этой банды не тронет тебя: благодаря тебе многие выживают.

«Беспризорные». Этот термин что-то смутно напоминал Виллис,

но она слишком устала от всего этого, чтобы заниматься еще и лингвистикой.

Пришла короткая и такая трогательная гефестионская весна.

Виллис поняла это, когда увидела порозовевшее небо и мягкие тени. Огромное и далекое солнце Лебедя больше не садилось, и небесный свод озарялся расплывчатыми полярными сияниями. Выбравшись из подвала через проход, который выходил в центр равнины, девушка не смогла сдержать радостного возгласа: покрывавший землю толстый слой льда внезапно растаял и теперь растекался тысячами ручьев и серебристых речушек, все они бежали к югу. Это было феерическое зрелище — сеть из серебра и алмазов покрывала всю землю. И так же совсем неожиданно поднималась на берегах этих маленьких каналов хрупкая растительность: голубой прозрачный мох, какие-то восковые венчики, похожие на молочай; стрелолист и рябина — скороспелая флора полярной весны. «Ах, Синтия! — прошептала Виллис. — Как это прекрасно!» Она остановилась, ошеломленная, она обращалась к Синтии, к девушке, которая ей не нравилась, но которая, скорее всего, была еще жива, а не к Хеллу и не к Крису...

Вместе с ней вылезли наружу и ее подземные гномы. Они бешено поскакали по равнине, перепрыгивая через ручьи, кувыркались в жесткой траве. Слышались громкие выкрики, но они вскоре затихали — дети привыкли к шепоту, и нагрузка на связки была слишком велика... Множество почти обнаженных девочек образовали круг. И от вытоптанной травы поднимался тонкий аромат раздавленных цветов дикого нарцисса.

Этой ночью никто не пошел спать в подземелья. Маленькие девочки, уставшие от танцев, так и уснули на лишайниках и мхах, завернувшись в свои длинные волосы, а мальчики отправились петь хором на холмах. Их тонкие и чистые голоса разносились далеко в прозрачном воздухе, который умыл весь Гефестион и слабо розовел на западе. Виллис случайно присела над ясным зеркалом одного из ручьев и увидела свое отражение. Она не узнала себя. Уже давно она сбросила скафандр, превратившийся в ложмотья, и накидку из лебединого пуха, задубевшую от грязи. Как и большинство старших девочек, она носила кое-как сшитый из мешковины комбинезон и подобранные, специально для нее снятые с...? — сапожки. Ее гладкие волосы, когда-то золотые, а теперь почти белые, спускались до колен. Долгие месяцы под землей сделали ее похожей на белого ужа...

Когда через некоторое время она подняла голову, все еще под впечатлением от своего собственного отражения, оказалось, что на Гефестион опускается ночь. И тут яркая золотая игла появил-

лась на небосводе, в ее хвосте искрилась масса рубинов, карбункулов, раскаленных роз... Это не было похоже на полет тяжелой «Летающей Земли», ни на геранские звездолеты. Все небо окрасилось в розовый цвет. Поднятые какой-то неведомой силой на ноги, гномы и эльфы Гефестиона воздели к небу раскрытые ладони в едином, чисто рефлекторном порыве. Игла пересекла темный небосвод планеты, следя своей эллиптической орбите, пронзила линию горизонта и, казалось, утонула в ней...

— Комета! — воскликнул Джелт.

— Ну и что? — отозвалась какая-то девчушка. — Так бывает каждый месяц...

— Неправда, неправда! Это голубь звезда! Давайте танцевать! И все пустились в пляс. Танец кометы!

Случилось ли это сразу же, на другой день, когда Анг'Ри пришел к ней чем-то озабоченный? Или прошли недели между тем, что Виллис называла «ночью кометы» и «днем расставания»?

А погода стояла превосходная. На небе появлялись перламутровые облака. Дети почти не покидали поверхность, они охотились и ловили рыбу. Девочки собирали съедобные лишайники и выкапывали под утесом молодые корешки и клубни, похожие на грибы. Пища стала обильнее за счет слепых карпов и угрей, которые, подпрыгивая, пересекали пространство между ручьями. Анг'Ри больше не было нужды заботиться о самом важном для своей маленькой орды: животы округлялись. Надо сказать, что у некоторых девочек они даже слишком округлялись. «Ну конечно, — думала Виллис, вспоминая некоторые детали, отмеченные ее памятью во время пребывания на борту «Летающей Земли», — им по 12—13 лет. Они играют здесь, как молодые животные. Это сама жизнь. А потом, позднее, в подземелье, они размножаются в крови и страданиях...»

Но не это тревожило Анг'Ри. Он отвел Виллис в сторону, на холм, который возвышался меж двух глубоких ручьев, и сказал ей:

— Я думаю, теперь ты должна покинуть нас, Дама-из-Поднебесья.

У Виллис перехватило дыхание.

— Я сделала вам что-нибудь плохое? — спросила она.

— Нет, — ответил Анг'Ри важно, — ты всегда приходила нам на помощь. Мы очень дорожим тобой, и другие шайки нам завидуют. Поэтому я так говорю. Скоро начнется сезон большой охоты.

— А разве сейчас вы не охотитесь?

— Это другое дело. Не мы будем охотиться.

Он нагнулся, сорвал какой-то злак, как будто ему надо было

собраться с мыслями. Виллис чувствовала, что он крайне растерян и расстроен. Несомненно, он говорил все это не по своей воле.

— Понимаешь, — сказал он, — однажды наши мальчики дошли до большой воды. Да, есть такое место, туда надо идти много часов. Там есть очень вкусная рыба и много играющих угрей-прыгунов. Там раньше был один клан, еще больше, чем наш, и жил он в скалах. Так вот — наши ребята нашли только черные сожженные скалы...

— А этот клан?

— Говорю тебе, там больше ничего не было. Так они действуют, когда появляются здесь. Взрослых они уводят с собой, а малышей сжигают...

— Я что-то не понимаю. Кто же этим занимается?

Анг'Ри сделал неопределенный жест рукой:

— Э... девочки зовут их «тенеротыми»...

— Это те, кто уничтожил город-призрак? — спросила Виллис, холода.

Анг'Ри кивнул.

— Они... обычно они появляются не так уж часто, я хочу сказать, в одном и том же месте. Их появление предвещает, скорее всего, та самая комета. Ведь это звездолет. А в нем — зем'люди, очень могущественные. И звездолет не разбился, он может снова взлететь. Так вот, тенеротые должны спешить. Никто не должен уйти т'сюда...

— Почему?

— Эта часть неба принадлежит им...

— Но их совсем не видно на Гефестионе!

— Ты еще плохо понимаешь меня, — сказал Анг'Ри. — А я не могу объяснить лучше. Никогда не знаешь — может быть, нас кто-то подслушивает. Ведь здесь пролегает оживленный путь в другие места неба. И вокруг много всего, и все так перемешалось... А за всем этим стоят тенеротые, которые стараются заманить пролетающие корабли. Ты должна понимать все это лучше меня... Они ищут не нас именно, просто они уничтожают любую жизнь, которую им удается обнаружить. Единственное, что нам остается — рассредоточиться: может быть, такие ничтожные проявления жизни не заинтересуют их ра-да-ры.

Он заботливо выделял каждую букву, каждый слог.

— Что касается тебя, ты можешь добраться до своих, там, на другом берегу большой воды. Мне очень жаль, добрая дама. Прощай, да поможет бог. И спасибо.

— Прощай, Анг'Ри, — ответила Виллис растерянно.

Она смотрела, как они исчезают, словно играя, постепенно рассредоточиваясь по равнине, среди журчащих ручейков и скопившихся злаков, которые почти с головой скрывали самых малень-

ких. И снова она была одна. Может быть, это было не так уж плохо — она уже начала привязываться к этим преждевременно состарившимся существам, таким абсурдным, безответственным, хрупким...

То, что можно было назвать гефестионским днем, подходило к зениту. Было совсем тепло, от переливающихся вод поднимался пар. Звезда Лебедя застыла прямо на горизонте, огромная, как земная Луна, но более бледная.

И Виллис пошла к ней.

Анг'Ри был прав: за голубой линией аквамариновых утесов открывалось темное пространство, где кончались все ручейки и речки равнинны. Вода была фиолетовой, непроницаемой, она казалась тяжелой, застывшей. На берегах скороспелая растительность достигала размеров земного кустарника. Это были все те же длинные гибкие злаки и розовые кусты, увенчанные какими-то бархатистыми на ощупь цветочками. Виллис подумала, что все это должно напоминать земной пейзаж.

Она не знала, сколько часов шла. У времени на Гефестионе была, конечно, другая структура и длительность, чем на Гере или на «Летающей Земле» — единственных мирах, которые она знала. Уже давно она сняла с руки и отдала играть детям сложное и мертвое устройство, которое называлось часами. Несколько раз в своем долгом пути она чувствовала голод и утоляла его в традициях клана — съедобными лишайниками и злаками. Она пила воду из бесчисленных ручьев, даже выстирала свой комбинезон. Иногда она ложилась под какой-нибудь скалой и засыпала. И ни разу не видела снов.

Уже отчаявшись встретить какое-нибудь создание, похожее на человека, она была почти рада, когда из какой-то расселины вылезло животное, смутно напоминавшее гуманоида, и пошло следом за ней. Существо вызывало отвращение: это было нечто похожее на жирную крысу, цвета свежего мяса, и к тому же — трипод. Оно подпрыгивало, издавая звук, похожий на клокотанье кипящей воды в котле; что-то вроде: «гло-Кло-па!», за которым следовал резкий свист. Довольно долго животное бегало вокруг Виллис кругами, как собака, которая загоняет стадо. Молодая женщина попыталась заговорить с ним, но в ответ добилась от него лишь несколько невнятных звуков, преимущественно: «Я! Меня! Меня! Я!» И без того уставшая Виллис кончила тем, что перестала обращать на него внимание.

Между тем, она вышла на берег. Это было озеро или небольшое внутреннее море, безбрежная, спокойная, переливающаяся гладь. Очень далеко, казалось — прямо под звездой Лебедя, вырисовывал-

ся невзрачный островок. С пологих берегов к воде волнами спускались ковры из голубовато-серебристых лишайников. Зловещим покоем веяло от этого пейзажа на краю вселенной. Виллис неожиданно поняла, что все это было задумано не зря: только почти мертвая планета могла предоставить питательную среду и идеальные условия для всех этих странных частот времени без структуры и взаимосвязи, которые могли в любой момент вторгнуться в другие вселенные. Мертвые времена...

Она была на пороге осознания тайны. Виллис усилась на камень в зарослях камыша, похожего на струны арфы — трепетные, блестящие, словно соединяющие землю с небосводом... Так она и сидела, наполненная этой золовой музыкой, не обращая внимания на призывы, крики, не в состоянии противостоять вселенской скорби или бросить хотя бы взгляд на толстое нелепое животное, что топталось вокруг нее. Она закрыла глаза. А когда открыла — поняла, что ее звали. Зов этот был раздирающим, натянутым, как струна, и многоголосым. Прямо перед собой она увидела скалистую стену, испещренную выбоинами и провалами, и в каждой прогалине светились испуганные детские глаза. Что это; новый клан, который нуждается в ней?.. Да, толпа испуганных, отчаявшихся детишек... Когда она поднялась к ним, они начали бросать в нее камнями, но очень быстро успокоились. По зарослям вибрирующего камыша она проникла в пещеру, где в невидимых щелях прятались и выглядывали из них малыши. Этот клан состоял из совсем маленьких детей, большие, конечно, были уничтожены. Щуплые тела, покрытые страшными ранами, кровоточили...

— Кр-рысы! — крикнуло настырное животное. — Кр-рысы! Ж-с-ш-ш-ф-ф-ф!

И крысы появились, а звезда Лебедя в это время скользнула к горизонту... Крысы извергались нескончаемым потоком откуда-то из неведомых глубин: они были гладкими и жирными, чем-то похожими на «гло-кло-па», с красными свирепыми глазами. Увидев крыс, дети забрались еще выше — на карниз, который проходил под самым куполом пещеры, и звали Виллис, протягивая к ней свои маленькие израненные ручонки. Но теперь она ничем не могла помочь им. Как только началось нашествие грызунов, она, помня напутствие Анг'Ри, бросилась в воду. К ее большому удивлению озеро было теплым. Она сорвала длинную тростинку, которая в случае чего должна была помочь ей дышать в воде, и приблизилась к берегу, насколько могла. Но напрасно посыпала она свои знаменитые волны маленьким существам...

Все кончилось, как всегда, безысходным кошмаром: бесчисленные полчища крыс поднимались выше и выше, урчали, заполняли пещеру. Огромный раскоряка скакал на своих трех лапах в этом море, распространяя вокруг себя ужасную вонь. Грызуны наступали

сомкнутыми рядами, используя малейшую неровность в скалах, их голые хвосты бешено рассекали воздух. Иногда одна из огромных тварей оскальзывалась, срывалась и падала с невероятным визгом: она тотчас исчезала в этом черном море. И лишь несколько маленьких белых косточек появлялись потом, очищенные лучше, чем это мог бы сделать профессиональный мясник...

Не в состоянии добраться до своей добычи, крысы яростно пищали, их волны откатывались и водоворотами кружились по пещере. В какой-то момент Виллис увидела с ужасом, близким к помешательству, как твари взбираются одна на другую, будто собираются построить пирамиду! Самые коварные вспрыгивали даже на огромного квохчущего раскоряку, взбирались по его красной щее, поднимались на уродливую голову без подбородка, чтобы потом прыгнуть повыше на стены. Толстое несуразное животное разразилось градом звуков, напоминавших человеческую речь, но не имеющих никакого отношения к происходящим событиям. Его речь закончилась, совсем уж неожиданно, абсолютно бессмысленным заявлением на межгалактическом:

— Все подо мной! Это ранит мою португальскую чувствительность! Это необыкновенно!

Этот кошмарный фарс закончился заранее предвиденной трагедией. Воздух неожиданно помутнел и потемнел, часть пейзажа опрокинулась прямо на глазах у Виллис, и вместо нее появилась черная блестящая стена: все те же доспехи, хоботы, щупальца... «Так это появляется... ниоткуда», — еще успела подумать Виллис. Стена приблизилась к пещерам, потоки пламени затопили их. Гнилый запах паленого, стоны, писк и густой черный дым захлестнули побережье.

А Глопа, конечно, сбежал.

Все было сожжено — и дети, и крысы...

XI

Та лестра делится впечатлениями. Вот что она говорит:

Уже два часа (относительных) я непрерывно стреляю. Короткие стволы мощных дезинтеграторов раскалились, даже пальцам больно. Хорошо еще, что с «Летающей Иглы» сгрузили оружие, и что Лес, несмотря на свое явно отрицательное отношение к этому, научил меня с ним обращаться. Мор, словно настоящий полицейский, утихомиривал женщин. Они завывали хором в убежище, что в центре лагеря.

Все они изменились, с тех пор, как оказались на этой странной

планете. Она называется Гефестионом, говорит Морозов. Находится она на окраине созвездия Лебедя, и Гейнц (электроник), предполагает, что нас туда занесло, как будто приливом... Нет ни дня, ни ночи на тусклом небе в постоянных сумерках, а звезды огромны, как луны Марса, и их слишком много. Призраки разговаривают, как мы с вами, и некоторые — невероятно ужасны.

Но больше всего на нервы действует то, что у времени здесь другое значение...

Такое впечатление, как будто живешь в замедленном фильме. А параллельно течет наше собственное относительное время. Это объясняет присутствие фантомов, говорит Мор. Кажется, что в тонкой структуре времени всегда есть явления или вещи только слегка очерченные, есть отблески и отражения. Здесь же эта тонкая структура особым образом расширяется. Кажется, что прожил на Гефестионе месяц. А по некоторым признакам получается, что прожил три или четыре года. А мне 15 лет.

Я выросла. Волосы у меня стали длинными. Я завязываю их узлом. Как и все женщины «Летающей Иглы», я щью себе платья из чехлов, из парашютов, даже из бинтов. Создается впечатление, что нам придется здесь немножко задержаться...

Ведь нужно упомянуть и об этом: мы благополучно приземлились, но у нас почти не осталось горючего. И вот уже месяц (или три года?) Лес, Морозов и Гейнц ищут на этой ненормальной планете город, где может быть склад горючего — город, который не был бы миражом.

Между тем, надо было построить лагерь. Другой лагерь. Ведь мы сели в самом ужасном месте на Гефестионе. Нет — во всей вселенной.

Это остров.

В тот момент, когда мы сели, вода вокруг него была, опять-таки по словам Морозова, цвета «мертвой турчанки». На острове не было никакой растительности — только камни да проволока с колючками. Наш корабль приземлился на ровной площадке, окруженной бараками, вокруг которых валялись кучи того, что я, глядя в перископический телескоп, приняла сначала за сухие ветки. Так как при посадке мы увлекли за собой немало ионизированных частиц из верхних слоев атмосферы, эти кучки слегка светились. Я хотела рассмотреть вблизи, но, как это уже было у рва на Уране, Лес закрыл мне глаза ладонью.

Позднее я привыкла. И все мы привыкли к странным башням, окружающим остров, с которых струился слабый мертвенно-бледный свет, к неподвижным кучам, из которых торчали сухие и скрюченные конечности — кучи трупов, еще при жизни доведенных до такого состояния, что они были похожи на кукол или марионеток. Мы привыкли и к неподвижным часовым у ворот лагеря — и это

были мертвецы, стоявшие так уже много гефестионских зим: человеческие тела, вмерзшие в огромные блоки прозрачного льда, который, очевидно, не успевал растаять даже летом. Я спросила, как же они могли туда попасть. Гейнц объяснил это со свойственной ему простотой:

— Их поставили здесь и начали обливать водой — стоял адский холод, а вода была, наверное, теплая, и они промокли до нитки. Потом вода замерзла, и ее продолжали добавлять...

— И они были живые?

— Да, вначале. Что с тобой, Талестра! У тебя насморк или ты плачешь?

— Нет, — отвечала я сдержанно. — Это теплая вода Гефестиона. — Я уже давно научилась избегать их взглядов...

Странно, но на Морозова все это почти не произвело впечатления. Он говорил: «У меня на родине всегда так страдали! Может быть, среди этих ужасных манекенов есть мои предки...» Странно, что большинство из нас может спокойно жить рядом с этими бараками, со скелетами, вытянувшимися на нарах, дохлыми паразитами. Вшивые призраки — разве можно представить что-нибудь подобное?! Но есть, все-таки, место, которое я обхожу стороной. Это просто дорожка, она ведет ко рву, где уложены мертвецы, раздавленные ногами. А сверху табличка с надписью на земном языке:

«Вот пойманные беглецы».

В первые дни этого кошмара многие пассажиры «Летающей Иглы» сходили с ума и даже бросались в озеро. А я стиснула зубы и стала смотреть в другую сторону: у Леса и без того хватало забот.

Мы не могли покинуть остров, на который сел наш звездолет. Большинство пассажиров отказывалось покинуть тесные помещения, там было не так страшно. Однако невозможно было оставить их там: первое напряжение вызывало непрерывные скандалы. Лес собрал несколько мужчин, в основном, офицеров полицейских отрядов с Нептуна, и объявил, что нужно построить убежище. Но не в этом кошмарном месте, а на другом конце острова.

Первое время мы были полностью заняты строительством. Надо было найти материалы. На звездолете нашелся брезент, надувные матрацы и инструменты. Но на другом берегу озера надо было найти дерево. Озеро замерзло, и это облегчило нашу задачу. И все равно мне становится не по себе, когда я вспоминаю об этом невероятном труде — надо было валить тонкие стволы и тащить их потом по льду к острову. Здесь росли только пробковые дубы и гигантский тростник. На «Летающей Игле» нашлись две пневматические пилы, а еще мы смастерили из полированного камня несколько топоров, которые быстро зазубривались. Один толстяк

с Титана начал протестовать: ему навязывали работу несовместимую с духом его касты! Нептунианцы тоже роптали. Все это еще кое-как сдерживалось в присутствии Леса, его высокомерный вид смущал их. Но он буквально разрывался между берегом и островом. Ночей не было, и мы, когда уставали, просто забирались в наши землянки из термопластика, что стояли на обоих берегах озера. Я чаще всего оставалась во временном лагере на другом берегу.

Однажды случилось так, что меня разбудила странная тишина. Я ударом кулака распахнула фотоэлектронную задвижку моего спального мешка и увидела Морозова, сидящего на распиленном стволе. Уже довольно долго он носил поверх своей знаменитой набедренной повязки шкуру какого-то зверя. Мор казался абсолютно растерянным. Он объявил мне, что нептунианцы покинули лагерь, захватив с собой запасы продовольствия и оружие.

— А еще — электромагнитный компас, — добавил он. — Но они не знают, что все эти приборы не действуют в созвездии Лебедя. Они заблудятся, так как здесь нет настоящего восхода, и не смогут определить свое местонахождение... Да, не к добру они сбежали!

У него были подбиты глаз и губа. Я сказала:

— Тем хуже для них. Они вас побили, да?

— Конечно, они плохо обошлись со мной, но это неважно. Они сами страдали от этого...

— К черту, — сказала я, садясь в моем пенальчике-отсеке, — и вы еще жалеете их!

— А что вы хотите? Эти люди обучены для действий только в определенных ситуациях, при простых законах. Почти все они были полицейскими на Нептуне, и всем им были сделаны прививки против бредовых видений, которые принимают на этой планете поистине ужасные размеры. А Лес заставил их работать пилой! В самом деле их уход — логическое завершение...

— Да они вернутся, когда съедят свою провизию, — сказала я, чтобы успокоить его.

— Свою провизию?! — воскликнул Морозов. — Так вы не поняли? Нашу! На неделю! А Лес отправился на разведку на другую сторону планеты, так что я не знаю, когда нас теперь снабдят...

На этот раз я окончательно проснулась. Кроме того, я хотела есть. Ужасно хотела.

— Нужно снести с островом, — предложила я. — Гейнц же там.

— Очень хорошо, — сказал Морозов. — Как снести? Они утащили, конечно же, наши аэросани, но не смогут их использовать, потому что лед тает. Утащили все средства для разжигания огня, но тростник еще не оттаял... Бесполезно кричать, никто нас не услышит. Однако есть еще телепатические волны. Ты ведь мутантка, ты можешь попробовать.

— Нет,— благоразумно отказалась я,— я еще не умею. Я могу передавать, но что именно? А Гейнц понимает с трудом. Он может вообразить, что его атакуют, и... когда он дает отпор — это катастрофа. Вспомните, как выглядел центральный пост во время поисков «красной капсулы».

— Я помню. Так что же, положение безвыходное?

— Нет,— сказала я,— нет. Надо подумать. Вы пользуетесь такой славой в космосе и не захотите, чтобы в галактической энциклопедии напротив вашего имени написали: «замерз в компании малолетней мутантки»? Нет ли у нас какого-нибудь известного всем способа общения, не требующего применения сложного устройства? А, кажется, я придумала! Фонарь! Они ведь оставили вам электрический фонарь? Световой сигнал...

И я уточнила:

— Три коротких. Три длинных. Три коротких.

Мы никогда больше не встречали мятежных нептунианцев.

Строительство на острове заканчивалось. Гейнц был бесподобен, в одиночку ворочая самые большие стволы, любезничая с женщинами и смеша детей — они составляли теперь почти половину всего нашего населения. Женщины, которых чуть ли не силой выгнали из звездолета, тотчас почувствовали себя лучше, некоторые даже разожгли костры и растопили лед, чтобы умыться. Но не все...

Как только были поставлены палатки, оборудовано убежище и подключено отопление, Лес созвал то, что Морозов называл «маленьким советом». Собрались они оба, Гейнц и еще двое мужчин, принимавших самое активное участие в строительстве: один штатский и один военный из пассажиров. Женщины делегировали двух представительниц: пожилую дьяконессу, которая постоянно распевала гимны, и президента клуба «Друзей Антенагорас Зизи». Я не знаю, кто был этот самый Антенагорас. По словам Морозова, это был философ раннего Четвертичного периода, известный, в первую очередь, в связи с событиями, которые называют «заблуждением Шератана». Но я и этого не знаю... Это была жирная и подвижная дама с массой завитушек на голове. Лес позвал и меня:

— Талестра; иди сюда, ты будешь представлять детей.

Он назначил часовых в звездолет и по углам нового лагеря, окруженного частоколом из пробкового дуба. Потом мы собирались в самой большой палатке, там, где хранились аккумуляторы, оружие и запасы продовольствия. Все уселись вокруг небольшого костра: надо было экономить энергию обогревателей. Все это напоминало мне другую ночь в помещении центрального поста «Летающей Иглы» и другой военный совет, на который меня не позвали.

Как и тогда, свет — теперь уже костра — придавал лицам выразительность, и я неожиданно поняла, что уже давно знаю моих друзей, что они близки мне, и что у нас есть общие воспоминания и переживания. Они тоже немного изменились. Морозов как-то съежился под своей шкурой, Шталь все больше походил на огромный чемодан, поставленный на-попа, а лицо Леса, огрубевшее, но все еще утонченное, стало еще восхитительнее...

Он как можно проще изложил положение вещей:

— Свободные гражданки и граждане, — сказал он, — сначала подведем итоги: нам невероятно повезло и, одновременно, ужасно не повезло, что мы сели именно на Гефестионе. Эта планета обитаема, что очень редко встречается в созвездии Лебедя, где большинство небесных тел — просто раскаленные метеориты. Вы безо всяких вредных последствий дышите ее воздухом, и, посадив несколько зерен из нашего запаса, мы собрали небольшой урожай пшеницы и овощей земного типа — магнум бонум.

— Это означает картошку, — прошептал мне на ухо Морозов, — но при подготовке доклада я настаивал на латыни: это звучит лучше!

— С другой стороны, — продолжал Лес, — это созвездие лежит в стороне от обычных путей сообщения; мы можем остаться здесь на все сто лет, и никто нас не найдет. Передатчики не работают при таком большом скоплении звезд и интерференции магнитных полей. Следовательно, нам остается единственный выход: использовать как можно лучше то, что у нас есть, и изыскивать такие природные ресурсы планеты, которые позволили бы нам улететь.

— А о каких ресурсах идет речь? — спросил штатский.

— Уместный вопрос. — Лес повернулся к Морозову. — Ты производил изыскания. Объясни.

— Так вот, — начал свое объяснение маленький ученый, — на Гефестионе, несомненно, есть месторождения минералов, но мы не в состоянии их разрабатывать. Имеются другие возможности: в относительно недалеком прошлом эта планета была обитаема, потом ее разорила ужасная сила — может быть, именно та, от которой мы бежим. Население, а также целые районы отныне существуют лишь в виде оптических миражей. Но должны существовать и материальные остатки той жизни. Может быть, среди них мы сможем найти и горючее.

Пожалуй, эта возможность была довольно проблематична, но пассажиры воспрянули духом. Дьяконесса, которая принадлежала к секте Истинных Последователей, спела гимн, а дама с завитушками пообещала Лесу, что его имя будет упомянуто в хартиях общества Антенагораса Зизи. Трудности начались позже, когда договорились, что отряды пассажиров будут по очереди исследовать планету в поисках ресурсов.

— Я накладываю вето! — крикнула литературная дама. —

Все здоровые пассажиры должны одновременно исследовать планету — так будет быстрее! Мы все равны! — Она уничтожающе посмотрела на нас с Морозовым. — А старики и дети останутся в лагере!

— Я не думаю, что такое решение будет рациональным, — возразил Лес. — Кто-то должен защищать остров.

— От кого? На планете нет никого, кроме призраков.

Нисколько не обидевшись, Морозов вмешался. Он забросал свою оппонентку, которая носила звучное имя Атенагора Бюветт (что, очевидно, было символом ее философских наклонностей), успокаивающими истинами и не совсем логичными уверениями... Но у дамы была боеспособность реактивного спрута с Шератана.

— Если я вас правильно поняла, — заявила она, наставляя на Морозова протонный микроскоп, который служил ей лорнетом, — вы даже не знаете, могут ли на нас напасть чудовищные растения или бронтозавры?

— Да, это так, свободная дама...

— Но, в таком случае, вы ничего не знаете! И вы еще пытаетесь мне противоречить, мне, у которой чувствительность точно такая же, как у великого Антенагораса Прорицателя, прозванного Зизи! Долой невежд! Долой!

Она подпрыгивала и надсаживала глотку. Дьяконесса произнесла проповедь. Снаружи пассажиры подняли неописуемый гвалт. Лес приказал всем замолчать. Он заговорил ледяным тоном, какое-то не совсем человеческое спокойствие исходило от него.

— У нас единственный вопрос, — сказал он, — надо решить в принципе, будем мы исследовать планету или нет. А техническая сторона и организация экспедиции касается только меня. Здесь командую я!

Устроили открытое голосование. Только Атенагора оказалась против. И мы разошлись в некотором беспорядке.

Палатка, в которой я жила с целой кучей детей, была на другом конце лагеря. И я была благодарна Лесу за то, что он проводил меня. Остатки старого лагеря были видны отсюда, и мне было не так страшно при виде этих ужасных груд мертвых тел, перекошенных лиц, ртов, разинутых в безмолвном крике или хрипе. Я закрыла глаза и прижалась щекой к руке Леса, повторяя:

— Я вне себя от возмущения! Они что же, все такие, жительницы Земли??!

— Нет, не все, — отвечал он спокойно.

И я как бы заново увидела остров: мы дошли до противоположной оконечности, единственного почти пустынного места между сиреневым и фосфоресцирующим небом и озером с мертвой водой — этими двумя безднами с мигающими звездами... А прямо надо мной в колеблющихся отблесках возвышался Лес, похожий на большую звезду в образе человека, затерянную в облаках этого

проклятого богом места. И он смотрел на меня — и я забыла, что должна избегать взгляда его золотых арктических глаз. Я вообще все забыла. Это было так, будто какой-то туман застал мое сознание, а яркий золотой луч света ранил и глубоко проник в меня, в мой мозг, в мое сердце. Может быть, я чуть было не закричала, чуть не упала... Я хотела умереть и воскреснуть тысячу раз и оставаться целую вечность под его взглядом...

А он сказал:

— Ты очень выросла, Талестра.

— Это что, плохо? — спросила я растерянно. — Когда я таскала деревья по льду, все были довольны. А теперь ты упрекаешь меня в том, что я занимаю много места?

— Я не это хотел сказать, — возразил он. — Но это так трогательно: я ведь знал тебя совсем маленькой девочкой...

— Да, ты даже таскал меня за волосы на «Летающей Игле», когда мы обезвреживали механизм тик-тик-тик!

Он смутился:

— Я таскал тебя за волосы? Нет, ты сошла с ума! — Он помолчал. — Прости, Талестра...

И вот мы стоим уже перед моей палаткой. Все произошло очень быстро... Лес взял мою руку и поднес ее к своему лицу, а я была смузена: ведь это была та самая рука, которая валила деревья, долбила лед, регулировала прицел излучателя — мозолистая, маленькая и потрескавшаяся. Но он не поцеловал ее, он просто поднес ее к своим глазам. Очень длинные ресницы обмакнули ее, и я почувствовала что-то свежее, словно слезу, какую-то ласку ангела...

— Видя тебя такой большой, — прошептал он, — я начинаю понимать, как давно я покинул мою родную планету и всех тех, кого я любил...

На другой день он ушел на разведку со своими людьми. А я осталась в лагере с Морозовым. Не могу сказать, что я скучала. Все окружающее было таким новым для меня, а у него была голова, из которой можно было много чего позаимствовать. Это было похоже на удачную рыбную ловлю. Мне было вполне достаточно ухватить какое-нибудь понятие, и я начинала тянуть его к себе, как на леске, и — гол! — я вытаскивала большую аппетитную рыбу — решение какой-нибудь научной проблемы, исторический парадокс, бергсоновскую теорию. Мор, постоянно страдающий от холода, работал, закутавшись в свою шкуру, в самой большой палатке. Во время свободных гипнолекций, которые он читал детям пассажиров, я усаживалась у каталитического обогревателя, расслаблялась и буквально сгорала от любопытства: я страстно интересовалась прошлым Земли, будущим звезд, а также метафизикой.

Я хотела знать все! Я могла все понять...

Наступил день, когда...

— Ты опустошаешь мой мозг! — объявил он.

Я пожала плечами.

— Это неизбежно. На этой планете остались только книги-призраки. А на острове — только списки казненных. А я уже выучила наизусть «Божественную комедию», а также еще одну штуку, которая лежит в футляре, и о которой я уж не буду упоминать...

Он поглядел на меня с интересом:

— Это тебе понравилось? Я хочу сказать, «Комедия»?

— Неплохо, хотя Данте неизвестно зачем усложняет. Для чего столько разглагольствований в балладе о подпространстве? Зачем превращать эту несчастную Беатриче в святую, в инквизитора, в саму философию?.. И все-таки я полюбила этого древнего поэта, который совершил такое же путешествие, как и мы...

— Ты так думаешь?

— О! Есть вполне определенное сходство. Путешествие через круги ада, чудовищный зверь с Сатурна, озеро Смерти на Уране... Черные существа с огненными стрелами, которые нас преследуют. А здесь — не тот ли этот город Дит, в котором мы все были? Где:

Навстречу нам шли тени и на нас
Смотрели снизу, глаз сощуря в щелку,
Как в новолуные люди, в поздний час¹.

— Так ты полагаешь... что все это уже было времена Данте?

— Это или что-то похожее. Ты же сам учил меня: в гиперсфере ничего не исчезает и не возникает бесследно.

Он казался потрясенным, не знаю почему. Неожиданно он отослал всех учеников, и мы остались вдвоем в большой палатке. Дрожа, он повторял:

— Замолчи! Лучше не думай об этом! Что же делать, что делать?!

Он ходил большими шагами вокруг обогревателя, и развеивающаяся шкура приоткрывала его худые ноги.

— Такая маленькая девочка! — пробормотал он наконец. — А я еще думал, что никто, кроме меня, не в состоянии прикоснуться к этой бездне!

— Я немного выросла! — возразила я. — Лес это уже заметил. Но это еще не все. У меня появились новые, довольно интересные способности. Я могу теперь передавать мысли в четырех измерениях.

— Ты можешь... что?

Мне даже не стало смешно от его изумления, когда я запустила (если можно так выразиться) в его голову все то, что я уже так

¹ Данте, «Ад», песнь пятнадцатая, 16. (Пер. Мих Лозинского)

хорошо знала, особенно с того самого вечера, особенно с той встречи на другом конце острова: «осенние сумерки», похожие на сумерки Гефестиона, эти мольбы, эти стоны, где «адский ветер, отдух не зная, мчит сонмы душ среди окрестной мглы»¹. «И как скворцов уносят их крыла, как журавлиный клин летит на юг...»². И эта пара, которая проходит, обнявшись, никого и ничего не замечая вокруг, разве только, если сама любовь позовет их... Эта пара, которой я уже завидовала до слез...

Я так увлеклась, что подлинное дыхание ледяного вихря коснулось нас, оно заполнило палатку, стерло контуры брезентового покрова, а от взмахов огромных крыльев колебалось затянутое густым дымом пространство вокруг, и весь ад испускал протяжные стоны, и оба мы могли расслышать главную жалобу — нежный и жалобный голос Франчески да Римини:

Любовь, любить велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым.
Любовь вдвоем на гибель нас вела...³

Я очнулась — Морозов испуганно тряс меня.

— Как же так! — упрекал он самого себя. — Как же я ничего не заметил?.. Ведь это же самый опасный момент. Пифии теряли способности к предсказаниям, а служанки храма Весты — свою бдительность⁴, а мы и подавно не знаем, какие бури могут бушевать в организме мутантки!

А потом добавил в стиле самой пошлой прозы:

— Бедное мое дитя, ты что же, уже давно влюблена в Леса?.. К счастью, мне не пришлось отвечать.

Со стороны нового лагеря поднялся невообразимый шум:

— Ночные! Ночные!

Да, Ночные наступали.

И это не было миражом.

XII

Лес брал с собой на разведку двоих. Четыре человека оставались на корабле с приказом живыми оттуда не выходить, какая бы опасность ни угрожала лагерю. И это было правильно: корабль

¹ Данте, «Ад», песнь пятая, 31 (Пер. М. Лозинского).

² Там же, 40, 46.

³ Там же, 103—106.

⁴ Пифии — жрицы храма Аполлона в Дельфах, предсказывающие судьбу; служанки Весты (весталки) — жрицы храма Весты в Древнем Риме.

оставался нашей единственной надеждой, единственным средством, которое могло бы связать нас с остальным миром. Таким образом, в нашей крепости оставались Морозов, Гейнц и восемь пассажиров. После бегства мужчин из временного лагеря на том берегу у нас ощущалась нехватка в бойцах. Еще здесь были бесполезные женщины и дети, а также я...

Лагерь состоял из подземного убежища, правда, не слишком глубокого, но защищенного всеми имевшимися на «Летающей Игле» противоатомными плитами, а еще из двадцати, примерно, палаток, в которых люди размещались по пять и по шесть. Все это было окружено уже упомянутым частоколом из стволов пробкового дуба, обмазанных толстым слоем глины. Несмотря на регулярные бессмысленные протесты Атенагоры, которая требовала: «Пространства! Еще пространства!», Лес приказал прорубить десяток амбразур и установить в них тяжелые дезинтеграторы.

Все это чем-то напоминало военное поселение на американском Диком Западе или в древних колониях.

Когда на противоположном берегу неожиданно потемнело, а ужасный запах паленого мяса и сернистого газа наполнил воздух, все женщины бросились в убежище и увлекли меня за собой. Там я пережила несколько самых неприятных минут в жизни, и так уже слишком богатой впечатлениями. Мы были стиснуты еще сильнее, чем на «Летающей Игле». Или это мне казалось, потому что я выросла? У всех детей разболелись животы. Дама Бюветт взобразилась на ящик и попыталась обратиться к нам с речью: по ее мнению, любое сопротивление было чистейшим безумием, ведь учитель Зизи всегда подчинялся силе, что ярко отражено в его работах «Антиной любит Адриана», «Псаффа», «Я сплю один» и т. д. Она призывала нас одновременно выйти из убежища с белыми знаменами или с тем, что могло их заменить. «Ведь Ночные — гуманоиды. Но если все человекообразные одинаковы, и если они хотят установить порядок на всех планетах, то это говорит о том, что предприятие их вполне легально и...» Разрозненные выстрелы тяжелых дезинтеграторов потрясли убежище, и я почтительно предупредила проповедницу, что ящик, на котором она принимает позы великих ораторов, содержит изотопы трития, и в любой момент может начаться процесс распада... Я никогда бы не поверила, что она может слететь оттуда с такой легкостью. А ведь на ящике была надпись: «Витамины». Дьяконесса запела: «Господь, ты видишь ли меня...» У одной из пассажирок началась истерика, и это несколько отвлекло всех. Ее потащили под душ, но кто-то случайно повернул терморегулятор не в ту сторону, и кипящая струя обварила несчастную. И наступила всеобщая неразбериха...

Когда крики стихли, оказалось, что наверху царит зловещая тишина. Это могло означать самые разные вещи — и очень важные.

Я потихоньку двинулась к выходу, но дама Атенагора вцепилась в меня, визжа:

— Держите ее, она хочет смыться! Возьмем ее заложницей, или мы пропали!

Вопреки всем моим принципам я ударила ее и вырвалась из толпы этих одержимых с разодранным платьем и растрепанными волосами. В это время один мальчик вскочил на перевернутую тележку, которая служила Морозову рабочим столом, и, схватив молоток, начал стучать по пустому баллону из-под жидкого воздуха. Паника достигла предела, и мне удалось выскочить наружу.

Когда мои глаза начали различать предметы в густом дыму, я поняла, что первый натиск с противоположного берега был остановлен. Но Ночные вели огонь яростно и точно, они вывели из строя четыре наших дезинтегратора. Среди обломков лежали семь пассажиров — семь черных, обугленных манекенов... На своем посту хрюпел раненый электроник. Я принесла ему воды, и он вежливо поблагодарил меня. «Спасибо, свободная дама...» Затем голова его свесилась набок, а глаза закрылись. Прибежал Морозов.

— А тебе что тут надо?! — крикнул он.

— Эти бабы в убежище совсем рехнулись и крушат все вокруг себя. К тому же, сейчас самое время использовать мои способности...

Мы с трудом затащили тяжелого Гейнца в одну из палаток: он был сильно обожжен. Морозов ввел ему антибиотики и морфий.

— Как это произошло? — спросила я, когда мы вышли, стараясь не глядеть на черные тела у бойниц.

— Они накрыли нас первым же залпом. Они... да ты с ума сошла, куда ты?!

Я ползком направилась к одной из бойниц. Ну конечно, они были там. Черная блестящая масса заполнила противоположный берег и скалы. Это были все те же знакомые силуэты, ужасно похожие на людские, однако некоторые из них ковыляли, как гигантские пауки из кошмарных снов, другие, похожие на ракообразных, испускали какие-то странно дымящиеся желтые лучи, врашали шариковидными антеннами. Я старалась успокоиться, говорила себе, что это вспомогательные механизмы или оружие, но от этого мне не было легче...

Царило странное затишье.

— Похоже, они раздумывают, а? — сказал последний из пассажиров, сидя на стволе своего дезинтегратора. У него было расплагающее круглое лицо молодого фермера откуда-нибудь с равнин Марса. — Хорошо, если бы они перенесли это на завтра!

— Да, — ответила я рассеянно. В голове у меня почему-то звучала глупая песенка об одной даме, которая не знала, как ей лучше приготовить омаров. — Они могли бы разрушить наш лагерь,

не сходя с места, но почему-то не делают этого. Я думаю, они хотят взять нас живьем.

— Напрасные надежды.

— Им просто не удастся взять нас живьем,— вмешался Морозов, вернувшийся из убежища.— Гражданочки решили взорвать остров. Они собрали вместе ящики с боеприпасами и уже приготовили зажигалки...

— Вы должны были конфисковать их.

— Разве вы, дорогая моя, не знаете, что нет чудовищнее фурии, чем женщина, когда она выходит из себя?

Как же странно звучала эта дискуссия среди руин и обугленных мертвецов, в ожидании новой атаки адских сил! Последний пассажир протянул мне булавку, чтобы я хоть как-то привела в порядок свою одежду, а Морозов раздал нам питательные таблетки. На противоположной берегу черные волны оживились и заколебались... Несомненно, привыкнув к беззащитной толпе безоружных людей, потерпевших кораблекрушение, которые попадали на мертвую планету, Ночные были ошаращены нашим отпором. Они, конечно же, готовили что-то новое. Но что именно? До острова нельзя было добраться, не имея плавучих средств. И враг не имел представления о нашей численности.

Гефестионские сумерки все сгущались, и солнце Лебедя казалось всего лишь тусклым пятном на горизонте. На воде озера, почти мгновенно остывшей, сталкивались крошечные льдинки.

— Сейчас они снова будут атаковать,— сказал Морозов.— Это потемнение... соответствует древней формуле: сумерки и людей Аэрса.

И действительно, на другом берегу появилось что-то новое. К воде спускался большой отряд, одетый в легкие скафандры.

— Это не так уж плохо,— сказал последний пассажир с таким выражением, будто любовался классным спортивным соревнованием.— Они поняли, чем рисуют, атакуя под огнем наших дезинтеграторов. Тогда они решили пройти под водой...

— А на Сигме вот изучают возможность создания термического прибора, способного вскипятить море,— мечтательно проговорил Морозов.

— Да, но ведь мы на Гефестионе!

Это бесспорное утверждение, казалось, встрихнуло Морозова, и он приказал мне лезть в звездолет. Я пожала плечами и вместо этого заняла место у перископического прицела одного из дезинтеграторов. К сожалению, «Летающая Игла» была всего лишь разведывательным кораблем — у нас не было мощного оружия, так необходимого сейчас. Поколебавшись немного, Морозов достал откуда-то из глубин своей шкуры еще одну пригоршню таблеток. Они были такие симпатичные — зеленые и красные.

— Это на тот случай, если мы не взлетим на воздух, — пояснил он. — Они безболезненные, комбинация стрихнина с гипноэффектом...

Со странным чувством держала я в руке эти веселые таблеточки — нашу смерть...

И у меня было странное предчувствие: в течение всех этих ужасных часов (или дней?) я была уверена, что это еще не конец. Лес вернется, или прямо на острове сядет корабль с Сигмы, или случится неважно что еще... Едруг я сказала:

— Что-то происходит.

— Где?

— На озере. Я так и знала, я так и знала!

На противоположном берегу черные скафандрь скользнули в воду. Но не это привлекло мое внимание. Между нами и противником на льдинах появились силуэты каких-то гуманоидов. Дрожащие от холода, крошечные гномы или... дети! Они размахивали своим смехотворным оружием — колами и рогатинами — и старались подбодрить себя пронзительными криками. Слишком ничтожная подмога? Не такая уж ничтожная, как мне сначала показалось... Через перископический прицел я увидела, как они склоняются к воде, бьют и вытаскивают окровавленные палки! Одна из льдин прошла совсем рядом с островом, сбивая черные силуэты, которые были уже совсем рядом. Союзники, у нас были союзники!

Ответные удары не заставили себя ждать: огненные лучи полоснули по льдинам, но были они беспорядочны и неточны... Однако, один из них попал в льдину прямо перед нами. Оставшиеся в живых попрыгали в воду и поплыли к острову. Настоящий огненный ураган обрушился на озеро, и я, опомнившись, припала к дезинтегратору. Последний пассажир и даже пацифист Морозов последовали моему примеру, и наши лучи прикрыли бегство союзников...

— Цельтесь лучше! — раздался за нашими спинами голос электроника. Он с трудом дополз до одной из бойниц и начал возваться с прицелом.

...Когда все это кончится, я снова стану собой, Талестрой. В моей душе больше не будет места всепоглощающей ярости. Я больше не увижу черную стену, которая неумолимо наползает на нас и которую я поливаю лучами дезинтегратора, не увижу и языки пламени, которые проносятся надо мной, черные тела, которые падают, рассыпаются и так похожи на людей, что я схожу от этого с ума. Мне 15 лет (относительных), и я никогда никому не хотела зла... Мне надо держаться. Лес вернется, или какой-нибудь корабль сядет. И будет еще одно ясное небо, весна на Земле.. Данте... Франческа... любовь, наконец.

Надо выдержать! Ведь я же Талестра.

Однако дело плохо — второй дезинтегратор умолк. Те, кто

саботируют производство оружия для космоса, заслуживают смерти на таком вот гефестионском острове. И пусть рот у них будет полон красных муравьев, а ноги — погружены в карболовое озеро. И пусть они подохнут среди призраков, и сами превратятся в них!..

Я ползком добираюсь до другого дезинтегратора у следующей бойницы. Мне кажется, что я ползу долго, бесконечные века. Частокол дымится, настоящий огненный мост накрыл озеро. С истерическими криками женщины покидают убежище и убивают друг друга... Атенагора Бюветт размахивает белыми трусами, словно белым флагом, но огненный смерч мгновенно сжигает этот ничтожный символ, а заодно и десяток участниц этой процессии. Другие женщины бегут к озеру и бросаются в воду. Можно предположить, что они хотят добраться до другого берега и просить пощады у Ночных. Как будто здесь можно просить у кого-нибудь пощады. Будто в этом мире еще существует такое понятие!

Одних сжигает беспощадное пламя, другие идут ко дну, увлекая за собой своих детей. На месте маман я должна была бы сказать: «Ну и чуденько! Меньше бесполезных ртов!» Но я не маман.

А веки у меня пылают. Большинство палаток горит. Любительница псалмов взбралась на станину дезинтегратора, беспорядочно машет руками в сторону того берега, и вдруг превращается в пурпурную спираль... Дама Атенагора ползком убирается в убежище. Берег, наш берег, раскален докрасна...

Однако, под прикрытием наших дезинтеграторов, фиолетовым гномам удается добраться до острова, и они нападают с тыла на тех Ночных, которым удалось выйти на берег. Они бросаются им в ноги, бьют их топорами из полированного камня. Ах, маленькие храбрецы... Целые гроздья человеческих тел срываются в воду. У Данте в его стихах такого не было. Он во всем искал логику...

Но в аду не может быть логики.

Припав к последнему дезинтегратору, который тоже кажется раскаленным докрасна, я стреляю, стреляю...

И вдруг становится совсем тихо.

Никто больше не лезет на дымящийся берег.

И равнина на другой стороне пустынна.

Все.

Глаза и волосы у меня обожжены. Запястья болят. Я падаюничком на землю, и наступает ночь.

Не знаю, сколько времени длилось мое беспамятство. Разбудил меня чей-то тихий, будто поющий голос:

— Что у вас болит?

Я подняла голову и одновременно увидела и возненавидела ее.

Ничто не могло быть более реальным, чем этот силуэт из белого золота и перламутра, это облако, которое парило среди искрящихся льдов и звезд, на фоне меняющегося пейзажа Гефестиона. Белая туника блестела под лучами солнца Лебедя. Гномы и эльфы толпились вокруг.

Она была похожа на водяную лилию, на мертвую звезду...

— Офелия, — сказал Морозов, лежащий, как и я, носом в песок. — Или Примавера¹. Или я не знаю, кто. Вы говорите, следовательно, вы не привидение. Откуда вы?

Бледные, немного припухшие губы еле заметно дрогнули. Но это нельзя было назвать улыбкой.

— Издалека, — сказала она. — С планеты Соль III.

— А эти дети?

— Я думаю, это туземцы. Или дети потерпевших кораблекрушение. Сами они этого не знают. Они называют себя «наш клан» и присоединились ко мне у пещеры с крысами на берегу. Они также называют себя беспризорниками.

— Бес... — Морозов выругался. — Но мне знакомо это название! Ведь это мой народ на Земле когда-то, в стародавние времена, изобрел его!

— А! — сказала она. — Вы тоже с Земли?

Казалось, она осталась абсолютно равнодушной к тому, что между нею и настоящей минутой простирались бездны и световые века... Но она, оказывается, уже успела излечить мои руки и мой раскалывающийся затылок и занялась ожогами электроника и ранами последнего пассажира. И никогда — да, никогда — ни Гейнц, который всегда был настоящим другом, ни последний пассажир, который относился ко мне с уважением за то, что я так здорово управлялась с дезинтегратором, не смотрели на меня так, как на нее! Они словно поглупели от восхищения!

К счастью, в этот момент раздалось какое-то сумбурное кудахтанье. Подпрыгивая на трех безобразных перепончатых лапах, какое-то несуразное существо серо-розового цвета, с раздутой шеей, приблизилось к нашей группе. Меня затошило.

— Это ваше? — спросила я. — Увлекаетесь, что ли?

— Нет, это просто кошмарное видение.

— Это приближенный, — сказал Морозов, выбирайсь из обломков. — Это примитив. И все это совсем по-земному. Красавица и Зверь, Геката и ее собаки, Прозерпина и Цербер. Улетая на шабаш, прекрасные ведьмы брали с собой лемуров... Вы возрождаете все эти мифы. Вам не холодно? — Сняв свою оборванную и обгревшую шкуру, он галантно взмахнул ею и поклонился незнакомке.

¹ «Примавера» (Весна) — картина Сандро Боттичелли, великого художника итальянского Возрождения.

И он мне изменил!

Именно этот момент как будто специально выбрал Лес, чтобы сесть на своем гелико посреди окружавшего нас бедлама. Начались взаимные представления: незнакомку звали Виллис. «В и л л и с и е е б е с п р и з о р н ы е» — Морозов объявил, что это годится для названия поэмы. Он хотел отпраздновать встречу и даже открыть по этому поводу последнюю бутылку шампанского, которую прятал среди витаминов и концентратов! К счастью, Лес вернулся всех на землю. Он считал, что теперешнее затишье простоянется недолго. Разбитые в открытом бою, утопленные в озере, Ночные все равно будут искать возможность отомстить. Пока он говорил, я пристально глядела на него и чувствовала, что счастлива. Но надо было драться за это, если я не хотела все потерять. Волна ярости поднялась во мне до такого уровня, что я увидела...

— А ведь под озером есть ход, — сказала я. — Единственное средство спастись — это немедленно бежать отсюда на корабле.

— Ты все это видишь, Талестра?

— Да. И как мы боремся, и как мы умираем. Но все это очень расплывчено. Это значит, что мы можем избежать всего этого.

На этот раз победа была на моей стороне! Мальчики смотрели на меня с восхищением, которое я вовсе не находила смешным. А розовое членистоногое принялось подпрыгивать, кудахчать:

— Я! Меня! Я! Меня! Я одобряю!

Но голос Леса перекрыл шум. С присущими ему точностью и благородствием он разрушил наши надежды...

— Горючего у нас хватит только на взлет, — сказал он.

Казалось, Виллис очнулась.

— Горючее? — сказала она каким-то отсутствующим голосом. — Это то, что заставляет работать двигатели? Но оно же есть... Анг'Ри, скажи им.

Самый большой из гномов заговорил. Речь его была весьма примечательной: одни сокращения, которые назывались друг на друга.

— Есть сломаздолет. Горюполн. Ужавно. Еще нашитцы. Раз'брали резерв' и спрят'. Надеждулететь всегда. Все умерли. Гор'ост.

— Ну вот, — сказал Лес. — Это значит, что какой-то корабль рухнул с полными резервуарами, но не взорвался, а предыдущее поколение сохранило его в надежде когда-нибудь вырваться отсюда... Я имею в виду гор'. Не смейтесь, Талестра. Мы все кончим тем, что будем разговаривать на таком волапюке¹. Ты можешь указать нам местонахождение этого горючего?

— Конечно, могу.

¹ Волапюк — искусственно созданный язык международного общения. Обычно слово «волапюк» употребляется с ироническим оттенком, как синоним бессмыслицы.

Виллис думает:

Мне надо бы привести все это в прядок. В общем, мне кажется, что я нашла их — тех, кого я называю моей группой. И вот мы на Антигоне. Это еще одна планета в созвездии Лебедя. «Опять созвездие Лебедя! — сказала Талестра. — Мы никогда отсюда не выберемся!»

Целая вечность отделяет меня от Геры, от Хелла, от его смерти. Это похоже на непроницаемый саван, который я не осмеливаюсь приподнять из опасения, что зарычу от боли... Это неправда, что страдание когда-нибудь кончается, что все забывается. Мы удаляемся, вот и все. Туман времени стирает черты лица, приглушает голоса — и это самое ужасное.

Ну ладно, начнем с начала. Нам удалось разместиться в небольшом звездолете, который они называют «Летающей Иглой». Они — это такой смешной ученый Морозов, великий космонавт, состоящий как будто из кристаллов и золота, не совсем гуманоид Лес Кэрролл, потом еще эта маленькая хорошенская фурия Талестра, а также пассажиры. В трюме было очень тесно, и Талестра мне сказала, что, к счастью, нептунианцы дезертировали, многие погибли в бою, а правоверные дамы покончили самоубийством и убежище. Хорошо еще также, что мои беспризорные были такими маленькими! Анг'Ри привел нас к тому месту, где было немного горючего. Лес собрал общий совет.

— Вот факты, — сказал он. — С таким запасом нам никогда не выбраться из созвездия Лебедя. — Единственный выход — перелететь на другую планету, расположенную поближе к солнцу этой системы. Но мы не знаем, что нас там ожидает.

— А что это за планета? — спросила какая-то дама оливкового цвета. Она отделилась от группы растрепанных жительниц Земли и Урана, усталых мужчин и детей, похожих на кузнецов.

— Антигона ближе всех, — объявил Морозов, — и имя красивое...

— Конечно, еще один ледяной ад!

— Да нет же, — сказала я насколько могла спокойно. — Ведь она расположена ближе к звезде Лебедя, поэтому ее климат должен быть более мягким...

— А, это вы! — бросила мне эта особа, скользкая, как угорь. — Вас мы уже знаем. Лишь бы вам оставили ваших кузнецов, и вы будете всем довольны, не так ли? К тому же интересно, человек ли вы?.. Антигона, эта девка, — продолжала она, снисходительно махнув рукой в мою сторону, — по мнению Прорицателя Зизи, была замешана в историю с кровосмешением... и с некрофилией. Многобобещающее, ничего не скажешь!

— Поставим вопрос на голосование! — сказал Морозов твердо. Казалось, Лес полностью перестал интересоваться всем, Талестра тоже. Персона по имени Атенагора Бюветт бесновалась, сопровождаемая той самой животиной, которую мы назвали Кло-Глопа. Он орал: «Я знаю все! Я могу все! Я восхитителен!» Но они забыли моих «кузнечиков», которые все, как один, проголосовали за Леса.

Анг'Ри сделал вывод в свойственных ему выражениях:

— Дурбаба взбес. А мы Антиглетим.

Мои беспризорники были в восторге: уж им-то терять было нечего. Да и космическое путешествие — что может быть восхитительнее в этом возрасте!

У меня сжалось сердце, когда «Летающая Игла» набирала скорость. Мне казалось, что я еще больше удаляюсь от Хелла. Но было и другое чувство: я думала о мертвых городах, об ужасных процессиях призраков. Ведь другие люди попадут на эту планету, а я ничего не смогу сделать для них...

Дама Бюветт тайком провела лишнего пассажира: Глопу. Она начала учить его «прекрасному галактическому обращению в свете философии, базирующейся на «отклонении Шератана». Она признала в Глопе существо высшее и непонятное...

...Что можно сказать об Антигоне?

Сначала мы облетели небольшой шар из охры и смарагда. На поверхности планеты четко различались желтая и зеленая зоны. Эта последняя полностью скрывалась в черной мгле, состав которой наши спектроскопы не могли определить. В атмосфере обнаружились газообразные и протеиновые частицы, кислород и пары воды, что вместе с темно-зеленой окраской предполагало наличие лесов. Несмотря на небольшие размеры планеты, ее притяжение было очень сильным.

Горючее подходило к концу. Лес и Гейнц с помощью радара обнаружили горную цепь и в глубине ее — довольно ровное плато, которое могло послужить космодромом. Пейзаж был довольно расплывчатым. По мере того, как мы опускались, все созвездие Лебедя, казалось, скрывалось за темной туманной пеленой, и все тени удлинились. Эта пелена скрыла и планету, но иногда она расступалась, словно какая-то черная туманность набегала на светлую...

Не желая поддаваться мрачным впечатлениям, я отошла от иллюминатора и включила свои мозговые «антенны». Теперь я знала: у меня были «антенны», как у Талестры, как у Морозова и Анг'Ри. Неожиданный ужас охватил меня, и чувство это было таким острым, что я зашаталась: это не было тем тяжелым и ледяным равнодушием, которое исходило от Гефестиона, это было, скорее, похоже на затхлые, гнилостные запахи Геры; все это было как-то липко, глубоко и животно и, главное, ужасно близко...

«Эт'Антигона вредужасна» — прошептал чей-то голос у моих ног. Оказывается, не одна я обратила внимание...

Чтобы не рухнуть от отчаянья, я опустилась на первую ступеньку лестницы, ведущей в центральный пост, среди неподвижных детей, уснувших, где придется... Помещение было наполнено давящим мраком, неоновые светильники едва мигали. Один из спящих застонал, несколько невнятных голосов ответили ему. Сзади еле слышно отворилась дверь, и Лес — я тотчас поняла, что это он — появился на пороге. Я отодвинулась, чтобы пропустить его.

— Чем вы тут занимаетесь, Виллис? — спросил он.— Вы знаете, что мы легли на орбиту?

— Да.

— Морозов и Гейнц делают последние анализы. А вообще-то это бесполезно: нам все равно придется садиться.

Помолчав немного, он добавил:

— Идите в центральный пост, там есть немного свободного места.

— Спасибо. Но я бы не хотела покидать детей.

— Н-да,— сказал он.— Вы и ваши дети. Именно это вам и было нужно, чтобы выжить, не так ли? Они спят?

— Да. И немного бредят во сне.

— Но вы все равно неспокойны?

— И вы тоже.

Он затворил дверь рубки, где работали Морозов, Шталь и, наверное, Талестра, уселся рядом со мной... Я не видела, скорее чувствовала его, как будто это был мощный источник света. Оба мы думали в этот момент о судьбе несчастной «группки», которая населяла «Иглу», о пройденных испытаниях, о тайне Антигоны, но, кроме этого сурового настоящего, кроме этой ужасной ночи накануне боя, мы затронули и еще кое-что из того, что было у нас на сердце...

— Его звали Хелл, не так ли? — сказал Лес, не придавая никакого вопросительного значения этому имени.— Как же вы его любили! И как он был счастлив!

— Надеюсь,— отвечала я с подъемом.— Я так хотела, чтобы это было так. Но я не знаю, удалось ли мне: я была глупой, ничего не понимала. И если нет, то это было бы хуже, чем сама смерть. Если он страдал из-за меня...

— Нет, это невозможно. Он был счастлив. Это был настоящий мужчина, иначе вы не смогли бы любить его. Ведь вы такая совершенная, что лучше вас любой мужчина не мог бы и желать.

— Спасибо,— сказала я.— А для вас самое большое значение имеет красота, да? Голубое свечение, которое замечаешь, как только корабль пересекает пояс астероидов и гирлянду планет, похожих на разрозненные жемчужины. А потом, когда спускаешь-

ся к планете — блеск круговых магнитных полей и геометрически правильный мир, так совершенно рассчитанный, что какой-нибудь посторонний метеорит показался бы здесь абсолютно чуждым и излишним. Земная симфония... пифагорийская красота...

— Что может быть красивее симметрии Солнечной системы? Вы ошибаетесь. Или вы еще большая арктурианка, чем я сам.

— Тогда — тот момент, когда входишь в ее стратосферу, не так ли? Это ожидание, порог совершенства. Тот самый момент, когда чувствуешь, что тебя как бы укачивает плотными слоями какого-то неуловимого легкого вещества, которое является предвестником Земли. Я имею в виду ионизированную плазму, вы хорошо меня понимаете?

— Лучше некуда. Действительно, я думаю, что понимаю вас лучше, чем кто бы то ни было, Виллис. Но есть кое-что и получше этого.

— Я знаю. Есть то, о чем мы до сих пор не догадывались! Это — земная простота. Золотистые поля пшеницы. Океаны, волнующиеся от дуновения легкого бриза. И бури, приступы ярости природы, и огромные пустыни. Я думаю, мы любим Землю потому, что она является калейдоскопом вселенной. Мы любим ее за скрытые в недрах богатства, которые мы предчувствуем. И за ее пещеры. Горные ущелья на Уране и на Сатурне еще глубже, но там мы нигде не увидим следов угасших огней на стенах, там нет необычайных изображений оленей и мамонтов — единственного отблеска угаснувших цивилизаций. Вспомним об озерах, где стоят застывшие тысячетелетия леса, в глубине которых бродили первые люди, полуголье и дрожащие от страха. Или о красной глине, которая послужила для изготовления первых сосудов (вы же знаете, они имели форму загнутого листа), и первых изображений человеческих богов...

— Но вы постоянно обращаетесь к земному человечеству!

— Но ведь именно из-за любви к землянам вы так неравнодушны к Земле, Лес! Вы знаете другое человечество, более развитое, изысканное, которое с грациозной покорностью стремится к смерти. Вы могли бы сделать так же, как все арктурианцы — оставаться в пассивном ожидании этого конца, среди мягкого света и музыки, вбрать в себя последние запахи жизни, последние капли ее радостей, а потом присоединиться к мертвым богам в пантеоне Самарры. Но половина вашей крови взбунтовалась против этого слишком простого решения... А потом вы встретили землян. Они были воплощением грубости, ярости, упорства, но и страданий, и пылкости. Надо ли говорить, кто был для вас воплощением Земли? Сначала — ваш отец. Из-за него, из-за вашей умершей матери (она покончила самоубийством во время одного из долгих полетов вашего отца, и вы часто думали, что она просто устала от ожидания и от опасений за его жизнь), вы начали ненавидеть Землю. Многие начинают

с этого. Потом вы встретили человека по имени Валеран, которого вы считаете своим братом...

— Он мне, действительно, как брат.

— А позднее, это так странно, мертвую девушку по имени Астрид.

— Мертвую девушку? — Лес повернулся ко мне своим красивым бледным лицом.

— Ну, я не знаю. Я ведь могу только читать в вашем мозгу. Вы думаете, что она мертва.

— Но вы должны знать это точно, Виллис. Жизнь или смерть — это ведь ваша сфера.

Я закрыла глаза и высказала эту невероятную истину, в которую сама еще не осмеливалась верить:

— Нет ни жизни, ни смерти. Есть только вечный круговорот.

Молчание встало между нами, и я почувствовала Леса, совсем рядом со мной, как будто это был потерянный и вновь найденный друг или брат. Наконец, он произнес:

— А вы, Виллис, вы — тоже мутантка?

— Да, я мутантка.

— Врачевательница, не так ли?

— Мне кажется, таких называют «чувствительницами», я прочитала этот термин в вашей голове. Когда кто-нибудь около меня страдает, я принимаю его страдания на себя, какая-то сила выходит из меня, и это вылечивает людей.

Я думала о Хелле. Мое могущество дало знать о себе благодаря Хеллу, потому что я хотела помочь ему. Но смерть пришла извне, и я не смогла спасти его.

— Вы с Талестрой, — сказал Лес, — так мало походите друг на друга! О мутантках постоянно говорят, а бывают ли мутанты?

— Гамма-излучению, космическим лучам и другим факторам наплевать на разницу полов. Просто женщины более восприимчивы, всегда готовы к осознанию чудесного и исключительного. А мужчины часто всю жизнь не подозревают о своих способностях. Да вот, возьмите, хотя бы, Морозова с его русским акцентом и его всесторонними знаниями. Я уверена, что он старый мутант, только он слишком умен, чтобы сознаваться в этом. И 80 процентов моих «кузнецов», особенно мальчики... А почему вы спрашиваете?

Он посмотрел на меня долгим взглядом, в его глазах переливалась золотистая арктическая пыльца... Выходцы из великой галактики не нуждались в жестоких мутациях, которые раздирали наше человечество. В этот момент я поняла, что Лес Кэролл был истинным воплощением Двойной Звезды, посланным для спасения нашего шарика.

— Земля будет спасена землянином, — сказал он.

А потом мы сели на Антигону, потому что ничего другого нам не оставалось.

После приземления я забылась коротким и неглубоким сном. В этом полуслне-полуяви я различила приближение какой-то черной тучи тоски, ужаса... Это было еще хуже, чем на Гефестоне и даже на «Летающей Земле». До меня вдруг дошло, что беспорядочное бегство только приблизило нас к самому пеклу.

Вот тогда и возникло передо мной это видение, почти что материальное. Огромная пирамида поднималась перед моими глазами, и состояла она из каких-то прозрачных лучей. Но были эти не просто лучи, а группа соединенных между собой существ, которые постоянно обменивались между собой энергией в виде энергетических лучей. «А вдоль пирамиды поднимались и опускались ангелы...»¹. Из какой старинной книги запала мне эта фраза? Такой книги не было в библиотеке «Летающей Земли». И что же представлял из себя мозг того мутанта, непознанный им самим, заблудший, который искал контакта со мной?.. Неожиданно вся пирамида задрожала, словно дерево, сотрясаемое ураганом невиданной силы... Это кто-то тряс меня. Корабль был неподвижен, и мрак в нем был еще гуще, а воздух еще более спретым, чем когда-либо. Я открыла глаза. Ступенькой выше сидела Талестра, ее маленькое сурое лицо блестело, будто она плакала, а в руках она держала излучатель.

— Я могла бы убить вас,— сказала она.— Даже не знаю, что меня удерживает...

— Как, как?

— Я все слышала. Как вы и Лес...

— Талестра, Лес наш брат.

— Это еще как сказать,— отвечала она, фыркнув.— Сейчас не время мешкать: я сделала анализ здешней атмосферы — в ней можно убить даже отца с матерью. Надо действовать. Знаете ли вы, куда мы попали? Это десятый круг дантова ада, мы совсем рядом с пеклом, и оно уже в звездолете!

И в самом деле, казалось, что корабль заполнился душной тучей — мрачной, похожей на неведомое живое существо. Оно проникло через моноатомную обшивку корабля, оно словно обступило нас со всех сторон, пытаясь раздавить. Лежащие вокруг нас люди приходили в себя, некоторые хрюкали в полузыбытии... Мужской голос произнес длинную непристойную угрозу, какая-то женщина рассмеялась грубым животным смехом. В мою ногу уткнулась мокрая детская щека — по повышенной температуре и по слабому запаху я поняла, что это кровь, а не слезы...

— Надо что-то делать,— сказала Талестра дрожащим голосом.

¹ Библия, Кн. Бытие (в русском переводе Библии — лестница).

сом.— И не только выгнать этот лишний туман из корабля — я думаю, здесь хватит простого ионного душа... Не думайте, что я обращаюсь к вам потому, что считаю вас нашей! Я вас ненавижу! Вы отняли у меня Леса, вы все у меня отняли!

На этот раз я полностью проснулась и пристально посмотрела на прелестную маленькую фурию с высоты моего опыта, насчитывающего четыре или пять относительных лет, а может быть, целый век... Но главное было в другом. Глядя на нее, я могла сказать: «Вот так и я страдала, так и я была смертельно ранена, я думала, что умру, потому что потеряла его... Но это было еще ужаснее, потому что смерть — единственное зло, против которого нет лекарства...»

Я встала, положила руки ей на плечи и тоже встряхнула ее:

— Никто не отбирал у вас Леса, маленькая идиотка! Леса нельзя ни взять, ни отдать.

— Вы...

— Тем более мне. Я ему не нужна, и он мне тоже — в этом смысле. Ему казалось, что он любит одну девушку, которая олицетворяла для него Землю, но она мертва. А теперь, если кто и занимает его, так это именно вы, но не так, как вы бы того хотели. Может быть, это придет позже, но надо еще, чтобы он осознал это.

— Это уж мое дело!

— Конечно. Через год или два вы будете неотразимы. Надо еще, правда, чтобы мы прожили эти год или два. Что мы можем сделать для этого? У вас, наверное, есть какие-то мысли на этот счет? Так скажите!

— Мне кажется, — сказала она, неожиданно став осторожной, словно кот, который ловил мышь, а поймал толстокожего хамелеона, — что нам надо связаться с Сигмой.

— Обычные передатчики не действуют в созвездии Лебедя.

— Я знаю. Я не о том.

Казалось, она успокоилась — наверное, я оказалась не такой уж опасной. Она уселась на барьер прямо передо мной.

— Вы какая мутантка? Чувствительница? Я-то, в основном, всевидящая. Но все это ни к чему. Нам необходима телекинезистка, настоящая...

— Так ведь и вы в какой-то мере телекинезистка, я чувствую...

— Да, я могу нырнуть на три — четыре парсека и принести пригоршню водорослей. Вы думаете, этого хватит, чтобы вытащить его из созвездия Лебедя? И еще, — воскликнула она с жаром, — если бы речь шла только о человеческом теле, этом переплетении непознанной энергии и протеинов, которое легко перенести, но ведь есть еще и футляр!

— Футляр?.. — повторила я, изумленная. Действительно, Та-

лестра во многом превосходила меня. Но она была так увлечена, что не воспользовалась скромным триумфом.

— Ну, конечно. Он изложил свой рапорт в виде микрофильма и спрятал его в футляре «Божественной комедии», который повсюду таскал за собой. Насколько мне известно, этот документ способен взорвать все созвездие Волопаса! Значит, проблема в том, чтобы перенести Морозова и его футляр...

— Ну если только это,— протянула я с непростительной легкостью.

— Ну, конечно же! Для вас это простое упражнение в левитации; такая высокоразвитая личность, как вы, которая так запросто переносится из жизни в смерть и обратно...

— Талестра, на этот раз я буду вас бить!

— Только попробуйте! У меня излучатель. Поговорим серьезно: Морозова с его докладом подстерегают на всей трассе. Подумайте только: среди тысяч экспедиций, посланных Кэрролом, только эта, тайная (потому что он был против участия своего сына в ней — могли вспыхнуть несколько Новых, но его сын должен был оставаться в целости и сохранности, несмотря ни на что...), добывает сведения о возможных причинах земного несчастья. И о Язве, которая никого не щадит. И о том, что она заражает все живые существа, усиливая все скрытые низменные наклонности — тщеславие, сладострастие, жестокость... И что эта ночная зараза уже давно разъедает Солнечную систему и подбирается к Арктуру...

— В таком случае, пусть Лес сам передаст сообщение.

— Конечно, сначала я тоже подумала о Лесе,— сказала суро-вая девчонка.— И не только потому, что хотела вызволить его из этой западни! У сына Кэррола больше шансов, что его внимательно выслушают. Хотя это вовсе не обязательно: похоже, что арктурианцы настоящие ангелы, а ангелы, вы же знаете, не имеют никакого отношения ко злу... такие бестолковые! Но ведь Лес «первый после бога» на борту этой летающей консервной банки, и никогда не согласится покинуть ее во время полета. Значит, остается Морозов. Он, правда, не такой представительный, но ведь это автор доклада, и немаловажно, что он весит всего сорок четыре килограмма. Но в пространстве сорок четыре кило или тысяча тонн...

— А вы уже предлагали Морозову принять участие в этом эксперименте?

— Дьявол! — воскликнула она, очевидно, уже на пределе.— Какая же я дура, что обсуждаю все это с вами. Вы так же витаете в облаках, как и наши ангелы! Ведь речь идет о спасении Леса!

— А еще — о спасении Земли, Арктура и сотен тысяч других галактик! — взорвалась я, уже не в силах сдерживаться.— Но вы не видите ничего, кроме своего архангела из кристаллов! И не пытайтесь мысленно испепелить меня. Это вам не по силам! Дайте

мне спокойно обдумать то, что мы должны сделать. Я уверена, что у меня уже была какая-то дальняя мысль, но... А, вот что! Ведь Морозов тоже мутант. А также 80 процентов моих «кузнецов». Собравшись вместе, мы, может быть, сумеем послать гонца через подпространство...

— В Самарру, столицу Сигмы, — сказала Талестра, неожиданно становясь холодной и рассудительной. — Лес говорит, что там сейчас как раз в разгаре звездные праздники... Что ж, можно попытаться.

XIV

Но сначала надо было представить себе Сигму.

А у нее было столько лиц!

Для Леса это была родная планета. Она была не такой, как Земля, но там жила его семья, те, кого он любил.

Для Морозова это была просторная лаборатория, оборудование которой бывало, правда, несколько опасно для простого смертного; это была лаборатория с необыкновенно богатой библиотекой, начинавшая с песней Ан-Лиля, бога Сюэнкриенов, и кончая примитивами XX века. Это была система, в которой он мог делать бесчисленные открытия.

И там было еще хранилище роботов и кошечка-Тролль Аита.

Для Талестры и «кузнецов», это была земля обетованная.

Для Виллис это была звезда, которую любил Хелл.

Для тысяч беглецов с Земли это было пристанище, гавань, долгожданное убежище. А для некоторых — форпост для дальнейшей борьбы.

Воплощением Сигмы был звездный порт. Со всеми его искушениями и пороками.

В нем, как в зеркале, отражались все характерные черты столицы. И другие тоже.

В нем, как и во всех звездных портах и астродромах, под куполами из прозрачного пластика или в пустынях мертвых планет, были взлетные площадки, движущиеся платформы и тротуары, мрачные кабаки — места встреч космонавтов, где циркулировали самые странные слухи. Там рассказывали о секретных событиях и жестоких вещах, которые нельзя было назвать своими именами, о которых никто не осмеливался заявить в полный голос, о богохульствах. И все при этом украдкой указывали на Землю. И все чаще случалось так, что когда произносили термины «коварное нападение», «живые орудия, которые хотят завоевать вселенную», «физическое воздействие и наложение подпространств», когда указывали

планеты, население которых целиком сошло с ума и занималось самоистреблением, то часто оглядывались по сторонам и не называли созвездие, которому угрожает опасность...

Космические корабли избегали некоторых маршрутов. Когда речь заходила о болезни, которая захватывала систему за системой, ее всегда называли «земным злом», но зло это становилось уже межгалактическим. А в трюмах некоторых кораблей, слишком далеко забиравшихся в просторы Млечного Пути, среди груза порой находили стальные контейнеры со скрюченными трупами, чьи глаза были наполнены ужасом...

Когда эти трупы показывали жителям планеты, многие из них сами убивали себя...

Айрт Рег медленно снижался в плотной атмосфере Сигмы. Он любил суровые испытания, которым подвергались выпускники колледжа: быстро проходящий страх, который сжимал горло в момент старта дельтаплана с космического корабля, плавное падение и посадку на землю. Его тело, прекрасно натренированное различными физическими упражнениями, составляло одно целое со всем этим блестящим праздником — праздником Производства. 600 выпускников покидали сегодня свою обитель, получали знак Двойной Звезды и излучатель. Завтра они начнут бороздить космос.

Внизу блестательная толпа аплодировала балетным па танцовщиц, похожих на едва распустившиеся белые цветы. Вечером будет прием в адмиралтействе, и юные астронавты в первый раз наденут звездную форму... и каждый сможет пригласить свою семью и девушку, которой он подарит свой знак отличия из золота и серебра.

Но Айрту Регу некого было приглашать. Четыре года назад он был помещен в колледж одним космонавтом, который приехал в очередной отпуск — Айрт больше не встречал его. Он успешно прошел все испытания. Учился он средне, зато уделял большое внимание физическим упражнениям, и это способствовало его назначению в космические десантные войска. Он хорошо переносил любые ускорения, самые невероятные тренажи в барокамерах, и все были уверены, что он, очень высокий и стройный, со знаменитым отсутствующим взглядом, который был признаком сильнейшей сосредоточенности, будет в первых рядах любой битвы. Оставаясь до сих пор одиноким, он никогда не жаловался на это. Юноша с медными волосами, упорный, отчаянный и нежный в одно и то же время, стал совершенной боевой машиной. Единственная посредственная оценка была по математике: экзаменатор прозвал его «разбуженной спящей красавицей».

А сейчас он спускался к Сигме. Говорят, в момент большого

несчастья человек мгновенно вспоминает самые яркие эпизоды своей жизни. И несчастье должно быть не за горами, если теперь он снова переживал свой последний вечер в Самарре.

Их отпустили в первый ночной отпуск. Его товарищи проводили эти веселые часы в кругу своих семей, в висячих садах над озером, где осыпались листья экзотических деревьев, где веселились девушки в светлых платьях и шляпах, похожих на опрокинутые венчики...

Айрт никого не знал, он просто спустился к астродрому — все пути Самарры вели к нему.

Странно — как только он появился на улице, это животное направилось к нему навстречу. Кошки-Тролли с Каппы были цепкими зверьками, они никогда не бродили по улицам. Сначала он подумал, что она гуляет со своими хозяевами, но нет, она пошла за ним. Это было симпатичное животное белого цвета, с сонными зелеными глазами, туловище было посажено на длинные гибкие лапы. Она была почти точной копией ангorskой кошки, но с тремя головами. Такое могло привидеться только в кошмарном сне...

Наклонившись, Айрт погладил ее:

— Что, сестричка, потерялась? Почти что, как я. Пошли, вселенная просторна.

Этой ночью, как и всегда, вокруг астродрома вовсю веселились. Он был огромен и величествен, таким и полагалось быть порту герцогов-торговцев, где каждая выставка товаров стоила целой планеты. Диски и летающие сигары, многоступенчатые ракеты и «летающие тарелки» с опознавательными знаками всех созвездий садились тысячами.

Здесь были необыкновенно высокие корабли с Альтаира, капсулы с плазменной тягой из созвездия Стрельца и яйцеобразные суда с Денеба на так называемой «тяге пси». На платформах громоздились пирамиды контейнеров — сказочные сокровища в первозданном своем виде: необработанные драгоценные камни, слитки редких металлов и футляры с благоухающими пряностями со всех планет. Существа, высаживающиеся с кораблей, превосходили всякое воображение своими силуэтами, похожими на витки спирали или распустившиеся цветы арума, с телами фиолетового цвета и с головами, напоминающими морские звезды. Одни издавали звуки, походящие на кваканье, другие — на ослиный рев, третьи — на совиное уханье, кто-то пел. Телепатические волны образовывали единое поле. Айрт в задумчивости остановился перед покрытой перьями группой с Меркурия, потом оказался лицом к лицу с бесформенным бурдюком с Асселия, чьи философские размышления были почти ощущимы.

«Всем этим существам из самых разных уголков космоса удается найти общий язык... И только земляне непробиваемы», — подумал Айрт.

Но кошка-Тролль терлась у ног, и три пары загадочных глаз куда-то звали его. Получив из гипнолекций весьма туманное представление о галактической литературе, Айрт не знал, как однажды вечером некий доктор Фауст обнаружил, что его сопровождает пудель...

— Что, есть хочешь? — спросил он сочувственно. — Эх, бедная сестренка! Но ведь я не знаю, чем ты питаешься. Ты могла бы мне подсказать?

На мосту, протянувшемся над озером, сверкали неоновые витрины многочисленных заведений. Это был очень старый квартал, построенный, несомненно, землянами; он почти полностью воплощал их ностальгические воспоминания. Айрт и его кошка углубились в него. На молодого космонавта это место произвело довольно сильное впечатление. Дома и помещения не имели ничего общего с блистающими отделкой чистыми и строгими зданиями Колледжа, который возвышался надо всем, как монолит, и представлял собой некий обособленный мир. Веселый город, обильный и циничный, шумел вокруг них, курил венерианские или капелланские наркотики, играл в кости, в «клиссоэр», в «маджонг», как во всех портах мира. Здесь давали напрокат или продавали девушек-триподов из созвездия Цефея космонавтам, похожим на пауков с Денеболы. Продавали здесь и «сегхир марсианский» всем наркоманам вселенной. Иногда какой-нибудь гелико, покрашенный в экстрагалактические цвета — желтый, пурпур, зеленый, красновато-лиловый, бледно-зеленый — орошал толпу ароматным душем или сбрасывал тучу разноцветных лепестков (единственный вид рекламы, принятый на Арктуре). А другой таскал за собой в переливающейся всеми цветами сетке какое-то существо — синее, оранжевое или разноцветное, с перепончатыми крыльями или с бриллиантовыми когтями. Эти существа, украшенные цветами, носили титул «космических жемчужин»... Паранимфы и гермафродиты, просто самки и бесполые существа, прибывшие из самых отдаленных концов метагалактики, должны были удовлетворить любые вкусы в том, что касалось любви...

Кошка-Тролль мяукнула от отвращения и увела своего пленника.

Но Самарра недаром хвасталась тем, что может удовлетворить любого. Прилавки этого рая изысканных вкусов и запахов предлагали космонавтам и варварские блюда, и невероятно тонкие — живое желе с Шератана, кусочки крыла летающей пантеры с Лезата и поющие фрукты с Дахиба. Жители этих планет умело рекламировали свой товар, некоторые при этом аккомпанировали себе на ксилофонах или на этих маленьких ситарах эльфов, которые называют «моренопсис». Образовалось настоящеестолпотворение. Гелико парили над подносами из побегов манкарской ивы, на

которых пылали телесного цвета орхидеи, слегка переливающиеся розовыми и голубыми тонами, а предлагала их девушка с Менкара, которая сама была похожа на них, как родная сестра. Проходя мимо, кошка-Тролль остановилась, чтобы понюхать «шария», наркотик с Дифды в созвездии Кита. Это была одна из разновидностей медовой валерианы, ее потребляли, вдыхая через нос.

Но дифдейский продавец — светлый чешуйчатый ромб — начал подпрыгивать, протестуя. Рядом пузырящаяся туча с Зосмы последовала его примеру. Она расплывалась у ног Айрта, утверждая, что он бесплатно завладел пустым подносом из оникса, на котором должны были находиться деликатесы с Дельты Льва «доставляющие удовольствие при взгляде на них с дополнением воображения»...

В глубине галереи, сверкающей, как многогранный драгоценный камень, какой-то торговец-король возвышался на своем кристаллическом троне. Это был величественный бородатый мужчина, одетый в пурпур, с венком из звездных антенн (торговцы-короли с Сигмы очень любили копировать ангельских арктурианских богов или патриархов, а больше всего — обитателей Олимпа...). Он уже было нацелился своим излучателем, когда узнал форму будущих космонавтов.

Кошка тоже привлекала его внимание.

— Оставьте их, — сказал он важно. — Они же ничего не трогали!

— Но, во имя господа! — запротестовала туча с Зосмы, — они смотрели туда, где лежали эти штук! Особенно кошка. А она видит на тысячу парсеков!

— Разве мы знаем, что она может видеть за тысячу парсеков? Во всяком случае, ей нужны не ваши сладости!

Король-торговец обмахнулся прозрачным листом мансенилевого дерева с Раstabана и, повернувшись к Айрту, воскликнул:

— Добро пожаловать, молодой воин! Можете пользоваться чем угодно в моем дворце: мы никогда не сможем в полной мере отблагодарить героев наших славных космических эскадр! А что касается вашей кошки, то я у вас ее тотчас куплю, особенно, если она видит на столько световых лет!

— Но кошка не моя, к сожалению, — сказал Айрт с изысканной вежливостью. — Мне кажется, она видит своего хозяина на расстоянии в тысячу парсеков.

Он не думал, что окажется так близок к истине...

То, что последовало за этим, больше напоминало сон.

Они покинули блестательные и шумящие кварталы. Теперь перед Айртом открывалась нижняя часть астродрома, «ад», место стоянки кораблей-чистильщиков пространства, поглотителей радиоактивных отходов. Сюда же выходили морские каналы. Сине-зеленая

вода плескалась почти вровень с набережной, где выгружали товары неизвестного происхождения без гарантии и путешественников без виз... Вот так, рядом с экзотическим миром, заключенным в строгие рамки законов, начинался другой, сопутствующий ему мир старых легенд, проклятых портов, исчезнувших космонавтов. В свете розовых сигмийских сумерек Айрт различал странные крадущиеся силуэты, зловещие, бледные, как воск, лица... И еще аромат женщины, яростный, ощутимый, чувственный, хлестнул его по лицу, словно ничем не стесненная волна женских волос. И тяжелая рука опустилась на его плечо:

— Будь осторожен, сынок! Здесь не увидишь жемчужин портовой Самарры. Здесь полно больных проказой или транспланов...

— Кого, кого?

— ...Эти еще хуже. Мозги, селезенки или сердца, привитые андроидам. Трупы, которые прогуливаются благодаря электрическим цепям. Результаты экспериментов, вот так! Или мутанты. Это самое последнее достижение. Башня-то ведь рядом...

...Белая гигантская игла прорезала прямо перед ними сиреневое небо...

— Ну... как?

— Да ты откуда свалился, сынок? Ты не знаешь, что в Центре Мутаций запросто делают получеловеческих андроидов и мышей с хвостами-штыками? Ты с Земли, что ли?..

Но в этот момент в легком отблеске, который никогда не исчезает с неба Сигмы, еле заметно блеснули звезды кадета, и незнакомый космонавт отпрянул:

— О, прости, брат! Твои первые звезды? Пошли, это надо отметить!

Они были в незнакомой местности, единственным впечатляющим отличием ее была разбитая ракета, переоборудованная под бар.

— Примечательное место, сынок! Для старого космического волка. Войдем?

— Войдем.

Кошка-Тролль заволновалась, но Айрг не обратил на это внимания.

Возбужденный неотвязной мыслью, он знал: что должно случиться, обязательно случится. И эта ночь уже отбрасывала тень на его будущую жизнь, уже имела определяющее для него значение.

Бар был сумрачным и таинственным, каким ему и следовало быть, с оттенком легендарных проклятых таверн из древних сказок. В глубине он был слегка освещен пирамидой из жидких кристаллов, имитирующих топазы, изумруды и рубины. Бармен, расплывчатый метис с Аль-Нилама, слегка фосфоресцировал зеленым светом.

Светлый, маленький и дорогой.

Как бриллиант, что соперничает с Солнцем...

- Что вы сказали?
- Ничего. Стихи. Девиз этого бара.
- Который называется?..
- Как все такие заведения, где вредят обмену веществ в организме с помощью приятных ядов — «Парадиз».
- Чем напоить великих космонавтов? — пропел бармен.— Что подать, чтобы угодить их изысканным вкусам? Грог с шарией? Марсианский сегхир? Жалликулу с Фомальгаута на ультразвуковых частотах?
- Нам понадобится хороший земной алкоголь,— сказал незнакомец, облокачиваясь на стойку.— Сынок, ты не откажешь старому...

Но в этот момент Айрт был уже уверен, что этот субъект никогда не летал на Плутон. И никогда не рассчитывал траекторию. И вообще никогда ничего такого не делал. И напрасно он солидно выпячивал грудь и двигал плечами, как бывалый космонавт, в своей блестящей пластиковой куртке, отливающей голубым в свете неоновых светильников. И лицо его напоминало маску одного из тех мертвцев, которых находили в герметических трюмах. Но стаканы были уже полны душистой жидкостью, и предварительные переговоры уже начались, как это бывало в сумерках героических времен корсаров:

- У меня есть небольшой кораблик,— начал тот, выплюнув кусок черного схрауи.— Он легок в управлении, имеет право захода в любой порт, берет любые грузы. Что вы об этом скажете?
 - А меня это касается?
 - Если вы соблаговолите. Я собираю особый экипаж. Плачу в арктических кредитах. Премию тоже. Один процент — экипаж. Десять процентов — командириу.
 - Очень любезно. Но разве в порту мало старых капитанов, севших на мель?
 - Они не подходят. Двенадцать процентов вас устроит?
 - Не совсем...
 - Пятнадцать процентов?
 - Вы, что, перевозите земное зло?
 - Тоже не совсем. Двадцать процентов. Предупреждаю вас, на этом мои возможности заканчиваются.
- Рег погрустнел. Он снова почувствовал себя в тупике, одиночку, ничего не соображающим...
- Я не понимаю, почему вы обращаетесь к выпускнику. «Судовладелец» прищурился:
 - Никаких честолюбивых помыслов?
 - Никаких.
 - И все-таки запомните: я постоянно здесь, в «Парадизе» — как только пробьет полночь...

И они вежливо раскланялись — как два зверя, которые не признали друг в друге одинаковой породы, но оказались равными по силе...

И Аирт снова окунулся в ночь.

Он шел и шел. Сады-оранжереи по сторонам становились все сумрачнее. А впереди белая игла башни, где приступили, по слухам, к «невероятным опытам», раскальвала ночь, как удар меча. Легкий бриз долетел до быстро опустошившихся резервуаров со взлетной площадки, металлический запах отдыхающих кораблей смешивался с тяжелым дыханием эвкалиптов и скипидарных деревьев. Он прошел мимо рядов гигантских цилиндров с ракетным топливом, которого хватило бы всем эскадрам мира — их охраняли патрули роботов. Если адмиральский дворец был сердцем Сигмы, то здесь находились ее сердце и кровь. Но форма космического кадета была вполне достаточным пропуском. Не в этот ли момент Аирту и пришла в голову смутная мысль о том, насколько относительной была безопасность Самарры? Хватило бы одного космического шпиона или предателя... Но даже сама гипотеза показалась ему чудовищной. Кошка-Тролль шла за ним танцующей походкой, отблеск зеленых глаз окружал смарагдовым nimбом все ее головы...

Они остановились перед дверью в белой стене, увитой пурпурным лишайником, и Аирт толкнул ее. В гуще земного виноградника и звездчатых арктурианских гевей извивалась узкая аллея. Аирт пошел по ней. Ему казалось, что он вернулся к себе домой, что он встретился со своей родиной. Однако эти сады нисколько не походили на бедную растительность астероида под тусклым светом кометы. Он не знал, что это ощущение пришло к нему из будущего, потому что время — это дорога. И тотчас же ему привиделись башни с нацеленными смертоносными ракетами, небо, красное от пожаров... А на террасе «иамена» молодая девушка с распущенными светлыми волосами с надеждой всматривалась вдали и ждала его, может быть... Он не знал ее имени... А потом — глухой звук свободного падения в бесконечность.

А в середине аллеи из белого гравия неожиданно возникло из ничего какое-то существо, причем возникло так неожиданно, как будто сама ночь породила его именно в этот момент. Его пошатывало. Он медленно обхватил руками непропорционально большую голову, потом увидел кошку и свистом позвал ее. Аита встала на задние лапы и поклонилась ему. Это и был, несомненно, тот самый хозяин, которого она видела на расстоянии в тысячу парсеков. Вот он, странный маленький старикашка, очень загорелый, почти голый, как поэты, носильщики и великие мыслители Сигмы, с фиолетовой повязкой вокруг бедер и шкурой какого-то животного через плечо. Он рассматривал этот мир через монокль, раза в три превосходящий нормальные размеры. Неожиданно он наклонился, взял

кошку на руки и поцеловал ее в каждую мордочку. Сделав это, он обратил внимание на Айрта.

— Прошу прощения, архангел! — сказал он. — Мне показалось, что это моя кошка Аита. И это, бесспорно, она есть. Это весьма умная особа, и если она прогуливается в вашей компании, то вы неплохой человек. Вы подобрали ее во время моего отсутствия?

— Кошка привязалась ко мне у выхода из Астронавтического колледжа, — смущенно пробормотал Айрт.

— Чудеса! Что же делала Аита у колледжа? Она никогда не летала, а ее мать еще котенком была привезена на Сигму. Или это влечение вызвано тоской по звездам? Вот в чем вопрос, говорил кое-кто в древней Дании. Речь идет именно о Космическом колледже Сигмы, да? И мы на самом деле находимся в садах Центра мутаций в пригороде Самарры, на 18-й планете Арктура в созвездии Волопаса?

— Вы хотите сказать, что вам это неизвестно?

— Я немного устал, — вздохнул незнакомец. — Я только что совершил невероятный бросок в космосе. Я дорожу своей репутацией и не скажу, откуда прибыл. Это дело рук одного из наших юных демонов или я должен сказать — ведьм?.. Слабое переливающееся фосфоресцирование в их глазах должно было предостеречь меня... Но сами вы, — он с интересом посмотрел на Айрта, — разве не из их компаний? Я хочу сказать, не приходилось ли вам совершать что-нибудь особенное, например, передавать мысли на расстоянии или заниматься левитацией?..

— Я специализировался как десантник для опасных планет, — отвечал Айрт. — А что вам дало повод подумать?..

— Интуиция, может быть, и ложная, — маленький человечек снова покачнулся. — Есть ли еще в Самарре, в порту, эти притоны, где земляне вредят своему пищеварению посредством этилового алкоголя? Я бы с удовольствием хлопнул стаканчик.

— Боюсь, что в такой час все эти заведения уже закрыты.

— В таком случае, самым простым выходом будет добраться до моего жилища. Как это ни удивительно, оно у меня здесь, в этом парапсихическом городе. К тому же, я туда и направлялся: это рефлекс кота, который возвращается к себе... Если только домохозяин-робот не сдал мою берлогу ввиду моего долгого отсутствия... А в самом деле, как долго я отсутствовал? У нас сейчас какой год?

— Трехтысячный, — ответил Айрт; от всего этого у него слегка закружилась голова.

— Ага! Итак, меня не было пять лет. Это ничто по сравнению со звездной вечностью. И мне страшно от сознания, что я должен возвращаться, не выполнив задания... Ах, вот удачная мысль! Учитывая то, что вас отметила своим вниманием Аита, которая

дружит только с прекрасными людьми, вы, несомненно, самой судьбой предназначены для того, чтобы сослужить мне эту службу...

— Если речь идет о деньгах, то у меня...

— Это значительно важнее. Речь идет, по крайней мере, о чудо-вищах и пирамидах. Поэтому мне надо подумать. Не хотите ли дойти со мной до иамена-5? У меня есть где-то там, за полным собранием сочинений Николая Гоголя, переплетенным в светлую кожу с Земли, бутылка настоящего амонтильяда того же происхождения. Мы опустошим ее за процветание Святой Благотворительности и королевы Талестрис, за теологическую доблесть и за амazonку!

— Это что, тотемы вашего племени?

— Нет, просто друзья. Мы встретились на окраине созвездия Лебедя, и я покинул их у врат Десятого Круга.

«Это сумасшедший, — подумал Аирт. — Но он любезен и учен». И он последовал за старичком.

— А вот и мой иамен, — сказал человечек. Он остановился в центре поляны, усеянной диксвониями с гибкими стеблями цвета розового турмалина и голубого граната. Тут стояло странное сооружение в стиле зиккуратов с загнутыми краями террас. Ферропластическая решетка загораживала доступ в вестибюль. Незнакомец рассеянно пошарил в складках своей шкуры, потом, будто вспомнив что-то, наклонился, сдвинул плитку из коллофана у порога и достал оттуда маленький фигурный ключик.

— Ну, вот! — сказал он. — Это лучший тайник, который мне удалось найти: самый известный, но самый надежный — ключ под ковриком!

И дверь открылась перед ними. Путешественник некоторое время что-то искал в слабом мерцании, которое исходило от купола из лунного камня, преломляющего зыбкую, как всегда, арктурианскую ночь. Он кончил тем, что обнаружил невероятную древность, как будто сошедшую с экрана, где демонстрировался исторический фильм — коробку спичек и немного пересохшую свечу, которую тотчас и зажег. Тут Аирт увидел, что находится в зале высотой этажа в три, до самого купола увешанном полками с книгами, футлярами с микрофильмами и древними гравюрами. На высоте четвертого этажа стены сужались и переходили в шпиль. В нем был легкий подвижной балкончик с телескопом, похоже, невероятной мощности. В зале вообще не было мебели — только круглый фонтанчик, циновки и подушечки. И все было покрыто толстым слоем пыли.

Приласкав все окружающее восхищенным взглядом, незнакомец продекламировал:

— Счастлив тот, кто, как Улисс, совершил хорошее странствие!

Но в этот момент кошка громко мяукнула и одним прыжком

взлетела на еще одну земную древность — нюрибергские часы с кукушкой. Усевшись там, она пристально посмотрела на людей своим шестикратным взглядом — встревоженным и несколько смущенным.

— Тысяча миллионов галактик! — выругался маленький ученик. — Вы знаете, эта кошка — мутантка. Она ясно дает понять, что мои секунды здесь сочтены, к тому же, я и сам чувствую это по какой-то зыбкой непрочности моих костей и по смутной тяге к возвращению... Это довольно мучительное чувство: я как будто бы здесь и все же меня здесь нет. Тем не менее... — Он залез в стенной шкаф и вытащил оттуда почтенную бутылку странной формы и бокалы из кристалла с голубоватым оттенком.

— Извините за отсутствие комфорта, — сказал он. — Сядем прямо на полу. Я уж не знаю, разбазарил ли мою мебель домохозяин-робот или у меня ее никогда не было. Во всяком случае, привычку к ней я потерял на Гефестионе. Выпьем за архангелов!

— Что значит...

— О! За таких людей, как вы. Может быть, и таких как я, хотя я и не похож на них. Во всяком случае, как эти две сумасшедшие девки, которые отправили меня сюда из Десятого Круга. Мутанты, наконец...

— Мутанты?

— Ну, да, существа почти что обыкновенные, но в результате каких-то космических катастроф они развили свои скрытые возможности. Тогда им удается проходить через стены, пересекать пространство, создавать видения или поглощать страдания — прямо как губка, которая впитывает воду. И я боюсь, что вскоре найдется и такой, который сможет поворачивать галактики. А в колледже вас не обучаю ничему такому?

— Еще нет.

— И напрасно. Оставляют нераскрытыми самые драгоценные качества. Я считаю, что любой человек обладает целым комплексом возможностей неизвестных, непризнаваемых... но я увлекся. Я здесь не для того, чтобы читать вам лекцию по парапсихологии, а для того, чтобы выполнить важное задание. Вы сказали, у нас сейчас трехтысячный год?

— Май трехтысячного.

— Какая точность. Так вот, пять лет назад Сигма послала научно-разведывательную экспедицию к Земле. Я принял в ней участие в качестве эксперта. Корабль был весьма непочтительно назван «Летающей Иглой», командир Лес Кэррол. Да, сын Ингмара. Сам адмирал никогда не одобрял наших экспедиций, но скорее — по причине отцовских чувств и противоречий человеческой натуры. Однако уровень моей учености освобождал меня, как я считаю, от его одобрения или неодобрения. Оцените вот это...

И он вытащил из кармана своей шкуры футляр, который тотчас же опрокинул у своих ног: кроме растрепанной книги, там была еще куча крошечных кассет с микрофильмами в официальных конвертах, которые подтверждали, что старикашка являлся вице-президентом Звездной Академии наук, членом Совета Пяти и почетным президентом самого секретного в созвездии органа — комитета по исследованию Язвы.

— Меня зовут Морозов, — представился он. — А вас?

Айрт вытянулся:

— Айрт Рег, космический курсант-офицер.

— Садитесь. Мне страшно, когда такие высокие люди стоят навытяжку. Возьмите эту циновку и еще вот эту. Вы знаете Ингмара Кэррола?

— Кэррола?.. Да.

— Приходится ли вам обращаться к нему?

— Пожалуй, нет.

— Ну, ладно. Так вы все-таки подойдете к нему завтра, во время праздника Производства и передадите ему вот это...

Как будто по волшебству, разошлись растрепанные страницы раскрытой «Божественной комедии», между волокнами пожелтевшей и вздувшейся бумаги стала видна тонкая пленка проявленного микрофильма.

— Вы можете прочитать это. Я даже советую вам — вы проникнетесь сознанием важности этого поручения. Вы видите, доклад подписан Лесом Кэрролом и Иваном Морозовым. Ведь меня зовут Иваном, как бы странно это ни звучало...

Он поднял бокал на уровень глаз и мечтательно залюбовался янтарно-золотистым цветом амонтильядо, вздохнул и сделал глоток.

— Так они забросили меня сюда прямо с моим телом, бравые девчушки. А я думал, что все это — слуховые и оптические иллюзии... Я задавал себе вопрос, почувствую ли я что-нибудь, когда выпью этого вина — что ж, я чувствую! Нет ничего прекраснее плодов нашей старушки Земли! Возьмите эту книгу и передайте ее Ингмару Кэрролу.

— Но...

— Нет, вы сможете. И вы достойны этого. Вы запомнили каждое слово из нашей беседы, и вы оценили амонтильядо. Да, это заметно. Завтра вы увидите Ингмара... я уже ясно вижу вас у подножия эскалатора с великим адмиралом наверху...

Продолжая говорить, он собрал свои пожитки. Рука, которая протягивала курсанту-офицеру бесцветный документ, выронила книгу...

Она стала прозрачной, поплыла, исчезла...

Айрт поставил на пол свой наполовину полный бокал амонтильядо.

Сидящая на часах кошка-Тролль жалобно мяукнула.

И в иamenе-5 остались только молодой курсант-офицер, прижимающий к груди томик Данте, и растерянная кошка-Тролль с Каппы.

И с этой последней картиной перед глазами Айрт Рег, космический десантник, приземлился в центре парада, посвященного великому Производству.

Вся Самарра галлюцинировала вокруг своих эскадр.

XV

Отчет был длинным. Остаток ночи Айрт провел, отделяя пленки отчета от хрупких страниц «Комедии», которые пропахли сухим ароматом земных роз, гефестионского кремня и водорослей Антигоны. Потом он погрузился в чтение, забыв обо всем на свете. Он понял отчет, как сам признавал позднее, процентов на восемьдесят.

На полях странными красно-коричневыми чернилами, которые были похожи на кровь или на сок раздавленных фруктов, было написано.

«СОС. Говорит «Летающая Игла». Задание выполнено. Выводы Морозова подтверждились. Информация и сто мутантов с нами. Находимся на Антигоне в созвездии Лебедя. Не можем взлететь. Опасность. Помогите как можно скорее. Подписано: Кэррол Лес, Морозов Иван.»

Сам документ начался, как обычный рапорт:

«Его превосходительству Кэрролу Ингмару, эскадренному адмиралу, космическому префекту Сигмы.

№ рапорта: 000XXX.

Тема: ЯЗВА.

Автор: И. Морозов.

...Ваше превосходительство, позволю себе напомнить Вам прядысторию вопроса. Во время нашей последней встречи я изложил Вам некоторые из моих выводов по поводу темы, которая нас занимает. Казалось, они Вас заинтересовали. Тем не менее гипотеза, которую я выдвинул, показалась Вам (цитирую Ваши собственные слова) «такой невероятной и дерзкой», что Вы выдвинули встречное предложение.

Прежде, чем изложить наши выводы Совету Пяти, Вы решили провести комплекс исследований. И Вы предоставили мне возможность собрать эти доказательства на месте: Вы решили послать экспедицию, чтобы изучить Язву и найти от нее противоядие, и

дали мне средство для исполнения: корабль, приспособленный для этого.

Я посчитал, что могу быть полностью свободным в выборе его командира.

Отснятые фильмы и записанные на пленку свидетельства спрятаны в надежном месте. Настоящий документ лишь излагает статистические данные и выводы, главный из которых:

Еще никогда в течение своей сознательной истории человечество не подвергалось большей опасности».

Далее следовали колонки самых ужасных подсчетов: с начала распространения земного зла на родной планете. Количество убитых в войнах — миллиард. Количество заключенных, депортированных, «заклейменных» (приговоренных к медленной смерти) — миллиард. Количество жертв вирусной формы зла — полтора миллиарда.

Примененные пытки, вызывающие цепную реакцию ярости и безумия... Здесь Айрт не выдержал и пропустил длинный абзац, где речь шла об удушенных газом, сожженных заживо, послуживших для переливания крови и других экспериментов. Индустриальные мотивы: дубление кожи, использование жиров и других отходов. И так далее. Цифра, проставленная в графе «эксперименты с целью выяснения способности сопротивления человека альтернативе надежды и отчаяния», была особенно впечатляющей...

«Из этих данных можно было сделать первый вывод, — писал Морозов в виде комментария к этим цифрам, более ужасным, чем сами крики жертв. — Это не земное. И даже не гуманоидное в универсальном смысле этого слова. На это мне отвётаят, что история Земли знает не менее мрачные страницы безумия, и что носители его — ненормальные.

Вот тут-то и встает вопрос, который кажется мне главным: кто они?..

Мы перебрали миллионы имен. Мы сделали заметки, сопровождаемые фотографиями. Сравнивая эти фото и события с другими, записанными в летописях, я пришел к выводу, который послужил основой моей, казалось бы, безумной гипотезы. Да, изучая эти архивные статистические данные, я не мог отделаться от ощущения, что все это я уже слышал!

Так античные цари с телами крылатых быков с древних стел Древней Ассирии приказывали возводить горы рук и языков, отрезанных у своих противников;

так библейские завоеватели бросали живых людей в печи для обжига извести — связками по десять человек;

так (и примерно такими же способами) некий Гитлер начал геноцид;

так во многих тоталитарных государствах помещали в лагеря медленной смерти миллионы людей, единственным недостатком которых была форма черепа, цвет кожи или принадлежность к определенной касте.

И все эти факты повторяются в течение тысячелетий!

Значит, земляне — это преступная раса, подлежащая уничтожению?

Язва... это она и есть?

Я не могу этому поверить, будучи сам человеком и землянином по происхождению. Я знаю людей; наконец, я знаю себя. Мы можем быть ограничены, сквердны, трусливы и чувственны. Среди нас есть больные и безумные. Но настоящий преступник, который разрушает потому, что это доставляет ему удовольствие, и мозговые клетки которого при этом абсолютно здоровы — такого не может быть. В XX—XXI веках еще могли в это верить. Мы — нет. Во всяком случае, когда речь идет о целых народах.

Народы, которые создали храмы Иерусалима и лиру Феба, изобрели пирамиду и колесо, открыли пенициллин и равенство...

И были люди, которых звали Гомер, Достоевский, Пастер... Здесь я ставлю точку.

Неожиданно наступает какое-то яростное безумие, и эти народы уничтожают друг друга, а эти гении и святыне становятся чудовищами. После первой атомной бомбардировки жертвы агонизировали в течение двадцати лет!

Пилот, который сбросил бомбу, кажется, сам сошел с ума. Потому что не мог пережить все это в нормальном состоянии...

А преступники, которых мы называем Ночными, живут. Это потому, что они ненормальные. Таким образом земное зло — действительно, болезнь.

Но какая? Бацильная, вирусная, результат торможения или стимуляции? Переносимая каким возбудителем? Как получается, что некоторые подобные атаки удаются, а другие нет? Существуют ли антитела, способные остановить продвижение эпидемии?..

Столько проблем! Прежде всего, необходимо определить точные симптомы Язвы. Я брал за основу антропометрические данные старых злодеев, а также современных Ночных, которые происходили с различных планет и континентов. Некоторые были гуманоидами, другие — нет. Не было ничего похожего в натуре мягкого, даже симпатичного палача с Венеры, который погружал своих

жертв в болота из раствора фосфора, и распоясавшимся чудовищем, которое взорвало целую планету этой системы.

Ничего, кроме жестокости».

Аирт вздрогнул.

«Отсюда я сделал вывод, что жестокость была одним из симптомов болезни. Не самым главным, может быть, но неотделимым. Однако изъяны не были заметны внешне: лица больных были бесстрастны, аскетичны или одутловаты, глаза — живыми или угрожающими. И напрасно просматривал я летописи: Геринг был тучным, а «железный Феликс» — худым. Не было никакого сходства между Геббельсом и Сталиным. Современное изображение представляло Торквемаду с изможденным лицом святого, а Калигулу — с профилем почти божественным. Встречались гуманисты с ужасной внешностью и преступники с ангельской.

И вдруг мне в голову пришла одна идея, словно озарение.

Когда говорили о Ночных и о земном зле, то смешивали два понятия. Ночные были распространителями зла, они убивали, пытали, разрушали. Они взялись неизвестно откуда, и в большинстве были землянами. В то же время, в биографиях самых известных злодеев рассказывалось о спокойном детстве и иногда, до первого приступа ярости, о довольно серой и безупречной жизни...

Значит, это не зависело от физических данных или от наследственности... У большинства не было врожденных пороков, они не были предрасположены к этой заразе.

Таким образом, семена зла пришли извне.

И тут я понял, что стою на пороге чудовищного открытия. Ведь все смертоносные микробы были в конце концов побеждены. К тому же у всех у них — будь то проказа, тиф или эпилепсия — имелись вполне определенные признаки и определенный результат: человек или выздоравливал, или погибал. Однако, наши лаборатории еще безоружны перед лицом психической проблемы. И все-таки кое-какие прецеденты должны были существовать. Были кроме меня и другие, которые еще до меня поняли, предошли...

Болезнь, приходящая откуда-то извне.

Болезнь, относящаяся к психике.

В это время я остановился в квартале Книг, в одном из городов Сатурна, где было, что почитать. Я обратился к картотеке. Знакомых слов было сколько угодно: чума, эпидемия, нашествие, демоны, инкубы, суккубы. И единственное слово, объединяющее все эти и начертанное огненными буквами: ОДЕРЖИМОСТЬ! Я чувствовал, что меня буквально затопляют эти сведения, что я должен их как-то классифицировать, запомнить содержание самых убедительных, тех, что сверкали, как вспышки молний. Сначала, на заре цивилизации, это были таблички с иероглифами, которые предавали анафеме некоторую часть Земли. «В этой проклятой пустыне

каждая складка земли таит миллион демонов...» Самая почитаемая человечеством Книга точно передавала историю, происшедшую в стране Гадаринской: «Когда же вышел (сын Божий) на берег, встретил его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени и в одежду не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах. Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так, что его связывали цепями и узами, сберегая его, но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыню. Иисус спросил его: «Как тебе имя?» Он сказал: «легион», потому что много бесов вошло в него.

И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну.

Тут же на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им.

Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны вниз и потонуло¹.

Были также повсеместно известные, хотя и явно преувеличенные истории пифий, полубезумных девственниц-предсказательниц, устами которых «говорил их бог». Были в далеком прошлом мрачные средневековые процессы, где перемешивались волшебницы и демоны, инкубы и вампиры; в протоколах шла речь о событиях безумных и жестоких, когда существа, носящие на коже странные знаки, корчились на горящих углях и отвечали «изменяющимися голосами и на неизвестных языках». «Демоны», которые жили в этих несчастных, охотно заявляли о себе: их звали Вельзевул, что значит «повелитель мух», Астарот, Асмодей или Забулон.

Я справился в Адском Словаре Колена де Планси (ведь существовали словари «потустороннего королевства». А может быть, и карты, атласы!). Я узнал, что Астарот был «очень могущественным в аду великим герцогом с лицом уродливого ангела, который сжимал в руке гадюку и скакал на крылатом драконе». Абигор, демон высшей касты, «подробно отвечал на все вопросы, касающиеся секретов ведения войны». Был также Адрамелех, великий адский канцлер, которому поклонялись в древней Ассирии, где в посвященных ему храмах сжигали и душили дымом новорожденных. А Фурфур, который часто принимал внешность ангела, пускал молнии, зажигал радуги и отвечал на абстрактные вопросы... Гaborим или Аим был повелителем пожаров, Штолас преподавал астрономию, свойства растений и драгоценных камней (смотри-ка, коллега!). Изобретатель пиротехники Укобах был великим повелителем адских котлов...

¹ Евангелие от Луки, гл. 8, 26—30. Также эпиграф к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» (см. далее).

Так я открыл живущий активной жизнью, но неведомый нам мир, у которого были свои законы, который вмешивался в человеческое существование. Все было весьма мрачно, все это принадлежало сумеречным временам, когда перемешивались явления пришельцев и предрассудки. Но, по крайней мере, какая-то часть этих хроник должна быть отделена и рассматриваться в свете знакомых нам событий.

Вы мне скажете: но разве эти факты не были изучены в свое время? Конечно, и еще с каким прилежанием! Колдовские процессы приобрели какой-то бредовый оттенок, палачи и жертвы погружались в одни и те же кошмары, судьи беседовали с демонами и сами начинали видеть кошмары...

«Для чего вошел ты в тело этой бедной девушки?» — спрашивает изгоняющий дьявола Миньон у демона, который владеет душой Жанны де Бельсьель из Лудена, в то время, как она бьется в конвульсиях, и крики ее «почти что похожи на визг свиней». И демон отвечает на латыни, на языке, который, по словам Жанны, ей неизвестен:

«Из злобы. По договору о цветах».

Надо было как следует разобраться в этих тяжбах, чтобы принять все необходимые меры предосторожности против опасности, которую они представляют. Ведь почтенные судьи превращались в палачей и убийц. Один священник, Урбен Грандье, был обвинен девицей Бельсьель в том, что он околдовал ее и других монахинь. Этого человека пытали различными способами, а именно — загоняли ему в тело иголки, чтобы найти метки дьявола; применили для изгнания духов особые станки, которые дробят кости так, что «видно, как выходит мозг». Наконец, его вешали, а поскольку на веревке было много узлов, жертва горела заживо¹.

Так было во Франции. В Италии, в то самое время, когда вдохновенные архитекторы набрасывали проекты собора Св. Петра в Риме, некий Леонардо да Винчи — первые крылья для человека, а некий Рафаэль писал свои мадонны, во Флоренции сжигали до трехсот колдунов в день. Эксперты и судьи были такими же безумными, как и обвиняемые.

Девочку девяти лет приговаривают за связь с инкубом; она, якобы, разродилась демоном в виде червяка и закопала его во дворе под кучей навоза. И была сожжена за то, что у нее вышел, скорее всего, солитер! Но были также сожжены и реформатор Савонарола, и последователь Аристотеля Джордано Бруно, и врач Мишель Сервет, и Жанна из Домреми!

И народ осуждал трибуналы. Людей, которые никогда не видели

¹ Речь идет о так называемом «процессе о дьяволах Лудена» или «деле Урбена Грандье» в XVII в.

друг друга, обвиняли в совместных жестоких преступлениях, в участии в шабашах, где в «сумерках людей Аэрса» разворачивались сцены оргий и каннибализма, похожие до тошноты. Но и это еще не все...

Примерно в то же время проходили экстравагантные процессы, в результате которых животные, «одержимые лукавым», — мыши, свиньи, лошади — приговаривались к повешению или сожжению. В XVI веке в Блае «петух, который снес яйцо, которое было потом высажено жабой и выродило Василиска, короля змей», был публично сожжен по приговору высокого трибунала. В огонь бросали «кошек и собак, в которых предполагают наличие спрятавшегося демона...» или пришельца, который ошибся адресом!»

Должно быть, Морозов сделал здесь передышку, после того, как изложил весь этот бред, чтобы вытереть пот со своего слишком высокого лба. Однако, скорее всего, он просто вздохнул и продолжал писать.

«Вы скажете мне, что все эти факты из сумеречных эпох нуждаются в подтверждении. Согласен! Но уже ближе к нашему времени есть более достоверные факты: тихий и педантичный немец Раунинг видел, как озарилось всегда мрачное лицо некоего Гитлера, и знаменитый диктатор заговорил «голосом того, кто владел им». Однако, этот кто-то не шел ему на пользу: Гитлер боялся оставаться с глазу на глаз с тем, «другим», он обязывал своих друзей сидеть рядом, пока он спит. И пробуждался с криками... В обычной жизни, когда демон покидал его, самый великий преступник после Аттилы был человеком бесцветным, болезненно чувствительным и с плохим вкусом. То же самое можно сказать о Калигуле, о Распупине и о многих других истерических личностях.

Мы располагаем меньшим объемом информации о последних веках. Учитывая современное развитие науки и техники, даже поэт не осмелился бы говорить прямо об одержимости. Но самый известный мечтатель новой эры, который изучил до дна человеческую душу и погружался в бездну, которая была его собственной бездной, оставил нам невероятное свидетельство.

Отправной точкой для оценки современного положения является роман Достоевского «Бесы»¹.

С высоты Вашего могущества и Вашей независимости, Вы должны простить меня, Ингмар Кэррол, за то, что я осмелился позитивно оценить литературное произведение, где легионы нечис-

¹ Во французском переводе «Одержаные».

той силы завладевают целым миром. Это мое славянское происхождение, скажете Вы. Но ведь евреи не виноваты, что Иисус например, родился в Вифлееме. И не мы — в том, что Достоевский — русский.

Эта страшная книга вводит нас в иррациональный мир.

Научно выражаясь, термин «одержимость» ничего не значит. Но человеческое тело может быть завоевано ультравирусами невидимыми даже с помощью протонового микроскопа. Нет также ничего невероятного в том, что эти ультравирусы могут быть не земного происхождения или с эффектом ПСИ.

Тут я начал строить рабочую гипотезу.

Можно расценивать инфекцию как введение каких-либо молекул вируса-протеина в кровь субъекта-разносчика. Эти молекулы будут способны изменять обмен веществ субъекта таким образом, что он сам будет иметь возможность их вырабатывать. Болезнь будет нарушением нормального обмена веществ, при чем будет происходить выделение вируса-протеина.

Демон-вирус — протеин.

Других выводов нет.

В различные эпохи были попытки заразить Землю, и они увенчивались большим или меньшим успехом. Вирус откладывался куда попало — в Средние века он заражал даже животных. На заре эпохи Возрождения он заражал безумием и инквизиторов, и волшебников. И в 1914, и в 1917, и в 1940...

Да, но каково происхождение этого вируса?..

Если мы считаем, что у этого бича научное происхождение, то он должен подчиняться определенным законам. Но ведь вирусы не могут сами перемещаться в пространстве. И по уже вышеперечисленным причинам я не могу согласиться с тем, что это проклятие зародилось на Земле. Скорее всего, оно пришло извне. Оно могло быть материальным или психическим. Или еще проще — другой частотой времени.

Существуют общие для Метагалактики законы. В природе не может быть пустот. Однако, все мы видели на Гефестионе частоты времени, не относящиеся к этой планете.

Когда мне представится возможность показать Вам микрофильмы, Вы увидите на этом мертвом шаре, в звездной бездне, земные частоты времени: убийство последних защитников, шахты, где они агонизируют, разрушенные города и концентрационные лагеря. Это застывшие частоты. Они вырваны из потока времени на Земле, где их заменили другие события, что позволило их вирусам внедриться в земное настоящее.

Выдвигаем теперь вторую рабочую гипотезу:

неизвестно, когда, в одной из многочисленных галактик, из которых состоит пространство, появился некий амбулаторный вирус со своей собственной средой.

По земным понятиям — это и есть зло.

Будучи противником «земной теории», я не могу отозваться о ней положительно и считаю, что речь идет о некоем оптимальном уровне, о нормальном состоянии, которое не может существовать вне себя, так как в целом проявление зла случайно, и вирус (или ад) перемещаются по какой-то орбите в пространстве-времени. Он выталкивает из их среды частоты (промежутки нашего объективного времени), а сам замещает их. Тут он размножается, разрушая. Происхождение его неясно. Когда умирают земные злодеи, великие безумцы, от них не остается никаких следов — никто не знает, где находится могила Аттилы или Гитлера.

И вот мой последний вывод: здоровое тело, зараженное вирусами, вырабатывает антитоксины — вещества, способные победить болезнь. Они обладают катализационными и обменными свойствами, одновременно однородными и противоположными.

Если мы хотим освободить Землю, если мы хотим оставаться свободными и владеть пространством, где язва распространяется с ужасной скоростью, мы должны атаковать зло его же собственным оружием.

Общие выводы таковы:

а) «Земное зло» действительно существует: это настоящая болезнь, которую можно сравнить с бешенством или эпилепсией;

б) источник его находится за пределами Земли и, может быть, Метагалактики;

в) оно не может быть побеждено насилием в чистом виде, так как насилие, напротив, создает благоприятный для него климат;

г) расположенное во времени, оно и должно быть побеждено во времени.

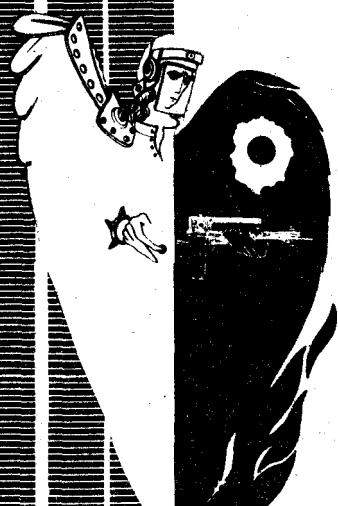
Вывод:

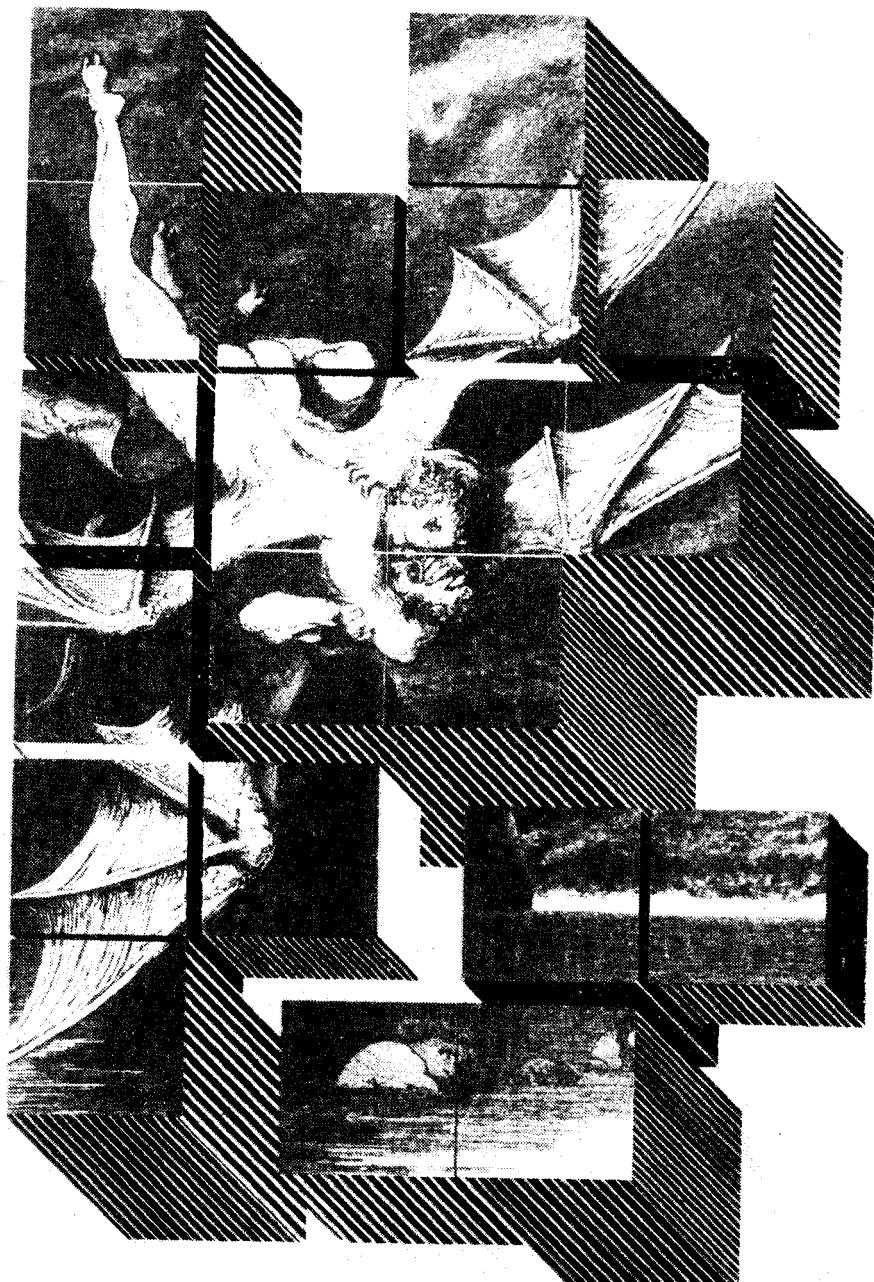
Организмы пространственно-временные, т. е. те, которые могут перемещаться в пространстве различных измерений или в пространстве, лучше всего подходят для такой борьбы. Это мутанты.

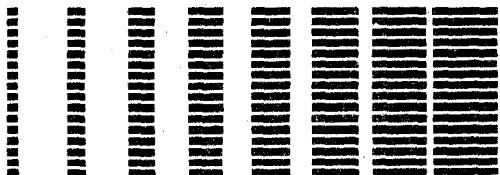
Вывод: мы должны искать, выращивать и приобщать к борьбе мутантов».

«Все это прекрасно,— сказал сам себе Айрт, сидя в кресле в павильоне для занятий,— но план борьбы кажется мне довольно смутным. Насколько я понял, судьи, инквизиторы, полиции и армии, которые употребляли огонь и железо, сами тотчас заражались. Я никогда не встречал живых мутантов, кроме Аиты. К счастью, меня это не касается, этот документ предназначен Ингмару Кэрролу. И он его получит».

GUTBA

Отныне понятия пространства и времени в чистом виде исчезают абсолютно, как тени.

Минковский
(1907)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

XVI

На первом пролете пышной лестницы, которая вела к Эбеновому залу, где в бассейнах из черного оникса переливались прозрачные струи воды, застыла в нерешильности какая-то девушка: она пришла слишком рано.

Праздник Производства был самым главным национальным праздником Сигмы: он символизировал будущее. В этот день адмиральский дворец широко раскрывал свои двери, и туда стекалась самая красивая, могущественная и блестящая публика. Сегодня же прием обещал быть особенно великолепным: космический префект должен был представить сигмийцам земную принцессу — она должна была славить новых выпускников. Говорили, что она очень красива. И кадеты размечтались.

Гости прибывали издалека, с федеральных или союзных планет. В зале из желтого с зелеными прожилками мрамора с Омикрона, в золотом зале, в Охотничьей галерее, где на фресках земных художников трепетали, как живые, единороги и порфирионосцы, сирены и инопланетные грифы, бродила блестящая толпа, которая символизировала могущест-

во и расцвет Сигмы. На этой церемонии космический префект показывал всю античную роскошь двойной звезды, его экзотические союзники садились в адском шуме своих ромбов и дисков. Свиты гвардейцев ходили за ним по пятам на космодромах или летали строем в парадных гелико — их каски искрились, а мантии, обшитые драгоценными переливающимися камнями, колыхались, словно крылья.

Гости соперничали в экстравагантности и роскоши. Знать Денеба окружила себя тучами фимиама, где сверкали драгоценные тиары, ствобы с Эридана были похожи на пурпурные лилии, и под их островерхими колпаками из драгоценных камней виднелись целых три лика... Но самыми необыкновенными были херувимы с Альтаира, которые приземлялись прямо на дворцовую эспланаду: их позолоченные тела дрожали, гривы вздымались, а розовые и невинные лица девственниц приятно контрастировали с боевыми доспехами воинов.

И все-таки, самыми красивыми и обаятельными были сами арктурианцы, происходили ли они с Сигмы, с Дельты или с Эпсилона. И мужчины и женщины были высокими, стройными и хрупкими. Они появлялись в прекрасных одеждах, увешанные украшениями из металлов, драгоценных камней и слоновой кости. Шли они медленно, с неподражаемой грацией и иногда приветственно наклоняли свои небольшие головы на длинных и безупречных шеях.

Они следовали моде Земли, ее древней роскоши, и постоянно носили одежду, заимствованные с картин Боттичелли — из золотой парчи, обшитой золотом рубинового или бледно-зеленого оттенка, а также оружие, которое на самом деле было чеканным украшением — кинжалы или сабли, чьи рукоятки и ножны, раскладываясь, превращались в веер из перьев лирохваста с Вандемьятрикса или в миниатюрный ситар с серебряными струнами, или в коробочки с пастилками.

И арктурианки были очаровательны: их прически, заимствованные с картин Перуджино или Лукки делла Роббия, делали их похожими на пажей той эпохи; их грим был тщательно подобран: цвета ноготков, боярышника или сизый, а в их украшениях прекрасно сочетались жемчужные сетки для волос и огонь сапфиров. Они спускались по большой Огненной лестнице в облаках аромата духов, из которых самые редкие были из ясенника, ликидамбара и благовоний с Земли, но они не забывали неуловимые запахи жасмина с Катьявара, горького тимьяна с Галилеи, покорившие все планеты. Их кружева и муар, не имеющие никакого отношения к химии, набегали на ожерелья из яшмы. И словно жены дожей с картин Веронезе, они грациозно опирались на руку придворного поэта или флейтиста; залы заполнялись парами, переливающимися различными цветами, как ночные бабочки.

Да, это был тот самый народ, зловещая статистика которого предрекала скорый его конец: на большинстве планет Арктура самой почетной формой смерти — это расценивалось как один из видов изящных искусств — было самоубийство, и убивали себя традиционно именно в мае, под звуки музыки Дебюсси или Равеля, сухой и нежной...

В Эбеновом зале все еще царил мрак. Замаскированные неоновые светильники в форме розовых свечей зажигались то тут, то там за шторами из полупрозрачных материй. На покрытой сигмийской зеленью эстраде невидимый оркестр настраивал арфы — раздался и тут же затих бессильно мелодичный и грустный звук натянутой струны...

На самом верху ониксовой лестницы какая-то девушка, которая отдала бы все, чтобы быть такой же, как все другие девушки, вздохнула и поисками глазами назначенного ей кавалера. Но его здесь не было. Она еще не сознавала, что отрешилась уже от всего своего прошлого под этими стрельчатыми окнами, через которые было видно только ночное небо Сигмы, где никогда не исчезала заря Двойной Звезды, и многочисленные луны переливались, как жемчужные капли росы.

Красота девушки была совершенна, она должна была представлять своей особой один из главных козырей командира эскадр в тонкой межгалактической игре, а для кадетов — символ, за который умирают. Она была очень земной: сказочной красоты космические минералы украшали тунику, облегающую плenительный силуэт. В гладких волосах цвета синей ночи виднелась диадема, вырезанная из целого бриллианта с Беллатрикс, она как бы освещала магнолиевый овал лица, небольшой, совершенной формы носик, восхитительную симметрию миндалевидных глаз и век, удлиниенных искусно наложенными тенями, страстную и нежную линию рта.

Следуя арктурианскому обычаяу, который, под предлогом защиты кожи, требовал, чтобы и мужчины, и женщины, носили тонкую пленку в виде маски, облегающей лица, она надела свою, инкрустованную пылью аметистов, которая, к тому же, подчеркивала цвет радужной оболочки ее глаз.

Она послала мысленный призыв, несколько неопределенный, потом стала опускаться. В глубине души она не слишком огорчилась из-за этой небрежности, ведь она дала ей возможность побыть в одиночестве и свободу в выборе. Наконец-то свободна! Она могла представить себя какой-то другой, лицом к лицу с непредсказуемым и прекрасным будущим. Внизу, на эстраде, в листве пурпурного и сапфирового цвета воцарилась тишина, потом кто-то запел легко и нежно, аккомпанируя себе на арфе, очень старую песню на слова земного поэта, умершего молодым.

...Я звал тебя, но ты не оглянулась.
Я слезы лил, но ты не снизошла...¹

У подножия лестницы высокий кавалер, как и она — в маске, в легком парадном космическом обмундировании, склонился перед ней. Валеран? А в соседних залах арктурианские арфы, земные скрипки, марсианские литавры уже соединились в непрерывной гармонии звуков... Она взяла под руку своего кавалера. Одинокая арфа все еще пела «о доблестях, о подвигах, о славе», о прекрасном образе, затерянном в ночи. И как сладостно было войти в новую жизнь в танце, и как согласованы были все их движения! Она никогда бы не подумала, что Валеран остался таким молодым, таким гибким, что он с таким пылом может отдаваться танцу! Они уже покинули Эбеновый зал и оказались в Золотом, где неоновые туманности заглядывали через купол, и в потоке опаловых лучей, упавших с Новой, девушка робко улыбнулась силуэту древнего фехтовальщика с невероятно тонкой талией и широкими плечами, на которого был так похож ее партнер. Но под ледяной маской из черного янтаря его властный и нежный рот оставался все таким же неподвижным...

Она почувствовала что-то похожее на удар.

Это не был Валеран Еврафриканский.

Почувствовал ли юноша невольную дрожь, попытку отстремиться? Его рука еще сильнее сжала гибкую талию.

— Нет, — сказал он, — я не тот, кого вы ждете. И, во имя космоса, я не должен был подходить к вам. Но мне показалось, что вы позвали, и я сказал себе: почему бы не меня? Поскольку это чудо произошло, и мы танцуем, не думаете ли вы, что время могло бы остановиться? Я обещаю вам говорить и делать только то, что вы мне прикажете. Мне так хочется, чтобы чудо продолжалось!

И, после короткой паузы, когда они услышали, как плачет земная гармония голосами скрипок и мандор Новой Жизни², он заговорил снова тем тоном и теми словами, которые она давно хотела услышать:

— Подумайте, свободная дама, что нам выпало нечто единственное и невероятное: в течение этих смутных минут мы можем выбирать свою судьбу. Мы совсем не знаем друг друга, вы можете быть космической принцессой, а я — корсаром или завоевателем. Во всяком случае, мы можем разработать абсолютно новую пространственно-временную плоскость, о которой никто никогда ничего не узнает. Как будто бы мы запустили в космос новую звезду. Как будто мы боги! Вы откажетесь?!

¹ Александр Блок, «О доблестях, о подвигах, о славе...»

² «Vita piuova» — книга Данте Алигьери, рассказывающая историю его любви к Beatrice.

«Это не Валеран,— подумала она с ужасающей ясностью,— но у него восхитительно очерченная линия рта, и он говорит именно то, что я всегда хотела слышать! Но до чего же мы так дойдем, если статуи станут говорить о музыке сфер?..» Ей захотелось крикнуть: «Оставьте меня, убирайтесь! Ведь меня сейчас узнают, нас разлучат охранники, а вас примут за шпиона или террориста, откуда я знаю?..» Но волнующий танец продолжал держать ее в плену невидимых нитей, и неожиданно они оказались на какой-то террасе, под небольшой аркой, где солнечные розы были пурпурно-черными, с сердцевиной, пахнущей медом, а розы арктурианские — едва уловимого желтого цвета с карминовой сердцевиной. Озера Самарры искрились среди густых и мрачных садов, и поток тусклых песчинок-светлячков как будто опускался на город с разноцветных лун. Кавалер в маске сказал Астрид, то, что она никогда не слышала и всегда хотела услышать. Что эта лунная Сигма так подходит к ее фиолетовым глазам. Что каждый мужчина там, в звездной бездне, мечтает о существе, которое было бы для него камнем преткновения и самой нежностью, победой и пристанищем. Он же больше не мечтал... он нашел!

— Мы не знаем друг друга, свободная дама,— продолжал он,— но одна земная легенда утверждает, что у каждого из нас есть свой вечный двойник. Предположим, что сегодня вечером мы встретили наших. Пространство, время... все стремится разделить нас. Но... вы не звали меня, а я вас услышал. Обычно я не умею складно разговаривать, особенно с такими, как вы, нежными и красивыми девушками, но вот сейчас я легко нахожу все слова... Может быть, мы и есть те самые существа, которые ищут друг друга, не подозревая об этом... Посмотрите же на это небо, где сверкают Персей и Андromеда, Беллатрикс и Орион. Это всего лишь имена, но, кто знает, не мы ли сами были когда-то...

— Вы сами не знаете, что говорите, не так ли?

— Да, не знаю. Но мне кажется, что я никогда не был таким умным!

Смех его был настолько заразительным, а губы такими свежими, что он не мог быть роботом. А именно это беспокоило ее: не автомат ли это, который просто повторяет ее скрытые мысли? Уж в роботах она понимала толк!

— Только благодаря вам у меня появляются мысли, одновременно простые и чудесные! — объявил он. — И в конце концов, почему бы вам не быть волшебницей, которая оживляет и превращает, или принцессой, которую я должен освободить от чудовищ? Помечтаем...

— И о чем же?

— О! Это будут безумные мечты: что я вас люблю, а вы — меня. Что вы со мной и ведете меня сквозь черные солнца и разоренные

планеты к судьбе, достойной нас. И что между нами невероятная общность душ, и что меня влечет к вам, и я падаю в костер моих чувств и люблю вас вечно... Извините, на этот раз я, кажется, говорю глупости!..

Но именно эти слова она сама ему продиктовала, теперь она точно это знала.

Ей хотелось плакать. У нее хватило силы пробормотать:

— У легенд почти всегда фатальный конец. Откуда-то вторгается неистовая амазонка, и глупая мечта не сбывается — она очень соблазнительна, глупая мечта...

— Но не так, как соблазнительны живые жительницы Земли. А вы... вы такая живая, любовь моя...

Желтые розы сгибались под тяжестью ароматов амбры и меда. Под аркой юноша в маске наклонился к ней. Никогда Астрид Европа-фриканская не могла подумать, что человеческие губы могут быть такими нежными. Вселенная исчезла в этом поцелуе. Однако, она с яростью вырвалась из пылких объятий и убежала от этих губ. Последняя фраза билась в ее висках вместе с кровью, которую электрическая система подавала в коллоидное устройство, соединенное с гипнотизатором, действующим на близком расстоянии:

«А вы такая живая, любовь моя...»

И едва зажженная звезда потухла, и никто не заметил...

Но кое-кто...

Свет плящущих лун смешивался с искусственными огнями. В порфировом вестибюле принц Валеран, вернувшийся из очередной экспедиции, рассеянно натягивал белые перчатки.

— Что ж, я опоздал, — сказал он сам себе. — Праздник в Сармарре, еще один праздник. Все, конечно, танцуют. А у меня болит голова... смотри-ка, еще со старта в Солнечной системе. А вот эта походка мне знакома!.. Да это же Айрт Рег! Добрый вечер, молодой человек. А вы повзрослели...

— Добрый вечер, командир.

Айрт сорвал с себя маску. Он был очень привлекателен и, казалось, выбрировал, как натянутый лук. Но глаза его были пусты: может быть, он даже не узнал Валерана. Он с лихорадочным вниманием всматривался в толпу, где только что исчезла девушка, гибкая, как сирена. И принц-космонавт неожиданно для себя позавидовал этой юности, этой дрожащей руке на перилах, этому пылкому взгляду. Он похолодел. Никогда не приходилось ему смотреть на этот мир такими глазами. Будучи потомком древней расы, он никогда не чувствовал себя таким молодым.

— Что с вами, Айрт? Вы потеряли партнеришу?

— Командир... Ваше Сиятельство...

— Меня зовут Валеран. Ну, и?

— Это была... я не знаю, как сказать... самая красивая...

— Все это не может быть отличительным признаком. Вы не знаете ее имени? А как она одета?

— Это что-то блестящее...

— Вы напоминаете мне, — сказал Ральф, — моего августейшего дядю, Христиана VII. Когда на каком-нибудь официальном приеме ему приходилось сделать несколько танцевальных па с одной из всемирно известных красавиц, императрица, которая избегала появляться на этих торжествах, иногда спрашивала у него, как была одета эта дама. И этот тонкий аналитик, этот великий государственный деятель, мог только сказать: «Что ж, на ней была юбка...»

— О, я знаю, что сам я не смогу описать!

— Сам? Вы сказали нечто странное. Но можете быть довольны: и так существует слишком много людей, которые много говорят — и только сами! Нет, я не насмехаюсь над вами! В конце концов, было ли у нее нечто отличительное, у вашей Цирцеи?

— Фиолетовые глаза, невероятные...

— Это мода: большинство арктурианок пудрят веки аметистовой пылью. Так что же вы ей сделали? Вы что, не умеете целоваться?

— Я... я не знаю. Мы говорили о звездах, об амazonках и о напрасных иллюзиях, и вдруг, только не смеяйтесь, я почувствовал себя очень умным. Я так быстро находил нужные слова, будто она мне их подсказывала. Что-то похожее на телепатию, я думаю.

— Вот это уже опасно? А потом?

— Дальше не помню. Как будто что-то выключилось. Я только сказал ей, что земные девушки красивее, чем сто тысяч легенд, или что-то в этом духе. Я сказал еще, что она такая живая... и она убежала.

— Да? — сказал Валеран. — Мы, наверное, еще обнаружим эту вашу жемчужину. А пока пошли, выпьем чего-нибудь. Такая жажда!

Они вошли в Бирюзовый зал, где горы фруктов-цветов с Дифды, Зосмы, Менкара, орхидеи телесного цвета, полные опьяняющей росы, и венерианские манго, сочащиеся медом, отражались в стрельчатых кристаллических окнах. Прямо за этими пирамидами начиналась парадная лестница, по которой поднимались и спускались ангелы. Валеран подумал: «Прямо-таки настоящий рай. Но почему у меня такая боль в висках? А эти красные фонари ослепляют меня. Надо выпить!» Он протянул руку, взял, не глядя, первый попавшийся бокал, наполненный золотистой жидкостью, и выпил залпом, как стакан жидкого сегхира в какой-нибудь портовой таверне.

— За ваши звезды, Айрт! — сказал он.

— Вы издалека, командир? Полярная звезда?

— Даже немного подальше.

Он закрыл глаза, потом открыл их, задумчиво посмотрел на

идеального бойца... который, к счастью, еще ничего не знал. Именно такие и умирают еще до того, как ступят на землю первой своей планеты, как проигрывают свою первую битву...

— Вы выросли, но не изменились,— сказал он вслух.— Понежнему такой же упрямый?

— Пожалуй, да. Характер не меняется, знаете ли, мы остаемся такими же, как были здесь, в Колледже, на Сигме.

«Я разговариваю с ним,— подумал Валеран,— но почему? Не знаю. Потому что чувствую себя виноватым, что бросил его на этой планете? Но он прекрасно справился с этим. К тому же, я ничего ему не должен. Какой же это древний земной комедийный автор, давно забытый, утверждал, что мы всегда что-то должны тем, кого спасаем?.. Должно быть, у меня сильный жар».

И вслух:

— Да, я знаю, Астронавигационный колледж — это монастырь. Замкнутое пространство, устаревшие традиции, постоянные физические упражнения. Гипнокурс на уровне коры, как раз, чтобы научиться отличать Космическую эру от Третичного периода. И еще, конечно, астронавигация, математика, астрофизика... После всего этого получаются прекрасные космонавты.

— Это не так уж плохо, не правда ли?

«Бог или Космос — неважно, что — в моих висках как будто жидкий огонь, а там, под мышкой...— Эта безумная мысль пришла ему в голову впервые со времени возвращения с Земли...— А если это и есть то самое Зло?..

...заразой
Ад дышит в мир; сейчас я жаркой крови
Испить бы мог и совершить такое,
что день бы дрогнул!
Тише!..
О сердце, не утрать природы...»¹

— Что с вами, командир? Вам плохо?

— Нет, нет...

Айрт погрузил пронзительный взгляд своих серых глаз в глаза собеседника — с резким отблеском небесного цвета.

«Молодой зверь, гибкий и блестящий,— подумал Ральф.— И этот вдумчивый взгляд! Ну, конечно, она его загипнотизировала».

Неожиданно он спросил:

— Так кроме вашей призрачной танцовщицы, вы здесь никого не знаете?

— Только товарищей по колледжу. Но сейчас мне хотелось бы спрятаться куда-нибудь.

¹ В. Шекспир, «Гамлет», (перевод М. Лозинского.)

- Однако, вы остаетесь. Это хорошо! Но почему?
- Я должен встретиться с адмиралом Кэрролом.
- Побились об заклад?
- Нет. У меня к нему поручение.

Вопросы и ответы скрещивались, словно шпаги.

«Не так уж плохо для наивного выпускника», — решил Валеран.

Озабоченный своими делами, о которых Валеран не имел представления, наивный выпускник оттолкнул прекрасную вазу со свежими фруктами, которую ему протягивал красивый стилизованный андроид, и спросил почти с отчаянием:

- Как вы думаете, он придет? Я смогу поговорить с ним?
- Придет ли он? Конечно. Не может быть праздника Производства без командира эскадр, вы это знаете так же хорошо, как и я. К тому же, он должен представить народу Сигмы, достаточно ослепленному всем этим, настоящую принцессу с Земли...
- Да, Астрид Еврафриканскую или что-то в этом духе...
- ...Но вот поговорить с ним... Ведь к Ингмару, выполняющему свои высокие полномочия, подступиться еще труднее, чем к императорам древней России...
- Но я должен поговорить с ним!

— И вы поговорите с ним, — подтвердил Валеран с самой естественной непринужденностью. Температура у него все поднималась, мир вокруг был красным и желтым. Было бы весьма забавно приблизиться сейчас к великому Ингмару среди всех этих языков пламени: «Ваше могущество, сиятельство, честь, идущие на смерть приветствуют вас! Вот юноша, который будет убит в первом же бою, и вот я, задетый черным крылом во время выполнения сотового задания... Сотового или девяносто девятого? Неважно. Все равно все мы умрем. Чтобы жила Земля или Сигма? Что же, во всяком случае, Земля уже мертва, но пусть живет этот отросток, отделенный от своего тела, привившийся здесь, изменивший свою структуру, как трансплан...»

Таким образом думал уже зараженный, невидимый Валеран. К счастью, никто его не слышал: музыка и алкоголь притупляли телепатические способности присутствующих. А другой Валеран, который стоял у пирамид фруктов в своей космической форме с арктирианскими звездами, добавил рассеянно:

— Боюсь, я немного забросил вас на этом шарике. Но я ничего не мог сделать, дорогой Аирт, служба есть служба. Но сегодня я постараюсь расплатиться сразу за все: я представлю вас адмиралу-префекту.

- О, спасибо...
- Но — внимание. Вы слышите удары марсианских литавр?
- Это он?
- Нет еще. У Ингмара Кэррола отменный талант режиссера:

он является как Бог, если верить Моисею. Сначала гром, цимбалы и литавры, но это еще не он. Затем вспышки, толпа ошелевших репортеров с космовидения, вращающиеся камеры, но и там его нет, и громкие речи, но и тут его еще нет. Но, как только наступит тишина, вы увидите...

Они остановились и повернулись лицом к заливу. Отблескивали хризопразы на стенах. Светился дворец. Эспланада была сейчас сценой, где должен был развернуться престижный спектакль. И декорации тотчас стали такими, какими им предстояло оставаться в летописях веков — с их водоворотом архангелов, престолов и сил...

— Навязчивая идея, — сказал Валеран. — И все это под Библию, все под потерянный рай. Такова сила земных легенд — и через десять тысяч лет арктурианский эскадренный адмирал появляется в обстановке... небесного Иерусалима. Ба! Мне не следовало бы хулиг верность традиции. Восстановленные фрески Микеланджело прекрасны...

Гром фанфар и цимбал улегся, как морская зыбь, постепенно затихали приветствия, и, наконец, Валеран смог сказать, коснувшись локтя молодого человека:

— Смотрите. Вот Ингмар Кэррол, землянин.

Айрт смотрел во все глаза!

У человека, который появился на первой террасе, не было ни властного подбородка, ни пышной шевелюры, ни рекламной улыбки. Он был одет в простую форму космонавта, шел с достоинством и, было заметно, — с уверенностью в себе. Он появился в свете прожекторов с высоко поднятой головой, и Валеран едва удергался от крика — адмирал был не один. Совершенной формы женская рука покоялась на его запястье, и для тысяч местных жителей и землян, которые опустились на одно колено (так гнется рожь во время бури), эта рука была связью, союзом, а также символом первенства, которое Земля отдавала Сигме. Так вот в чем заключалась высокая политика великого деятеля. Именно это и было его целью, когда он решил воскресить мертвую! АСТРИД... Валеран отпрянул, увлекая за собой импульсивного юношу, который дрожал, как лист. Они чуть было не затерялись в толпе, волнующейся, как океан, но Айрт грубо вырвался:

— Ну, что, — сказал он, — вы же обещали представить меня адмиралу?!

Мне надо поговорить с ним, передать ему... У меня послание от его сына... — и уже глухе, — космос! Какая она красавица! Это принцесса Еврафриканская, да?

— Да, — ответил сурово Валеран. — Это нечто, которое носит очень славное имя. Это сгусток серого вещества, заключенного в черепную коробку совершенного андроида, и если ты сделаешь

хоть шаг в ее сторону, тебя испепелит излучатель первого попавшегося гвардейца.

Однако, это объяснение опоздало — у подножия имперской лестницы возникла какая-то сутолока. Воспользовавшись всеобщим вниманием, обращенным к террасе, из толпы выскочил какой-то черный человек, он размахивал круглым предметом размером не более зажигалки. В свете многочисленных огней было видно его мертвенно-бледное перекошенное лицо с тяжелыми веками. Валеран почувствовал, что сердце его будто зажали в железные тиски: да, вот оно! Он ждал этого, но ни за что на свете не мог бы шевельнуться...

Охранники оказались находчивее, особенно один, который бросился вперед и, сбив злоумышленника с ног, навалился на него своим телом...

Страшной силы взрыв разбросал на тысячи метров изуродованные тела вперемешку с золотыми гранатами и украшениями из драгоценных камней. Какое-то время мрак был таким густым и непроницаемым, что Валеран, отброшенный воздушной волной, не знал, сбил ли он в падении Айрта и жив ли он сам...

XVII

— Не двигайся, — сказал Валеран. — У тебя всего лишь сотрясение мозга, но очень сильное. Тебе необходим покой.

— Они убили?.. — спросил Айрт взволнованно.

— Убили кого? Ингмара Кэррола? Его не убивают, он выпутывается. Нет? Тебя ведь волнует не его судьба?

— Так они убили ее, принцессу?

Ральф долгим взглядом посмотрел на огромную рухнувшую статую, на «молодого зверя», который, лежа на больничной койке, напряженно ловил каждое его слово.

— Нет, — сказал он спокойно, — ее тем более нельзя убить. Ее Императорское Высочество принцессу Астрид Еврафиканскую невозможно даже ранить.

— Вы лжете! — крикнул Айрт. — Я видел кровь у нее на пласти... Я бросился вперед, а вы удержали меня... будьте вы прокляты!

— Молодой дурак, — холодно сказал Валеран, — я просто помешал вам взлететь на воздух вместе с дюжиной охранников, от которых не осталось и следа. Вся эспланада и лестница были одной ловушкой. И вам еще везет, что вы неподвижны и с сотрясением, иначе я научил бы вас вежливости. А теперь слушайте меня, какое бы страдание это вам ни причинило — при гангрене

надо отрезать зараженный орган... Нет, принцесса Астрид не убита, не ранена (а вам, может быть, где-то подсознательно и хотелось бы, чтобы ваш короткий роман закончился так красиво...) С нею не может произойти ничего такого по очень простой причине: то, что осталось от принцессы, заключено в платиновую капсулу, почти неуязвимую. Эта прелестная девушка — биоробот.

— Вы лжете!

— Во имя космоса, это правда! И вы можете сколько угодно выходить из себя, или блевать, или плонуть мне в лицо — это ничего не изменит. Я сам присутствовал при операции, она заключалась в отделении самого мозга, то есть в выводе из пострадавшей черепной коробки серого вещества, довольно хорошо сохранившегося, и в прививке его прекрасному биологическому андроиду. Не затыкай уши, я тоже так сделал первый раз, в тот день, когда от меня потребовали согласия на эту операцию. О! Она была проведена блестяще! Самые видные хирурги, психиатры и физиологи Двойной Звезды участвовали в ней, это их триумф. Но, после того как мозг извлекли, мне его показали, это серое вещество... Конечно, оно было уже в капсуле. Это была небольших размеров студенистая масса, немного кровоточившая, в обычных условиях она уже давно сгнила бы, может быть, в ней уже начался этот процесс, если бы ее вовремя не консервировали, предназначая для искусственной биологической системы, стерильной и совершенной. А сверху — застывшая маска. Конечно, все это способно на восприятие, на реакции, на все проявления высшей нервной деятельности. Биороботы, освобожденные от кучи ненужных мускулов и жира, бывают очень умными. А иногда — телепатами. Способными загипнотизировать несчастных людей, запутавшихся в своих проблемах, и наполнить их головы прекрасными и логичными мыслями — что произошло и с тобой, я думаю. В самом деле, мне кажется, что в течение получаса тебе пришлось пережить невероятное событие, довольно неприятное: ты стал объектом амурных экспериментов биоробота. Ты почувствовал себя умнее, чем когда-либо, да? Сильнее, неотразимее, несомненно... Это потому, что она того хотела. Для чего? Может быть, просто чтобы осознать свою власть над живой материей... Это, должно быть, опьяняющее здорово для мертвеца — командовать, руководить живым человеком! Если только... Видишь ли, биороботы способны на настояще человеческое чувство, женщина даже может родить посредством своего андроида, как это делали инкубы и суккубы в Средние Века, когда они использовали свежие трупы, чтобы приблизить к себе людей. А что же получалось? Другие чудовища. Еще худшие? В этом можно не сомневаться. Однако, ты сам убедился — биоробот сознает свое состояние, а уж ее-то мозг всегда был добродетельным. Именно поэтому она и покинула тебя так неожиданно, как

только ты заговорил о живых женщинах с Земли... Астрид мертва. И она знает об этом.

Валеран склонился над неподвижным, бледным, как смерть, юношем, которого, похоже, покинули последние силы.

— Ты можешь проклинать меня,— добавил он.— Но я уверен, что так тебе будет лучше. Сейчас тебе сделают успокаивающий укол, и ты уснешь. А завтра мы поговорим серьезно.

— Вот микрофильм, который ты хотел передать Ингмару Кэр-ролу. Он лежал под тобой там, на площади. Могу я его прочитать?

Айрт кивнул и закрыл глаза.

И Валеран, уже в одиночестве, окунулся в то, что стало для него «самой длинной ночью в его жизни».

Сначала он нагрянул к Арцесу Самаррскому, тому самому патологоневрологу, что оперировал Астрид — лучшему специалисту Двойной Звезды. С тех пор между ними, такими разными людьми, завязалось нечто вроде дружбы. Арцес был невероятно худым и бледным до синевы, но черноволосые арктурианцы могли позволить себе роскошь быть некрасивыми. Это делало их более человечными, хотя они сохраняли свое очарование. С точки зрения интеллекта Валеран признавал в нем «единственный светлый ум в созвездии, которому не было свойственно всеобщее разочарование в жизни».

Принц обрушился на него, как ураган, опрокинув по пути в кабинет какую-то психотерапевтическую установку и приведя в совершенное смятение группу хорошеных служительниц-андоидов. Упав в одно из сигмийских кресел в виде раковины, он потребовал провести общее исследование его организма: анализ крови, радиографию и все такое. Арцес ни о чем не спросил у него — он был слишком хорошим телепатом. После серии изнуряющих тестов он степенно объявил:

— Чумы у вас нет.

— И все-таки...— начал Валеран, еще обнаженный, весь в следах от уколов.

— Вы сделали все возможное, чтобы заразиться, это ясно, и даже, насколько я понимаю, сделали плохо подготовленному для этого человеку какое-то признание, которое могло бы его убить.

— Но не мог же я оставить его в таком состоянии! Ведь этому юноше и так сделали слишком много зла. Я не мог уйти, оставив его под влиянием мертвой...

— История вашей совестливости меня не касается.

— У меня была лошадиная лихорадка!

— Ну и что? Вы, наверное, подцепили где-то одну забытую болезнь — малярию, но против нее достаточно средств. А что касается чумы, «эпидемической лихорадки, которая проявляется в виде бубонов, опухолей и так далее», то у вас ее не может быть, и

вы это знаете. Ваша мать была одной из первых жертв эпидемии, она как раз болела, когда вы родились, поэтому вам как бы автоматически сделана прививка.

— Однако у меня было немало симптомов...

— Лихорадочное состояние, сыпь под мышками, головная боль могут быть симптомами многих других заболеваний. К тому же почему вы должны были подцепить именно Язву?

— Я был на Земле.

— Но ведь уже не первый раз.

— Вот именно,— подчеркнул Валеран.— Вот что вам непонятно: другие добровольцы, тысячи, отказались после первого же полета. И не помогает мысль о том, что у нас совершенная защита, и что наши корабли ждут нас. То, что происходит там... непреносят. Никакие нервы не могут этого выдержать. Так я думал в первый полет и думал абсолютно искренне. Но я говорил себе, что должен Земле больше, чем другие, что мои предки правили ею, и я вернулся...

— Вот прекрасный пример верности долгу!

— Долг, Арцес? Да вы насмеяетесь надо мной! Долг! Под Двойной Звездой это значит — сочинять как можно более благозвучную музыку, заниматься живописью, это... а, ладно. Во всяком случае, здесь не считают своим долгом ходить по грязи и крови, по лицам мертвцевов. А я это делал. Это было необходимо.

— Мне вас жаль.

— Да, вы способны на это, но не в том смысле, как представляете. Когда первый порыв подавляется, все это делается даже слишком легко. Вы, ангелы с Арктура, никогда этого не поймете. Я полагаю, что абсолютное незнание зла, которое способствовало вашей славе, вызовет ваш крах. Но, если Земля уже опустилась в эту бездну...

— Да-да. Продолжайте.

— Не надейтесь, что вам удастся сделать психологический анализ моей личности, Арцес! В мире, где мы живем, Фрейд или слишком стар, или слишком молод. Ну, эти его знаменитые 60 секулярных символов и прочее! Все это применимо только к Земле. Какой арктурианец мог бы мечтать о шахтах, о шкафах или о палках?

— Мы мечтаем об озерах и цветах.

— Это поэтично и ничего не значит, ведь у вас нет ни стыда, ни желаний. Но оставим это, к сожалению, речь идет не о мечтах. То же самое различие проявляется в наших моральных воззрениях и в том, что называют религией. Ведь Земля — единственное мес, то во вселенной, где появилось понятие греха, порчи, заложенной в нас так глубоко, что седой патриарх и молодая мать, король и ребенок, едва родившись, одинаково расположены к ней. Арцес,

я полагаю, что это семя зла, эта порча, существуют в каждом землянине. Именно в этом и заключается наше отличие от всех других гуманоидных рас. Иногда или часто это зло дремлет, оттесняется на задний план тонким слоем запретов, табу, цивилизованностью. Но оно может в любой момент проснуться, и тогда мы пропали.

— Один из ваших мудрецов говорил, что в каждом землянине есть ангел и насекомое,— пробормотал Арцес.— И возвращается это насекомое до уровня сладострастия¹.

— И это тоже, но не это главное. В этой области резвятся различные нимфы и кентавры. А земляне носят в себе более серьезное проклятие, само воплощение зла... такое неизлечимое, что они поверили, будто Бог должен умереть, чтобы искупить их грехи.

— И вы познали это?

— Да.

— И это?..

— Ходить по лицам мертвцевов, Арцес. И находить в этом удовольствие.

Наступило молчание. Арцес смотрел на Валерана, на красивую мертвенно-бледную маску с налитыми кровью глазами.

— Симптомы болезни не соответствуют вашим переживаниям,— сказал он наконец.— У вас не чума.

Валеран оставалось только покинуть его и пойти к священнику.

В глубине окраин Самарры, на краю космодрома, еще оставалось множество небольших церквушек древних религий, которые существовали в неустойчивом равновесии, благодаря тому, что было в них несовместимого и редкого, пришедшего из глубины веков: жалости, надежде, мелкой благотворительности. Валеран был знаком с одним космонавтом, который стал монахом, следя древнему и суровому обычью. По слухам, он отошел от мира, испытывая муки совести, после того, как в ходе одной из войн уничтожил целую планету, населенную гуманоидами. Это несущественное обстоятельство обнаружилось позднее, и было довольно странно, что он так сильно переживал. Монах жил в корпусе старого звездолета, и власти относились к нему снисходительно. Он выглядел довольно живописно и привлекал внимание многочисленных туристов, довольных, что можно свободно заснять на пленку «остатки тотемических заблуждений жителей Земли». Нос корабля выглядывал из холма, образовавшегося при его падении. Отшельник почти не выходил оттуда — дети с городских окраин приносили к его двери миски с едой, к которой он почти не притрагивался: для пропитания ему надо было немного...

Но Валеран знал его еще в те времена, когда он, блестящий

¹ См. «Братья Карамазовы» Достоевского.

молодец, больше походил на свободного корсара, чем на приличного космонавта Двойной Звезды. Их корабли бок о бок сражались в глубоком космосе, оба они участвовали в невероятных экспедициях на неисследованных планетах... Этого человека звали Фрэнк Лоран. А потом, постригшись, он принял имя брата Франциска.

Когда Ральф позвонил в колокол у входа в берлогу, монах почти тотчас появился на пороге, одетый во власяницу, с босыми ногами, с факелом в руке, похожий на призрака. Казалось, он не узнал своего старого товарища. Блуждающие ужасные зеленые глаза его словно фосфоресцировали на грубом лице, вырезанном, казалось, ножом из сухого и темного дерева. Жесткая, уже начавшая серебриться борода его спускалась до самого пояса.

— Ты хочешь исповедаться? — спросил он резко.

— Да.

— Тогда входи. Но не думай, что ты на приеме у психоаналитика, здесь этим не занимаются. Я не могу терять время на жеманство. На колени. Говори.

Подземелье, которое открылось глазам Валерана в оставе демонтированного корабля, напоминало гигантский желудок доисторического китообразного, было сумрачным и пахло запахом дикого зверя и ладаном. Чтобы полностью уподобиться своим древним предшественникам, монах-космонавт содрал пластиковую обшивку с переборок и стен и забил люки и иллюминаторы. Сам он спал просто на ворохе сухих листьев, а паломники, которых он принимал, должны были становиться на колени тоже на голом полу. Для исповеди он воскресил церемониал, который относился к первым векам Новой эры. И Валеран, преклонив колено, сказал, в соответствии с обычаем:

— Простите меня, святой отец, я согрешил.

— Сколько раз, сын мой? — спросил анахорет.

Валеран чуть не задохнулся от смеха, он тотчас вскочил, и монах взмущился:

— Ты пришел сюда смеяться надо мной? Смеяться, да?!

— Нет, — сказал Валеран, — но это твоя ошибка. «Сколько раз?» Как будто у прилавка короля-торговца... Ты действительно думаешь, что сейчас те же времена, когда пять Pater noster и Ave Maria¹ выкупали души в соответствии с их грехами? Если уж ты взялся излечивать души, а я решил каяться, выслушай меня внимательно: сначала я был участником всеобщего греха против Земли. Я был послан на эту планету, чтобы собирать информацию и спасать то, что еще можно было спасти, все, что казалось пригодным для арктурианцев. Я улетел, как все мы улетаем, под зна-

¹ Католические молитвы.

ком Двойной Звезды, не задавая себе вопроса, куда же мы летим, потому что мы были призваны на действительную службу, а эта служба — наивысшая добродетель, и наше дело правое... Ты сам знаешь, что из всего из этого получается. Но мой путь отличался от твоего. Несомненно, в жилах моих течет более густая кровь, а моя наследственность слишком земная, ибо я почувствовал себя как дома в этом мире грязи и огня, я привязался к людям, которые убивали и умирали. Ведь это неправда, что Земля и вся вселенная разделены на два лагеря — невинных жертв и палачей. Они есть в обоих лагерях, но на самом деле я предпочитал тех, которые убивали, так как их жертвы часто бывали слишком глупы, слишком легко давали себя уничтожить. Казалось, они только этого ждали и блеяли... И как хорошо, что пространство становилось свободным!

— А убийцы были хорошиими?

— Они просто были. Не забывая, что были это, в основном, официальные убийцы, как, например, твои собратья-инквизиторы или платные палачи. Я сам — благородных кровей, но признаю в них еще более древнее и глубокое благородство: благородство хищника. Оно восходит к началу начал. Я различал в них иногда пугающий и соблазнительный образ, облик Соблазна, того самого соблазна из Библии, Первородного.

— То есть, ты познал Сатану?

— А почему бы и нет, в самом деле? Нам понадобилось завоевать космос, чтобы узнать, кто были серафимы Содома, и что такое битва ангелов... то есть молнии, гром и тяжелое вооружение Святого Михаила — я думаю, что они использовали корабли устаревших моделей. Все глухие библейские легенды, все героические эпопеи имеют право на существование. Почему же только противник должен оставаться в забвении? У легионов великой битвы был выбор, почему бы нам тоже не выбрать?..

— Осмеливаешься говорить, что выбрал Сатану?..

— Я выбрал Землю, — запальчиво сказал принц Еврафриканский. — Пойми же меня, я хочу, чтобы она была такой, какая она есть, обнаженная, кипящая страстями, смертоносная, способная перенести самое большое зло и приобщиться к нему! Хочешь знать, как это было? Ты действительно хочешь? Ладно, если ты даже обвинишь меня потом в трусости, слушай: конечно, это произошло на Земле, в конце большого сражения, наши союзники бились с Ночными и, к сожалению, самым жалким образом бежали, сдались, но не спасли свои щкуры. Нет, я не хочу сказать, что это произошло сразу же, что все оказались предателями. Сначала был жестокий бой среди снега и льда на узком перешейке, который отчаянно защищали вооруженные дети. И лед проваливался под ними, предавая, как и все остальное, и дети, зажатые с двух сторон, были перебиты

все до одного на этом льду, красном от их крови... И, как обычно, остается какой-нибудь последний очаг сопротивления, а в нем — женщина с детьми, которые дохнут от ужаса и голода между двумя последними призывами к свободным звездам, к миру живых, к тому миру, который не слышит их, потому что существуют всякие конвенции, рынки, а также потому, что он слишком дорожит своим покоем, своими прекрасными процветающими планетами... Этот очаг сопротивления слабеет с каждым днем, мертвцы повсюду, потому что еще кровоточащие трупы укладывают на стенах — ведь они служат дополнительным укрытием... Наконец этот последний бастion пал, всех взяли в плен и меня тоже. Я отказался улететь с последним кораблем и принял терновый венец героя и дурака вместе с остальными. Тогда...

— Тебя пытали?

— Совсем нет. Иначе все было бы, как с остальными...

Он закрыл глаза. Он вспоминал:

...За долгие дни они уже притерпелись к этой мысли: женщины постоянно говорили об этом — не так, как они обычно болтают о всякой ерунде и о любовных интрижках, но так, как они воркуют во время любви — голосом хрипловатым и прерывистым.

— Я предпочитаю сгореть заживо! — говорила рыжая красотка с длинными волосами. В башне, где они прятались, не было парикмахера и только минимум воды, которую раздавали на расвете и вечером, чтобы утолить жажду и вытереть лицо. К тому же, она вообще была неряха...

— Все предпочитают умереть быстро, — сухо откликнулась бледная блондинка. — Еще неизвестно, чему они нас подвергнут, но, во всяком случае, после все равно умирают. А объявлять вслух безумные желания абсолютно бесполезно.

Это была дочь какого-то важного функционера с Земли, может быть, министра или адмирала, как Кэррол, и она умела вести себя, но по тому, как побелели ее пальцы, а ногти вонзались в ладони, было заметно, что и ей страшно. Ужасно страшно.

— Если последние очаги обороны падут, — продолжала девушка с рыжими кудрями, кусая губы до крови, — я знаю, что буду делать. А вы?

Раньше она была чем-то вроде идола, звездой мирового телевидения — ее обожали, ей льстили, она была известна своими дикими выходками. На затерянных планетах у мужчин пересыхало во рту, когда они видели ее трехмерное изображение. Но она весьма подурнела с тех пор, как началась вся эта заваруха, и теперь вынуждена была ютиться по разным закоулкам. Подобные девицы не созданы для суровых испытаний, к тому же здесь у нее не было косметики. Она старалась не смотреть в зеркала: она все еще представляла себя в обычном бело-золотом великолепии...

— Ведь существуют порошки,— сказала она, нервно соскрябая с ногтей шелущийся лак.— Они почти не вызывают страданий. Холод поднимается по ногам, их больше не чувствуешь, они отнимаются. Потом ложишься, и наступает ночь. Есть еще газы...

— Это преступление против человечности,— сказала бледная девица, отворачивая в сторону свое лицо античной статуи.— Мне кажется, у вас есть дети. Две маленькие девочки. Что с ними будет без вас?

— Вы думаете, что я оставлю Ирму и Лауру этим чудовищным садистам? В городе Б. они заполнили канал головами, отрубленными у молодых девушек. В Т. они повесили на главной площади детей вместе с собаками. И так далее.

— Да замолчите же,— сказала Анна-блондинка.— Вы словно находите в этом удовольствие...

— Да что вы об этом знаете? Может быть. Подождите, когда вас изнасилуют, как женщин из С., восемнадцать раз за ночь...

(Ему очень нравилась эта Анна — за ее бледность, византийскую непреклонность...)

На другой день враги вошли в башню.

Валеран был взят в плен во время последней отчаянной вылазки, от которой он отговаривал, опираясь на весь свой межгалактический опыт. Но земные командиры, непонятно почему, продолжали настаивать. Он был ранен в первых рядах, но огнеметы не тронули его, скорее всего, не случайно. Его привели в их бастион, где стены из трупов свидетельствовали о безрассудной храбости, и где он увидел бесцветных призраков, которых больше не узнавал... Некоторые обезоруженные солдаты плакали. Уже много дней никто не ел, удовольствовались тем, что сосали ремни или белую глину с пола. Еще раньше съели всех крыс. Когда подвели шланг с водой, и она залила красные от крови полы, люди бросились на колени и начали лакать, как животные. Другие промывали свои ужасные раны и этой же водой поливали свои исхудавшие тела...

Около полуночи победители перекрыли воду.

Валерана, как и других, заперли в зловонном каземате. Кругом бредили раненые, у некоторых началась гангрена. В соседнем каземате, куда загнали женщин, одна из матерей задушила своих пятерых детей, а потом вскрыла себе вены осколком стекла. Когда однажды за Валераном пришли те, в своих доспехах из черного пластика, с характерными мертвенно-бледными лицами, Ральф подумал, что должен протестовать:

— Я не пойду с вами! Я землянин!

— Да вы смеетесь,— сказал один из Ночных.— Тогда мы тоже можем посмеяться...

Его втолкнули в кабину лифта. Он едва держался на ногах. Но какая-то черная мазь, которой смазали его рану, делала свое

дело. Боль утихала, горячая волна поднималась к вискам. Должно быть, к антибиотикам подмешали белладонну и опиум. То, что он увидел в зале, напоминало, как и все на Земле, смесь последних достижений машинной цивилизации и нового вида варварства, которое своими корнями уходило в глубь времен. Ведь не напрасно разведчики обвиняли Ночных в том, что они воскресили и развили на Земле древние магии, роскошь и жестокость эпохи, которую они предпочитали: Средние Века Четвертичного периода. Валящиеся повсюду разбитые неоновые светильники, мелькающие в дыму огни факелов, казалось, отодвигали время на века. И во мраке настоящей чарующей земной ночи блестало золото символов и знаков, странных тотемических звериных голов, нарисованных на щитах. На полу валялись шкуры редких животных, кресла были покрыты расшитой золотом парчой и тяжелым сукном, награбленными, несомненно, в каком-нибудь музее. Победители привезли с собой съестные припасы и нашли в городе знаменитые винные погреба. На столах стояли блюда с очень прямыми яствами, которые волновали кровь, и от которых настоящие земляне уже успели отвыкнуть, огромные рыбы с пурпурной и перламутровой чешуей, которые были выловлены в аквариумах, редкая изысканная дичь из разграбленных вольеров, приготовленная с добавлением целебных трав. Все это запивалось крепчайшими винами, от которых исходили древние ароматы — корицы, шалфея, клевера — и редкими ликерами из красного перца и меда. Некоторые бутылки были закопаны за век или два до нашествия, и открывая их надо было накапать туда семь капель оливкового масла, чтобы предохранить бесценный эликсир от порчи...

В древнем очаге, над углами сожженых панелей и мебели, переворачивались на верталах и истекали жиром целые туши, на которых розовела и поджаривалась нежная кожица. Пиршество каннибалов? Все может быть! Здесь учитывались все вкусы, даже самые ужасные. Из толпы смутно доносились обрывки фраз:

— Во имя космоса! Сожжено столько кораблей, сколько на этой Земле нечисти!

— ...Завлеченные в Бездну Лебедя и служащие пропитанием...

— Настанет день, когда все планеты Метагалактики будут нашими, и тогда...

Валерана усадили на одну из длинных скамеек, покрытых церковными стихарями. Свечи из зеленого воска бросали дрожащий отблеск на поверхность стола, и он подумал, с трудом превозмогая усталость и жар, что ему приходится присутствовать на какой-то церемонии потустороннего мира. Сосед его беспрестанно подливал в высокий инкрустированный бокал, должно быть, древний потир. Огонь смутно освещал безобразные, почти животные маски, фигуры неандертальцев, цепи из золота и кристаллов, висящие по-

верх комбинезонов из черного пластика и доспехов; некоторые облачения были совсем уж странными, почти монашескими. И еще отблески пламени золотили обнаженные прелести девушек, которых ласкали так же просто, как убивали. Многие из девушек были очень привлекательны, их буквально увещали награбленными драгоценностями. Совсем еще юная девушка, почти ребенок, спала, уткнувшись головой в лужу из вина или крови, и это было похоже на отрубленную голову с черным окровавленным ртом. А еще здесь были настоящие мертвцы, распростертые повсюду...

Сосед рассказывал о кровавой эпопее, о других случаях резни, о других праздниках, о трупах, вмерзших в лед и в обугленный снег, о взорванных планетоидах и о белых девушках, растоптанных ордой...

— Земные девушки... — повторил он мечтательно, опоражнивая свой потир с вином и наркотиками с Венеры.

— Собака, — сказал Валеран, — что ты знаешь о земных девушках?!

— Красивые. И потом их бросают собакам, как ты говоришь. Если ты человек, то там, наверху, есть одна. Убей ее или возьми ее. А потом ты можешь уйти.

На какой-то момент он приподнялся над столом, на котором лежал, как труп, и бросил на Валерана многозначительный взгляд. Он указал пленнику возможный путь бегства — лестницу, уходящую вверх, в сумерках свода, и в то же время протянул ему под столом короткий обнаженный кинжал. Над пьяной толпой неизвестно откуда поднялся и окреп дружный хор голосов, затянувший странно знакомую Валерану песню:

...Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!¹

Не сознавая как следует, что с ним, Валеран, как лунатик, поднялся. Зал со всеми этими распростертymi гигантскими телами с черными лицами, трупами на полу и перевернутой мебелью был похож на поле битвы. Лоб у Валерана пылал, свежая рана жгла плечо. «В конце концов, — говорил он себе, чтобы успокоиться, — я все равно не смогу уйти далеко, я потерял много крови. А если там наверху и есть какая-то девушка, я попрошу ее закричать, будто я ее убиваю. Но я уверен, что нет никакой возможности выйти отсюда, избежать смерти». Он начал пробираться сквозь толпу врагов, которые, казалось, теперь не представляли для него опасности. Он перешагивал через бесполезные излучатели и мертвые головы. Резкий запах вина, раздавленных цветов, мяса и гнили,

¹ Александр Блок, «Двенадцать».

самый настоящий запах современной Земли, казалось, распространялся вокруг него. Он с трудом поднялся по спиральной лестнице. А там, внизу, рухнули последние преграды или, может быть, победители поняли, что болезнь преследовала их по пятам в резне и в победах, что она злобно торжествует над ними. Оргия переходила в резню, хрипы и стоны сотрясали купол, и какая-то растрепанная девушка, залитая кровью до пояса, бегала прямо по столам и ревела:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем...

Валеран наткнулся на перила, и, чтобы не рухнуть от боли, вцепился в них, но пальцы только заскользили по полированному металлу... В это время он заметил тонкий луч света из-под неплотно прикрытой двери. Он нащупал ее, постучал. Никто не ответил. Однако ему казалось, что он ощущает чье-то присутствие за ней, чье-то дыхание... Толкнув дверь, он неожиданно очутился лицом к лицу с самой ужасной картиной времен земного Искупителя, с давно забытым видением — распятым на стене. То самое ужасное, что изображали прославленные живописцы мрачных времен: разлагающаяся плоть, узлы мускулатуры, терновый венок, надвинутый так низко, что одна из колючек рассекла веко, и было видно белое глазное яблоко. Это страдание наполняло комнату, казалось, сами стены стонали... Валеран зашатался и опрокинул светильник возле двери. Тьма окутала комнату, какое-то невидимое существо отпрянуло от него, и в этой ночи они начали бороться, как проклятые...

Но огонь светильника перекинулся на портьеры, и он увидел, кто молча вырывался из его рук, царапался и кусался. Это была совсем юная девушка с осиной талией. Она так сильно выгнулась, что ее длинные светлые волосы доставали до пола, а острые груди стали видны в вырезе белоснежной туники. Он видел только это — эти волосы утопленницы, эти груди, эти бледные губы, он даже не смог бы сказать, привлекательна ли она. Ощущение тела девственницы чуть не лишило его чувств. Он пробормотал на старинном земном диалекте, который люди вспоминают в моменты смерти и любви: «Душечка, душа моя...», наклонился и хотел сорвать поцелуй с распустившегося цветка.

Но девушка выскользнула, как уж, из его объятий и, воспользовавшись его коротким замешательством, завладела клинком Ночных. Она крепко держала его в руке, направив себе в грудь.

— Еще шаг — и я убью себя! — крикнул детский голос. — Не трогайте меня, я его невеста! — и она указала на ужасный силуэт распятого.

Ральф отпрянул. В самом деле, раньше на Земле был такой

обычай, но это было так давно! Но тут он заметил, что лицо у нее исказилось, а глаза закатились, и он понял, что она безумна, абсолютно невменяема от страха, и, когда он неосторожно протянул руку, о! всего лишь, чтобы успокоить ее, под кинжалом показалась капелька крови... Он повернулся и хотел убежать, но тотчас понял, что опоздал: дверь захлопнулась, и стены полукруглого помещения начали сближаться, медленно, непреодолимо...

Тогда он понял, что угодил в одну из древних ловушек, которые применяли палачи в древнем Риме и в империи инков. Это была камера с движущимися стенами, которые, следуя садистским прихотям, могли раздавить заключенного, загнать его в бездну в середине камеры, или разрубить его длинными косами, которые непрерывно вращались. Девушка продолжала пристально следить за ним безумным взглядом, приставив оружие к своей груди, и тяжелые капли крови падали и разбивались у ее ноги на каменном полу... Круг все сужался, она заметила это и издала душераздирающий крик — она поняла.

— Я не причиню вам зла, — пробормотал Валеран, отдавая себе отчет в том, что голос его мало обнадеживал — он был хриплым и прерывистым. — Не бойтесь, подождите немного, может, не все еще потеряно, они иногда любят так пощутить...

Но в это время огонь, который тлел под тяжелыми портьерами, вырвался наружу длинными веселыми языками, что было вызвано, несомненно, движением воздуха вследствие сближения стен. Густой дым тотчас заполнил камеру, жара стала невыносимой, а стены продолжали неотвратимо сближаться. Ральф был вынужден сделать еще шаг вперед, сознавая, что каждое его движение еще дальше вонзalo окровавленный кинжал, и что девушка не могла перенести мысль об этой смерти, одновременно ироничной и ужасной — быть раздавленной на груди у этого незнакомца, ситься с ним в ожидании ужасного конца... В тот момент, когда ее волосы загорелись, поняв, очевидно, что не сможет убить себя своей слабой рукой, она встала на колени и бросилась на клинок всем своим телом. Она была такая легкая! Но этого было достаточно: сталь вонзла, как в масло. Опустив руки на детские плечи, Валеран даже немного помог ей...

— А потом? — спросил священник.

Валеран медленно приходил в себя после страшной исповеди. Он снова очутился в корпусе заброшенного корабля, и отец Фрэнк с ужасом смотрел на него.

— Потом? Что ж, они оставили меня в живых, как видите. Они были уверены, что я вернусь. Так уверены, что до сих пор я думал, будто заражен...

— А это не так?

— Я ничего об этом не знаю. Арцес утверждает, что у меня естественная прививка с рождения, но я не уверен... Ни мое лицо, ни мое тело никаколько не изменились. Но ведь симптомы болезни не только физические, и я по-прежнему испытываю эту лихорадку, это мерзкое желание все разрушить, как и той ночью. Я являюсь частью этого зла, этой Язвы.

— Однако,— сказал монах, упорно цепляясь за последнюю надежду,— это известно с древних времен: их последнее оружие — отчаянье, наше отчаянье. Святые описывали то же состояние: думаешь, что ты уже проклят, поэтому смиряешься заранее. Но ты не хотел никакого зла этому ребенку, и не ты убил его. Ты ведь не совершил других грехов, не так ли?..

— Кажется, нет,— сказал Валеран странным голосом.— Но у меня такое впечатление, что один я вот-вот совершу.

XVIII

Но сначала надо было узнать, что это за опасность — мутанты.

На другой день он отправился в Центр Мутаций. Так или иначе, следовало повидать Астрид.

Центр по праву превратился в настоящий мозг Сигмы. О ведущихся там исследованиях ходили самые невероятные слухи. Там были собраны самые странные существа, и проводились невиданные, даже немыслимые операции. Научный городок располагался на окраине Самарры, на Изумрудном плато. Белая башня возвышалась над густыми садами, в которых утопали здания лабораторий и институтов. Весь городок был упрятан под огромный атмосферный купол — для опытов требовались строго определенные климатические условия. Арктурианские ученые, собранные в этой цитадели, изучали прямо-таки сказочные области науки: парапсихологию, телепатию, воображение и его ужасные проявления. Говорили, что в этих исследованиях участвовала небольшая группа землян, обладающих особыми свойствами. Едва прибыв на место, Валеран тотчас узнал, что из призрака, каким она здесь появилась, Астрид превратилась в одного из членов этой группы. Он объявил о своем прибытии посредством телепатических волн и получил вежливый ответ:

«Да, принцесса будет рада принять вас».

Его гелико опустился на эспланаду черно-белой мозаики, прямо перед Башней. Ему еще никогда не приходилось видеть эту часть Центра, но в этом визите отражались, как в перевернутом зеркале, другие его визиты сюда. Абсолютное безмолвие царило в этом мес-

те, и в какое-то мгновение Валерану пришла в голову парадоксальная и безумная мысль, что Центр населен одними биороботами... На террасах Башни зажглась гирлянда огней. «Да это же мавзолей, — сказал Ральф сам себе. — Подземелье, пирамида, где спит Мертвая Царевна, которую Ингмар Кэррол вызывает на праздник, чтобы очаровать публику...» Молчаливый робот в голубых разводах повел за собой, и снова это была прогулка по коридорам и залам, на этот раз безмолвным. Открывая обитую атласом дверь, Ральф ожидал увидеть нечто невероятное, какой-нибудь хрустальный гроб, где лежит красавица, трон, зал для занятий физическими упражнениями, ячейки с эмбрионами...

Однако он попал на заседание парапсихического совета, где не было никого, кроме призраков в белоснежных мантиях.

Человек двадцать ученых сидели в креслах вдоль стен. У всех лица были покрыты белой пленкой, некоторые о чем-то напряженно думали, опустив головы в белых капюшонах. Кто-то указал ему свободное место. Валеран подумал, что робот ошибся залом, и шепотом осведомился об этом у сидящего рядом призрака. Тот медленно повернулся к нему: он увидел сияющее лицо без маски. Это была Астрид.

— Тихо, — сказала она, — сейчас все это кончится.

На высоком приподнятом трибуне, спрятав руки в широкие рукава мантии, неподвижный Арцес Самаррский заканчивал свой доклад. Он говорил:

— ...Учитывая эти первоначальные сведения, мы пришли к выводу, что «земное зло» является настоящей болезнью, одновременно вирусной и психической. Вывод довольно-таки противоречивый, но он дает нам основания не терять надежду. Произведем анализ ситуации. Мы знаем, что вирус преодолевает сопротивление вакцины и антител. Однако сделать прививки миллиардам существ — непосильная для нас задача, даже при условии мобилизации всех звезд, особенно при условии, что зараженные противятся этому. Тем более, что Язва может нападать на животных и растения. К тому же, учитывая современное положение, нам нужны шоковые методы. Это приводит нас ко второму определению: физическая болезнь. В докладе, представленном нам Ее Высочеством доктором Астрид, говорится об ультравирусах, имеющих ПСИ. Концентрированный луч таких вирусов, направленный на определенный объект, вызывает цепную вирусную реакцию. Стало быть, у нас было бы преимущество в борьбе с этим лучом до внедрения ультравируса, который лишь на определенной стадии вызывает необратимые нарушения.

Итак, надо бороться. Каким же оружием? Еще раз рассмотрим результаты клинических наблюдений. Мы уже указывали, что некоторые планеты были заражены со скоростью эпидемии; на других

же болезнь распространялась медленнее и принимала менее заметные формы, которые вели к саморазрушению, как, например, в случае с созвездием Волопаса. Наконец, есть и такие, где оно затухает, произведя невиданные разрушения, и это как раз случай Земли. Я опущу пересказ проделанной нами работы в области истории и психологии, которая привела нас к следующим выводам:

- а) на планетах, больше всего подверженных великой заразе, отсутствует высшая нервная деятельность;
- б) на тех же, которые сопротивляются, есть запасы этой энергии;
- в) Земля способна, периодами, перерабатывать эту энергию, причем реакция так же сильна, как процесс заражения;
- г) создается впечатление, что эта реакция в настоящий момент полностью проявила себя. Земля сама производит собственные физические антитоксины. Я имею в виду прогрессивные мутации.

Рука Астрид, легкая и холодная, коснулась руки Ральфа. Но он слушал с таким вниманием, что даже не заметил этого.

— Тебе это интересно? — спросил голос, что был посеребренным эхом другого голоса, который он слышал когда-то давно.

- Конечно.
- Остаемся?
- Остаемся.

— Мутации: общие прогрессивные или патологические и регressive.— Арцес обвел аудиторию многозначительным взглядом своих опаловых глаз.— Мы знаем, что речь идет о простом накоплении, об изменении некоторых наследственных свойств генов, часто в ущерб другим генам. Процесс этот может быть естественным или искусственным, может привести как к положительным проявлениям, так и к отрицательным: двойная полярность естественна для всех вещей. Будучи арктиранцами, все мы являемся продуктом мутаций. Сначала мы думали, что сможем произвольно управлять этим процессом, и тогда началась серия провалов, производство «искусственных гениев», за которых мстила сама природа. Результат: появилась пословица — «Боги стали завидовать героям». Позднее мы поняли, что нужно не создавать, а придавать гибкость и заимствовать. Это принесло успех. Он не идеален, однако, до сих пор мы считали, что будущее за нами. Но теперь речь идет не о нас. Я обратился к нашему собственному будущему только для того, чтобы доказать, что у нашей теории солидная база: можно создать вещество, способное противостоять этой болезни. Вернемся к главному объекту наших экспериментов — к Земле. Эта бурлящая планета стоит на пороге рождения новых видов. И мутанты, которые появляются среди землян, по всем статьям превосходят сферы

кованных гениев Арктура, то есть они бесконечно могущественны и уязвимы одновременно. Среди них встречаются невероятные ясновидцы, которые могут заглянуть в звездные бездны на много световых лет, сверхчувствительные, которые могут брать на себя большую долю людских страданий, телекинезисты, которые переносят материю через пространство и время — кроме того, мы ожидаем новых явлений... Но самые великие среди них и самые потрясающие — тем более, если бы они попали в лапы Ночных — это повелители будущего: создающие вселенную и изменяющие ее. Хочу вас тотчас успокоить: мне ни разу не приходилось встречать представителей этой грозной силы. Но видя, как изменяются нерушимые, казалось бы, законы, как буквально бурлит гиперпространство, что выражается в фантастических открытиях и звездных эпопеях, мы можем догадаться, что их эра уже приближается, что они уже здесь. Что можно сказать об их возможностях?.. На заре развития ядро, взорвавшись, образовало нашу галактику. Но ведь кто-то создал и взорвал ядро...

Голос Арцеса стал тише, хотя дикция оставалась по-прежнему ясной, и Валеран неожиданно понял, что ученый буквально выкрикнул последние слова, как будто хотел, чтобы те его слышали, как будто звал на помощь...

Свой доклад он закончил спокойно:

— Я не утверждаю, что мы стоим на пороге аналогичного процесса созидания, хотя в действительности это непрерывный процесс. Или что это результат какого-то божественного проявления. Но одна очень старая книга, полная символики, называет человека «образом и подобием Божиим». То есть человек рождается от таких богов. И это к их энергии обращаемся мы сегодня, чтобы отбросить Язву в ее логово. Я все сказал.

Пока Белая Башня дрожала от аплодисментов обычно сдержаных арктурианцев, Астрид вывела Валерана из зала Совета. Прозрачная тьма неожиданно опустилась на сады Центра. Горизонт вдали отсвечивал перламутром, пурпурная и голубая листва слегка фосфоресцировала. Два выходца с Земли прислонились к балюстраде террасы. Оба они были высокого роста и отличались совершенной красотой.

— Это не настоящая ночь, — сказала Астрид. — Но мы вынуждены сгущать атмосферу, чтобы получить для наших экспериментов эффект сумерек.

— Вы стали такой ученой, Астрид.

— Можешь обращаться ко мне на «ты», я ведь настоящая Астрид... Это, должно быть, результат невероятной работы нервных клеток, старающихся приспособиться к электрической системе... а в общем, все энергии переходят в одну. И, потом, я много работала над этим: подумать только, четыре года неподвижности! Гипно-

сеансы помогали мне в какой-то мере забыть, что у меня нет тела...

— Нет тела, Астрид?! До сих пор?

— А! Это? — и она подняла прекрасной формы руку и констатировала, — такая красивая ручка для инфузории в пробирке! Да, я привыкла к этому. В определенном смысле, это очень, очень удобно. Эти эластичные ткани не подвержены ни воспалительным процессам, ни гниению, их можно быстро заменить при несчастном случае! Смотри, — и она показала розовый шрам на локте, — эта рука была однажды разорвана взрывом. И ничего не видно, не так ли? Но это только побочное явление. Никогда не стоит забывать, что все тело — это биологическая машина. И что наше настоящее тело — эта куча наследственности, чувственности, бессмыслисти и программ для будущих поколений — когда-нибудь испортится и превратится в перегной, отдавая большому космосу вещества, из которых все мы были сотворены. Те, кто забыли об этом... ведь я, как ты прекрасно понимаешь, не единственный биоробот в Центре... Нас было много, тех, кого спасли, особенно женщин — ведь женщина цепляется за жизнь даже тогда, когда все у нее разрушено, а если она когда-нибудь убивает себя сама, то это потому, что мертв человек, который был ей дороже жизни... Так вот, те, которые приспособливаются слишком хорошо, которые приняли этот эрзац за настоящее тело, они потеряны, и о них лучше не вспоминать.

— ...Но соблазн велик, я думаю.

— Конечно. Но надо прочувствовать это... и преодолеть.

Он хотел спросить: «И вам удалось это?» Пауза. Потом спокойный голос ответил:

— Победителем себя не чувствуешь. Просто чувствуешь себя сильнее. Но все это причиняет страдания.

— Прости меня.

— Это ты должен простить меня: я сразу выдала тебе слишком много информации. Но мне хочется, чтобы ты привык к мысли...

— Что ты не прежняя Астрид?

— Это не такое уж противоестественное состояние, как ты думаешь. Жизнь остается в нас, невзирая на биоэлектрическую схему. Я хочу сказать... если бы кто-нибудь грубо разрушил эту систему, мы продолжали бы жить. О! Недолго, я знаю. Но с возросшим могуществом. Как мутанты.

— Разреши задать тебе вопрос. Мутанты... Ты их видела?

Она рассмеялась:

— Ну конечно. В центре есть целая колония. Зародыш «резерва обороны». Оружие будущего по Арцесу... Но мне кажется, что он преувеличивает их нынешнее назначение. Они стоят на начальном уровне развития. И еще — они лгут.

— Они лгут?!

— Или мечтают, и это превращается в ложь. У них такие определенные мечты! Надо понять их, Ральф! Они приходят к нам униженными, дезориентированными. Они ничего не знают о своих особенностях, о неслышной работе генов и хромосом, которые наградили их дюжиной новых чувств или лишили их чувства времени или боли. Самые исключительные остаются в неведении дольше всего. Они неловки и часто бывают напуганы всем этим. Существо этой породы никогда не может понять, почему лес загорается именно тогда, когда он — или они — идет собирать чернику, а озеро выходит из берегов, когда ему приходит в голову половить раков. Существо никак не может объяснить себе, почему его повсюду сопровождают вулканические извержения, циклоны и революции... Его признаниям обычно не верят, и такой человек начинает обманывать и от этого чуть не сходит с ума: вот откуда берутся явления, голоса, знаки на небе... а также феи, гномы, саламандры. А ведь сам он не виноват в этих катастрофах. Можно этому верить, можно не верить. Иногда люди, подозревающие его в колдовстве, распинают несчастного, сжигают его живьем или пускают ему пулю в затылок. Это абсолютно бессмысленно. Его огромная энергия бессистемно растекается по метагалактике и действует. До сих пор они удовольствовались магией и чудесами, но придет время, когда они начнут играть со временем или заставят пространство сжиматься. Тогда, может быть, нам не нужны будут армии или силы рассеивания, и все будет спасено мутантами или, наоборот, потеряно из-за них...

— А ты бы смогла узнать таких мутантов? — спросил Валеран безжизненным голосом.

— Да. Но пока я встретила только одного. Он почти что напугал меня, а я ведь не робкого десятка.

— И... никто о нем не знает?

— Даже он сам.

Валеран сказал ей, что он, наверное, снова улетит к Полярной звезде, и Астрид проводила его до ворот. Все вокруг было совершенно, словно служило иллюстрацией к самым прекрасным звездным поэмам. Вокруг царили искусственные прозрачные сумерки и неопределенных цветов небо Арктура; сова-Тролль что-то лопотала над солнечными часами, которые показывали полдень в шестнадцать часов... Сигмийский эквивалент соловья проснулся по ошибке среди оранжевых лилий с Андромеды и испустил кристаллически чистую трель над зарослями и решеткой из серебра и платины, на которой извивались изображения драконов Марса и задумчивых единорогов Альтаира. Любая легенда — о Тристане и Изольде, о Беатриче и Данте — здесь могла воплотиться в жизнь. И все могло быть спасено. Но никакое чудо не затронуло возбужденные мозговые клетки, ведь принц Валеран был всего лишь обыч-

ным астронавтом с сигмийской эскадры, который думал, что заражен земной болезнью, а принцесса Астрид — всего лишь биороботом...

И все же, учтивая, что он должен был повести к звездам экспедицию, равную по своему значению высадке в Нормандии или Первому Крестовому походу, она протянула ему руку для поцелуя и, когда он склонился к ней, поцеловала его в лоб. Все шло согласно этикету. Неожиданно Астрид спросила:

— А ваш молодой космический друг сопровождает вас? Ну, этот малыш... Аирт Рег?

— Нет,— ответил Валеран.

Данте помещает братоубийца в девятый круг ада, на первом отделении которого висит табличка: КАИН.

В самарской клинике Аирта поместили в отдельную палату. Увидев входящего Валерана, он улыбнулся ему застенчивой юношеской улыбкой.

Черный принц (его уже начали так называть) присел на край его ложа и прикрыл глаза ладонью.

— Да,— сказал он, встретив взгляд юноши,— я не спал много ночей. Послушай меня и не перебивай, пока не поймешь все: я прочитал твой документ, действительно невероятный. Особенно, если он от Морозова.

— Он сам мне его дал!

— Ну, да. А потом он исчез прямо меж четырех стен прямо на глазах у тебя и у кошки-Тролля. Ты мне уже говорил об этом, когда был в полуబессознательном состоянии. Все это похоже на бред, но документ есть. Что ж, я передал его Ингмару Кэрролу.

— Как мне благодарить вас?..

— Ты ничего мне не должен: это единственное, что я сделал. Только не торопись радоваться, друг мой, новости скверные.

— Он отказывается послать помочь своему сыну?

— Он отказывается верить — вот и все. Но слушай меня спокойно, не волнуйся, ты еще не выздоровел. Именно поэтому я и взял на себя... твое задание.

— Расскажите,— взмолился Аирт глухим голосом.

— Что ж, я попросил заведующего его канцелярией передать ему пакет и еще попросил дать мне аудиенцию. Я был принят. Ты никогда не был в большой приемной? Это место для тайных встреч, где царит атмосфера земного монастыря — стрельчатые окна и мебель из ценных пород дерева...

Продолжая говорить, Валеран понимал, что применяет тактику, восхваляемую в «Низменных инстинктах масс», чтобы наверняка убить всякую надежду. Если бы он просто сказал: «Кэррол не захотел ничего слышать», Айрт был бы потрясен, но не поверил бы. Он, несомненно, вернулся бы и стал требовать ответа у адмирала. Необходимо было лишить его иллюзий, пусть даже путем лжи...

К тому же он хорошо знал этот зал: он столько раз бывал в нем! И не было в нем ничего давящего, он напоминал времена католической Франции или Испании, со всеми этими картинами великих голландцев, с позолоченным полумраком, с фиолетовыми и пурпурными витражами и полированными деревянными панелями. «Эта парча доставлена из Генуи, а этот фриз — из Греции, — думал Валеран. — Скульпторы, которые создали его, обладали глубоким пониманием смысла смерти и возрождения». Вдоль стен стояли кресла, а над чем-то похожим на алтарь висело небольшое, написанное в приглушенных голубых и розовых тонах изображение мадонны, которая походила, по слухам, на умершую молодой Ларцию Кэррол. И, конечно же, было здесь нечто вроде трона на небольшом возвышении.

...Все эти детали были собраны в одно целое, чтобы скрыть ложь и морально убить юношу. Чтобы заставить Айрта поверить, что Валеран действительно видел Кэррола и что тот его выставил.

— Ингмар вошел через боковую дверь без предупреждения. Несмотря на то, что я знаю его с рождения, — ведь он мой крестный отец на Сигме, ты знаешь — я всегда поражаюсь: он не стареет. У него все такое же лицо, будто вырезанное из серо-сиреневого оникса, и стального цвета глаза. Серебро у него в волосах со времена смерти Ларции, его жены. Он был в неофициальной форме. И он сказал мне:

«Лес просит о помощи? Они с Морозовым улетели без моего разрешения. Пусть сами и выпутываются! Я не могу терять на это ни время, ни корабли».

«Но, — сказал я, еле переводя дыхание, — вы же сами финансировали эту экспедицию! Морозов пишет...»

«Морозов — старый дурак. К тому же, они высадились в Бездне Лебедя, на планете с призраками. Все это, — он сделал такой жест, будто отмечал все мои выводы и документ вместе с ними, — сплошные галлюцинации! Одержимые! Демоны! Мы живем не в XIX веке!»

Я попытался еще раз, и это было не просто, клянусь тебе. В конечном счете мне стал ясен ход его мыслей. Передо мной стоял могущественный старик, который нес ответственность за благополучие звезд и планет огромного созвездия! Ведь с точки зрения

всей Двойной Звезды шарик, рупором которого я был в тот момент, представлялся таким маленьким! И таким далеким...

Тем не менее я сказал ему:

«Подумайте о Земле!»

«Что?!»

«Подумайте об опасности. То, что нам угрожает, вызовет конец света. Учитывая уровень культурного развития Земли, которую вы оставляете во власти врага, оно сможет достичь всех обитаемых созвездий. Эти Ночные, которых вы предпочитаете игнорировать, позавчера были в Солнечной системе, вчера — в Бездне Лебедя... Нет, я ошибаюсь, вчера они были уже в Самарре. Это они устроили заговор с покушением на вас в самом центре города, когда вы находились среди своих охранников и союзников. Но знайте, это только первая попытка, они совершенствуют свои ударные силы! Земля умирает, адмирал Кэррол, но и вы сами, и Сигма, и весь Арктур ненадолго переживут ее!» Аирт упивался его речью, и он продолжал, полный вдохновения:

— После этой страстной речи — я никогда не считал себя способным на такую — я пристально посмотрел на него. Он стоял рядом с мадонной, которая была похожа на мать Леса. Какое-то мгновение я думал, что он повернется ко мне, что он отдаст приказ, что направит эскадру... Какая счастливая земная самонадеянность!

Ингмар Кэррол заговорил — и очарование тотчас рухнуло:

«Я думаю, мне следовало бы вас арестовать, принц Валеран. Ваше происхождение и ваше образование служат причиной ваших заблуждений. Вы слишком землянин, чтобы судить по-звездному. Я дам вам задание, которое займет вас. Будьте готовы к отлету. Вы получите мои инструкции на борту. Можете быть свободны».

— И это все? — спросил Аирт.

— Да, все. Он даже не вернул мне рапорт Морозова. И, — Валеран засмеялся горьким смехом, несколько фальшивым, — он чуть не взял меня под арест! Это уж слишком!

— А куда вас посылают, командир? Если только это не государственный секрет...

— Конечно, нет. К Полярной звезде, я думаю. Это место почетной ссылки. Надеюсь, ты полетишь со мной?

— Нет, спасибо.

Аирт полулежал на своих подушках и как будто размышлял о чем-то. Потом он поднял глаза и улыбнулся Ральфу.

— Вы отменный парень, командир. Поверьте, если бы я мог выбирать, я бы последовал за вами. Но у меня другие задачи, и я их слишком долго откладывал.

— Ты можешь служить Земле и у меня на борту.

— Нет, — повторил Аирт. Его голос неожиданно окреп. — Все было хорошо пять лет или два дня назад. Теперь время торопит,

вы это сами сказали: вся вселенная в опасности, а я знаю, чего хочу и что ищу. Вы думаете, что я безумен или слишком самонадеян, но я думаю, что эта мысль просто не пришла бы мне в голову, если бы у меня не было некоторых качеств, чтобы предпринять... то, что я хочу.

— Что ты хочешь?..

— О! Все то же: у з на ть. Это теперь будет легче и быстрее. Только одно мне не ясно. Мы знаем, то Язва — настоящая болезнь, вызванная вирусом-протеином или демонами. Мы знаем, что происхождение у нее внеземное, может быть, даже внегалактическое. Но мы по-прежнему не знаем, как ее победить. Каким способом. Бесполезно убивать Ночных, они просто больные. К тому же, когда постоянно убиваешь, сам становишься одержимым. «Мы должны бороться с болезнью нашим собственным оружием», — писал Морозов. Я хочу найти это оружие. Я хочу узнать, как отбросить зло в его логово.

Возвратившись на борт своего корабля-госпиталя, названного «Надежда», Валеран нашел приказ о выполнении задания, в котором было указано:

НАЗНАЧЕНИЕ: Б е з д на Л е б е д я. ЦЕЛЬ: поиски экспедиции.

Он вышел на край взлетно-посадочной полосы-платформы, за которой вздымались фиолетовые волны глубокого сигмийского моря, и вынул из кармана скафандра потрепанный футляр с микрофильмом, подписанным Кэрролом и Морозовым, документ, который Ингмар Кэррол никогда не прочитает. Размахнувшись, он далеко забросил его в тяжелые волны.

XIX

— Итак, вы вернулись, — сказал мертвенно-бледный тип из «Парадиза».

— Да, я вернулся.

Он осмотрел Айрта с головы до ног, словно оценивая товар.

— Новые нашивки. Вы набиваете цену?

— А что, это возможно?

— Я могу предложить только 20 процентов. Если не экономить на горючем...

— Посмотрим. Для начала покажите ваш корабль.

— Вот он.

Они снова сидели в неоновом притоне, перед сверкающей пирамидой со спиртным и с наркотиками. Снаружи астродром был все той же бездной теней и таинственности. И только Айрт казался изменившимся, постаревшим и двигался медленно, как раненый...

Вербовщик развернул перед ним схему звездолета.

— Его зовут «Скорпион».

— Прекрасное название. И прекрасный корабль. Двигатели линейного звездолета, ничего лишнего и удобная капсула. А скорость?

— Как у арктурианского корабля-перехватчика.

— А какой груз?

— Неважно. И неважно куда.

— Экипаж?

Человек из «Парадиза» оперся своим тяжелым подбородком на руку и посмотрел на Айрта в упор:

— Все системы автоматизированы. Экипаж — это вы и я.

И они пошли осматривать корабль, стоявший, как обычно, у воды в нижней части астродрома. Это была первоклассная боевая машина, рассчитанная для внезапных посадок: с удлиненным корпусом, обтекаемая, снабженная всем необходимым для большого экипажа... военный корабль для туристических прогулок. Первоклассные двигатели. И дьявольское оружие — тяжелые дезинтеграторы. Боевая рубка, оборудованная по последнему слову техники. Максимальная мощность огня.

— На тот случай, если на нас нападут, — сказал мужчина, которого звали Гордаччи.

— Кто?

— Ну, скажем, пираты или призраки...

Траектория первого полета, указанная в бумагах, должна была привести их в Бездну Лебедя.

Был указан и груз, который они брали на борт: ж и з а я п р о т е и н о в а я м а т е р и я.

Но это уже не имело значения.

Никакого.

Они по очереди становились на вахту, и Айрт не понимал, почему в вахтенном журнале он фигурирует в качестве командира корабля, а Гордаччи — в качестве помощника. Но не стоило слишком вдаваться в подробности, ведь Гордаччи был изменником, а сам он — дезертиром. Между ними не было ничего общего, кроме выпивки в «Парадизе» и нескольких ругательств, известных всем космонавтам. Хуже было, что с высоты своего опыта предательства и спекуляции, Гордаччи презирал его, как мальчишку. Но Айрта

это вполне устраивало. Он решил отложить пока что свои проблемы. Аирт был слишком прямолинеен, как и каждый юноша, он жил настоящей минутой. «Скорпион» был хорошим кораблем. Они должны были вспасть потешиться. И звезды пробегали, увеличивались, разбивались о стекло иллюминатора — голубые, красные, зеленые, гигантские и карликовые, иногда сверхновая вспыхивала гигантским пламенем катастрофы — все это было великолепно и казалось невероятным. Он продолжал внимательно следить за показаниями электронного пилота: действительно, они летели к Бездне Лебедя, только, может быть, с небольшим отклонением, которое можно было приписать мерам предосторожности, необходимым для вхождения в созвездие с большой плотностью вещества, с сотнями тысяч звезд и тенью какой-то черной туманности, радиоактивной, несомненно.

Аирту пришлось забыть последние дни, проведенные на Сигме, все вошло в обычный монотонный ритм. Он сдал экзамены, его назначили командиром корабля. И только воспоминание об Астрид обжигало его нестерпимым стыдом...

На самой окончности Галактики, в тот момент, когда они собирались взять курс на Полярную звезду, радар обнаружил какой-то корабль без знака Двойной Звезды и без обычных отличий. Это была огромная масса, которая передвигалась непостижимо медленно. Она как бы дрейфовала. Именно это привлекло внимание Гордаччи, и он позвал Аирта. Тот уточнил:

— Это несерийный. Модель... Вот это да, еще до начала Язвы! Настоящая летающая крепость, которая даже не применяет космическую тягу. И как только эту реликвию занесло сюда? Она направляется прямо к нам. Конечно, мы можем изменить траекторию...

— Изменим, — сказал Гордаччи.

— А зачем?

— А чтобы лучше понять их намерения!

— Это мысль, — сказал Аирт. — Хоть мне и не очень приятно делать вид, что я испугался этого корыта.

Изменив скорость, они отклонились. И медленно, с трудом, крепость начала поворачивать за ними.

— Во имя денебского спрута! — выругался Гордаччи. — Этот старый горшок охотится за нами! Пират, бог мой, пират! И это в зоне арктурианского влияния! Что бы сказал Ингмар?!

Он еще не перестал смеяться, когда на экране внешнего обзора появилось нечто невообразимое. Это было лицо, но надо было еще удостовериться в этом! Лицо земное — отекшее, невероятных размеров, черно-синее, с отвисшими, как у свиньи, щеками.

— А ведь это может быть и задница обезьяно-быка с Шератана, — выразил свое мнение Гордаччи.

Но тут бесформенный рот открылся и выплюнул такие ругательства, которые космонавты никогда не могли бы себе представить, они были одновременно архаичными и отвратительными. Через десять секунд они поняли, что произведенная в императрицы своего летающего ада граждanka Зенон Жаполка требовала, чтобы они отдали ей горючее, вообще все их горючее, а также все запасы продовольствия, иначе «она применит дезинтегратор».

— Давай-давай, моя миленькая старушка! — посоветовал ей Гордаччи. — Если, конечно, ты думаешь, что он у нас карманный. Наши пушки способны палить на дистанции в парsec, тебе это что-нибудь говорит?

Туша, выпирающая с экрана, выразила сомнение по поводу добродетели всех предков Гордаччи и свою уверенность в том, что его поразят самые жестокие болезни, в том числе гнойная экзема с Гиад. Гордаччи вежливо ответил ей, что обезьяно-быки были рядом при ее рождении. «Обезьяно-быки, больные проказой!» — добавил он. Аирт повеселился вспять. Но, заметив его на своем экране, туша отвесила ему такие комплименты, что он покраснел. Что было совсем уж непростительно для вчерашнего выпускника...

— Все это не так интересно, — сказал он Гордаччи. — А что, если нам увеличить скорость? Неплохо было бы поиграть с нею в кошки-мышки.

— Ни в коем случае! — запротестовал Гордаччи. — Мы же не знаем, куда летит эта неряха. А если она сядет в каком-нибудь порту и заявит о нас властям?

— Маловероятно.

— Надо исключить малейшую вероятность.

Не время было спорить. Толстая рожа скалилась на экране, выкрикивала оскорблений и непристойности, которые Гордаччи не без успеха парировал,

Вот как это звучало, в бесконечности, под чистыми арктурианскими звездами созвездия Волопаса:

— Сын дохлой жабы! Недоразвитый пират! Твоя мать...

— Выродившаяся щитовидная железа! Разбухшая бородавка!

— Выродок рогоносца! Лошадиное отродье!

— Космическая клоака!

И так далее...

Потом неожиданно что-то вдруг изменилось на экране, а значит, и в «крепости». Изображение стало неясным, будто вся система стала давать сбои. Однако можно было различить, как людские силуэты бросались друг на друга в неистовом порыве. Одни были затянуты в черный пластик, другие — абсолютно голыми. Аирт смотрел, не помня себя от изумления. Настоящий бой разгорелся на экране «Скорпиона». На какой-то момент туша появилась снова, рыло ее блестело от жира, а черный рот был широко разинут. Она

что-то горланила. Но передатчик ее корабля больше не действовал. На экране, который отмечал ее траекторию, бешеная крепость оказалась совсем рядом со звездолетом. Казалось, ее увлекает последний порыв, от которого как будто даже раскалилась ее обшивка.

Вдруг донесся радиосигнал:

«SOS! Земля! SOS!»

— Что ж, — сказал Аирт, — нам прислали вызов. Гордаччи, к пульту!

Это напоминало сюрреалистический балет.

Огромный корабль, похожий на парализованного кота, вертелся, как волчок, вокруг своей оси. Арктурианский корабль словно стремился убежать от него. На неуловимую долю секунды крупный хищник и стремительный охотник оказались на одной орбите, и тут кашалот выплюнул короткое пламя великанша нервничала. Слишком короткий и плохо нацеленный залп прошел мимо «Скорпиона» и затерялся в пространстве. Однако в этот момент Гордаччи не справился с управлением, антигравитация взбрЫкнула, он был отброшен к противоположной переборке и прилип к ней. Аирт быстро среагировал и включил электронного пилота, запрограммированного на «бой». «Скорпион» прошел совсем рядом с вражеским кораблем, даже не наставляя на него дезинтеграторы. Притянутый к переборке первый помощник испуганно выругался.

Молодой космонавт маневрировал с неподражаемым искусством. Неожиданно из носового отсека «Скорпиона» вылетела и с убийственной элегантностью впилась в борт вражеского корабля раскаленная проволока, неоязаемая, но более крепкая, чем борт любого корабля. Потом другая, за ней — третья; они быстро опутали корпус. Гордаччи, утирая разбитый рот, любовался этими маневрами. «Эти космонавтики, однако! Их кое-чему учат в этом колледже!» В апофеозе опасного и грациозного танца агрессор оказался в плену, и оба накрепко соединенных корабля — «Скорпион» облетал своего противника, парил над ним — были похожи на сказочных химер, на гигантских фосфоресцирующих насекомых.

Убедившись, что пленный корабль не пытается сопротивляться, Аирт остановил «Скорпион» и передал краткое сообщение:

«Ваш звездолет взят в плен. Сдавайтесь».

Ответа не было. Экран заполняли расплывчатые тени. Гордаччи медленно отлепился от своей стенки.

— Надевайте скафандр, — сказал Аирт.

— Зачем это?

— Выходим наружу.

— Куда?

— На добычу. Каждый захваченный корабль является добычей, так?

— Вы сумасшедший, — пробормотал Гордаччи.

— Так что же? Вы не хотите взглянуть вблизи, что она из себя представляет?

— Добыча?

— Нет, эта сучка, которая назвала вас сыном дохлой жабы. Я нахожу это достойным внимания. Пошли!

— Но во имя ста миллионов комет...

— Да в чем дело?!

— Но мы не можем оставить корабль!

— Почему? Я восстановил поле антигравитации и установил робота-пилота в режим неподвижности. Наконец, я не понимаю, разве не вы сами решили начать драку? Ведь надо было помешать этой старой рухляди добраться до арктурианских сторожевых спутников и так далее.

— Это так.

— Теперь, когда добыча у нас в руках, надо ею заняться, не так ли?

— Дьявольщина! — возразил Гордаччи, — что касается меня, я не хотел захватывать никакой добычи!

— Так что же, вы хотели сжечь посудину вместе с теми, кто звал на помощь?! Бездушный раб!

— Не вам... Не ваше дело! — взорвался Гордаччи. — Вас наняли, чтобы вести корабль, а не принимать решения!

— Ага! — сказал Аирт. — Я как раз так и думал. Только, видите ли, я настоящий командир корабля, первый после бога на его борту. И не трогайте ваш карманный излучатель, мой уже направлен в ваше брюхо, а стреляю я быстрее!

— Я не понимаю...

— Бросьте излучатель к моим ногам!

— Но...

— Я считаю до пяти. По счету «пять», если вы не бросите... Раз, два...

— Постойте! — взвыл Гордаччи. — Я вам сейчас объясню...

— Не стоит. Вы думали, что наняли молодого кретина, документы которого должны были замаскировать ваши нелегальные операции. Вы забыли: чтобы получить эти самые документы, надо быть неминимо сообразительнее полного идиота! Я считаю: три, четыре...

Излучатель упал к его ногам. Он толкнул Гордаччи к люку.

— Ваш скафандр. Готово? Хорошо. Пошли.

Сумасшедшая крепость покачивалась в ста метрах под ними. Гордаччи выругался и прыгнул. Аирт не торопясь проверил программу робота-пилота, включил поле искусственной гравитации и, планируя, опустился на нос плененного корабля. Сначала он попробовал вызвать его пассажиров по радио, но ничего не получилось.

На корабле происходило нечто странное. Тогда он направил свой тяжелый дезинтегратор на старинную, даже не моноатомную, крышку люка и проделал в ней дыру.

— Во имя космоса! — выругался Гордаччи.

Перед ними открылась картина немыслимой бойни, даже люк был забит окровавленными и обожженными трупами. Многие из них были мокрыми и обнаженными, будто они выпали из гигантского бассейна, другие были затянуты в черный пластик по моде Ночных. Айрту показалось, что все голые были очень молоды. Их лица были... Ну, да — спокойными, иногда изумленными, невероятно изумленными... Едкий дым наполнял носовую часть корабля. Выведенные из состояния «пониженной жизненной активности» ударами и толчками корабля, пленники пресловутой «Летающей Земли» взбунтовались...

В коридорах царил такой же беспорядок. Почти все металлические детали полуразрушились: Айрт и Гордаччи пробирались через обломки автоматов, через выпотрошенные тюки с кучами невиданных драгоценных камней, с бесценными древесными волокнами с Сириуса и с остатками венерианских наркотиков. Каким бы странным это ни казалось, кукольная крепость еще ухитрялась заниматься разбоем...

Наконец они дошли до порога командного поста, где бой еще продолжался. Дым здесь был таким густым, что Айрту скорее показалось, чем он увидел на самом деле, что за баррикадой из трупов мелькнуло три или четыре пресловутых черных комбinezона. Ночные? Айрт побледнел, ему в первый раз довелось встретить врага лицом к лицу. Гордаччи попятился, но тотчас почувствовал меж лопаток короткий ствол беспощадного оружия. Он пошел дальше рядом с Айртом, отвратительно ругаясь, как вдруг чей-то голос за баррикадой из мертвецов позвал его по имени, вернее, по тому прозвищу, которое он носил в подпольной организации. Приподнявшись на коленях, огромная масса, маячившая в глубине рубки, разразилась сумасшедшим смехом:

— Вот это да, сын дохлой жабы и архангел оказались нашими! Вот это да! Вот это да! Вот это да!

Несколько излучателей ударили разом, и Айрт понял, что они были со стороны осаждающих — они в этот момент возобновили натиск. Рядом он заметил очень красивую обнаженную девушку с длинными черными волосами, она целилась и палила именно в тушу, которая в то же самое время беспорядочно опустошала свой излучатель в сторону противника. Она попала и в Гордаччи, и тот согнулся пополам и рухнул, как марионетка. Девушка тоже выронила свой излучатель, зашаталась, закрыла руками лицо и медленно опустилась на пол. Кровь ключом била у нее из виска. Айрт подхватил ее. Затем он быстро опустился за баррикаду из обгорев-

ших, искромсанных трупов и тоже начал палить, впрочем, довольно беспорядочно. Однако черные силуэты падали один за другим.

В этот момент туша вылезла из щели в баррикаде из трупов. Она с трудом ползла в луже черной крови, если только это не был ее растаявший жир... Она еще не смирилась: «Вы все ничтожества и всегда будете ничтожествами, падаль вы все! Я вас ненавижу!» И она плонула в уже посиневшее лицо Гордачи. Затем она рухнула и забилась в такой ужасной агонии, что Айрт не выдержал и отвернулся. К тому же, девушка с длинными волосами тоже готовилась испустить дух. Она пробормотала:

— Марса... меня зовут Марса... Мы возвращаемся на Землю, да?

— Да, — отвечал Айрт, поддерживая у себя на плече безжизненную голову. — Вы видите ее, да? Вот она сверкает перед вами в своем лазурном облачении...

— Скажите Виллис, — продолжила она... Но у нее не хватило сил окончить фразу, голова ее медленно склонилась набок, и она будто уснула с открытыми глазами. Айрт оттащил ее немного в сторону от других мертвецов и поднялся. Он единственный остался в живых после этой бойни и спрашивал себя — как же это получилось?

Позднее он обнаружил среди трупов одного, потом другого юношу, потом троих взрослых, которые еще дышали. Это был немыслимый труд — перенести все эти безвольные тела к люку, засунуть их в древние тяжелые скафандры, перетащить всех на «Скорпион». Но ему все-таки удалось, и когда в конце концов он оторвался от мерзкой крепости, корабль уносил на своем борту весьма странный экипаж, окровавленный и напичканный антибиотиками и подкрепляющими вливаниями.

Последней заботой Айрта было засунуть тело Марсы в скафандр и выпустить его в бесконечность. Он взял бы с собой и ее, но корабль и так был уже перегружен, а ей уже ничего не могло помочь... Но ему было неприятно оставлять ее в этом летающем гробу, похожем на сам ад.

Это был первый бой «Скорпиона», который вскоре окрестили Орлом, Корсаром и даже Летающим Демоном.

В космосе новости расходятся быстро.

Но они мало волновали Рега, который первое время должен был сочетать обязанности пилота, сиделки и исповедника. Привязанные к своим креслам, пассажиры «Летающей Земли» непрестанно бредили, и Айрт за несколько дней узнал о методах и намерениях Ночных больше, чем Лес, Морозов и сто других исследователей в течение самых длительных экспедиций.

Хотя эти пассажиры попали на «Скорпиона» из баков консер-

вации, где они хранились, чтобы потом служить пищей для чудовищного экипажа, двое из них оказались заражены, и, едва поднявшись на ноги, организовали нечто вроде мятежа. Айрт сидел за пультом — последнее время он держался исключительно на наркотиках — когда они ползком проникли в рубку. Им удалось разорвать ремни, которыми они были привязаны к своим креслам, и теперь они приближались держа их в руках. Положив свой дезинтегратор на колени, Айрт следил за ними из-под полуопущенных век. Они думали, что Айрт заснул, но он вскочил и обрушил приклад своего оружия на голову одного из них — и пристально взглянул прямо в глаза второго.

И тогда он ужаснулся. Он дал себе слово никогда больше не употреблять физическую силу, не пользоваться насилием вообще. Он понял, что ошибкой следователей и инквизиторов было именно то, что они применяли насилие против насилия. Нужно было противопоставлять разум разуму, но в этой области Айрт терялся. Учитывая то, что даже биоробот был способен... Проникнув в мысли одержимого, он почувствовал, что скользит, опускается в ад, царящий в душе этого человека. Это было даже ужаснее, чем он мог себе представить: он попал в мир безумия, в затерянное подземелье, где развились и переплетались жажда убийства, ненависть и отчаянье. Он пробирался среди чудовищных картин и преступных желаний. В то же время он заставлял себя думать о другом: «Земля, лазурная планета. И эта девушка, которая погибла, прикрывая меня огнем своего дезинтегратора... которая звала подругу или сестру. Мужская дружба с отцом и его безнадежная лояльность. Диана. Мама. Тщедушный ученый, который смертельно рисковал в черной бесконечности, чтобы победить Язву...» И вдруг у него появилось впечатление, что он выбрался из адской неразберихи последних месяцев, выбрался на твердую землю, что он больше не одинок в этом водовороте мрака. Ведь были и другие непобежденные: его отец, Морозов, Лес Кэррол. И мутанты... Да, ведь были еще и мутанты!

— Можно еще спастися, — сказал незнакомый хриплый голос. Эти слова совсем неожиданно вырвались изо рта его противника. — Другие были с нами. И они бежали.

— Кто же?

— Хелл и Виллис. Да, ее звали Виллис...

— Ну, конечно, — сказал Айрт успокаивающим тоном. — Ведь надо только оказать сопротивление, помешать мраку овладеть нами. И это не так уж трудно, когда вам помогают.

— Да...

— Теперь спите. Вы отважно сражались. Вы победили ночь. Закройте глаза и спите, брат.

— Брат...

Он медленно опустился на пол, выронив свой ремень: он действительно спал. А через несколько секунд Айрт пришел в себя — похолодевший, дрожащий... Ведь он действительно побывал в мозгу другого существа и вынес оттуда такие ощущения, будто побывал на помойке, но вышел, совсем не испачкавшись...

«Только ведь это все ерунда, — сказал он себе. — Борьба один на один. А их миллионы. Необходимо продолжать исследования и эксперименты, сказал бы Морозов».

Второе испытание не заставило себя ждать.

XX

Звездолет Ночных — Айрт обнаружил, что их патрульные корабли довольно пристально следили за движением между Землей и великим созвездием — засек на широте созвездия Лиры, в переменчивых отблесках Веги, ее лазурного солнца, мощный корабль с беженцами. Спектральный анализ показал, что он сам воспроизвел свое горючее и был буквально набит кредиторами и космическими кристаллами. И действительно, это был корабль, который транспортировал привилегированных с семьями. Упускать такую добычу было не в правилах командира корабля по имени Барбаро, которому это имя подходило так же, как хорошо подобранная перчатка сидит на изящной женской ручке. Обычно тяжелые торговые корабли решались отправляться в путь только под защитой арктирианских боевых кораблей, которые встречали их на линии пояса астероидов; в таких случаях Ночные избегали нападать прямо: был приказ до поры не тревожить Двойную Звезду.

Но на этот раз все обещало легкий успех, стоило побороться за груз, да и торговец был один. Перевозивший правителей с Плутона и Нептуна, командир этого звездолета уже начал сходить с ума от противоречивых приказов своих «принцев», все они, казалось, знали космос лучше, чем он. Напрасно он убеждал их подождать конвой — они так боялись мрака, что бросились в космос, очертя голову.

Кроме того, звездолет Барбаро, носящий нейтральное название «Жизель», уже довольно давно безрезультатно бороздил пространство. Теперь, чтобы пополнить запасы в открытом космосе, он ожидал небольшой крейсерский корабль, замаскированный под торговца — «Скорпион» под командой Гордаччи. А эта мелкота опаздывала. Ничего, Гордаччи заплатит за опоздание — организация в таких случаях не церемонилась. Теперь, заметив огромный, слегка освещенный шар, который летел с малой скоростью, Барбаро не мог удержаться. Его боевая машина напряглась. Сфера мерцала на рас-

стоянии в несколько парсеков и как раз начала переход на эксцентрическую орбиту.

Очаровательный звездный пейзаж служил фоном этому трагическому полету. В районе Веги пространство светится голубой прозрачностью сапфира. Необъятный Алтайр, таинственный Лебедь и звезды Пегаса кажутся совсем близкими. Полярная звезда похожа на разбросанное колье из жемчуга.

Если бы у светящейся сферы хватило здравого смысла повернуть в сторону Бездны Лебедя, пиратский корабль, возможно, оставил бы ее в покое. Каждый знает, что происходит с кораблями, унесенными к этому мрачному провалу, открытыму всем ветрам: оттуда выплывают иногда пустые корпуса, словно опустошенные чьим-то дьявольским вдохом, разбитые останки роботов... Но никакое живое существо не появляется оттуда. Однако торговец взял курс на Лиру. Это не очень устраивало Барбаро, но, к счастью для него, тяжелый корабль не мог соперничать с ним; он сошел со своей траектории и неожиданно отрезал путь своему противнику. Предчувствуя близкую и драматическую развязку, торговец сам зажег все огни и показал зеленый и голубой знак Земли. Он прямо показывал свою принадлежность. Даже в свете его прожекторов — они залили ярким светом все окружающее пространство — пиратский корабль, мощный и опасный, как акула, остался темным, как и пристало кораблю тьмы. Встав на благоприятную орбиту, он повернулся к торговцу своими мощными дезинтеграторами, и ударил из всех стволов.

Большой корабль, застигнутый врасплох, повел себя с определенным достоинством. Барбаро подумал, что в последнее время на планетах Солнечной системы научились строить настоящие моноатомные крепости, слишком уж прочные. Кроме того, на торговце стояло несколько тяжелых излучателей, которые ответили, правда, довольно разрозненно, что было для акулы не страшнее роя пчел. Пират был не прочь продолжить смертоносную игру, он представлял себе беспорядок, который царил в этот момент на всех палубах торговца, панику, женский плач, бессильную ярость мужчин, и улыбался. Барбаро был очень старым Ночным, он уже не знал, сколько всяких чужеродных волн или вирусов прошло через него. Во всяком случае, в его натуре оставалось не много человеческого. Он только сожалел, что он не мог, даже с помощью инфравизора, присутствовать при этих тысячах агоний — такие зрелища были ему совершенно необходимыми: он питался ими, как другие — кровью.

Оба корабля врашивались на одной орбите, на расстоянии не более десятой доли парсека друг от друга. Пирату оставалось только включить двигатели на самую малую мощность и наброситься на добычу.

Именно в этот момент на вспомогательном экране появился

еще один силуэт. Контрольное устройство едва успело предупредить Барбаро, который тотчас обернулся и едва сдержал готовое сорваться с языка ругательство: на экране появилось и на полной скорости шло на «Жизель» нечто похожее на швейную иглу. Она летела прямо к месту боя, не отклоняясь ни на пол-парсека, и Барбаро инстинктивно почувствовал, как она опасна...

Летел ли этот корабль из созвездия Пегаса или из Бездны Лебедя? Его цвета были абсолютно нейтральными, он мог принадлежать кому угодно. Несомненно, он был модернизирован — таможенные корабли не могли развивать такую скорость. Только крейсер типа «Скорпион»... Типа «Скорпион»? Командир-пират пристально всмотрелся: да, это и был «Скорпион»! Уже давно не имея никаких сведений о нем, он с облегчением выругался в адрес Гордаччи и занялся исключительно торговцем, обшивка которого, задетая первым залпом, раскалилась докрасна, сверкала и переливалась в вечной ночи... Зайдя с другой стороны, Барбаро дал второй залп.

В то же время, как только демон, орел или скорпион оказался рядом с пиратом, он тотчас включил на своем борту небольшое табло, и Барбаро не поверил своим глазам: это были земные цвета — зеленый и голубой!

«Гордаччи сошел с ума», — подумал Ночной. Но уже ничего нельзя было изменить, и он продолжал вести огонь по транспортному кораблю. Казалось, что теперь нос корабля пылает, но на самом деле это было всего лишь иллюзией... Барбаро позволил своему экипажу сделать небольшую паузу. Он прильнул к экрану внешнего обзора, и уже не мог оторваться от него: вообще-то не было более прекрасного зрелища, чем такие баталии в космосе, чем такие боевые операции, столкновения бронированных масс, изрыгающих пламя и презирающих силу тяжести. Любоваться таким прекрасным боем было последней слабостью и последним остатком человеческих чувств у старого Ночного. И он был вполне удовлетворен — все это выглядело действительно великолепно: пройдя совсем рядом с его кораблем, вновь прибывший разрядил в его носовую часть свои собственные дезинтеграторы. Их мощь недавно была усиlena, и эффект оказался ужасным: броня «Жизели» начала плавиться, загорелась изнутри...

Или это потому, что они находились совсем рядом?..

«Если храбрость бьется у тебя в груди,
На врага ты тотчас напади,
Ты ему не дай уйти...»

Отрывок из древней песни викингов, ставшей гимном кадетов Двойной Звезды, вспыхнул, потом угас в мозгу. Это ничего не значило, но почему Гордаччи напал на него?.. Он взбунтовался и теперь

охотился для себя самого? Или это был не Гордаччи? Все могло быть. Пробираясь ползком по разбитому посту управления, нажимая еще уцелевшие клавиши на пульте, он дал команду открыть огонь оставшимися дезинтеграторами: они были способны превратить в калории наглый кораблик, который атаковал. Но звездолетик, которым управляли по непонятным правилам, исчез с экрана и с орбиты. В то же время на борту торговца появились огненные фонтаны — разрозненный залп, который тем не менее затронул жизненно важные отсеки «Жизели». Воспрянув духом от неожиданной поддержки, он выпустил, наверное, последние заряды своего оружия. На «Жизели» уже не было ни одного действующего механизма, даже сам экран разлетелся вдребезги, когда перед ним снова появился «Скорпион», окруженный белым пламенем своих дюз. Падая лицом вниз в вечную ночь, Барбаро все-таки успел подумать, что не должен жаловаться на судьбу: он всегда хотел, чтобы его конец был именно таким.

.. В это ли время или немного позднее он действительно начал их слышать? Конечно, он всегда видел счастливые сны, в которых вновь встречался с друзьями по колледжу или слышал отрывок из Листа, который появлялся лучом света в этом царстве тьмы... Раньше, на родном астероиде, он частенько располагался на другой стороне шара, в голубой траве, горьковатой и мягкой на вкус и слушал то, что он называл «музыкой звезд». Не имея представления ни о Пифагоре, ни о Птолемее, он заново изобретал их замыслы: прекрасные мифы: голубой бриллиант Веги представлялся шедевром планиметрии, звуковые волны с Юпитера казались небесной музыкой и, как будто пчелки, жужжали в золотом облаке Волос Вероники.

Но то, что преследовало его теперь, не было космической симфонией. Долгие годы в колледже он был одинок. Ужасно одинок. И среди веселых и крепких земных товарищ, которые не знали, и среди арктурианских преподавателей, вечно погруженных в свои кристаллически идеальные мысли. Он остро переживал одиночество, но не испытывал при этом ни горечи, ни разочарования. После того, как Аирт дезертировал, Сигма и вообще все прошлое перестало существовать — он добровольно задвинул их в тень, в самый темный угол своей памяти. А Земля была далеко. После его великих побед многие астронавты примкнули к нему. Среди них был исцелившийся Ночной, его звали Жак Лафон, которого Аирт назначил своим заместителем. Но эти простые и отважные люди были товарищами по борьбе — не более. Теперь он начал чувствовать неизбежное и реальное присутствие или, скорее, логическое существование СВОИХ.

...Бывает так, что в драматические эпохи появляются существа, которые слышат некие голоса. Их считают или не считают безумными. Такого сорта воспринимающий может быть настроен мистически, он может почувствовать путь к спасению... Или поэтом — тогда это вдохновение. Если он не равнодушен к славе и живет в эпоху рационализма, он поверит в свою собственную гениальность, а если чувствителен — в свое единение со всей вселенной...

Однажды Айрт заметил, что уже довольно давно многие лихорадочно направляют в его адрес различные сообщения на самых разных волнах. И это было не более удивительно, чем прослушивание простых радиосигналов, или так же нормально, как обычная земная телепатия. И только вещи, которые доверяли ему эти незнакомцы, были невероятными...

Впервые он почувствовал это абсолютно ясно... — так обязательно бывает этот первый раз — когда одержал победу над отрядом ночных кораблей, и это, как всегда, означало необходимость заниматься разбитыми транспортами с беглецами. Некоторые из них он оставлял на обитаемых планетах, но это не было идеальным решением проблемы. Экипаж «Скорпиона» рос. Хотя Айрт уже давно выкинул весь бесполезный груз: контрабандные товары, излучатели с отравленным лучом, которые как нельзя лучше характеризовали перевозимый груз, места не хватало. Жак совсем недавно доложил Айрту, что они могут принять не более одного или двух человек: запасов кислорода на корсаре не хватило бы для слишком многочисленного экипажа.

Айрт часто проводил время над картой Млечного Пути и любовался Солнечной системой, оранжевой звездой и голубовато-зеленой планетой. Однажды странное легкое волнение сжало ему сердце. И первый голос заговорил, быстро и четко. Он звучал, как серебряные струны:

— Высадиться на Земле? Какой абсурд! На ней не высаживаются, от нее бегут.

Айрт тотчас ответил, не обратив поначалу внимания на необычность ситуации:

— Но не тогда, когда ее хотят освободить!

— Нет! — настаивал голос. — Какая наивность — провоцировать врага с несовершенным оружием в руках. Подумайте об этом. Ведь речь идет не только о вас. Земля завоевана существами, для которых она не более ценна, чем скорлупа пустого ореха; они, не колеблясь, взорвут ее, если почувствуют, что им грозит опасность. Уж в этом я уверена. Я не вижу далеко, но, в с-е-таки, я вижу. Можете вы себе представить будущее без Земли? Я — нет. Но я уже рассмотрела у них в мыслях план, в котором между Венерой и Марсом остается пустое пространство, заполненное радиоактивными обломками...

— Мы не оставим им на это времени! — возразил Айрт. — Мы высадимся внезапно!

— Вы верите, что в космосе можно сохранить какой-нибудь секрет? И так уже полно слухов...

— Мы будем храбро сражаться!

— Другие уже сражались. Другие, которые не хотели или не могли покинуть эту планету. Ведь были целые полки молодых парней, которые целиком погибли в полярных льдах, и эскадрильи кораблей, которые, взрываясь, падали в Тихий океан...

— У них было негодное оружие.

— А другие прилетали из космоса, вооруженные лучше, в надежде спасти самых нужных. Немногие вернулись.

— Потому что они действовали неумело.

— В каком смысле? Они не хотели заливать кровью Землю, и так уже почти безжизненную. Ведь более трех четвертей землян заражены, подумайте об этом! А есть еще животные, растения, а особенно насекомые, все они испытывают невероятные мутации! Эпидемия зашла очень далеко. Появились ядовитые туманы над ущельями, чудовища в океанских безднах, плазма, наконец... Видно, есть общий признак. И пока вы сражаетесь с бесчисленными отрядами чудовищ в образе людей, тайный совет Ночных не колеблясь, применит термоядерную реакцию, чтобы уничтожить этот мир, уже скончавшийся до ядра!

— Они не осмелятся! — возразил Айрт, но холодный пот выступил у него на лбу.

— Нет, они осмелятся. Они презирают эту Землю, из которой они уже высосали почти все, что могли. Ведь в Галактике есть тысячи планет такого же типа, а вы уже знаете, что вид материи не имеет значения. Ночные на Земле могут погибнуть — а Язва останется. Высаживайтесь же на Землю со своей несчастной флотилией, и, вот увидите, она не выдержит и дня! Может быть, это диктуется стратегическими соображениями Сигмы и этого самого Ингмара Кэррола, которого вы проклинаете! Вы будете причиной разрушения нашей планеты, Айрт Рег! Оставшиеся в живых будут проклинать вас до тех пор, пока существуют звезды!

— Вы лжете! — Айрт обрушил свой кулак на приемно-передающее устройство перед собой. — Все это только попытки сбить меня с толку! Откуда я могу знать... уж не пособница ли вы Ночных?! — Сложный и ценный аппарат разлетелся на куски, но это ни к чему не привело: молодой, с металлическим оттенком, язвительный голос еще и рассмеялся нахально, и потом затих, и астронавт с некоторым даже удовлетворением посмотрел на капли крови на своих пальцах...

Жаку, который вошел в рубку своим бесшумным шагом старого Ночного, он попросту указал на обломки:

— Уберите это.

Второй голос заговорил значительно позднее. Это случилось после одной из битв, когда каюты «Скорпиона» были забиты ранеными. Особенно часто встречались тяжелые ранения — разрыв внутренних органов, раздробленные кости, ожоги, которые Аирт и его экипаж не могли вылечить... Люди, вырванные из лап смерти, бредили, а когда приходили в себя, то взгляд их как будто кричал. Другие выли от боли. Бесконечные жалобы и стоны затихали только с угасанием самой жизни, лишний раз подчеркивая ужас всего этого кошмара. Аирт как раз стоял рядом с черно-красным телом человека, у которого была содрана почти вся кожа, когда различил поющий нежный голос, немного хрипловатый, такой реальный, что он вздрогнул и обернулся, чтобы посмотреть, не стоит ли эта женщина рядом с ним.

— Я рядом с вами, — сказала она. — Я попробую что-нибудь сделать. Положите руки на плечи этого несчастного.

Ничего не ответив, он послушался.

Реакция была мгновенной. Измученное тело как будто расслабилось, судороги прекратились, веки опустились на закатившиеся зрачки. Умиротворенное выражение разглядело нечеловеческую гримасу. Аирт, словно зачарованный, продолжал глядеть на взломанную грудную клетку, где билось сердце и дышали легкие. Внезапно сердечная мышца перестала сокращаться, и он отодвинулся от счастливого мертвеца.

— Я не могла сделать ничего другого — только облегчила его страдания, — объявил голос извиняющимся тоном. — Но у того, что рядом, есть шансы выжить. Думайте очень напряженно о его выздоровлении. Думайте о чем-нибудь радостном, ясном: о земном дне, о весне, о зеленых холмах Земли. Ведь это всего лишь ребенок, подумайте о его матери, что осталась дома. Вот видите, ему легче, его дыхание становится ровным. А теперь перейдем к другому, к тому, у которого оторвана рука. И вон к тому...

Аирт как будто в полу забыты двигался меж рядами раненых на полу, и хрипы стихали, крики становились редкими. Но этот второй голос стал слабее и не таким уверенным. Он еще вибрировал у него в ушах, как еле слышная музыка. Он остановился и спросил:

— Вам от этого плохо, да?

Пауза. А потом:

— Да. Это ужасно. Я никогда еще не брала на себя столько.

— Сделаем передышку?

— Это необходимо, — сказал голос со стыдливым облегчением. — В таком состоянии я бессильна. К тому же... ваш экипаж беспокоится.

Аирт обернулся и увидел безграничное удивление на лицах своих людей. Ну, конечно, это было невероятное зрелище: их ка-

питан-корсар, покрытый кровью, с потрескавшимися губами, голос которого еще не успел принять обычное звучание после команд и угроз, вел себя как обычный лекарь! Сам он испытывал огромное желание остаться наедине с голосом. Он оставил раненых на попечение Жака и закрылся в помещении командного поста. Незнакомка молчала, но он чувствовал ее присутствие, успокаивающее и близкое. И вдруг до него дошло: если ему удавалось не свалиться с ног от переутомления, то это потому, что она была рядом во время битвы.

Он спросил:

— Кто вы?

— Мутантка.

— Но мутанты — чудовища... выродки! А вы такая добрая...

— Я не добрая, — возразил холодно голос. — Просто чувствительная. Я ненавижу страдание. При условии, что мутации являются попросту совершенствованием приобретенных наследственных свойств, мы можем эволюционировать как в сторону добра, так и в сторону зла.

— Вы излечиваете...

— Нет. Я беру на себя страдания других. И разрушаю их. Но не всегда это так просто, вы сейчас сами могли заметить.

Она усмехнулась, и смех ее был легким, музикальным, совсем не похожим на победоносную трель первого голоса:

— Предположим, я нечто вроде человеческого антибиотика... Но...

Голос стал удаляться, терять реальность. Айрт крикнул:

— Вы вернетесь? Вы снова поговорите со мной? Вы не оставите меня таким одиноким, таким отчаянно одиноким?!

И он будто почувствовал на своем лице чье-то легкое дыхание.

Потом наступил долгий перерыв. В течение всей новой кампании они не появлялись. А это была победоносная кампания. Айрт начал яснее осознавать стоящую перед ним задачу. Однажды, собрав экипаж своего корабля и включив наружное вещание для других, он сказал:

— Ну, вот. Тем, кто присоединился ко мне из любви к жизни или к приключениям, лучше оставить нас и высадиться на первой же обитаемой планете. «Скорпион» не простой пират, это исследовательский корабль. Мы нападаем на Ночных только тогда, когда нет другого выхода, чтобы освободить их пленников, но особенно для того, чтобы научиться бороться с Язвой. Позднее, научившись, мы сможем выковать наше оружие. И вернуться на Землю. Это будет освобождение.

— Крестовый поход! — воскликнул Жак, бывший Ночной.

Другие согласно склонили головы, и Айрт почувствовал невероятное и абсолютное доверие.

Пассажиры, которых он высаживал на астероидах, расположенных недалеко от регулярных путей сообщения, начали распространять легенду о «Скорпионе», странном скитальце, который хотел бороться — не разрушая, и победить — не уничтожая. Это казалось чем-то невероятным, и в задымленных наркотиками тавернах на окраинах галактики старые космические бродяги пожимали своими широкими плечами.

Но слухи обретали реальное подтверждение. Утверждали также, что Айрт Рег, кадровый офицер космического флота, был официально (но тайно) произведен в корсары Двойной Звезды. Когда он впервые услыхал эту байку из уст принца-торговца, безвылазно сидящего на своем спутнике и продававшего «Скорпиону» горючее за золото Ночных, Айрт только рассмеялся. Но разуверять не стал. Не потому, что хотел подтвердить ложь. Он был мечтателем, и ему, пожалуй, хотелось, чтобы это оказалось правдой...

Еще более странным было то, что со стороны Сигмы не поступило никакого официального опровержения: Ингмар Кэррол бушевал, но торговцы были еще и политиками — ведь у Айрта было уже столько побед! Его имя стало популярным от Пояса астероидов до Большой Медведицы. Ведь совсем неплохо было примазаться к престижу, не заплатив за это... А в случае поражения всегда можно отвергнуть беспутного авантюриста.

Такой и была всегда большая политика великих республик, царивших когда-то на земных океанах, блестящей наследницей которой стала теперь Сигма.

Айрт понимал это.

Но это было ему безразлично... совсем безразлично!

XXI

Голоса всё молчали. Айрт разбил немало приемно-передающих устройств, прежде чем понял, что механизмы были ни при чем. Мало-помалу неудовлетворенность возрастала. «Почему они начали говорить со мной? И почему они замолчали?» Он снова был одинок, больше, чем когда-либо. Другие космонавты обменивались воспоминаниями о Земле, о гостеприимных зеленых планетах. Они рассказывали о своих блестящих или счастливых приключениях, показывали жалкие остатки домашних архивов: микрофильмы, выцветшие фотографии, плохо сохранившиеся письма с расплывчатыми строчками. Один с гордостью показывал домик земного

типа, затерявшийся в джунглях Гиад; другой — изображение усталой молодой женщины, окруженной ребятишками, и старушки с седыми волосами.

Айрту Регу показывать было нечего.

Не имело значения, если этот самый домик больше не существует, если старая дама спала вечным сном под холмом, покрытым сиренью, а молодая — сбежала, оставив детей на попечение служанки. В космосе прошлое и настоящее смешиваются. Труп, выброшенный в пространство со старым любовным письмом в кобуре для дезинтегратора, был богаче, чем Айрт Рег, великий корсар!

— Ты плохо спиши! — повторял Жак, который с паяльником в руках ремонтировал что-то в своем боевом скафандре. И это выглядело очень по-земному. — Я слышу, как ты скрипишь зубами. Это вредно. Почему бы тебе... извини, что я вмешиваюсь в твои дела, но ведь мы на одной «галерее», так. Так вот, почему бы тебе не взять какую-нибудь женщину? Из полуночных, например. Среди них встречаются весьма недурные собой.

— Но я же не Ночной.

— Это не имеет значения. Все они без ума от тебя!

— Ты меня удивляешь, — сказал Айрт. — Напомни мне завести венерианский гарем. Когда у меня будет время.

Он старался вести себя так же, как его соратники, но в душе чувствовал себя абсолютно чужим. «Как будто особый вид гуманоида на планете, заселенной другим видом. Быть сделанным из другого металла и мечтать о полном слиянии... невозможно». Он работал, как машина, брал на себя больше, чем все другие. Однажды, уснув в своем кресле, он увидел кошмарный сон и проснулся мокрый от пота. Все было необычайно ясно и ужасно реально, реальнее, чем стереофильмы, потому что ощущения проникали в его мозг, потому что они терзали его: он увидел свою незнакомку в глубине какой-то бездны в схватке с настигающей ее ужасной опасностью. Она страдала и звала его... Айрт вскочил, лихорадочно расстегивая высокий воротник комбинезона и в отчаянии запустил свои мысли в пустоту:

«Где вы? Кто вы? Я хочу помочь вам! Я не могу, едва обретя вас, тотчас же потерять! Ответьте мне, вы живы, да?!»

«Ну, конечно же, — ответил нежный, немного хрипловатый голос. — Но не впадайте в такое отчаяние, ну же! Мы не можем часто разговаривать с вами — это требует больших усилий, а мы бережем наши силы для решающих событий...»

«О! Это вы! — воскликнул он. — Наконец-то! Как я вам благодарен! Если бы вы знали, как я боялся за вас... Я видел этот кошмар: это чудовищно! Скажите мне, что ничего такого...»

«Ах! — отвечала она, — место, где мы находимся, не вызывает никаких приятных ощущений, но мы столько уже повидали...»

«Так это правда! Вы действительно несчастны!»

«Ну, это уже другая история».

«Так вы в аду. Я не хочу оставлять вас в Аду!»

Пауза. Потом:

«...Во всяком случае, это мой личный ад, и вы ничем не можете помочь мне, — сказала она сдержанно. — Мне жаль, что вы приняли эту волну — она не была предназначена вам».

«Но это был крик, крик о помощи. Когда я услышал его, я был в состоянии сделать все, что угодно... чтобы прийти к вам на помощь! Всю мою жизнь...»

«Послушайте, будем мыслить здраво: вы никогда меня не видели, а мы ведь в открытом космосе. Придите в себя. Может быть, я тысячулетнее чудовище или газообразная амеба...»

«У вас голос земной девушки...»

«У ехидны или сирены может быть такой же».

Ему показалось, что она удаляется. Он так сильно сжал кулаки, что ногти до крови впились в ладони.

«Послушайте, — сказал он, — вы можете сколько угодно насмеяться надо мной, я и сам знаю, что смешон. Но только не уходите! Вы же не представляете, сколько я думаю о вас... и о вашей подруге, конечно же. Это как будто непрерывная последовательность видений. Я нахожусь за пультом управления, но вижу слабо светящиеся лилии, которые цвели на моем астероиде. Мы еще называли их «эховые цветы», — и как будто это в то же время вы... И я вижу ваши глаза, как будто различаю дно в глубине прозрачной горной речки. Они грустны, но с надеждой смотрят в будущее. Вы были несчастны, но это сейчас пройдет, клянусь вам! Каждый раз, засыпая, я запираю вас под моими веками...»

«Вы немного безумны, Айт?»

«Абсолютно безумен. Я не умею красиво выражать свои мысли, а вы не подсказываете мне слова, но мне это вполне подходит, и я говорю так, как думаю. Я хочу объяснить вам, как живу: я постоянно жду весточки от вас. Я прекрасно понимаю, что вы передаете не радиоволны, однако, я десять раз в день вхожу в радиорубку и слушаю. Столько сообщений пересекает пространство! Всех кто-то слушает и только меня... Я ведь жду лишь слова... Радист записывает последнюю сводку: какой-то корабль затерялся в созвездии Весов, орбитальный циклон угрожает всему живому в созвездии Эridана. И я ухожу с опущенными плечами, и мне кажется, что все насмехаются надо мной... Мне надо или покончить со всем этим, или продолжать бороться. Вся вселенная пуста и мертва. И мне хочется умереть. Мне...»

«Я не знала», — сказала она тихо.

«Что?»

«Что вам может быть так плохо. Простите меня, Айрт. Простите нас. Я думала, что у нас, у мутантов, столько сил...»

«Но я не мутант!»

«Что вы об этом знаете? Во всяком случае, я могу обещать: вы теперь никогда не будете в одиночестве. Мы не покинем вас».

...Он придумал ей имя. Ведь они избегали называть свои имена, или указывать местонахождение «ада», в котором они находились. Но голос первой ассоциировался с ударом совершенного оружия... а второй... с журчанием ручейков... Они продолжали время от времени разговаривать с ним — в важные моменты его жизни. Когда он мог спокойно вспомнить обо всем этом, Айрт с иронией говорил себе:

«Вот ведь, в самом деле, что только мне не пришлось повидать: бесконечность и смертельный огонь, горечь и благополучие! Древние пифии слушали своих богов в стенах храмов, а психопаты XX века — в стенах кабинетов своих врачей. А я... Ничего себе! И неважно — нервный ли у меня срыв или разгар боя в созвездии Дракона!»

— Тревога, командир! Тревога!

Его разбудило объявление по интеркому: радары «Скорпиона» обнаружили вдали дикую и героическую резню, в которой участвовали две эскадры. Там был большой караван с Земли — шесть тяжелых транспортников с эмигрантами, эскортируемые отрядом арктирианских линейных кораблей, на одном из которых можно было различить герб вице-адмирала. А еще ночной флот — десяток легких, прекрасно вооруженных кораблей, превосходящих своего врага в мощности и в решительности, сгруппировавшиеся вокруг настоящей летающей крепости. Для «Скорпиона», набитого беглецами, вмешаться в эту драку значило подставить себя под перекрестный огонь. К тому же он мог только ненадолго задержать продвижение Ночных... Айрт жестко усмехнулся и прямо-таки вылетел из своей каюты в боевом скафандре. Он увидел у дверей командного поста очередь из членов своего экипажа. Он вошел. Жак, неподвижный, как Будда, с важной миной записывал на перфоленту корабельной ЭВМ земные имена и адреса.

— Чем это ты занимаешься? — спросил его удивленный командир.

Прежний Ночной посмотрел на него своими грустными глазами:

— Мы не можем им позволить просто так уничтожить эту несчастную толпу? Так надо...

— Надо? — Айрт улыбнулся. Он был горд; пока он колебался, его команда сделала выбор.

— Так вот,— продолжал Жак,— учитывая то, что у нас мало шансов выбраться, был, кажется, такой старинный обычай на Земле — точно не знаю, я ведь родился на Марсе. Они хотят, чтобы уцелевшие знали, кого известить, если они погибнут. Я не мог отказать им. Чтобы ускорить процедуру, я принимаю имена только близких родственников: жен, матерей...

— Но это нелепо! — воскликнул Аирт.— Если «Скорпион» погибнет, как же будут переданы их сообщения?

— Они не подумали об этом. И это, пожалуй, лучше,— пробормотал Жак. Оглянувшись на очередь у двери, он спросил: — Вам есть кого предупредить, командир?..

Эти устремленные на него глаза, эти застывшие лица ждали ответа. И Аирт сказал:

— Запишите: моей сестре Виллис...

Почему Виллис? Какая-то смутная ассоциация. «Действительно,— подумал он,— я не знаю ни ее имени, ни как она выглядит. Если бы я когда-нибудь встретил ее, мы не узнали бы друг друга. А вообще-то нет: я уже знаю, что ее голос обещает нежность, что она облегчает страдания, что она... как живая волна.» Какое-то полузабытое стихотворение всплыло в его памяти. Оно имело отношение к гипноокурсу в колледже, к забытому старинному космическому путешественнику.

...Задумчивая, как роза,
И живая, как фиалка...

«Вот так мы друг друга и узнаем,— сказал он себе.— Это будет нашим паролем». (Он вспомнил о детских играх.) «О,— продолжал он что-то похожее на молитву,— кем бы ты ни была — невидимая, далекая и вездесущая, моя сестра и мой друг — слушай же меня! Мой конец близок, но я думаю о тебе, и я больше не одинок. В этой жестокой и мрачной жизни ты была для меня самой нежностью и лучом света. В этой жизни, где наши товарищи и наши близкие становятся жертвами, где нас преследуют видения измученных лиц, где мы мечтаем только о том, чтобы умереть с честью на нашем корабле, ты оставляешь мне надежду и веру в существование дружбы и мира. Даже если это мираж — спасибо тебе! И я хочу, чтобы накануне этой последней битвы ты знала, что мое счастье не в бою, а возле тебя, моя незнакомая сестра. Однако мне пора».

Тревога!

На экране внешнего обзора появилось изображение колеблющегося пространства, покрытого вспышками и удаленного от них примерно на парсек, где три или четыре арктурианца уже покидали поле боя — разбитые, лишенные управления и, скорее всего, заполненные трупами. Эти корабли затрудняли маневры всей эскад-

ры. Все пространство между Драконом и Лирой превратилось в сплошную бойню. Ночные разгоняли дезориентированный эскорт. Тяжелые транспортные корабли в нерешительности топтались на линии огня. Глубина черного ничто и свечение обнаженных звезд над этим небесным ристалищем, вокруг огнедышащей арены, придавали зловещее очарование всему спектаклю...

Аирт тотчас понял, что все черные корабли применяли тяжелые дезинтеграторы — на этот раз речь шла не о плениении и ограблении беглецов, а о полном их уничтожении. Он тотчас уловил ошибку в тактике арктурианцев: линия конвойных кораблей была слишком растянута, и противник в любой момент мог зайти с флангов. Он выругался: почему же их учили в Астронавигационном колледже?! Жак рядом с ним тоже следил за вращением безумных звезд в черной бездне, как будто это были зерна рассыпавшегося жемчужного колье.

Он сказал:

— Они ведь очень плохо защищаются, да?

Аирт кивнул.

— И мы почти ничего не можем сделать, да? Прежде, чем мы начнем действовать, все будет кончено...

— Если только нам не удастся попасть в орбитальный прилив...

И в этот момент торопливый и прерывистый голос раздался в голове Аирта:

«А вы пробовали подпространство?»

Это было так неожиданно, что сначала он было заартачился.

«Да разве известно точно, что такое подпространство? Это пока всего лишь гипотеза. Его точные координаты и свойства абсолютно неизвестны, а что касается того, чтобы войти в него... В Межзвездном Кодексе написано...»

«Что «там, в принципе, возможно все, но с точки зрения разума немыслимо...» — перебил его первый голос, резкий и как будто с серебряным звоном. — Но ведь вы мутант, не так ли? Вы же знаете, что подпространство является точной копией реальности. Для вас это должно быть достаточным доводом. То есть, вы погружаетесь в него и выныриваете».

«Подожди, Талестра, — прервал поющий голос, — не своди его с ума: он еще не стал «созидающим мутантом». Аирт, слушайте меня: вы должны представить себе свой бросок в уме. И ничего не бойтесь, ваши двигатели выдержат. Мы их осмотрели. И мы с вами...»

«Речь идет не о страхе!» — сказал Аирт.

И он неожиданно оказался в том самом мире, которого гуманоиды опасаются, который они называют «вселенной помутившегося разума», где достаточно усилия воли, чтобы вести звездолет или создать новую звезду. Он сделал это усилие, и бездна пеняющихя

звезд открылась перед ним. И он пересек ее со скоростью молнии, не обращая внимания на невероятные феерии подпространства, на кроваво-красные бриллианты, на пламенные розы, на неслыханные призрачные видения бесконечности. За секунду он осознал все взлеты и падения человечества и то, что термин «божественный» может означать для человека...

В эти мгновения двигатели и системы корабля творили чудеса, космонавты в бесчувственном состоянии склонились на свои пульты, и Жак тоже рухнул на пол рубки с ярко выраженным признаками болезни пространства. На всех контрольных табло стрелки, исполнив какой-то немыслимый, дикий танец, застыли на нулях. И, пробив стены звука, света и еще какие-нибудь, наверное, «Скорпион», еще фосфоресцирующий после погружения в подпространство, внезапно появился прямо между двумя фронтами, в гуще боя.

Четыре из семи арктических кораблей спасти было уже нельзя. От них остались только искореженные корпуса и несколько космонавтов, что успели выпрыгнуть через запасные люки. Однако черная эскадра и по ним прошлась своими огненными лучами. Ее корабли получили всего лишь несколько поверхностных повреждений, и казалось, что судьба каравана решена. «Тем не менее,— решил Айрт,— если Ночных отвлечь хотя бы на короткое время, корабль вице-адмирала мог бы отойти с двумя оставшимися кораблями эскорта и транспортами, а потом и вообще сбежать. Это вопрос нескольких секунд». Судя по знакам отличия, один из кораблей эскорта был госпиталем, другой — «детским садом». Дьявольский корабль-крепость уже догонял их, не обращая никакого внимания на легкий «Скорпион», на котором, судя по виду, не могло быть крупнокалиберных орудий.

Айрт соображал очень быстро, он даже не слушал больше голоса. Он оценивал позиции черных жал, быстроходных и эффективных, и чудовищную массу корабля-крепости. Всего один луч мог бы превратить его корабль в ничто, от него не осталось бы ничего — ни атома металла, ни кусочка человеческой плоти. Поэтому было необходимо в первую очередь вывести из строя именно его, дезориентировав при этом черные жала, чтобы помешать им. Единственным средством для этой невероятной операции было молниеносное поражение командного поста летающей крепости, чтобы лишить ее возможности управлять боем. В том месте, где находился командный пост, вооружения почти не было, а находящиеся рядом отсеки жизнеобеспечения всегда являются самым уязвимым местом любого корабля.

Тактика безумца... У него не было даже одного шанса из тысячи.

Айрт еще раз посмотрел на изображение огромного дьявольского корабля на экране внешнего обзора. Вблизи это была целая планета из сверкающего металла. На носовой части огромными

светящимися буквами было выведено: МРАК. Зеркала солнечных батарей переливались. На какую-то секунду Айрт Рег-корсар снова превратился в маленького мальчика с его прежней безысходностью и отчаянием, которому сейчас предстояло отомстить за своих. Но тотчас же мозг космонавта принял решение: эти солнечные батареи и антенны внешней связи, служащие для передачи и получения информации и были самыми уязвимыми в данный момент. Айрт не мог надеяться на то, что ему своими дезинтеграторами удастся пробить чудовищную броню, но он мог надолго дезориентировать врага...

В то время, как черная эскадра сосредоточила свой огонь на корабле вице-адмирала, а крепость медленно поворачивала в ту же сторону, Айрт бросился к пульту управления и, еще раз воспользовавшись подпространством, очутился вместе со своим кораблем чуть ли не на носовой части противника. И там, открыв огонь из всех дезинтеграторов, он вызвал, как сказал он сам себе, «самую прекрасную суматоху в мире». Неожиданно лишившись управления, черная флотилия беспорядочно закружилась в пространстве, и ее разрозненные залпы затерялись среди бледного свечения звезд... Крепость же, лишенная средств связи с окружающим миром, беспорядочно завертелась вокруг своей оси. Другие корабли Ночных не осмеливались стрелять по дерзкому корсару из опасения попасть в тяжелую взбесившуюся массу...

...На экранах «Скорпиона» на момент возникли изображения упавших на колени земных женщин и детей...

Воспользовавшись нерешительностью врага, транспортные корабли с эмигрантами, которым этот неожиданный поворот событий придал разума и решительности, перестроились на эллиптическую орбиту, чтобы спастись бегством. Два корабля эскорта как бы сожалением последовали за ними, разрядив свои тяжелые дезинтеграторы в сторону черных жал, и только черные обломки продолжали кружиться в пространстве. Лишенная средств связи, с потухшими экранами, крепость все же продолжала палить в разные стороны, попадая в свои собственные корабли. Последовала неописуемая паника, и Айрт успел еще два раза разрядить дезинтеграторы по носовой части своего противника.

Давид сжигал Голиафа.

Заколебались близлежащие астероиды. Кое-где разразились магнитные бури, зажглись полярные сияния, орбитальные сдвиги сотрясали архипелаги планет. Маневрируя в океане излучения, космические корабли превращались в титанов, в существ чудовищных и святых, которые некогда смущали все цивилизации на заре их развития...

У вице-адмиральского корабля хватило мужества остаться на поле боя до конца, до тех пор, пока тяжелые «космические баржи»

с их грузом человеческой паники не превратились в еле светящиеся точки в пространстве. Тогда он расцвел всеми цветами радуги, Двойная Звезда у него на носу засияла, как солнце, а разрозненные обломки, танцующие вокруг него, образовали настоящую розу ветров. Такие же останки черного отряда в красочном беспорядке кружились и вокруг «Скорпиона». Айрт позволил себе немного потешить свое тщеславие и передал на адмиральский корабль: «Вам здесь больше нечего делать. Сейчас я их развлечу напоследок».

И с удивлением услышал ответ:

«Сигма приветствует вас, Айрт Рег».

Потом?

Что ж, потом последовал четвертый залп, он поразил отсеки жизнеобеспечения крепости, которая после этого разлетелась на куски во взрыве чудовищной силы. В этот момент тут уже не было ни черных жал, ни корабля вице-адмирала. И Айрт остался в одиночестве со своим экипажем среди крутящихся обломков. Он медленно приходил в себя у пульта управления, с которым он недавно так грубо обошелся, и вытирая платком мокре от пота лицо. Опустив руку, он с удивлением обнаружил, что она в крови. Скорей всего, он задел какой-то острый угол во время эксцентричных маневров «Скорпиона». Надо осмотреть корабль, подумал он, должны же быть неполадки. Он обратил внимание на то, что впервые не назвал презрительно свой корабль «торговцем»: бравая ракета вполне заслужила уважение к себе.

Вокруг него, рассеявшиеся по своим каютам, зализывая ушибы и раны, астронавты неожиданно затянули песню, которая, неизвестно откуда явившись, стала чем-то вроде гимна «Скорпиона».

Приведем в порядок все системы!

И к черту страх!

Мы решили все проблемы

С дезинтегратором в руках!

Айрт с большим удовольствием услышал бы что-нибудь другое. Например, поющий и нежный голос, который говорил: «Ничего не бойтесь, мы с вами...»

Но вокруг него орали:

Пусть молодой Арктур молчит
И пусть замрут все старые планеты...
Огни Земли о мести нам кричат,
И отомстить за льды кровавые Урана
Нас зовут кометы!

Сообщения с Антигоны.

Еще глубже. Еще глубже в Бездну Лебедя.

Эти письма не дошли до своих адресатов. Они были написаны существами, чей злосчастный рок повелел, чтобы их корабли были унесены космическими течениями, затянуты силами гравитации или чтобы сами они были сброшены через люки пиратских кораблей, как это произошло с Виллис, на один из мертвых миров Бездны Лебедя, что вращаются вокруг своих черных солнц.

Спустя века, когда одиссея, о которой мы здесь рассказываем, превратится в легенду, эти послания найдут в капсule из сверхпрочного полимера в орбитальных водоворотах Антигоны. И вселенной станет страшно. За свое прошлое.

Вот несколько отрывков из этих писем:

«Когда это послание дойдет до Вас, Аэлис, если только ему удастся покинуть эту планету, вы уже будете, несомненно, знать, как закончилась наша ужасная эпопея. Убежать от Язвы — какой бред! Есть ли еще где-нибудь в огромной вселенной незараженный уголок?»

Не удивляйтесь, Аэлис, что среди тысяч гуманоидов, которых я встретил в своей короткой, но бурной жизни, я выбрал адресатом именно Вас. Вы самая человечная. Это единственное, что имеет значение в наше время.

Почему я покинул Землю? Потому что больше не мог переносить все это. Потому что этот замкнутый безнадежный мир, открытый всем ветрам ярости, больше не был нашей Землей. Жить, опущенным в грязь и кровь, дышать только кровью и грязью, ничтожно пресмыкаться среди преступлений и доносов, чувствуя, что сам мало-помалу становишься частью этого кровавого болота, — это пре-восходит то, что может вынести нормальный человек. «Даже если мне придется погибнуть в космосе, — думал я, — я умру, глядя на звезды». Я ведь всегда был страстным астрофизиком, и для меня звезды всегда были раем.

Но я умираю в аду...»

«...Это было почти солнечным утром, ты провожала меня на космодром. Ты помнишь, по дороге мы старались смеяться и шу-

тить, это входило в наш негласный договор: не усложнять. Никогда не будет более веселых похорон: звездолет уже ждал меня, такой прекрасный гроб, и смертница вошла в него сама со своим багажом.

Не обвиняй меня в жестокости: мы больше никогда не увидимся. Действительно, перед отлетом мы предавались иллюзиям. Я говорила себе: «Еще шаг — и я свободна. Я попаду в мир человечности и сделаю так, что ты присоединишься ко мне».

Так вот, Антигона, над которой мы потерпели аварию, она двойная. С одной стороны — вечный мрак. С другой, где мы находимся — мертвое полушиарие. Океан состоит из чистой углекислоты. А почва покрыта зыбучими песками. Кто бы мог подумать, что я умру вся в бриллиантах, а мой рот будет полон песка? Ведь многие из нас, сойдя с ума, грызут землю...»

«...Теперь легко сказать: не надо было лететь к этой Бездне Лебедя. Силовое поле стало проявлять себя, как только мы миновали созвездие Стрельца. Создавалось впечатление, будто какая-то воронка засасывала нас своим абсолютно ненормальным гравитационным полем. Сопротивляться ему? Неужели ты думаешь, что мы не испробовали все доступные средства — пока у нас не сдали двигатели? Не все астронавты, которые не возвращаются, обязательно кретины...

А теперь все для нас кончено. Земное зло не имеет больше никакого значения: каждый день умирают тысячи. От сухой гангрены, гноящихся ран или просто от жажды и голода. Но особенно убивает людей отчаянье, которое и у меня примешивается к горьковатой иронии: нас со знанием дела заманили в эту ловушку. И все препятствия, которые воздвигали перед нашим отлетом, служили только для того, чтобы как можно лучше одуречить нас. На самом деле Ночные знали заранее: у нас нет никаких шансов добраться до звезд Арктура.

Прощай, друг.

Передай всем в эскадре: между Землей и свободным миром есть какая-то бездна, которая засасывает звездолеты».

«...Будем же математически точными, Ченг. Все корабли, которые приближаются к Бездне Лебедя, пропадают. Большая часть пропадает, не оставив следов. Сразу отвергать предположение, что там существует «изгиб» или «пространственно-временной узел», значит отвергать реальность.

У такого изгиба обычно максимальный эффект.

Вот как я себе это объясняю (и это так же просто, как решить уравнение первой степени): наши старые профессора приписывали

пространству приблизительно сферические свойства, так как распространение звезд подчиняется, по всей вероятности, закону больших чисел. «По другую сторону, — говорили они, — где нет ни материи, ни излучений, есть только ничто». Необходимо признать, что это «ничто» существует, и что оно вызывает притяжение, которое, может быть, и является причиной чудовищной плотности звезд в этом районе неба. Я не могу сказать, состоит ли та вселенная из антивещества — это еще надо изучить. Оставим это занятие будущим поколениям — если только они будут. Учитывая эти предпосылки, я делаю два вывода:

- а) между двумя противоположными вселенными есть точка соприкосновения;
- б) она находится в Бездне Лебедя.

Создается впечатление, что Антигона находится как раз в этой точке. Среди планет, непреодолимо затягиваемых абсолютной пустотой, эта должна двинуться в ту сторону первой. А пока она уже разделена на две ярко выраженные зоны: одна из них под углом повернута к солнцу Лебедя, а другая погружена в «тот» мир.

Однако, до этого у планеты были нормальные генезис и геологическое развитие. Она была обитаема, и на ней сохранились остатки городов. Несколько ссыльных, которые были здесь до нас, расшифровали иероглифы, которые, как оказалось, относятся к галактической семантике. Эти надписи рассказывают о странных феноменах, носят отпечаток всех известных мифов. В определенные периоды «смежная бездна отверзается, поглощая жизнь». Однако (и это согласуется с законами кинетики), действие поглощения постоянно возрастает. Отсюда следует особенно соблазнительная и ужасная гипотеза: наступит момент, когда сначала это скопление звезд, а потом и вся метагалактика провалится в ничто».

«...Нам не достанется ни букетов, ни лавровых венков. Мы просто подыхаем. Особенно непереносима жажда. Кожа стягивает виски, а мои дёсны похожи на края задубевшей кожи. Несколько хитрецов пытались торговать витаминами за золото. Но для чего здесь золото? Как бы там ни было, их потом нашли прямо-таки разодранными, обескровленными. Я потом понял, почему, когда увидел, как люди сами себе вскрывают вены, чтобы напиться... Эти мертвецы напоминают деревянные статуэтки, очень хрупкие. В смерти от обезвоживания тоже нет ничего хорошего...»

«...Господин архиепископ, я была глубоко верующей. Я старалась превратить мою жизнь в человеческое совершенство — в христианское бытие. Я решалась улететь из-за Клауса и детей, потому что именно они очень хотели спасти от Язвы. Ну, а я — я была

ничтожна и скромна, мне хватало того, что я оставалась рядом с ними. А теперь я потеряла и детей, и Клауса.

Я не стану рассказывать вам, как они умерли, вас может стошнить. А все из-за воды. Прошел слух, что вода есть где-то во мраке с той стороны. Я даже не знаю, звал ли меня Клаус перед смертью. Дети пропали. Но мне удалось вытащить его тяжелый труп. Я так и сидела возле него, как привязанная собака, до тех пор, пока его не унесли, чтобы бросить в кратер потухшего вулкана к другим мертвцам...

И вот я одна.

...На Антигоне, в Бездне Лебедя. Та самая я, которая любила нашу деревню, озера с нарциссами вокруг, колокольню в тумане...

Нет, господин архиепископ, на Антигоне мы больше не верим в Бога».

«...Нас все больше и больше на этой проклятой планете. Корабли падают на нее, как мухи в огонь. Падают даже исправные — они больше не могут взлететь. Конечно, как и во всяком человеческом сообществе, которое обстоятельства застигли врасплох, здесь есть и свои герои и трусы, свои чистые душой и негодяи. Но невыносимые условия жизни на Антигоне, абсолютное отсутствие ресурсов, всеохватывающее отчаянье создают благоприятную почву для всяческих эксцессов. Мы живем в воронках от метеоритов и бросаем все новых мертвцев в жерла вулканов. Здесь, на плато, мы напрасно стараемся поддерживать нечто вроде порядка, запрещая, по крайней мере, убийства (но не самоубийства) и насилия. Но с каждым кораблем, который попадает к нам со своим минимальным запасом продовольствия, все барьеры рушатся.

А те, кто уходят на другую сторону равнины, больше не возвращаются...

А еще там, впереди, на склонах гор Смерти, появились какие-то банды, которые убивают, грабят, разрушают. Одной из них заправляет нечто вроде полуобезьяны-полупопугая. Они называют себя, не знаю почему, «глопатистами». Они очищают до нитки корабли и обращают вновь прибывших в отвратительное рабство. Повод: «обучить землян прекрасному галактическому языку». Прекрасному языку... Ах, если бы ты мог это услышать, певец и поэт Земли!

Не думай только, что я сошел с ума. Но, вообще-то, есть с чего».

«...Как не стыдно свободному миру так относиться к нам! Нас оставляют умирать от голода и ужаса. И все время садятся новые звездолеты! Когда новенькие выходят наружу, они просто комичны...

Они хотят улететь или все изменить! Как будто кто-нибудь их послушает! Существует целая группа — она окопалась в Красных или Крайних горах — которая состоит из арктурианского архангела (что лишний раз доказывает проницательность великих созвездий) и малолетних девчонок и мальчишеч, которые охотятся, занимаются левитацией и пророчествами! Они роют какие-то шахты и призывают к сопротивлению. Я умер бы от смеха, если бы мне это удалось. В соседней песчаной норе два подростка, Орль и Анна, собираются присоединиться к одержимым. Еще немного — и все плато поднимется и двинется... Но я спокоен: Крайние горы находятся там, где начинается Антимир. И уже темно-фиолетовые сумерки надвигаются на плато Отчаянья, и уже кто-то видел, как по равнине проносятся эти огненно-песчаные смерчи, которые обволакивают людей. После них не остается даже костей...»

«Лаура, я пишу тебе при свете огромного яркого пламени, от горящего звездолета (еще одного) на склоне Мертвых гор. Кажется, нам послали помочь с Арктура — корабль-госпиталь последней модели. Их спектроскопы обнаружили нас. На корабле были запасы витаминов, медикаментов, воды... Особенно воды! Едва он успел сесть, как был взят приступом «глопатистами». Под предлогом, что они должны обучить арктурианских ангелов «прекрасному галактическому стилю», обезьяны и попугаи разрушили лаборатории, вылакали медицинский спирт и предали все огню. До сих пор слышно, как они орут нечто вроде гимна на языке, отдаленно напоминающий человеческий:

«Нельзя говорить «делать» —
Надо говорить «выполнять».
Ведь мы люди!
Нельзя говорить «объяснять» —
Надо говорить «осветить»!
Ведь мы люди!
А если это не так,
То это бяка! Это бяка! Это бяка!»

Лаура, когда-то очень давно я утверждал, как и многие, что я художник. Я искал золотые вечные истины. Я твердо уверен, что теперь осталась лишь одна: когда в самом центре мрачной человеческой трагедии вырисовывается нечто грозное и тошнотворное, это значит, что Гамлет мертв, и звучат трубы Фортинбраса.

Это конец. Хоть бы он не затянулся! Думай иногда, что я любил тебя до самой смерти».

Корабль-госпиталь (порт приписки — Сигма, назначение — Антигона, командир — Ральф-Валеран Еврафриканский) додорал в огромном костре. Два черно-серых безумных существа: «настоящая Яга из сказки», — подумал Валеран позже — и нечто похожее на опухшего евнуха, подобрали раненого принца недалеко от обломков звездолета и связали его так туго, что он пришел в себя. Вокруг него валялись остатки ценнейших инструментов и оборудования, незаменимые медикаменты были втотаны в грязь, медицинские андроиды сломаны. Твари обвязали Валерана веревкой вокруг талии и потащили за собой, не слишком о нем заботясь. В то же время — и это уверило его в том, что это обезьяноподобные — они не сочли нужным обыскать его, хотя карманный дезинтегратор выпирал у него из-под скафандра. Нужно было только изловчиться и вытащить его. Но он был очень слаб, потерял много крови и решил ждать, когда наступит благоприятный момент.

Продолжая тащить за собой, обе образины спустились в подземный ход какого-то очень древнего сооружения. Они беспрерывно и монотонно бормотали что-то о галактическом языке, о «трансляторах и исправителях». Тот, кто хотел быть хорошим транслятором, должен был познать все могущество Клопы или Глопы.

«Я вижу кошмарный сон, — подумал Валеран. — Я нахожусь в Бездне Лебедя, и какой-то клоп хочет обратить меня в рабство. Или он скажет, что я не знаю ни земного языка, ни галактического. И это повредит моей карьере на Арктуре».

Из подземного хода они вышли на платформу розового гранита, по которой кружилась густая пылевая завеса. По ту сторону горы, у нее была странная форма, похожая на череп, простиралась равнина (или это было море?), мрачная и будто покрытая (покрытое?) перекатывающимися волнами... И вдруг посланец Сигмы с ужасом понял, что это была не равнина, не лес и не море, а просто масса живых существ, стиснутых так сильно, что они еще могли все вместе сесть, но не могли растянуться на земле, существа, которые так и жили, и умирали плечом к плечу... Это были они, потерпевшие кораблекрушение...

— Эт'от боли в'пят! — пробурчал один обезьяноподобный. — Н'знают! Надо говорить: «Скопление бяк!» Так говорит Глопа!

А его приятель прокаркал:

— Слава ему! Он чудо!

— А кто такой Глопа? — спросил Валеран.

Ответы прозвучали как хорошо заученный урок:

— Он говорит: «Я велик. Я прекрасен. Я образован. Я самый образованный. И самый умный. Я знаю все. И я не человек».

— Именно этого я и опасался, — с некоторой иронией согласился Валеран.

Ему почти удалось высвободить свою правую руку, и теперь она

медленно тянулась к дезинтегратору. Но в этот момент охранники сильно потянули за веревку и, чтобы ускорить движение, опустились на четвереньки и побежали. Задние конечности были короче передних, и теперь по своему аллюру эти образины напоминали гиен... Валерану, у которого были крепко связаны лодыжки, стало трудно спешить за ними, и он начал поливать их отборной руганью.

В таком порядке они и прибыли на окраину города в руинах, чьи колонны из розового порфира и арки из лиловатого песчаника еще сохраняли странную красоту. Гигантские здания, казалось, были построены великаниями, однако и они постепенно затягивались песками. Или это были дюны, или обломки, которые засыпали их в течение веков? Этот покинутый город относился к тем временам, когда климат Антигоны был более мягким, а вода — менее редкой. Проспекты под легкими пористыми куполами переходили в площади и просторные залы. Валеран обратил внимание на то, что гигантские стены были расписаны с невероятной тонкостью, а стенные ниши, огромные, как капеллы, были украшены керамической плиткой, похожей на ту, что была обнаружена в XX веке на Земле, в развалинах Рас-эль-Шамры. Город книг, конечно же, это был город книг! Он спросил об этом своих охранников, которые ответили хором, изрыгая при этом ругательства:

— Н'да! — подтвердил при этом одутловатый, — но какой стиль! Литературно: это бяка. Должно быть ученейшим, что хорошо для слуха. Глопа-исправитель, он это исправляет. Очень трудно, много времени, но ему удается. Вы знаете, Глопа может все.

— Он знает древние идиомы Антигоны?

— Иди... что? Для чего знать? Чем меньше знаешь, тем лучше. Кто может судить Глопу? Для Глопы нет правил!

И монотонный псалом послышался снова:

«Он говорит, что это хорошо — и это хорошо.

Он говорит, что это бяка — и это бяка.

Никто не может поправить Глопу!

А он может все. У него есть все. Кроме идей».

Кошмар все разрастался. В одном из самых просторных залов Валеран с ужасом заметил широкие красные полосы, которые бороздили говорящие стены. В некоторых местах безжалостный инструмент «исправителя» обрушился на самые ценные строчки — прорехи зияли в научных текстовых и в поэмах. Зал астрономии и зал искусств, по словам охранников, пострадали больше других.

— Идея Глопы: разрушить бесполезное и бяку.

— Откуда он знает, что бесполезно? — спросил Валеран все с тем же холодным ужасом при виде этого преднамеренного разрушения памятников науки и красоты целой планеты.

Обезьяноподобные ответили хором:

— Все, что не от Глопы — бесполезно.

- А идиотов, которые пишут, которые рисуют, которые занимаются ваянием, их бросают в кратер!
- В кратер, в кратер идиотов!
- Некоторые плачут у этих стен, а другие смеются...
- В кратер, в кратер смехунов!
- Глопа знает все! Он может все! Потому что у него посадка трипода!

Валеран вдруг почувствовал, что его так и тянет рассмеяться. Только этих бредовых сцен из Кафки и не хватало в этом аду! Но новый Круг становился все шире, проспекты сходились перед огромным зданием, похожим на храм, с алтарем и длинными скамейками по бокам. Купола здесь обрушились, и в оранжевых сумерках необъятного бледного солнца этот кошмарный мир испускал свой собственный красноватый, вернее, кровавый свет...

На скамьях, установленных когда-то для гигантов, сейчас развалились обезьяноподобные фигуры, одетые в новенькие скафандры астронавтов и увешанные драгоценностями. На верхушке мачты в самой середине зала болталось нечто абсолютно невероятное, что Валеран сначала принял за надутые бычьи кишки. В этот момент, упав ничком на пол, его охранники завопили:

- Глопа один знает все! Это самый умный транслятор. Он не понимает, он разъясняет! Глопа — единственный судья Глопы!
- Он никогда ничему не учился, но знает все!
- И те, кто в этом сомневается, умирают!
- Смертью...
- Мед-лен-ной!

Легкий порыв ветра из пустыни повернул похожий на надувной шар предмет на мачте, и Ральф содрогнулся: это была надутая кожа женщины, коричневая и блестящая, с массой завитушек на голове.

Зрелище было таким реалистичным, что он опустил глаза. Но тут же другое малопривлекательное зрелище возникло перед ним: на возвышении сидело нечто, похожее на серовато-розовый гриб. Абсолютно нечеловеческое, ростом с кенгуру. Трехлапая часть его туловища покоялась на алтаре. Оно закудахтало и залопотало:

- Аудиенция открыта.

Подобие Яги взобралось на скамью и нацепило попону из черного пластика. Оно объявило:

- Слава Глопе! Дама Атенагора Бюветт против своего неизвестного убийцы.

Крики негодования раздались в зале: на скамейках зачирикали, захрюкали, затрубили. У Ральфа было странное впечатление, будто он видит это все откуда-то со стороны. Будто это был пустенький и потом забытый фильм. Однако, веревка все еще стягивала его левую руку, а поврежденный скафандр начал терять герметичность.

Ему было жарко. Очень жарко. Рядом с ним на скамье из красного синего корунда обезьяна-охранник размахивала мохнатыми руками, провозглашая, что «никогда еще такое тяжкое преступление не задевало тонкие и нежные чувства на Антигоне, и что убийца дамы Атенагоры — самого светлого ума из представительниц ее пола — действовал с невиданной жестокостью, под сильным воздействием своего «горикэ». Ральф теперь понял, что это была не обезьяна, а двупалая мохнатая моллинезия с Марса, макреллюс вульгарис. «Да они же здесь все безумные,— констатировал он,— с их «вегетативным кормлением» и «гориками»... Это наркотик, что ли?» У него по-прежнему было странное впечатление, что он присутствует на просмотре старого фильма...

— Несомненно, он убил ее тропом,— протяжал публичный обвинитель. Как жаль, что марсианские рыбы говорят.— Какое ужасное оружие — риторическая фигура, метафора, литота, и не будем также забывать об инверсии, которая обычно совсем не та, что на Шератане! Это ведь совсем не наученькие орудия, а ужасно садистские, так же, как и синтаксис и даже грамматика (см. Кодекс Глопы, Год I, Антигона). Тем более, что они все запрещены для употребления землянам, особенно литераторам и философам, которые являются...

Гриб наверху надулся. Его лицо-диск, обтянутое розоватой кожей с четырьмя щелями, без подбородка, выражало дурацкое удовлетворение. Он прокудахтал на разных языках:

— Интердит. Ферботен. Нельзя.

— Слава Глопе! — воскликнула говорящая рыба, размахивая плавниками.— И подумать только, не будучи довольным тем, что совершил это трусливое нападение на ее личность, он не оставил в покое даже ее посмертную чувствительность! Он ее... я дрожу при мысли, что должен сказать это... эту соратницу великого Зизи, эту жрицу Аномалии Шератана... он даже по отношению к ее оболочке совершил преступление: он надул ее! Я содрогаюсь — и сладкий пот орошаet мое двадцать второе щупальце!

— О-о-о... о-о-ох!

На одной из противоположных скамеек повернулась лицом к обвинителю, заколыхалась и начала издавать какие-то звуки широкая лунообразная физиономия. «Аналог адвоката», — подумал Валеран.

— Да будет мне позволено — по получении всех необходимых полномочий — мне, смиренному пауку-туче с Дабиха...— Это вовсе не лицо виднеется над барьера, это его живот. Но где же его лицо?.. — заявить: принимая во внимание, что юстиция должна опираться на минимум логики, во всяком случае, в том, что касается временных условий, я вынужден указать почтенному обвинителю, что как бы там ни было, события происходили не в таком порядке,

как он утверждает. Во-первых, тропы. Чтобы их применять, надо иметь о них представление. А учитывая то, что даже восхитительный Глопа их не знает, как же вы хотите, чтобы какой-то примитивный землянин имел о них малейшее представление?!

— Возражу! — пропищала моллинезия. — Нельзя говорить: «Глопа не знаёт!»

— Глопа знает все! — прокудахтала ассамблея.

— Учить тропы?! — засуетился паук. — Такая работешка ниже глопатического достоинства!

— Глопа никогда не работает! Глопа никогда не работает!

— Ему достаточно заставить работать других. Он презирает все, кроме своей священной особы!

— Возражение отклоняется! — объявил грибообразный. — Да будет так!

И он обмахнулся одной из своих конечностей.

Паук продолжал:

— Прояснив первый пункт, я перехожу ко второму, который непосредственно касается деликатных и местно-планетарных чувствительнейших эмоций аудитории. Обвиняемый высадился на Антигоне с опозданием, я хочу сказать, что восхитительная дама Бюветт была УЖЕ НАДУТА И СО ВКУСОМ ПОВЕШЕНА ПОД СВОДОМ, где все мы имеем возможность ощутить ее присутствие. Но, так как ни у кого из землян нет способности путешествовать во времени (каким бы глопским оно ни было!), следует вывод: этот человек не мог, каким бы ни было его пристрастие к «горикэ» и уровень его вторичной безграмотности, участвовать в этом женоубийстве!

— НАДУТА! — просвистел обвинитель. — Какое простонародное выражение! Надо говорить: «лишена оболочки», или «расширенна», или еще...

— А я вот не упрекаю почтенного обвинителя в том, что он, не принимая во внимание галактическую чувствительность каждого из присутствующих, упомянул свое двадцать третью щупальце!

— Мое двадцать второе! — публичный обвинитель зашатался. — У меня их только двадцать два, клянусь его священным глопством! А что касается двадцать третьего...

— Все знают, — прервал адвокат с уничтожающим презрением, — для чего оно вам служит! К тому же пот сладкий... Невозможно говорить дальше на тему этой дегустативной непристойности. Я еще удивляюсь, как это три четверти аудитории не упали в обморок! Поэтому перед лицом грозящего нам всеобщего и специфического упадочка силушек, я предлагаю просто оправдать обвиняемого... Благодарите! — пробулькал он в адрес Валерана.

Внизу послышались топот и щелканье когтей.

— Во имя хаоса! Еще никогда не приходилось мне произносить

такую убедительненькую защитительную речь! Поблагодарите высокий суд за то, что он распорядился о прекращении дела из-за отсутствия состава преступления у неизвестного преступника.

— А кто преступник? — Валеран медленно приходил в себя после замысловатых упражнений в своем перегретом скафандре.

— Да вы же!

— Я?! Но вы сошли с ума. Какой же я преступник? Я отвергаю вашу пародию на правосудие.

— Зачем же отвергать? — проскрежетал прокурор, рухнув в свое кресло.— Естественно, вас не надуют. Вас просто бросят в кратер. У нас так принято, и это вполне законно. Каждый обвиняемый автоматически приговаривается к смерти. Все остальное является собственным развлечением восхитительного....

— Кого?

— Глопы. Конечно же, дама Бюоветт была надута давно, при спуске с Крайних гор. К тому же и взять-то с нее было нечего, и толку никакого. Но Глопе это нравится: чем достойнее землянин, тем с большим удовольствием его раздирают в клочья... в ничто. Но это не значит...

— Это значит,— сказал Ральф (которому этот спектакль уже достаточно надоел) после того, как ему удалось-таки снова завладеть своим оружием,— что все вы немедленно поднимете лапы вверх.

Аудитория так и поступила с удивительным единодушием, когда Валеран направил короткий ствол своей пушки на «святого Глопу».

— А теперь ты, пухлый,— скомандовал Валеран,— подойди и развязжи меня. Да ползком, а то я превращу в ничто вашего любимого идола!

— Стрельба по мне не может быть в состояньяце осуществленьца,— проблеял Глопа, хотя и старался, чтобы его голос звучал твердо.— Вы прилетели на корабле для медицины. Чтобы лечить, не чтобы убивать.

— Ты, дрянное насекомое, а играешь в Нерона! Молчать! Всем лечь на пол! Предупреждаю — моя пушка дезинтегрирует на десять километров.

И все покорно улеглись. Валеран, как только его развязали, построил перед собой обвинителя, адвоката и «его глопство». Теперь он развлекался.

— А теперь,— сказал он,— вы поведете меня к экипажу арктического корабля «Летающая Игла».

— В Красные горы?! — воскликнул Глопа.— Бяка! Заразненько!

И он сделал вид, что падает в обморок. Секретарша, формой напоминающая гусыню, сделала ему компресс.

Это путешествие было незабываемым по многим причинам. Сначала Валеран хотел вернуться к кораблю-госпиталю с типично арктическим намерением «спасти все, что еще можно спасти». Но глопатисты знали толк в разрушении — все было превращено в пыль. Тем не менее ему удалось найти несколько видов антибиотиков в стальных капсулах и небольшой контейнер с консервированными продуктами. Он нагружил всем этим своих новых спутников, направив на них — на всякий случай — ствол своего дезинтегратора. Глопа помогал привязывать мешки на спины бывших подданных, а сам жаловался на «неудобную посадку на трех точках». Наконец, Валеран связал в одну цепочку моллинезию, паука и Глопу, и странная процессия направилась в Красные горы. Естественно, все они были недовольны — Глопа снова попытался упасть в обморок. Двое других сначали тащили его, бормоча свои псалмы, но поскольку их святейшество весило немало, они стали приводить его в чувство ударами лап и крыльев. Зыбучие пески вынудили Валерана обогнуть равнину. Пейзаж принимал мрачный вид Маре Майор и Сырта на Марсе — песчаные впадины и дюны цвета крови. «Точная граница» между полушариями были близко — в воздухе потемнело.

В пути Глопа начал делать Валерану различные признания — он считал, что это создает атмосферу доверия. Он рассказал, что земляне с «Летающей Иглы» частенько мешали ему заниматься его «профессиональными обязанностями на Гефестионе», но он по-встречал там «чувствительнейшую самку по имени Бюветт», которая «постаралась обучить его тайнам красивого языка».

— Я не отрицаю, что у нее были ко мне и более легкомысленные чувства, — добавила животина. — Но от нее пахло... как бы это сказать?.. чесноком, и у нее было слишком много завитушек. Тем не менее, она проводила в жизнь принципы равенства с обезьяноподобными и всеми другими животными.

Оказалось, что когда они высадились в Красных горах, дама Бюветт взбунтовалась при поддержке своего любимого трипода и дюжины сумасшедших женщин. Она объявила, что настало время самоопределиться. Так как никто ничего не понял, она объявила, что Атенагорас Зизи всегда выступал за уединение, поэтому она со своими женщинами и своим Глопом отделяется от группы и требует свою часть офи... офа... Тут Глопа запнулся.

«Официальнейшую и гражданнейшую, — подсказала птица-обезьяна-гриб, — часть груза звездолета».

«У нас нет никакого груза, — сухо отрезал командир. — Вы получите вашу долю пропитания. Но предупреждаю, что она весьма невелика».

«Позвольте, мой господин, — прокудахтало невероятное живот-

ное.— Остаток штук жратвы не должен быть разделен между всеми членами. «Кузнечики» являются бесполезными ртами».

Лес ответил, глядя поверх его головы и обращаясь к Атенагоре: «У вас собственный зверинец,— сказал он.— А у меня — беспризорные. К тому же, я хозяин на борту.»

Анг'Ри сделал незаметный знак, и «кузнечики» сомкнулись вокруг «Летающей Иглы».

Диссиденты покинули лагерь в тот же вечер, унося свои личные вещи и «официальнейшие» порции. На самом деле все это объяснялось очень просто: дама Бюветт не хотела испытывать общие трудности. Сразу же у подножия холма начался весьма принципиальный спор: каждый хотел командовать.

— Это было довольно трудно,— сказал Глопа, задумчиво поглядывая красным пальцем нечто похожее на подбородок.— Она была очень жилистая, прямо как старая курица. Я немного сдавил шею, и она затихла. А потом я ее надул. Газовым насосом.

В тот момент черная туча укрыла подножие холма, и неожиданно все три носильщика бросились на землю. С некоторым опозданием Ральф заметил нечто вроде черного столба, состоящего из песка и молний, который приближался с другого конца равнины. Казалось, он соединяет небо и землю, словно смерч или атомный гриб. Казалось, это — слепая, безжалостная и неодушевленная сила, но было в ней, в то же время, что-то страшно живое. Путешественники только успели прыгнуть в какую-то расселину, когда эта штука пролетела над равниной со странным свистом, с глухим звуком, похожим на тот, который издает банка, отдираемая со спины больного... В каком-то фиолетовом, абсолютно фантастическом освещении принц увидел кратер на том месте, которое они только что покинули. Его спутники дрожали, а Глопа что-то прокудахтал.

— Врата бездны,— с трудом различил Валеран.— Возвращается. Засасывает все.

Теперь было слишком опасно продолжать путь вдоль гребня: вся равнина была покрыта легкой зыбью, то тут, то там возникали черно-синие вихри. Открывшаяся перед ними расселина в скалах казалась более безопасным местом. И они направились туда.

Перед ними открылся город, построенный все теми же гигантами в середине горной цепи. Удивительно, что такая могущественная (если судить по сказочной архитектуре) раса исчезла, не оставив других следов. Подземный комплекс казался особенно сложным: огромные массы камня были удалены, пробуравлены, как соты в ульях. Валеран включил свой фонарь: странные колоннады раздвались, переплетались. Сквозь стены из прозрачного кварца были видны другие причудливые строения, площади в форме звезд и удивительные конструкции выступали из горного массива. И напрасно пытался он отнести их к какой-то определенной стадии или к опре-

деленному стилю в развитии цивилизации. Казалось, что эти древние познали все: пирамиды и зодиакальный круг, террасы на усеченных столбах, акведуки и мосты-тунNELи. Сами стены были украшены скульптурами, менее изысканными, чем в городе-библиотеке, но сохранившими удивительную отделку: эрозия совсем не затронула их. Горельефы являли целый мир гигантских существ, чаще всего гуманоидов. Это были картины жизни, эпопеи, истории исчезнувшего мира, который возникал на этих стенах с невиданной силой и яростью. Гармоничные существа со сложенными крыльями и другие, бесформенные и расплывчатые, и еще другие, похожие на облака, строили свои города, засевали поля, завоевывали планеты. Фантастическая цивилизация оставила здесь свое описание: географические и астрономические карты, схемы прекрасных механизмов. Когда Валеран прикоснулся к одной из ниш, она запела. Это была далекая мелодия, как будто ее стерли века, грустная и медленная. По мере того как отряд углублялся в подземные лабиринты, фрески становились более хаотичными и противоречивыми. Среди них было изображение, которое Валеран легко узнал, и которое повторялось сотни раз: нечто похожее на небесную воронку, спираль, напоминавшую столб из песка и молний. Это изображение появлялось чаще всего среди ужасного месива из разбегающихся, рачлененных, летящих по воздуху тел, среди рушащихся зданий и огненных смерчей. Оно стало настоящим символом конца света, оставшегося во тьме веков.

— Так вот что их убило... — прошептал Валеран.

Его спутники в молчании продвигались вперед. Этот грандиозный мертвый город странно действовал на нервы. Вдруг Глопа упал, покатился и, остановившись у ноги Ральфа, что-то глухо прокудахтал. И Черный Принц увидел: проспект из кристаллической породы поднимался к портику, за которым начинался мрак более плотный и более темный, чем тот, который царил в подземелье. А ведь на равнине в это время было светло...

— Ну, ладно, — сказал Валеран. — Попытаемся понять. В этом же нет ничего сверхъестественного: ведь Антигона сравнительно небольшой мир с невысоким уровнем гравитации. Мы пересекли подземелье по прямой, то, что я вижу — не может быть антимиром. Это просто ночная сторона Антигоны. Поднимаемся.

— Неходить туда! Неходить туда! — бормотал Глопа в трансе, он отвратительно трусил. — Человек-медицина, ночь. Бездна Тьмы! Не...

Катаясь по гигантским пыльным плитам, тварь случайно задела плитку, очевидно, покрытую звучащим слоем. И на фоне его беспорядочных воплей поплыла странная гармоничная мелодия. Она была торжественней глубокой ночи, раздирающей, она рассказывала о безграничном отчаянии, о безграничной покорности судьбе, о неве-

роятном отвращении, все это — на тему сверхчеловеческой гордости. Как будто эти ноты разбудили все горные эхо, и необъятная скорбь заполнила своды, словно сами пещеры издавали погребальный стон. Казалось, что кто-то, навсегда плененный мраком, уже отчаялся увидеть свет, к которому он пробирался века, обдирая ногти о камни, кто-то еще наполовину живой, который не мог простить другим, что они живут... И все эти хрипы, крики, эти смутные проклятия соединились и затихли в одном необъятном рыдании. Напуганные лавиной звуков, спутники Валерана вскочили и побежали вперед. Валеран пошел за ними.

Ночь снаружи была абсолютно темной. Это не было метеорологическим явлением, это было естественное состояние. Портик был окружен снаружи скользким карнизом, на него падал единственный бледный и робкий луч света, пробивавшийся неизвестно откуда. И это было все, что оставалось от реального осязаемого мира: снаружи начинался кошмар.

Три или четыре плоскости накладывались там одна на другую. Самая близкая из чудовищного хаоса водяных растений, набухавших, грязных — это было нечто вроде леса, океана колеблющихся водорослей. Воздух был таким плотным, будто составлял одно целое с этой липкой массой, и было невозможно понять, на поверхности или в глубине колыхались эти гигантские водоросли-мешочки, эти клодофоры пятнадцати метров высоты, эти колеблющиеся стены антероморфов цвета черных изумрудов, эти пунцовые полисифонии. Все эти растения жили своей таинственной жизнью, и она не имела ничего общего с жизнью на Земле. Это был застывший мир, пространство с точно определенными размерами. Создавалось впечатление, будто находишься на краю бездны, а эти растения уходят корнями в невидимый берег, над которым нет ничего, кроме безграничного ужаса...

Вода же вокруг водорослей была, кажется, частью уже второй плоскости — тоже реальной и ощутимой, несмотря ни на что! Она казалась пластической массой, светящейся всеми цветами радуги, но с преобладанием черного. И в то же время это было скоплением фосфоресцирующей протоплазмы, это была пена первобытного океана, заселенного невероятными чудовищами. Когда глаза привыкали к этому мраку, можно было различить множество разнообразных слоев и оттенков в этой массе. Первая плоскость вырисовывалась предельно ясно — со своим липким мраком в форме спирали матовой черноты, похожей на гигантский столб, расширяющийся внизу, в его основание вписывался весь окрестный пейзаж. Основание это состояло из какой-то неописуемой и немыслимой субстанции, которую обостренное восприятие Валерана оценило как постоянную и нематериальную, плотоядную, и в то же время, более мертвую, чем сама смерть. И пока масса водорослей ритмично коле-

балась, инертная, приводимая в движение чем-то вроде вдоха, глубокого всасывания, черный столб вращался с немыслимой скоростью...

Было во всем этом нечто такое, что существовало на заре сотворения мира, в бездне времен, и никакой человеческий язык не смог бы это выразить...

Что-то похожее на узкую тропу или мостик вырисовывалось в первобытном болоте. По обе стороны вздымались дрожащие щупальца морских звезд и гигантских диатомей.

— Ну, что ж,— сказал Валеран, бездумно повторяя священную формулу рискованных предприятий,— пошли, ребята.

Животины застонали, разнуздились, попятались назад. Он с удовольствием бросил бы их здесь, но Валеран дорожил спасенными антибиотиками и питанием. В конце концов он снова направил на них свое оружие, и они тронулись дальше. Темные силуэты выступали из протеиновой массы. Трудно было понять, существовало все это в действительности или нет. Сущностью этого мира был всемогущий страх.

Не успели они сделать несколько шагов, как ужас наступил. Должно быть, между плоскостями существовали границы. Нечто вынырнуло прямо перед путниками. С омерзительным запахом, целая огромными перепонками, темная масса пересекла пространство перед ними, потом рухнула, превратившись в целый холм студенистой массы — липкий хаос с вибрирующими щупальцами. Глопины придворные были сметены начисто, а сам он угодил в эту массу головой. И только Валеран, оставшийся на ногах, в то время, как синевелая масса приближалась волнообразными движениями, разрядил по ней свой дезинтегратор с присущей ему яростью...

Ему послышалось эхо.

Потом послышался смех — сухой и легкий.

Потом...

— О! Так это не вы! — сказал посеребренный голос, полный разочарования.

Она стояла на краю тропинки, прислонившись к выступу из губки эспериозис. У нее было идеальное сложение андроида, дезинтегратор на перевязи, а под стеклом шлема виднелись большие зеленого цвета глаза, схожие с цветом земной воды, очаровательные и опасные одновременно. Как это там говорил Айрт: «...явилась химера... или амazonка?...»

— Вы не тот ангел, которого я ждала! — сказала она.— Ваше имя или я стреляю!

— Валеран Еврафриканский, командир корабля «Надежда»,— отвечал он машинально,— Сигма, Арктур.

— Как жаль! А что вы здесь делаете? Мы тратим массу времени на передачи в космос: «Не приземорбит, Летин'Сигму».

— Как?

— Ах, да! Вы же не понимаете человеческий язык! Арктурианец, не так ли?.. Это значит: «Не приземляйтесь. Встаньте на орбиту». Мы сначала тоже не поняли, откуда СОС... Но с тех пор, видит космос, Морозову удалось расшифровать надписи на щите...

Неожиданно ее внимание было снова отвлечено желеобразной массой, которая распадалась с поразительной быстротой, и она крикнула:

— Анг'Ри! Протозавр, это протозавр! Пока он не мракисчез, пойди посмотри, кто первым попал в него!

Хрупкая, цвета обожженного дерева фигурка соскочила с клодофоры и принялась отплясывать вокруг остатков чудовища.

— Ты! — ответило видение.— Дезинтег'зад перв!

— Пардон! — вмешался Валеран.— Скорей всего, оба выстрела совпали...

Амазонка бросила уничтожительный взгляд:

— Да, в вашей частоте времени. Но не в частоте этого зверя. Анг'Ри знает, что говорит: он самый лучший охотник за частотозаврами. К тому же, смотрите сами, задняя часть исчезла прежде.

И это было бесспорно!

Два медленных водоворота расплывались на том месте, где находились носильщики. Валеран машинально поискал глазами Глопу. Он неожиданно обнаружил его, но в самом необычном положении: невыносимая животина попала в брюхо чудовища, в то, что должно было соответствовать брюху, и теперь можно было смутно различить, как желеобразная масса облегает его со всех сторон... Он жестикулировал, он, должно быть, даже орал, размахивая своими культияпками, но не было слышно ни звука... И к тому же правый бок протозавра тоже начал исчезать.

— Но,— сказал ошеломленный Валеран,— он сейчас исчезнет вместе с Глопой!

— Ага,— сказала амазонка,— так вы знаете Глопу? Ну да, это одна из достопримечательностей Антигоны — переносы во времени и падения в межпространственные пустоты. Протозавр возвращается к себе, уж не знаю, куда. В подпространство, в плоскость Х, где-нибудь за пределами метагалактики...

— И он утащит эту животину с собой?

— Конечно. Ведь она у него в животе.

— Но...— Валеран уже хотел было неизвестно зачем броситься следом.

— Остановитесь или я стреляю! Эта погань радиоактивна!

И она бы, несомненно, выстрелила. Валерану пришлось, подавив отвращение, присутствовать при необыкновенной кончине тошнотворного промежуточного индивидуума. Желеобразная оболочка чудовища исчезла раньше, чем внутренности, где бился и в то же

время разлагался Глопа. Наконец, осталось только два слегка фосфоресцирующих скелета, но они продолжали двигаться. А потом и эти последние останки исчезли.

— Ну, ладно,— сказала амазонка,— по крайней мере, теперь с ними не будет никаких хлопот. Столько неприятностей с каким-то зверем, пусть он даже человекообразный!

— А что, другие обитатели этой планеты больше похожи на людей?

— Да, некоторые.

— Вы так считаете?

Он теперь как бы слегка мстил ей за грубость со своим обычным искусством, передающимся по наследству в течение веков вместе с королевской кровью, продолжая при этом думать: «Меня надо выпороть! На кой черт мне сдался Глопа?» И действительно, это было невероятно: он высадился на враждебную девушку планету, среди динозавров и призраков из Кафки, его преследуют несчастья и отвратительные сцены... Очаровательная амазонка прибежала к нему на помощь, а он не нашел ничего лучшего, как затеять с ней какую-то глупую дискуссию! Но каким бы земным принцем Валеран ни был, он, естественно, не знал, что такое «существо Талестра»...

— Мне кажется,— отвечала она с той самой улыбкой, которая вызвала у него с одной стороны желание наброситься на нее со страстными поцелуями, а с другой — искупать ее в болоте,— что ваше присутствие здесь уже требует от нас сверхчеловеческой выдержки. Как вы думаете, легко ли будет нам с Анг'Ри тащить двух факожиров, которых нам удалось подстрелить, два мешка с водяными орехами и съедобными водорослями-мешочницами, ваши витамины и еще вас в придачу?! Видите ли, мы здесь не затем, чтобы прогуливаться при свете солнца Лебедя, а чтобы прокормить наше поселение в Крайних горах!

Валеран высокомерно посмотрел на нее:

— Почему это вы должны меня нести? Мне остается только следовать по этой тропинке...

— Н-да? — сказала она.— По этой тропинке... Анг'Ри, покажи ему, что это такое. Держитесь крепче. Раз, два, три!

Путешественник едва успел ухватиться за ствол пурпурной полисифонии. Казалось, весь мир вокруг опрокинулся. Перед ним больше не было ни гигантской губки эспериозис, ни самой тропинки. Ничего, кроме черной воды с гигантскими водорослями. Амазонка и ее спутник, похожий на кузнецика, сидели на огромном листе антероморфа у самой воды. И оттуда раздался воздушный голосок:

— Эта тропинка существовала какую-нибудь тысячу лет назад. Мы с Анг'Ри вытащили ее из прошлого, именно так мы поступаем каждый раз, когда отправляемся на охоту, иначе все наши в Край-

них горах подохли бы с голода, как те, на равнине! Нас всего десяток, кто может это делать. Но только не стоит увлекаться этими фокусами — они влияют на устойчивость общего состояния и так уже бурлящей планеты...

Не успела она закончить фразу, как плоскость опять опрокинулась.

Анг'Ри издал предостерегающий крик, и все трое полетели в пустоту. Неизвестно откуда прилетевший ураган сбивал полисифонии и антероморфы. Троица кое-как приземлилась на один из гигантских гребней звездчатого коралла, «которого здесь не должно быть,— понял на этот раз Валеран.— Он вызван из другого времени...» Вокруг них черная поверхность вздувалась, поднималась, словно панцирь гигантской морской черепахи, потом лопнула, как сине-зеленый гнойник, из которого забили зеленые языки пламени. Как будто взорвалось первобытное болото.

Одновременно окружающий мир потерял последние остатки стабильности, его структура стала распадаться, плоскости какой-то немыслимой геометрии возникали из хаоса.

— Время поворачивается,— крикнула Талестра, спрыгивая с гребня.— Быстрей, быстрей!

И она побежала, погружаясь сначала по щиколотки, а потом по колено, по кипящему болоту.

— Быстрей, быстрей!

Открывшаяся бездна изрыгала призраков — скользких цератозавров, бьющих по воздуху своими тонкими крыльями, горгон, у которых вместо головы был клубок змей, огромных пурпурных пиявок...

— Скорей, скорей!

Валеран прикрывал своих спутников огнем дезинтегратора. Они едва не угодили в ловушку к гигантской медузе, чья масса была того же цвета, что и вода. Он выстрелил в чудовище, и оно распалось на куски. Потом он сбил какое-то черное полупрозрачное образование в виде тучи, которое приближалось к ним. Затем, когда у него кончился боезапас, Талестра протянула ему свою «пушку» с улыбкой, которая стоила любой награды. Наконец, они забрались на ветви гигантского папоротника.

— Вы хорошо стреляете,— сказала она таким тоном, будто они были на светском приеме.

— Я научился на Земле,— поклонился Валеран.

— А, значит, вы летите с Земли? Это мне больше нравится.

— Вы не любите арктурианских ангелов?

— Я мало о них знаю,— сказала она.— Там что-то вроде спрута. Держитесь левее!

Анг'Ри время от времени постреливал у их ног, они, казалось, на какой-то миг отгородились от всего этого хаоса...

— А можете вы — спросила она неожиданно, — поговорить со мной именно сейчас о небесной геометрии или о земной простоте? О жизни, о смерти, о человечестве и о мутантах?

— А так ли уж это важно? Я ведь даже не знаю вашего имени...

— Меня зовут Талестра. Конечно, это не так уж важно, как мне вдруг показалось...

Именно в этот момент он и должен был сказать ей: «У вас не может быть соперниц, Талестра. Весь Мир больше не существует для меня. Вы прекрасны...» То есть все те банальности, которые говорят в таких случаях влюбленные. Но он не нашел ни одного из этих слов и потом столько раз упрекал себя за это... Анг'Ри издал боевой клич — пенящийся кратер открылся у их ног, а в нем постепенно проявлялась все та же искусственная тропинка, которая спускалась вниз. Они спрыгнули на неё. А вокруг смешивались пространство и время. Смерч, более черный, чем сама чернота, смел, как соломку, обломки гигантских папоротников и гимноспермов. Желебобразный спрут был подброшен на несколько десятков метров вверх, словно легкая щепка. Наконец, им удалось добраться до широкого карниза, который был преддверием пещер. Валеран с трудом доплелся до гранитного выступа и бессильно опустился на него — ноги больше не держали. Он потерял много крови, и теперь сказывались неудачная посадка, кошмары Кафки и бегство от песчаных смерчей. К тому же какая-то нечисть глубоко прокусила его левую руку. «Какая нечисть?» — настаивал серебристый голосок. Честное слово, он ничего не знал об этом. Может быть, это был сам Глопа или какой-то протозавр? Протозавр, который был Глопой, который поглотил Глопу... На этот раз Талестре пришлось ухаживать за принцем с прекрасным земным лицом, искаженным страданием. Рухнув у ее ног со своими факожирами, Анг'Ри сейчас ничем не мог помочь ей, но Талестра уже и сама начала разбираться в ранениях и укусах Антигоны.

Это тело, бессильно распростертное рядом с ней, напоминало тела всех других раненых на всех полях войны — неподвижное, с руками, сложенными на груди. Талестра хотела бы отодвинуться от этого чужака, который не был Лесом, который занимал место, предназначеннное для Леса. Но, наклонившись к нему, была поражена чисто земной красотой, лицом статуи или старинного портрета, с длинными ресницами и черными прядями, склеившимися сейчас от пота и крови...

«Если зубы или когти были отравлены, он сейчас умрет, — подумала она. — А я не хочу, чтобы он умер». Для Талестры слова всегда были тенью или предвидением дела. Она сняла со своего пояса короткий магнитный стилет, который обычно применяется в рукопашных схватках, растегнула рукав скафандра принца и разрезала рану. После секундного колебания, она впилась в нее губами...

Виллис думает:

Привыкаешь ко всему. Даже к жизни в аду. Да и ад ли это? Там, где мрак кончается, небо, пурпурное или темно-синее, исчерчено лучами и свечениями.

А за этим простирается то, что наши приборы не в состоянии определить: бездна, ничто.

Насколько я поняла смысл древней поэмы, которую дал мне почитать Морозов, у ада есть определенное преимущество: мы дошли до последнего круга, и с нами не может произойти ничего худшего. Но и лучшего ждать нечего.

И все-таки мы продолжаем надеяться.

На Антигоне еще ужаснее, чем на Гефестионе. В Крайних горах мы обнаружили множество пещер. На этих красных скалах не было растительности и влаги, но мы пробудили артезианские колодцы, которые дают чистую, немного солоноватую воду. Чтобы не умереть с голода, как эта толпа на равнине, наши левитанты спускаются на темную сторону. Создается впечатление, что Талестра, Анг'Ри и некоторые другие стали находить в этом удовольствие...

Мы поселились в пещерах, прорытых древним и забытым народом, который, как я поняла, был близок нам своим отчаяньем. Эти пещеры расположены весьма искусно, в определенной последовательности так, что они способны даже отражать ультразвук. В смеси песка и пепла, которой был завален расположенный выше всех грот, мы обнаружили огромный щит, изготовленный из сплава серебра, бронзы и неизвестных металлов. Все та же рыхлая масса заполняла неровности: это были останки последних часовных, охраняющих щит.

Мои «кузнечики» очистили и отполировали металл, и первой заботой Леса было поднять его с помощью пневматической лебедки корабля и закрепить на стене. Это несравненное произведение искусства. Щит выпуклый, отделан чернью и серебром, покрыт рельефными изображениями, еще более тонкими и осмысленными, чем стены подземных переходов. Они воспроизводят древних хранителей Красных гор, наших предшественников. Это гуманоиды с развитыми конечностями, с большими глазами. Они охотятся за грациозными животными, чем-то напоминающими их самих, они танцуют, увенчанные коронами из водорослей, или плавают по темной воде своих рек. И жил народ сначала наочной стороне Антигоны, богатой водой... А потом ужас антимира стал приближаться, и они взбрались на горы, заползли в пещеры. А потом началось...

Барельефы представляют это в форме вихря или спирали. Какой-то неуловимый животный оттенок примешивается к полированному металлу щита и напоминает нам уже известное и виденное. В центре щита настоящий шедевр чеканки показывает захватывающую кар-

тину последнего периода: житель Антигоны, обнаженный и с короной на голове стоит на пьедестале уже в самом центре мрачной спирали. Но его вооруженная мечом рука уже стучит по самому щиту...

А у подножия постамента видны разбегающиеся микроскопические фигуруки!

— Поздн'тревога!

Чтобы предупредить любые неожиданности со стороны бездны, Лес перенес на самую высокую террасу перископический телескоп с «Летающей Иглы» и направил его на темную часть планеты.

Ведь у нас больше не было надежды улететь.

Морозов расшифровал надпись на щите: **ВСЯКИЙ, КТО ОПУСТИТСЯ НА АНТИГОНУ, С НЕЙ И ПОГИБНЕТ.** Так оно и есть.

Дело не в том, что у нас нет горючего. Равнина буквально усеяна звездолетами, их резервуары полны, но пользы от них мало... Кроме того, Морозов утверждает, что почва Антигоны очень богата сырьем для получения горючего. Но в глубине Бездны Лебедя притяжение невидимого антимира так сильно, что никакой двигатель не смог бы нас оттуда вырвать. Поэтому бесчисленные звездолеты и падают на солнечную сторону, но ни один не может подняться, как с кладбищ планеты Геры...

Мы несколько раз пробовали спускаться на равнину, несмотря на предупреждения Леса и Морозова. Я сожалею, что не послушалась голоса разума. Там, в песчаных норах существует (а не живет) обезумевший от отчаянья, но очень упрямый народ. Эти люди ничего не хотят слушать и бросают в нас камнями:

В одну из первых ночей человек десять моих «кузнецов» затерялись на равнине. Я спустилась по склону, чтобы позвать их. Там я и провела всю ночь с Джелтом, самым маленьким и слабым из них, и с Машей, уже взрослой девушкой, которая, несомненно, становится мутанткой. Мы сидели на скале над темной равниной. На плато поблескивали огни костров и слышались крики.

— Это правда, что ты спросила у Леса, у командора Леса, разрешение спуститься туда, а он не разрешил? — спросила Маша резким голосом. И я увидела ее глаза: как два мертвых хризопраза. И я подумала: «Если она останется такой, она станет жесткой и грубой, как бульжник». И я сказала:

— Лес никогда не запрещает. Он только сказал, что те, кто спустились туда, погибнут.

— Он это точно знает?

— Да. Талестра видела. Их убили. Эти, с равниной.

— Ах! — воскликнула девушка. — За что они нас ненавидят?!

— Они боятся, Маша. И голодают.

Джелт начал тихо смеяться, и я вдруг подумала, что он сходит с ума.

— Не сердитесь, — сказал он. — Я подумал, что мне повезло.

Я не очень-то знал тех, которые спустились. Но, если бы это была ты, Виллис, или Анг'Ри, или даже ты, Маша... Я бы пошел с вами. Как это ужасно, когда любишь, а? Но любим-то мы только близких людей...

А Маша крикнула разрывающим душу голосом:

— Те, что с равнины, не люди!

Однако, это не так.

Миграция — или приступ — началась однажды ночью.

Мы с Талестрой стояли на страже. Едва поднявшись с темной стороны, где она охотилась с Анг'Ри, она добровольно присоединилась ко мне. Казалось, она хотела сблизиться со мной, что-то доверить мне, но делала это довольно неловко. За исключением наших игр, вне пространства и времени у нас было мало общего.

Тем не менее между двумя падающими звездами она спросила меня:

— Как ты думаешь, одни и те же события могут происходить два раза в жизни?

— События? Какие события?

При свете звезд Лебедя ее резкий профиль выделялся, как арабеска.

— Неважно. Бывает так, что идешь среди толпы или по лесу. Появляется какое-то чувство. И у тебя создается впечатление, что это уже было. Не говори мне о перевоплощении или о памяти предков: это точно уже было, и ты даже знаешь, когда именно. Возможно ли такое?

Я заглянула в свое прошлое: однажды в руинах Гефестиона мне показалось, что сейчас все произойдет снова, что откроется дверь, и войдет Хелл... Но ничего не случилось. И у меня было недостаточно опыта, чтобы ответить на вопрос Талестры. Я сказала:

— Иногда веришь, что все сейчас вернется. Но это всего лишь отражение... карикатура.

— Говоря по-научному, — бросила Талестра, — Морозов сказал бы: «Атомы возвращаются, но их комбинации изменяются». У Валерана Еврафриканского глаза такие же, как у Леса... Ты мне скажешь, что такие предположения уже высказывались...

— Тебе надо бы поменьше думать о Лесе, он ведь телепат.

— Вот именно! — воскликнула она. — Если бы он обратил внимание на мои мысли! Если бы он только мог... Виллис, знаешь ли ты, что такое ревность?..

А я не знала. Можно ли ревновать к ночи, к смерти, к могиле на влажной планете?..

Именно в этот момент прожектор «Летающей Иглы» залил фиолетовым светом окрестности.

И мы увидели:

Нечто похожее на морской прилив поднималось со стороны плато Отчаяния.

Существа, которые пробирались по пескам, были иссушены, как пауки, или раздуты, как бурдюки,— ведь смерть принимает столь обличий! В фиолетовом свете прожектора некоторые были похожи на давно уже умерших, другие были покрыты жиром и кровью. Некоторые ползли по земле, падали, скользили. В молчании. Я никогда не видела ничего более страшного. Ужас поднимался все выше и уже обступал меня. Тяжелый запах дикого зверя предшествовал этой толпе, и в сгустившемся воздухе можно было уже различить едва слышное, но тем более неотвратимое знакомое завывание песка и ветра...

Талестра вскочила, я удержала ее за локоть. Я увидела ее зеленые, будто опрокинувшиеся глаза.

— Это катаклизм?!

— Похоже. Поднимись наверх и жди у щита. Анг'Ри пойдет и разбудит Леса.

Она сказала с неожиданной нежностью:

— Только буди осторожно. У него ведь больше не будет от духа.

И Анг'Ри, неожиданно появившийся откуда-то из ночи, ответил:

— Я слышу. Это конецтигоны.

Действительно, на этот раз бездна двинулась с солнечной стороны, и я поняла, что на Антогоне не может быть ничего постоянного, что она периодически опрокидывается...

А на плато тем временем:

— Нас засасывают черные вихри. И ничто-ничто не может остановить их продвижение...

— Бежать? Но куда? Посмотри — горизонт совсем почернел, а жгучий ветер бросает в наши лица запах гнили...

— Земля оседает под нашими ногами, она трескается и выплывает кипящую смолу...

— Ад! Мы в ад!

— Солнце Лебедя гаснет...

— Да, оно уже мертв...

— Как будто слышен гром с Крайних гор?

— Это они! Они сражаются! Ах, как бы я хотел быть с ними!

— Какая разница, они тоже умрут.

— По крайней мере, это будет осмысленная смерть.

— Осмысленной смерти не бывает...

— Хедди, не покидай меня!

— Я здесь, малыш!

— Даже не видно друг друга в этой крысиной норе...

- Орль, мне страшно...
- Закрой глаза, я обниму тебя!
- Давайте поднимемся наверх, надо все-таки что-то делать.

Трудно смириться со смертью в этих дырах...

- Да ведь и выйти уже нельзя.
- Как будто небо падает на нас...
- Да нет, это просто ночь.
- Но этот гром, этот гром...
- Это призыв, пошли туда.
- Берегитесь зыбучих песков...
- Хедди, иди сюда! О, космос! Она упала и не двигается. Моя малышка Хедди...
- Как будто все умерли.
- Орль, я чувствую, как что-то схватило меня и уносит, отрывает от тебя...
- Во имя неба, у меня ноги горят!
- Такое впечатление, будто огромная пиявка наваливалась на эту планету. Она засасывает наши тела и выворачивает землю...
- Это бяка, бяка, бяка...
- Даже двигаться больше невозможно, ветер словно стирает нас, прогнившее небо давит на нас!
- На помошь! На помошь!
- Ха-ха! Так вы ее и дождитесь...

А хуже всего стало тогда, когда черная туча разразилась потоком зеленоватого огня, огромными сине-зелеными градинами, которые взрывались и поглощали землю. Нечто похожее на холодный огонь, который сжигал все окружающее. Люди катались по песку, пытались зарыться в него, но и песок горел. Там, где начиналось ущелье, что вело к нашей цитадели, Лес установил два огромных заградительных барьера из меди, но первый поток беглецов смел их. Некоторые пылали, как факелы, на уступах из корунда. Однако водой из виадука, который Морозов закончил несколько дней назад, удалось заполнить мелкие кратеры, куда они бросались, и это помешало дальнейшему распространению огня...

И все это опять-таки напоминало город Дитса и его горящих грешников.

Но многие не могли добраться до входа в ущелье, чтобы спастись. Истерзанные, искалеченные, покрытые ужасными волдырями, они падали среди дымящихся дюн, и мы слышали их крики. Я объединила тех «кузнециков», которые умели левитировать, и они, приняв меры предосторожности, спустились вниз, стали собирать детей, которых протягивали им обессилевшие матери, поднимали и оттаскивали ко входу тех, кого еще можно было спасти. И Талестра

помогала им — в таких случаях всегда можно было рассчитывать на ее невероятную энергию.

Самым странным было то, что она умела разговаривать с ними. Она говорила, например, обожженному: «Тебе еще повезло, что ты так отделался!» А тому, у кого была ободрана кожа с лица, и оно стало похоже на сетку из разорванных кровеносных сосудов и хрящей: «Ты не очень красив, парень, но ты сюда не женился пришел!» А той, которая несла маленькое тельце с бессильно откинутой головкой: «Положи его, я сама им займусь. А тебе надо отдохнуть...» И они обессиленно падали на выступах из полированного гранита, они слушали такие обычные фразы и животворный голос, который говорил им: «Что ж, вы неплохо пробежались, вы победители! Хотите пить? А теперь ложитесь спать, вами займутся...» И они пили воду, ложились и умирали. А она снова спускалась на равнину, подбирать других. Я прониклась к Талестре огромным уважением...

Сама же я только и могла, что делать умирающим успокаивающие уколы и брать на себя часть их страданий. Я бродила между кратерами, куда они попадали, и откуда торчали, как из котлов, их грешные головы с перекошенными, что-то шепчувшими мертвенно-бледными лицами, — и все это страдание становилось моим, как будто у меня самой была проказа, лихорадка или разрывалась кожа... А самыми терпеливыми и доверчивыми были дети: они смотрели на нас своими светлыми глазами, они старались улыбнуться нам с обычной для них робостью, которая прощает взрослым их постыдную беспомощность... Они жалели меня, потому что я не могла помочь им.

Кончилось тем, что я бессильно опустилась на краю какого-то кратера. Мой комбинезон был прожжен в разных местах, залит кровью и запачкан пеплом. Чей-то ребенок умирал у меня на руках, а молодая девушка умирала у моих ног. И вся моя сила вдруг покинула меня.

И я сказала во весь голос:

— Мы никогда не сможем спасти их всех!

— Это так, — ответил чей-то уверенный голос рядом со мной. — Но ясно, что вы бы умерли, чтобы спасти хотя бы еще одного, разве нет? Вы невероятны. Вы и есть мутантка?

— Может быть.

— Хотите покурить схрауи? Доставлен прямо с Сигмы.

Я внимательно посмотрела на незнакомца. И сам он прилетел прямо с Сигмы — пребывание на Антигоне не успело наложить на него свой безжалостный отпечаток. Он был высоким, утонченным, породистым, как хорошая борзая, и его темно-синие глаза насмеялись над всем белым светом. Несомненно, ему уже приходилось участвовать в отдельных спасательных операциях, так как его кос-

мические доспехи местами потускнели, порвались и выцвели. Какими бы ни были бездны и предательства, которые нас потом разделили, я никогда не забуду эту первую встречу с ним у кратера на Антигоне, среди мертвых и агонизирующих, с этим высоким, забрызганым кровью космонавтом с рукой на перевязи, который предлагает мне свою последнюю порцию схрауи, как будто мы прогуливаемся по садам Сигмы...

— Спасибо,— сказала я,— я не курю. Вы тот самый парень, которого Талестра подобрала наочной стороне? Зачем только вы прилетели на Антигону? Вы же знали, что это ад...

— А почему вы спрашиваете?

— Мы читаем мысли, вы понимаете?

— Да,— сказал он мрачно,— вы умеете черт знает что, я забыл возвести мои мысленные барьеры. Предположим, я мог бы прилечь, чтобы познакомиться с мутантами. Потому что...

— Потому что вы любите Землю. Несмотря ни на что.

— Да.

— ...Даже зараженную, прогнившую, проклятую!

— Такую, какая она есть. Я болен Землей. Но не пытайтесь излечить меня, Виллис...

Он не успел закончить фразу, появился Джелт. Он кричал, что огромная желеобразная масса поднимается к горам, и что Лес приказал собрать все тяжелые дезинтеграторы в одну батарею, а всем мутантам собраться на площадке, выходящей наочную сторону.

Слова у Джелта, как всегда, сливались в одно целое, и он прямо-таки облетал скалы: состояние крайнего возбуждения перешло в эффект левитации. И его призывы, распространяясь волнами, вызывал с равнинны юных спасателей, отрывал сверхчувствительных от раздавленных, искалеченных, обожженных людей, страдания которых они пытались облегчить. Пролетело нечто, похожее на стрелу, с опрением, напоминающим шевелюру Талестры, которая в это время, очевидно, пересекала какую-то другую частоту времени... Небольшая фигурка цвета полированного дерева — Морозов — ввинтилась в воздух, как пропеллер старинного самолета. В то же время впервые осуществив в таком масштабе чудо телекинеза, группа «кузнецов» медленно подняла в воздух все тяжелые корабельные дезинтеграторы, которые до сих пор находились в пещерах, и они медленно опустились на передовой позиции, где Гейнц встретил их прочувствованными ругательствами и благословениями... Провожая взглядом эту невероятную мобилизацию, Валеран только и сказал:

— Так значит, вы обладаете универсальной силой?

А внизу тем временем начали наступление спруты. Или это были ихтиозавры?.. Все это кипело, вздувалось, как морской прилив —

желеобразная масса, которая как будто вытекала из мрака и поднималась вдоль склонов. В некоторых местах она была почти прозрачной, липкой, бесформенной и все же живущей какой-то своей страшной жизнью. Из нее время от времени высывались то загнутый клюв, то щупальце, оканчивающееся присосками, огромное, как ствол дерева. Раскрывались гигантские черные пасти, готовые хватать все живое. Вся ужасающая фауна бросилась на нас, и Морозов по ходу дела показывал нам слепых бентозавров с длинными светящимися плавниками, черных паралипарисов с дряблыми телами, калодиусов, которые представляют собой бродячие желудки. Поднявшись из своих глубоководных пещер, медузы перифилла парили в плотном, как вода, воздухе. И другие кошмарные образины поднимались из глубины темных тысячелетий с блестящей чешуей ящерообразных, омерзительными плоскими головами, пилообразными зубами: горгозавры, диноцефалы, диноцераты. Это стадо чудовищ было воплощением плотоядного голода, первобытной ярости; зла в его натуральном виде. А как часто встречала я его в своей короткой жизни. На «Летающей Земле». У трупа Хелла. В руинах Гефестиона. А сегодня я видела, как оно вытекает из застывших гипнотических глаз спрута...

И напрасно дезинтеграторы жгли своими мощными лучами всю эту массу. Я не могла отделаться от мысли, что бой только начинается...

Именно в эти минуты до меня вдруг дошло: уже в течение часов глухие медные раскаты сотрясали горы...

А это время под щитом, который звал к оружию. Анг'Ри сменил Талестру: та должна была спуститься на равнину. Ему велели стучать изо всех сил.

Он был в щит и сочинял поэму.

Анг'Ри был довольно-таки простым юношей, в какой-то мере вождем племени, в какой-то мере бойскаутом и вообще парнем, достойным восхищения. В различные эпохи земляне его типа сочиняли абстрактные стихи, разжигали пожар революций или создавали фантастические звездные корабли. До сих пор в его слишком насыщенной жизни не было времени для развлечений, поэтому он и воспользовался возможностью, в то время, как его товарищи боролись с великим кошмаром. Попадая в такт своим ударам, он возглашал свое творение, похожее на пророчество:

Я, Анг'Ри, не помнящий отца,
Пришедший из ниоткуда,
Я услышал голос космоса.
Это могучий голос — он звучит
На вершинах гор, на равнине и в пространстве —

И все окружающие предметы становятся для меня прозрачными,
Как будто это утренние звезды.

И я увидел:
Планета, на которой я стою,
Всего лишь выброшенный бильярдный шарик,
Который вертится под влиянием гравитации.

И я увидел:
Созвездие под названием Бездна Лебедя —
Всего лишь куча шаров, затягиваемых
Притяжением пустоты...
Это пиявка, которая сосет бесконечность,
Это дверь, открытая в смежные миры.
Все они нам чужие, и все они наступают на нас
И завоевывают космос.

Столько миров, сколько точек может уместиться
На острие самой тонкой иголки.
Неисчислимое количество:
Здесь все миры, которые только можно себе представить,
От трансгалактических радиотуманностей
До черных миров антиматерии,
Считая планеты, где условия пригодны для жизни,
Где воздух такой мягкий,
Где под единственной луной
Созревают земные плоды...

Но увы! Зло пришло к нам,
Оно распахнуло бездну,
В которую мы падаем —
Мы падаем...
ПАДАЕМ...

Ах! Пусть придет тот,
Кто может вывернуть вселенную,
Как перчатку!
Чтобы зло обрушилось
На другую сторону!

И молот падал и падал на медный щит в ритме пламенных строф.
Казалось, что вся гора взывает о помощи...

Виллис думает:

Щит трепещет, как огромное сердце, взятое в плен мраком,—
взывая, умоляя, и концентрические волны расходятся по всей планете.

И все больше чудовищ сжигается у скал, как будто горят внутренности Антигоны, запущенные в огненную реку,— все черные и мерзкие твари, которые осаждают единственную обитель гуманоидов в этом затерянном углу вселенной. Горстка гуманоидов, которой

командует Лес, защищает ее. Тот самый Лес, который всегда был яростным ангелом, бойцом бесконечности. А против него — поднимаясь из открытых бездн — это медленное и глубокое всасывание, этот космический голод, который притягивает к себе целую планету, еще удерживающую силами гравитации на границе антимира...

В разгар боя решили собрать небольшой совет, чтобы определить, должны ли мы покинуть первую линию кратеров со стороны равнинны. Конечно, оставаться там больше нельзя — скалы раскалились, но нас беспокоит судьба этих проклятых в канавах и в кратерах... Я осмотрелась и подумала, что мы еще неплохо выглядим. Однако, многих здесь нет: Гейнц и наши последние пассажиры заняты у дезинтеграторов, а Анг'Ри — у щита. Собрались в основном полукалеки: прихрамывающий Морозов, Валеран с рукой на перевязи, Талестра с обожженными ресницами и огромным волдырем на носу. А сама я шатаюсь от усталости. И все покрыты кровью, как мясники.

Пещера, где мы собирались, раньше была, скорее всего, залом заседаний: вдоль стен стояли грубо вылепленные сиденья, а в глубине — нечто вроде трибуны. Лес смотрел на нас оттуда — как всегда спокойно и холодно. Он даже не стал проводить анализ ситуации — и правильно, что не стал. А Морозов прямо-таки светился от радости, и это раздражало. И Талестра не выдержала:

— Небо падает на наши головы, — сказала она, — а ночные смерчи опустошают склоны. Антигона засасывается бездной вместе с нами. А у вас такое лицо, как будто это праздник! Будьте немного сдержаннее, прошу вас!

— Ты не понимаешь, — отвечал он. — Мы наконец-то получили результат.

— Объяснись, — сказал Лес абсолютно спокойно.

— Пожалуйста, — кивнул Морозов. — Это очень просто: Талестра права, эта планета гибнет, а мы приговорены — на нас наступает всякая нечисть с одной стороны, а смерчи — с другой. Однако ясно, что силы мрака боятся нас.

Валеран как ни в чем не бывало курил свою сигарку из схрауи. Он был сейчас мысленно за сотни тысяч километров от Антигоны...

— С чего вы это взяли? — поинтересовался Валеран.

— Им только и оставалось дать нам спокойно сдохнуть на наших скалах. Так нет же, они беспорядочно атакуют, чтобы ускорить развязку. Зачем? Есть три возможных объяснения: а) мы находимся в каком-то опасном для них месте и способны каким-то образом стеснить их действия; б) сама наша группа представляет опасность для них, и в) кто-то спешит нам на помощь. Следует также отметить, что все гипотезы далеко не исключают одна другую...

— Что Антигона может быть точкой слияния двух миров, —
сказал Лес, — вполне вероятно. И что батарея из ста мутантов мо-
жет создать силовое поле — тоже весьма соблазнительная идея.
Но я не вижу того, кто мог бы рискнуть — рассчитывая на минимум
удачи — пуститься на поиски, чтобы спасти нас в Бездне Лебедя.
Когда ты покидал Сигму, Валеран, шла ли речь о другой экспеди-
ции?..

— Нет, — отвечал Черный принц, стряхивая пепел со всей си-
гарки. — Но не забывай, что мне пришлось задержаться в районе
Полярной звезды и созвездия Лиры. И я искал вас по всей Бездне.
Даже на Гефестионе был...

Это было чистейшей правдой. Он точно следовал по заданному
маршруту и разыскивал экспедицию, затерявшуюся среди бесчис-
ленных миров. И время потеряло для него свое значение...

— К тому же, — продолжал Валеран, — ты ведь знаешь своего
отца. Даже это усилие — посылка «Надежды» — было равно для
него поражению...

— Н-да...

Тонкие пластинки потолочной лепки посыпались сверху, устилая
пол пещеры. Талестра инстинктивно приложила ладони к ушам,
а Валеран прикусил язык. Монотонный шум слышался, казалось,
со всех сторон, из древних недр Антигоны, с низкого и черного неба...
И вдруг Морозов заговорил снова. Он сказал нечто странное:

— Прошу простить меня. То, что я сейчас скажу, не имеет никакого
научного обоснования, но после всех этих историй с мутациями,
с телекинезом и прочим я начал по-новому постигать суть многих
событий... которые прежде, на Сигме, могли бы шокировать меня.
Но ведь мы находимся далеко от Сигмы и от всего реального мира,
не так ли? Талестра, милочка моя, разве ты не чувствуешь, как кто-то
летит к нам на помощь? И что он совсем близко? А ты, Виллис?..

Ошеломленные, мы переглянулись.

И...

Яркий свет, страшный грохот взрыва заполнили пещеру. Гора
зашаталась. И наступила тишина.

Тишина...

Нас всех бросило на землю.

Тишина...

Перевернутый мир медленно приходил в себя.

И тут же мы различили другие, уже близкие звуки, еще более
устрашающие: клокотание болота. Свистящие вдохи. Крики... Твари
наступали, должно быть, они уже заняли линию кратеров. В густом
дыму, который заполнял пещеру, возникли силуэты «кузнецов»
во главе с Анг'Ри.

— Бездна Тьмы! — кричали дети в ужасе. — Она там! Она за-
сасывает всё!

— Огонь попал на щит!

— Он плавится!

Лес повернулся к Морозову и сказал ему со своим обычным сверхчеловеческим спокойствием:

— Не нас боится Мрак, а щита. Он разрушен. Пусть хранит нас теперь космос или какой-нибудь чудодей. К дезинтеграторам!

То, что последовало за этим, называется, как мне кажется, руко-пашной схваткой.

На самом деле, я видела это в первый раз. И еще не раз увижу в моих снах.

Под напором густого и липкого прилива люди убивали и тут же умирали сами. Талестра, держась одной рукой за выступ и вися над пропастью, палила яростно и беспорядочно во все стороны. Лес прокладывал аккуратный широкий проход последним беглецам с линии кратеров. И Валеран, укрывшись за целой грудой мертвых тел и похожий больше, чем обычно, на черного ангела, помогал ему.

И все-таки последний из наших пассажиров был поглощен черным вихрем, когда мы покидали линию кратеров...

XXV

Именно этот момент он и выбрал, чтобы появиться со своей знаменитой эскадрой прямо над Красными горами.

Очень резко выйдя из пике на огнедышащем «Скорпионе», во главе своей эскадры он так низко пролетел над Антигоной, что порфировые скалы заходили ходуном. Рев тормозящих двигателей наполнил кратеры и концентрические переходы пещер. Фиолетовое небо адской планеты как будто разорвалось, осветилось и загорелось на линии горизонта. Это было настолько странное, даже бредовое зрелище, что, забыв на какое-то мгновение наше бедственное положение, спротов, ящеров, радиацию, мы с раскрытыми ртами застыли на площадке у дезинтеграторов. «Ты думаешь, это он?.. Это он?..» Ко мне прижалось напряженное до предела тело Талестры, ее побледневшее лицо было обращено к чудесному видению.

— Но что он делает? — спрашивал ошеломленный Морозов. — Лучше бы он разбомбил спротов!

— Эту возможность он предоставляет сопровождающей эскадре, — объяснил спокойный голос Валерана. — Тактика Сигмы, Лес. Я узнаю стиль.

Лес кивнул, взгляд его был особенно многозначительным. Потом он приказал спуститься в пещеру. И в самом деле — два самых тяжелых корабля опустились чуть ли не до вершин Красных гор и неумолимо, с невероятной точностью, избегая применять радио-

активное оружие, залили огнем поток желеобразных чудовищ. За ними последовали два других, потом еще два. Так они целиком очистили лес водорослей и склоны плато.

А сам «Скорпион», описав огненную дугу, поднялся высоко в небо — в то, что мы до сих пор принимали за небо Антигоны, и тяжелая свинцовая масса черно-фиолетового цвета, масса чудовищно живая и плотоядная, осветилась из конца в конец, разверзлась, как раскаленная бездна. Из этой развороченной необъятной тучи выступили длинные вялые щупальца, похожие на дохлых змей, оживших как будто под влиянием электрических разрядов, которые затрепетали и ударили изо всех сил в подножия гор, стараясь в то же время дотянуться до «Скорпиона», который своим оружием «избивали» их. Еще немного, и их объятие настигло бы его, это чувствовалось, не знаю, почему — неумолимое, живущее какой-то отвратительной жизнью, и в то же время мертвое, гниющее. Это была животная сила неизвестного мира, другой метагалактики, где все — наоборот. Еще секунда — и Талестра вскрикнула: змеиное гнездо сомкнулось на том месте, где уже ничего не было, не было «Скорпиона», испускающего огонь, не было его знакомого силуэта — и только внизу гигантские болотные растения дотлевали густым опаловым дымом, да корабли эскорта безостановочно кружились над равниной. Именно в этот момент до меня дошло толком: Мрак, Язва были, по-своему, живым существом... Невероятная неудовлетворенность, родственная досаде чудовищного зверя, раздраженного, что у него отняли добычу, повисла в воздухе, ставшем еще плотнее и темнее. Потом липкие тучи стали медленно расходиться...

— Будет лучше, если вы спуститесь в пещеру, — сказал Лес, обращаясь к нам с Талестрой. Но моя подруга и «кузнечики» засыти, обратив глаза к небу...

— Красиво... — прошептал Джелт.

Анг'Ри добавил:

— Он сейчас вернется. В'увидите насто'бой!

Я сомневаюсь, что он сам полностью понимал все свои выражения, но и мы знали, что конец «Скорпиона» будет нашим концом.

Но он появился так же неожиданно, как исчез, в центре ярко-красного жидкого облака. Он закружился вихрем, словно бешеный, ощетинился своими лазерными лучами, горизонт опять покрылся невиданными свечениями, и на этот раз в воздухе почувствовалось нечто вроде вспышки сильнейшей боли, как будто он физически ранил, искромсал гнусное чудовище, которое засасывало эту планету, и оно скрючилось под ударами огненных хлыстов. И под звуки грома, совсем не похожего на шум двигателей, мы ясно увидели это: черная тень, живая туча, начала отступать. Это движение было противоположно действию засасывания, которое до сих пор затягивало Антигону — зверь был ранен и пытался убежать...

А прямо над нашими головами невредимый «Скорпион» — на этот раз в сопровождении своей эскадры — продолжал палить из всех своих дезинтеграторов...

И вдруг наступил день. На обеих сторонах Антигоны.

— Виллис! Виллис!

Один из «кузнецов» орал благим матом у подножия горы. Ей снова надо было возвращаться к «своим». Они слушали лекции Морозова, охотились с Талестрой. Старшие уже обходились без нее, но стоило им попасть в беду, они кричали: «Виллис, Виллис!»

Но на этот раз речь шла не о ком-нибудь из них. Всеохватывающее жесточайшее страдание, до сих пор еще ни разу не испытанное, увлекло Виллис, и она соскользнула вниз, под скалы. Сначала до нее не дошло, человеческая кровь лилась рекой отовсюду, смешиваясь с раздавленными телами отвратительных чудовищ. Но под камнями кто-то мяжал, как котенок. «Кузнечики» толпились вокруг, одна из девочек спрятала лицо в ладонях, согнулась и отчаянно заревела. Чтобы заставить ее замолчать, Виллис совершила невероятный до сих пор поступок: она походя отвесила ей звонкую затрещину! «Да, дошла я...» — подумала она не без иронии. Дальше ей идти не пришлось: в луже крови конвульсивно подергивалось что-то белое, привязанное как будто за веревку...

— Выбросить это! — истерически закричала девочка.

«Выбросить это!» Все древние предрассудки, все земные табу слышались в этом крике. Виллис наклонилась и сквозь обвивавшую ее «сорочку» встретила серьезный взгляд двух больших необычайно синих глаз.

— Выбросить это! — сказала она с возмущением. — Как же так? Он ведь смотрит на нас!

И она хотела подобрать ребенка. Но тут она заметила под опрокинувшимися глыбами белую ногу с разорванными венами. Колебания пуповины были вызваны судорогами агонии этой матери, вытолкнувшей ребенка из себя, оттолкнувшей его от смерти... Просунув руку как можно осторожней между камнями, Виллис дотронулась до бедра и до живота. Остальное тело было раздавлено гранитной глыбой...

Она приказала детям отойти и позвать Морозова, а сама осталась с мертвым телом и с ребенком. В голове у нее было пусто, и в то же время она чувствовала какой-то смутный призыв, ей казалось, что место ее уже не здесь, что судьба в критический момент удаляет ее отсюда. Судьба или воля?.. Морозов съехал по склону, он хотел сначала раскопать женщину, но быстро отказался от этой идеи. Он заглянул в щель между камнями и сказал, поднявшись:

— Она мертва. Ничего не поделаешь.

— Но она только что двигалась...

— У нее раздавлена голова. Но движение ребенка уже началось.

Он немного дрожал. Виллис подобрала с земли нож из полированного камня, принадлежавший одному из часовых, и обрезала то, что соединяло мать с ребенком. Это был мальчик.

— Да он родился в сорочке, — сказал неожиданно постаревший Морозов шепотом. — На Земле сказали бы, что он будет счастлив...

Затем, сняв свою пресловутую шкуру, он прикрыл ею белую ногу.

— Это первый ребенок, родившийся на Антигоне, первый ребенок нашего полета...

Сгрудившись на краю кратера, «кузнечики», которые так храбро боролись со спрутами и левитировали над огненной равниной, тоже дрожали...

— Как вы им это объясните? — спросил Морозов.

И Виллис, безмятежно:

— Я скажу им, что этот ребенок родился из земли Антигоны, из могилы своей матери. Разве все мы не рождаемся именно так?

Однако многие девочки чувствовали себя плохо, и она поспешила унести ребенка в пещеру, чтобы обмыть и запеленать его.

А наверху, на площадке, все стоя приветствовали посланцев восхитительной эскадры — Талестра во главе, со своей мужественной мордахой; в боевых скафандрах астронавты не были похожи ни на Леса, ни на Валерана, они были грубее, более жизненными, менее породистыми, но, несомненно, она признала своих: бойцов, корсаров! Но когда сам Айрт Рег снял шлем скафандра, она поразилась странному контрасту между страстными, еще детскими губами и серыми холодными глазами, в которых проплывали тени звезд и облаков...

— Мне было довольно трудно обнаружить вас, — сказал он, обращаясь к Лесу, в котором без колебаний тотчас признал командаира. — У меня не было ваших точных координат. Но этот колокол...

— Ага, так вы слышали колокол?

— Да, наверное, этому способствовали орбитальные вихри. Мы принимали звон на ультракоротких волнах.

— Это приспособление древних жителей Антигоны в форме щита.

— Да, они умели создавать. Но, учитывая искажения магнитных полей звезд Бездны Лебедя, вас, конечно же, было нелегко обнаружить!

— Спасибо вам, — сказал Лес. — Сожалею, что мы завлекли вас на эту планету...

А Талестра с глубоким сожалением думала, что это была вроде бы обычная встреча цивилизованных людей, что происходила она так, как могла происходить любая такая церемония в любом порту вселенной... в то время, как все они находились в аду, и ад этот только что завлек в свои сети Айрта и его чудесную эскадру...

— Это ничего, — отвечал между тем Айрт. — Рад, что оказался

полезен вам. Но теперь надо подумать о сборах: мне кажется, что на этой планете не очень пригодные для жизни условия. Мои корабли к вашим услугам.

— Чтобы?..

— Чтобы переправить вас на Арктур, конечно же. Может быть, не на саму Сигму, с которой у меня... скажем, некоторые недоразумения, а на одну из ближайших планет.

— Несчастный! — крикнула Талестра. — Вы хотите взлететь! — И она, которая молодцом держалась на Уране, Гефестионе, Антигоне, потому что была храброй и потому что не хотела участвовать в панике, которая лишь стискивала зубы в пламени огнеметов и среди взрывов, та самая Талестра закрыла лицо руками и разрыдалась.

Конечно же, несколько «кузнецов» последовали ее примеру. И возник беспорядок.

— Однако, — сказал Айрт. Он очень смутился. Девушка приникла к его плечу, и он растерялся, невольно обнимая эту статую с рыбой шевелюрой, этот источник вырвавшихся энергий с самыми различными и самыми бурными проявлениями. — Однако вы не должны так переживать. В конце концов, вы, командир, и вы, профессор, скажите ей, что в этом нет никакой тревоги...

— Есть! — взорвалась Талестра. — Вы разве не знали, что Антигону невозможно покинуть?!

— Однако приземлился я без всяких затруднений...

— Еще бы! Здесь очень приятно садиться, когда тебя засасывает бездна. Вот так здесь и оказалась тысяча кораблей! Но попробуйте взлететь! Это вопрос притяжения: ведь Антигона — гигантская разбушевавшаяся пиявка, вылезшая из какого-то ужасного места. Разве это не так?! Вы все, да скажите же ему!

И она в изнеможении умолкла среди дыма и слез, ее подавленные спутники отворачивались и ничего не отвечали...

— Я не думаю, что ситуация настолько безвыходна, — сказал Айрт. Освобожденный от прислонившейся к нему статуи, он вновь овладел присущим ему хладнокровием путешественника открытого космоса — он верил только в опыт и в вычисления. — Я знаю, что Бездна Лебедя — неустойчивое созвездие, но мне не раз приходилось садиться на его планеты. Я заправлялся на Евриале, на Марсиасе и на Антропосе. Я знаю, что все эти планеты пользуются дурной славой, — добавил он, заметив недоверие на окружавших его лицах, — но мне часто приходится водить целые караваны эмигрантов, которым необходимо продовольствие и первая помощь, а получить их они могут только в пиратских портах...

— Евриал... — прошептала Талестра, ставшая вдруг очень внимательной. — Марсиас... Но ведь это соседние планеты! Вы говорите, что садились на них?

— Да.

— И вам удавалось взлетать? Вы не лжете?

Он улыбнулся, и все вокруг как будто осветилось.

— Какой мне интерес?..

— Но тогда,— вмешался Валеран,— у вас какая-то особая тактика, которую мы не знаем?

— О,— сказал Аирт,— может быть... Когда мне нужно двигаться быстрее, я лечу через подпространство. Но ведь вы сами,— обратился он к Талестре,— научили меня этому. Вы и ваша подруга, конечно же...

После этого последнего ужина на Антигоне все они почувствовали себя страшно измощденными. «Кузнецы» засыпали прямо на земле, у ног Аирта и его астронавтов, которых они тотчас же восприняли как персонажей из легенды. Лес поднялся еще до рассвета, чтобы приготовить корабль к старту. Было решено использовать все исправные корабли, в том числе «Летающую Иглу». Безгранич-ная надежда заполнила пещеры Красных гор.

Морозов подошел к выходу из центральной пещеры. Его изящ-ный силуэт выделялся на фоне сиреневых сумерек. Он задумчиво смотрел на изменившееся небо — оно было светло-фиолетовым — с тех пор, как тучи отступили, как миражи исчезли... Он сказал, обращаясь ко всем и ни к кому в особенности:

— Чистое небо, прекрасная ночь, светлая и холодная, как на Земле... Так это возможно — такое обновление, такое освобож-дение...

В течение всего этого вечера Аирт и Талестра обменялись всего несколькими словами, имевшими отношение только к сборам, и оба были преувеличенно спокойными. Аирт украдкой рассматривал амазонку: она не была красавицей, но как привлекала ее огненная шевелюра, ее глаза, в которых можно было утонуть! За то время, что он ее видел, она успела поплакать, посмеяться, покричать, ведь это был живой человек! Не мертвая принцесса и не голос, принад-лежащий неизвестно кому... Он пристально следил за ее рукой, и на фоне порфировой глыбы — она тоже была такой живой, с гиб-кими и загоревшими запястьями, она держала нож с костяной руко-яткой и разделяла им факожира, нарезала водоросли, как будто вся ее жизнь прошла на охоте или в мясной лавке. Когда Морозов заговорил, она легко поднялась со своего места и танцующей по-ходкой подошла к порогу. Огромные холодные звезды Лебедя свер-кали в ночи, как неподвижные фонарики. Воздух казался кристально чистым.

— Мне страшно при мысли, что я буду с тоской вспоминать этот пейзаж,— сказала она.— Я не хочу этого...

— Где Виллис? — вполголоса спросил Анг'Ри.

— С детьми и ранеными,— отвечал Морозов.

Кто-то в темном углу пещеры спросил:

— Мы отправляемся завтра?

И Айрт ответил:

— Да, если вы будете готовы. Мы с командиром Кэрролом осмотрели «Иглу», она в хорошем состоянии. Я не могу сказать то же самое о корабле, который поведет принц Валеран. Ну да ладно! Бро-ня выдержит, а двигатели работают нормально. Этого хватит, чтобы переправить людей на Сигму.

— Вы думаете лететь прямо на Сигму?

Он слегка нахмурился:

— Нет. Этим займется командор Кэррол. А я... у меня другие задачи.

Морозов неторопливо поднялся со своего места:

— Другие задачи... Так ты нам позволишь? Мы с «кузнецами» сейчас покинем вас: они еще слишком молоды, а я уже слишком стар. А завтра нас ждет далекий путь. Это ведь последняя ночь на Антигоне...

— Это последняя ночь...— вздохнула вся пещера.

— Это последняя...

Анна снова опустила голову на плечо Орля. Жак, бывший Ночной, поднял сразу двух самых маленьких «кузнецов». И все они тихо исчезли, один за другим, как тени. Талестра и Айрт остались одни в середине пещеры. Наверху, в скалах, часовые, выбранные из людей равнинны, перекликались вполголоса. Мерцали светильники на стенах.

— Неплохо бы прогуляться,— сказал Айрт.— Я еще не успел толком рассмотреть Антигону.

Талестра встала, потянулась и вздрогнула от ночной прохлады. Он мгновенно набросил на ее острые плечики свою космическую куртку, как будто эта проклятая планета со своими ловушками превратилась в Землю с ее старинными обычаями...

— А где Лес? — спросила девушка нерешительным голосом.

— Он должен быть на борту «Летающей Иглы»...

— Да, как всегда,— прошептала она с полузакрытыми глазами.— Объясните мне: вы в космосе все такие? Для вас в целом мире существует только это: дом, корабль, товарищи, космос?.. В самом деле, ничего другого?

— Нет,— сказал Айрт, улыбнувшись.— Есть совсем новые миры, совсем другие, есть новые зори. Есть небо, которое отражается в ваших глазах такого странного оттенка...

— Я знаю,— сказала Талестра и продолжила: — «Задумчивая, как раза, и живая, как фиалка...»

— Что вы сказали?!

Он резко остановился, схватил ее за загоревшее гибкое запястье. Талестра рассмеялась, губы ее были похожи на лепестки розы:

— Вам знакомы эти стихи? Они принадлежат древнему земному поэту по имени Данте...

— Я знаю. Кто-то мне о нем говорил.

— Пойдемте, — сказала она. — Мы посмотрим сейчас на путь в рай, который открывается перед нами...

И она побежала по платформе, с которой уже убрали дезинтеграторы. Здесь царила великая тишина, было еще темнее, чем в пещере, и девушка instinctивно взяла Айрта за руку. Однако мало-помалу глаза их привыкли. Звезды с каким-то хрустальным блеском, оранжевое, как будто затухающее свечение солнца Лебедя производили величественное впечатление. Черные и зубчатые верхушки скал казались отпечатанными на фоне бледного диска. По всей поверхности массива светились входы в пещеры, озаренные изнутри огнем светильников: беглецы с равниной праздновали свою последнюю ночь на Антигоне.

Айрт несколько минут всматривался в эти огни:

— Как будто окна земного дома, который зовет нас... родного дома. Если я когда-нибудь увижу его, я вспомню эти огни.

— Я тоже.

Какую-то секунду они смотрели друг на друга, такие молодые и уже с такими печальными глазами. Потом Талестра неожиданно потянулась к нему, он наклонился, и их губы встретились. Лес был далеко, да и существовал ли он в какой-либо другой ипостаси, кроме обычного чистого разума борющегося ангела! Их странствие подходило к концу, он прилетит на Сигму, к тем, кого любит. Валеран тоже казался погруженным в раздирающие его противоречия. Да и Астрид была мертва. А они сейчас выбирались из бездны, их поджидала абсолютная неизвестность, а губы их были обветренными, солеными от слез, упрямо сжатыми... И был это, скорее, не любовный поцелуй, а братское объятие, отчаянное какое-то... Айрту казалось, что он обнимает свою планетку, а Талестре — что саму жизнь.

В разгар этого поцелуя их застало чье-то незаметное появление, чей-то тихий, немного хриплый голос, который произнес:

— Талестра, Лес Кэррол тебя зовет.

Она исчезла, не сказав ни слова, как тень в свете звезды Лебедя, и они оказались лицом к лицу. В лучезарной ночи Айрт узнал ту, о которой он только мечтал, которая оказалась еще более совершенной — посеребренный овал лица, силуэт гибкой лианы, глаза цвета загадочного кристалла и белизна снега и бездны... Сердце его сжалось так, что хотелось крикнуть...

— Вас зовут Виллис, да? — сказал он, потому что надо же было что-то говорить.

— Да.

— Та, которая сказала: «двигатели выдержат»?

— Мне кажется... да. Я так сказала.

Он хотел бы крикнуть, не таясь, что в самые тяжелые минуты его жизни она была для него надеждой и мечтой, была ближе, чем любовница или сестра... Но лицом к лицу с Виллис он был не космическим корсаром, единственным землянином, напавшим на Язву с открытым забралом, а просто юношей, который на мрачном астeroиде устраивался на травке, чтобы наблюдать за кометами. А тут еще Талестра! Которой он не нужен, которая смеялась над ним, и которую Виллис застала в объятиях...

А Виллис смотрела на него, испытывая при этом ужасное разочарование. В течение долгих ночных, когда они с Талестрой вели «Скорпион», ей иногда казалось, что она говорит с Хеллом, только с молодым Хеллом, который жил до всех этих унижений, ужасов и смертей. Как будто это было близкое ей существо, которому она могла стать близкой подругой. Но это оказалось миражом, за исключением формы, правильных черт лица, вылепленных пространством... Нет, ничего не напоминало Хелла в этом незнакомом юноше (хотя у всех у них были общие черты и часто тот же нежный и горький изгиб рта). Да, оба они были астронавтами, оба искали одинаковой славы и подвергались тем же опасностям. Но у этого отсутствовала подавляющая сущность и изысканность Хелла, ему не пришлось столько выстрадать, и она не была нужна ему. Талестра... Что ж, она охотно уступала его Талестре.

Небо становилось светлее, воздух — холоднее.

Она сказала:

— Вот и рассвет.

XXVI

Виллис продолжает свой рассказ:

А что было потом?.. А потом был отлет среди вихрей, бурь, огненных смерчей, как будто в последнюю секунду Антигона решила на победить и удергать со своим обычным коварством. Четырех линейных кораблей, самого «Скорпиона» и «Летающей Иглы» едва хватило для полной эвакуации. Однако, большая часть мутантов поднялась на «Скорпиона».

Как только поднялся последний корабль, нырнув затем в подпространство, адская тишина и густой мрак опустились на планету. Не было ни преследования, ни орбитальных бурь, и мне кажется, что Талестра пожалела об этом. Устроившись в носовой части корабля вместе с Айртом, она понемногу подпевала другим (у Талестры нет голоса, но почти идеальное чувство ритма), которые затянули гимн «Скорпиона»:

Приведем в порядок все системы!
И к черту страх!
Мы решили все проблемы
С дезинтегратором в руках!

«Кузнечики» покрывали своими воплями хор корсаров. Орль и Анна целовались, а Гейнц прижал к себе какую-то молодую «колонистку»...

А ребенок — Родившийся-из-земли-Антигоны, которого прозвали сокращенно Риза, спал на коленях вдовы Клауса, которая потеряла свою веру в бога на плато Отчаяния.

Я же кончила тем, что устроилась в узком лестничном проходе, на той же ступеньке, где я уже как-то сидела, но только на другом корабле, в течение другой ночи, казавшейся мне теперь страшно далекой... Казалось, что прошли века с тех пор, как мы попали на Антигону. Мы спустились в ад, а теперь возвращались из него. Но вдруг мне показалось, что я оставила в этом аду часть моей души. Счастливы те, кто могут забыть свои страдания и страдания других!

В колеблющемся полумраке я не без удивления обнаружила Ральфа-Валерана с его высокомерной элегантностью, ледяным отблеском глаз цвета небесного камня и свежим запасом наркотика, которым он меня тут же решил щедро угостить. Чтобы доставить ему удовольствие, я попробовала затянуться черным дымом и тотчас закашлялась. Он отобрал у меня благоухающую сигарку.

— Нет, Виллис, — сказал он, — не старайтесь жульничать, вы на это не способны. К тому же никакой наркотик не подействовал бы на вас. Оставим другим те слабости, которые нам не нужны. Морозову — его ангелов и демонов, которых он не узнает, когда встречает. Талестре — прекрасного корсара, которым она забавляется, чтобы насолить Лесу, Лесу, который только о том и мечтает, как бы снова оказаться на Сигме с ее роскошью и ловушками, от которой он бежал каких-то пять лет назад. Оставим же...

— Вас так огорчило, что Талестра предпочла корсара?

Он посмотрел на меня в упор: его суровые глаза улыбались под слишком длинными ресницами.

— Вы заметили это, девушка? Ага! Я все забываю, что вы тоже, исключительно по-сестрински, заняты «Скорпином». Но я не хотел бы вас огорчать, Виллис, такое мученье с нами: полуземлянами, полубездомными... Нет, это не так уж романтично, как вы думаете: сказка «Избранная Дама и Демон». Жил-был бедный земной принц, который потерял свою душу и поверил, что сможет найти ее в песках Антигоны. Эта история принадлежит будущему. Если будут существовать Антигона и души. Да, вы правы, это меня огорчает. Я знаю, что из себя представляет Аирт и что — Талестра. Учитывая, что они слишком похожи, что они оба молоды, привлекательны, стремительны, безответственны и лживы — космос! Сколько эпите-

тов! — они могут только ранить друг друга. И прошу вас верить, что это будет не царапина, но хорошие удары когтями или ножом, от Талестры всего можно ждать! К' тому же я считаю, что она, прежде всего, обманывает себя. Но я не сказал бы этого об Айрте.

— Он обманывает других?

— Нет, он играет, и это еще хуже. Он играет в проклятых героях, покинутых, отмеченных судьбой. Но эта его маска быстро прилипает к лицу. Ведь не зря различают знаки фатальности. Однажды эта перекошенная маска, это лицо приговоренного к смерти станет его лицом... Что скажет тогда Талестра? Она ведь не любит ни побежденных, ни их дух...

— Она почувствовала это в вас, да?

Он ничего не ответил и только моргнул несколько раз, и мне стало стыдно за мою жестокость. Между тем он продолжал:

— Из архангела и демона Талестра выберет архангела. В крайнем случае, она могла бы выбрать и другого демона, но только не проклятого.

— Значит, для вас Айрт проклят?

— Он ведь все сделал для этого, разве не так?

— Где, в космосе?

— И на Антигоне.

Наши реплики скрещивались, как две шпаги.

— Но послушайте, — сказала я, почувствовав слабость противника и немного размякнув в душе, — я ведь говорю так не потому, что обожаю Талестру. Я часто нахожу ее еще более невыносимой, чем другие женщины. Но вы несправедливы к ней, потому что не поняли всю ее сверхъестественность: ведь так редко встречаешь существо, которое умеет любить до абсурда и невзирая на измены! Она идет прямо вперед, как лунатик, и даже если бы она встретила на своем пути бездну, вполне возможно, что она перешагнула бы ее, не заметив. Мы вот много говорим об исключительных способностях мутантов, а если это как раз одна из них? Такая страсть, о которой другие только мечтают? Слепая любовь ко всему миру — слепая, глупая и мучительная, как это бывает в детстве? Античная Земля приписывала любви черты ребенка. У него были завязаны глаза, а в руках он держал лук со стрелой...

Валеран слушал меня с неослабным, почти мучительным вниманием, и, пока я подыскивала слова, у меня создалось впечатление, что я бьюсь в ночи и против ночи. А он начал подравнивать кончики своих сигарок с помощью стилета явно земного происхождения, одного из тех украшенных чернью старинных предметов из золота и стали, который приносил смерть неисчислимое количество раз. Потом он неожиданно поднял голову и спросил:

— Вы считаете, что она любит... Айрта?

И тут я соврала.

И тут я показала себя — к тому же, это было бесполезно — больше женщиной, чем мутанткой. Но я обнаружила рядом с собой большую опасность, и это может служить мне каким-то оправданием: мне казалось, Айрт был самым слабым. Слепым, безоружным и так мало уверенным в себе!

Однако я не соврала, сказав:

— Вы сошли с ума. Талестра никогда не любила никого, кроме Леса...

Я опустила глаза и увидела: своим стилем Борджаия Валеран порезал руку до кости. И ничего при этом не почувствовал...

А внизу все так же дико орали:

Пусть молодой Арктур молчит
И пусть замрут все старые планеты...
Огни Земли о мести нам кричат,
И отомстить за льды кровавые Урана
Нас зовут кометы!

- Но, — сказал Валеран, — он не сознает...
- А разве в любви надо все сознавать и обдумывать?
- Вы сами никогда не обдумывали?
- Нет. Я любила Хелла — вот и все.
- Да, но вы — Виллис.

Он не хотел, он не мог мне верить!

Обильные капли крови запятнали лестницу. Валеран поднес мою руку к губам и поцеловал ее, прежде чем исчезнуть в темноте...

Не успела я растянуться на ложе в своей узенькой каютке, как кто-то постучал в дверь.

— Это я, Айрт.

— Войдите, — сказала я, — но оставьте дверь открытой. Я и одна задыхаюсь. Что же будем вдвоем?

Он так и сделал и сел у меня в ногах. С неподвижным лицом, он похрустывал сцепленными пальцами, совершенно как Хелл.

— Ну, как, — сказала я, немного стыдясь, что толкаю его на путь признаний, — с Талестрой все нормально?

Он поднял лицо маленького мальчика, удрученного своей первой глупостью, похрустал фалангами длинных пальцев.

— Да, — сказал он.

Это было слишком лаконично и вызвало у меня желание подщупить над ним.

— Мои поздравления. Когда свадьба?

— Когда мы высадимся на Сигме, и я уложу свои отношения с командованием.

— Это будет нелегко?

— И да и нет. Это зависит от политики в данный момент, от конъюнктуры на межгалактическом рынке, от многих других причин. Во всяком случае, потом мне придется покинуть Арктур на

довольно длительное время. Они называют это «искупить свою вину» и все такое...

— И вы возьмете с собой Талестру?

— О, нет! Боевые корабли не предназначены для женщин.

— И она будет вас ждать?

— Она обещала...

— Айрт,— сказала я, усаживаясь на подушках, чтобы его глаза были на уровне моих,— вы действительно верите, что она будет вас ждать?

— Не знаю. Ждут же других...

— И вы любите Талестру?

Он отвел глаза.

— Я один на всем белом свете, Виллис. И уже слишком давно...

— Это не довод,— сказала я.— Вы не должны играть свою роль в придуманном ею сценарии только потому, что она бросилась вам на шею — и у нее свои, довольно веские основания. Она сказала, что любит вас?

— Но это же не говорится так просто, особенно, если это молодая девушка! — возразил он с невероятной наивностью.— Она... в общем она дала понять, что я желанен ей.

— А вы?

— Э-э... конечно, это и от меня зависело...

Мне хотелось побить его.

«Но это невозможно,— подумала я не без иронии.— Особенно, если это должна сделать девушка! Нельзя побить победителя, корсара, космического героя!» Не могла же я сказать ему, что Талестра использует его как марионетку, чтобы вызвать ревность Леса? К тому же, мне неохота было заниматься всеми этими психологическими изысканиями, и, как бы там ни было, Айрт не поверил бы мне. Но так ли уж важно все это было для меня?...»

Он сидел с таким несчастным видом, что я решила сменить тему. Я сказала:

— Если вы думаете, что ваше возвращение на Сигму будет представлять столько трудностей, почему вы туда летите? Вы могли бы высадить нас на любой планете созвездия Волопаса. А оттуда мы улетим на рейсовом. Они регулярно залетают в эти края. Разве это не благоразумно?

— Лес думает так же. И Валеран. Оба они считают, что им будет легче выпросить мне помилование, если я буду держаться в стороне. Но Талестра...

— Опять Талестра!

— А как же,— сказал он,— теперь всегда будет Талестра. Вы вот не знаете, что такое полное одиночество, а ведь это страшное чувство, Виллис. Не перебивайте меня, прошу вас. У вас есть воспоминания, есть чье-то лицо, которое освещает ваши ночи. А у меня...

я думал, что нашел существо, достойное обожания, но это оказался всего лишь манекен, приводимый в движение электричеством. Потом послышались ваши с Талестрой голоса. Всегда мечтаешь о тех, кому они принадлежат. Я прилетаю, я нахожу возле вас Леса и Валерана, которые лучше меня в тысячу раз, не так ли? Не думайте, что я ревную к ним, они ведь настолько выше меня...

— Вы сошли с ума, — повторила я. — Я любила только одного. И он мертв.

— Я знаю. Потому говорю вам это. А Талестра никого не любила. И я ей нужен...

Никого! Мне было приятно узнать, что Талестра врет как сивый мерин! Но я не могла ему крикнуть: да нет же, наивный мальчик, не ты ей нужен. Ей нужен Лес — с крыльями или без. И я ее знаю. Она упорна и жестока: Лес будет принадлежать ей. Она пойдет на все...

Я откинулась на подушки, пора было с этим кончать.

— Ну, ладно, — сказала я, — желаю вам всех возможных благ. — Однако я была несколько озадачена. Я думала, что Талестра не может так быстро, при первом же контакте, выбрать губы первого встречного... (а эта мысль уже была предназначена ей. Которая слушала. Это я знала наверняка).

Аирт же сказал:

— Виллис, вы разрешите мне, все-таки, приходить поговорить с вами... иногда?

Я взвесила свои слова, прежде чем ответить:

— Нет. Вы знаете, что мы мутанты, то есть существа, наделенные непредвиденными способностями. Мы еще не знаем, что мы умеем, мы еще не заглядывали вглубь. Никакой недоговоренности, никакого подпространства, куда могут привести наполовину совершенные действия, а также наполовину осуществленные порывы и мечты, не должно быть в наших с вами отношениях. В ваших с Талестрой отношениях должна оставаться абсолютная ясность. За себя с Хеллом мне нечего опасаться. Спокойной ночи, Аирт.

Сейчас он уйдет. Я встала. Он посмотрел на меня с униженно-покорным видом.

— Виллис, вы сейчас пойдете спать?

— Ну, конечно же, — сказала я, — я уже целую вечность не спала.

На другой день мы приблизились к Омикрону в созвездии Волопаса, к планете, за которой начинался открытый космос. На ее внешней орбите болтался целый флот из разношерстных торговых кораблей. Приблизившись, мы стали различать на носовой части каждого из них широкие черные круги, которые прямо-таки заполонили наши взоры. Лес вызвал находящегося ближе всех «Адмирала Денеба», который ответил коротко:

— Созвездие Стрельца, Направление Сигма. Каантин.
— Венерианский тиф? Космическая малярия?
— Чума.
— Вы шутите? — возмутился Морозов.— В созвездии Волопаса нет явной чумы.

— Ну, кажется, она появилась. У нас на борту. Трое чумных. Три месяца наблюдения. Звездных.

— А где они, ваши чумные?

— В трюме. Но они чувствуют себя хорошо, слава космосу.

Все это не предвещало ничего хорошего, но пока у нас не было никаких точных сведений. Талестра, наша единственная всевидящая, занималась игрой в шарики с «кузнецами» — не стоило ее беспокоить. Мы еще не успели затормозить, когда с Омикрона нам приказали встать на орбиту. Нас должна была посетить комиссия, которая будет говорить с врачом эскадры. В качестве прежнего командаира корабля-госпиталя Валеран заявил, что это он.

Между тем нас окружило множество космических ботов, торговали чем угодно: свежими продуктами с Омикрона, фруктами с Сигмы, белым хлебом с Земли. Наши пассажиры прилипли к визорам, и именно теперь до меня дошло, насколько мы изголодались в космосе и как долго лишены были самого необходимого. Питавшиеся до сих пор водорослями и консервами бедолаги с Антигоны были готовы обменять на хлеб и финики свое последнее оружие, обручальные кольца и удостоверения личности. На кораблях организовался лихорадочный обмен, и вскоре стало ясно, что на Омикрон эмигранты высадятся с пустыми руками. Морозов попытался их урезонить, но никто ничего не слушал.

К полудню (время Омикрона) прибыла группа туземцев — санитарная комиссия: все они были еще выше Леса, цвета темного полированного дерева, с тонкими конечностями и лицами, казавшимися необъятными из-за сильно удлиненных фасеточных глаз. Морозов объяснил нам, что это следствие удаленности Омикрона от своего солнца. Бояться нам нечего: эти гуманоиды весьма религиозны и очень скромны. Они немного порасспрашивали нас, размахивая своими антеннами, и удалились в сопровождении Валерана, чтобы провести инспекцию.

Я удивилась, увидев у них в руках счетчики Гейгера, однако Морозов сказал, что на Омикроне еще верят в радиоактивную чуму. Пассажиры рассмеялись и пожали плечами:

— Они ничего не найдут!

Они нашли.

Наша флотилия медленно вращалась по своей орбите, когда Валеран вернулся и тотчас поднялся в командный пост «Скорпиона». Вид у него был усталый.

— Что ж, «Скорпион» и четыре линейных корабля прошли про-

верку. Но на «Игле» и на последнем антигонском корабле счетчики Гейгера защелкали.

— Естественно,— сказал Лес.— Эти два корабля довольно долго находились в Бездне Лебедя. Ну и?..

— Они разрешают отлет «Скорпиону» и четырем кораблям, но задерживают другие на орбите: карантин на три омикронских месяца.

— Они сошли с ума,— сказал Морозов.— Радиоактивность — это следствие, а не симптомы чумы.

— Я им об этом сказал. А они утверждают, что это одно из правил звездоплавания. Я попросил показать мне их свод. Оказалось, что издание датируется, только не падайте, временем до начала Язвы. Как видно, не все еще совершенно под арктурианскими небесами. Главный врач, который у них нечто вроде верховного понтифика (цивилизация тут религиозная и терапевтическая), оказался весьма прогрессивным: «Правила необходимо пересмотреть,— сказал он.— Пока они действительны».

— Пока мы сами не уберемся отсюда, не надеясь на эту планетку?!

Это заговорила Талестра.

Валеран посмотрел на нее несчастными глазами:

— Именно. С другой стороны, они готовы снабжать нас кислородом и пропитанием в течение всего карантина. А он продлится долго: три месяца Омикрона равны примерно трем земным годам.

— Мы должны послать ноту протesta на Сигму!

— Но не ранее, чем сможем сесть на этой планете: власти Омикрона не хотят заниматься никакими жалобами.

— Я считаю,— сказал Аирт после короткого размышления, снова напомнив всем, что именно он командир эскадры корсаров,— что не стоит колебаться. Флотилия должна разделиться. «Скорпион» и линейные корабли полетят на Сигму и передадут жалобу. Остальные будут ждать на орбите.

— В таком случае,— сказал Лес беззаботно,— я командую «Иглой», не забывайте об этом.

Морозов и Гейнц присоединились к нему. А Талестра — нет. Валеран же явно колебался.

— Послушайте,— сказал он,— все это прекрасно, но...

И тогда он изложил нам невероятную новость: Омикрон получил нечто вроде ультиматума с Земли. Не имея официальных представителей на Сигме, Ночные воспользовались этим путем. Но духовно-медицинские власти Омикрона ничего не поняли и решили оставить документ у себя до полного разъяснения со стороны Сигмы. Валерану передали копию, которую все мы перечитали три или четыре раза, так как и до нас не сразу все дошло. А когда дошло, стало ясно, что это может заставить побледнеть Двойную Звезду. После

длинного перечня обвинений в космическом шпионаже, провокациях и пиратстве, осуществляющимися, естественно, Сигмой или по ее указке, правители Земли угрожали всего-навсего произвести серию термоядерных взрывов и разнести на куски всю планету... Так нам, во всяком случае, объяснил Валеран.

Воцарилась тишина, мы переглядывались. Издали до нас доносились чьи-то голоса, а еще — отрывок гимна:

И отомстить за льды кровавые Урана
Нас зовут кометы!

— Теперь вы понимаете, — продолжал Валеран, — что только Морозову или тебе, Лес, можно поручить такое. Но, так как на Омикроне нет ячейки-семьи, размножаются здесь партеногенезом, и властью обладают врачи-архиепископы и профессора-советники. Единственное, что для них имело значение — раньше я командовал кораблем-госпиталем. Поэтому они и передали мне копию ультиматума. Теперь вам решать...

— Решение уже принято, — сказал Лес, как всегда холодно и спокойно. — Именно ты и передашь документ адмиралу-префекту.

...У Айрта возникло смутное впечатление, что нечто похожее уже когда-то было...

Прощание длилось недолго: почти все «кузнечики», кроме Анг'ри, остались со мной на «Скорпионе». «Игла» и другой корабль перевезли в основном беглецов с Антигоны, что и объясняло, возможно, уровень радиоактивности. В тот момент, когда Лес уже был готов покинуть нас, произошла довольно неприятная сцена: Талестра бросилась к нему сквозь толпу пассажиров.

— Я надеюсь, что ты будешь там к моменту моей свадьбы! — крикнула она.

Он уже надел асбестированный скафандр, выданный врачами Омикрона: скафандр напоминал белое одеяние земного священника. Его голову венчал шлем с маской розоватого оттенка, в которую были встроены мощные фильтры. Под этим нелепым нарядом было трудно распознать черты холодной элегантности Леса, и даже я сама какой-то момент колебалась: он ли это?.. Но он ответил, и я узнала характерный жест и насмешливый голос, который облаксал Талестру:

— К твоей свадьбе?! Ты с ума сошла! И за кого же ты выходишь?

— За Айрта!

Имя прозвучало, как пощечина. А я посмотрела на Айрта: он был бледен и вид у него был отсутствующий. Здесь разыгрывалась не его судьба...

И совсем незачем было после этого говорить мысленно: ведь все мы телепаты. И я бы предпочла, чтобы она так не орала.

— Да, я знаю! Ты можешь упрекнуть меня в отсутствии гордости. Я бросаюсь на шею первому попавшемуся землянину! Но на самом деле земляне никогда всерьез не существовали для меня. Вероятно, я единственная земная девушка, которая никогда не мечтала о земной любви! В моих снах меня всегда окружали инопланетные существа! Я лучше знаю и понимаю бесконечность, чем маленькую зеленую и голубую планету, от которой вы все без ума! А гордыни моей нет предела, я всегда хотела, чтобы мне принадлежала вся вселенная, со всеми ее рассветами, туманностями, новыми звездами! И когда пришло время, из всех лиц с человеческими чертами я выбрала самое прекрасное. Я выбрала его за голубой отблеск, который омывал его и который был тенью крыла, за золотую пыльцу в радужной оболочке его глаз, которая родственна космическим свечениям! Я выбрала ангела. И это не моя вина, если небо глухо и немо. Мимо проходил человек, он услышал меня. Это Айрт. Мне надоело биться лбом о скалы, кровоточить, кричать...

— А ты кричишь, — сказал Лес. — Замолчи, все это дурно пахнет.

— Я умолкаю. Но я не шучу.

— Не пытайся настаивать. — Он повернулся к Айрту, как будто пытался подбодрить его... — У Айрта на Сигме будут другие заботы. Это искусный боец и то, что он делает, очень хорошо. Ты мне доставишь большое удовольствие, оставив его в покое до моего возвращения.

— Но я выхожу замуж за Айрта, вот!

— Это мы уже слышали. В данный момент ты ни за кого не выйдешь. Не забывай, что ты еще несовершеннолетняя, и что, подобрав тебя в этой бойне на Уране, я автоматически стал твоим опекуном по всем законам Волопаса. Я повторяю: оставь Айрта в покое. К тому же ты сама прекрасно знаешь, что не властна в его судьбе...

Она опустила голову, должно быть, это было правдой. Но я знаю Талестру, знаю, что она сделает по-своему. Вся патетика ситуации от нее ускользала, она не собиралась сдаваться.

Повернувшись к группе, Лес продолжал:

— Я постараюсь связаться с моим отцом, прежде чем эскадра сядет на Сигме. Спасибо всем и за все. Мы скоро снова увидимся.

Едва мы успели приземлиться на имперской планете, как Айрта арестовали по обвинению в космическом пиратстве.

Я полагала, что испила чашу до дна на Гере и на Антигоне.

Я считала, что эмоции уже не могут тронуть меня.

Пассажиры «Скорпиона» и линейных кораблей были взяты под опеку какой-то сигмийской организацией, а Валеран взял с собой Талестру. Я осталась одна на космодроме.

Потом я настояла на свидании с Айртом.

Все-таки странно видеть такого молодого и бодрого человека в клетке. На Сигме нет настоящих тюрем, арктурианцы никогда не совершают преступлений, «когда что-то не так,— сказали мне,— они просто убивают себя». А что касается космических преступников, то их сажали в клетки, прежде чем отправить на их родину или спустить в шахту.

Так вот, это и была большая клетка, установленная в просторном помещении, которое охраняли роботы. Это напоминало мне «Летающую Землю». Я почувствовала, что моя сила как будто остановила меня, я никому ничего не могла дать и даже не хотела этого. Конечно, я предпочитала, чтобы кто-то пошел со мной, Жак или Джелт, но наша группа распалась в суматохе при посадке. И я пошла одна, в своем выцветшем и прожженном огнем Антигоны скафандре, без шлема, плохо причесанная и с потрескавшимися губами, и Айрт двинулся мне навстречу и припал к разделявшим нас прутьям. Он казался неожиданно постаревшим и более суровым, но все равно улыбался мне.

— Прошу прощения, что принимаю тебя в таком плачевном обличье,— сказал он,— но я очень рад, что ты пришла.

Я заметила, что он обращался ко мне на «ты». Несомненно, чтобы получить разрешение на мой визит, он утверждал, что я его родственница, «его сестра Виллис». Я улыбнулась ему в ответ:

— Ты должен был знать, что я приду.

— Скажи Талестре...— он замолчал.— Нет, не говори ничего, кроме того, что она свободна. Может быть, это последний раз, когда у меня есть возможность общаться с вами до начала процесса...

— До начала...

— Да. Они очень торопятся. Сегодня вечером будет заседать трибунал, особый трибунал. Кажется, мой случай рассматривается в этом ультиматуме отдельно.

— Но, в конце концов, Айрт, в чем же тебя обвиняют?

— О, тут целая куча историй! В том, что дезертировал. Что нападал на корабли Ночных и на многие планеты, где, кажется, нанес определенный ущерб. В том числе — на Антигоне.

— Но там ты спасал жизнь людей!

— Это еще нужно доказать.

— А вообще — все очень серьезно?

— Это зависит от исходной точки зрения.

И тут он перешел на мысленную трансляцию, неслышную роботам, и пока мы обменивались бессмысленными словами, предназначеными для них, я услышала: «Создается впечатление, что Сигма хочет выиграть время, отдав Земле залог. Я заложник, вот и все».

— Можем ли мы что-нибудь сделать для тебя?

— В данный момент — ничего,— сказал он сдержанно.— Но ни

под каким видом не привлекайте внимание земных шпионов. Я уверен, что Сигма сейчас кишит ими. Если на группу нападут и уничтожат ее, все потеряно. К тому же, если мне удастся сейчас выбраться, меня все равно арестуют: дело мое, кажется, весьма непопулярно. Ультиматум вызвал на Сигме панику. Позднее Арктур найдет выход, но в данный момент можно потянуть время, отдав врагу всего одну человеческую жизнь. Это ерунда для правительства.

Он говорил так, как будто речь шла не о его жизни.

— Но Айрт,— сказала я несколько растерянно,— ты же знал, чем рискуешь, ведя сюда всю эскадру...

Он тихо рассмеялся:

— Конечно, знал. И Лес с Валераном тоже. Но мы должны были проникнуть сюда через подпространство, за нами постоянно следили, а ведь только я мог выполнить этот переход... Ты удивляешься, что ничего не знала об этом? Мы приняли меры, чтобы понапрасну не волновать вас. Мы перебрали все подстерегавшие нас ловушки, но только не мой приговор...

— И это?

— Смерть, несомненно. А что бы ты еще хотела? О, в худшем случае все произойдет мгновенно, и я не буду страдать: Сигма дезинтегрирует государственных преступников.

— Но ты не преступник, Айрт!

— Я тоже так думаю. Но им я нужен именно в таком качестве. В конце концов, не ломай свою хорошенькую головку, Виллис. Смотри, экраны роботов стали оранжевыми: у нас осталось не так уж много времени. Скажи мне только: я такой же мутант, как и вы?

— Да, ты мутант.

— Хорошо. Какими же основными способностями мы обладаем? Ты, Талестра, Морозов — вы излечиваете, телепортируетесь в пространстве и во времени... А я? Есть ли у меня какое-либо качество, которое мне известно?..

— Почему ты об этом думаешь? Ты что-то чувствуешь?

— Нет, ничего. Просто кто-то очень хочет меня уничтожить,— сказал он с какой-то горестной задумчивостью.— Но я, в конце концов, узнаю, я... Ну, вот, теперь красный цвет. Иди сюда...

Между нами были прутья клетки, похожие на обнаженные мечи. Роботы приближались.

— Ближе. Ты же моя сестра. Они будут удивлены, если я не поцелую тебя...

Эти мечи между нами. Он так сильно прижал меня к ним, что у меня на груди до утра оставался след от прута. Но поцеловал он только мои глаза и мои слезы...

— Айрт Рег, землянин, командир корабля «Скорпион», вы обвиняетесь в дезертирстве, в убийствах, в грабежах и в других видах межпланетного пиратства. Что вы можете сказать по этому поводу?

Айрт держится прямо, с высоко поднятой головой. Он немного бледен и немного устал: ведь еще утром он командовал эскадрой, и узники приветствовали его как освободителя. Как все быстро меняется... Слухается дело бывшего астронавта, трибунал заседает в зале, где кадеты сдавали экзамены, это отнимает у процесса какую-то часть присущей ему значимости и серьезности и придает ему несколько нудноватый оттенок. На стенах висят старинные астронавигационные карты, знамена и цельная плита черного мрамора, посвященная особо прославившим Колледж курсантам. Имени Айрта там нет, иначе его, вероятно, пришлось бы сбить, как это было с именем Антония, который взбунтовался против Каракаллы.

Его привели в трибунал по подземному переходу, под сильной охраной. Магнитные оковы нисколько не стесняют, они, скорее, унизительны. «Они опасаются, что я буду жестикулировать или попытаюсь сбежать?» Однако все проходит в соответствии с точными и гуманными сигмийскими правилами — тюремщики корректны и на четверть часа оставляют обвиняемого в небольшом смежном помещении в обществе его адвоката, назначенного судом, так как сам Айрт никого в Самарре не знает.

Этот полуденебиец — невзрачный, сгорбленный, который немного похож на водосточную трубу с раструбом, тотчас же взял Айрта за обе руки.

— Расскажите мне все, — попросил он.

— С чего начать?

— Ну, хорошо, — денебиец старательно выговаривал слова, и Айрт вспомнил, что структура его горла ничем не напоминает гуманоидную: у него какая-то аномалия голосовых связок или что-то в этом роде...

— Ну, хорошо, — повторил он, — расскажите мне о вашем детстве на Земле. У вас была родина, дом, которых вы лишились... Вас преследовали, травмировали, так?

— Я никогда не был на Земле, — ответил Айрт.

Это, естественно, снизило вдохновение адвоката, который, однако, быстро приходит в себя:

— Да, но у вас, тем не менее, отобрали ваше достояние, все ваше достояние. И ваши родители были ограблены. У вас инстинктивная ненависть к Ночным, нечто вроде спонтанного отвращения среди разных других причин. Вы прямо-таки ощетиниваетесь, когда при-

ближаетесь к ним?.. Не отрицайте, мы знаем обо всем этом еще по первым контактам с другими инопланетянами, и это позволяет объяснить все произшедшее звездной аллергией...

Айрт почувствовал себя ужасно усталым. Так значит, это существо отныне составляет его единственную надежду? Этот гуманоид, который жонглирует стереотипными понятиями и хочет выдать его случай за некий «сдвиг», к тому же спорный, за космическую болезнь?..

— Вы, значит, не читали мое досье? — спросил он тихо.

Стрельчатые веки адвоката поднялись почти до самых волос:

— Ну, конечно же, конечно! Я попросил «теленизировать» пленку. Но вы знаете, у нас нет времени. Не ответите ли вы сами на мои вопросы?

— В таком случае, я должен вам сказать, что у меня никогда не было никакого достояния. У моих родителей тоже. Я был, что называется, сознательным и организованным космическим пролетарием. И не было никакого грабежа. Кроме того, воспитанный, как все космические кадеты, я не испытываю никакого отвращения к любым гуманоидным расам, даже если у ее представителей щупальца вместо головы. Вы видите, что в этом смысле мое дело пропащее...

— Космос! — воскликнул адвокат. — Но тогда я должен спросить: вы действительно нападали на планеты и корабли Ночных?

Айрт подумал и сказал:

— Что касается планет, то тут есть нюансы: я высадился на Антигоне, потому что меня звали, потому что я поймал сигналы СОС. Там были люди, которых Ночные собирались ликвидировать.

— Люди, которых вы знали?

— И да, и нет.

— То есть?

— Ну, я никогда их раньше не видел. Лично. Но я о них мечтал. О, я забыл, одного я встречал: Морозова.

Адвокат оживился:

— Вы утверждаете, что были призваны профессором Иваном Морозовым?

— Ну, не явно. Но он же был на Антигоне, он может засвидетельствовать.

— Да, но у нас не было времени встретиться с профессором Морозовым...

(Не было времени — не было времени — поистине это становится припевом...)

— А что касается кораблей?..

— Тут нельзя отрицать: я нападал на Ночных каждый раз, когда представлялся случай: когда они нападали на корабли с беглецами или даже на эскадры. Я напал бы на них и без этого, но подобных случаев не было... я всегда находил их, когда они убивали.

— И вы утверждаете, что не испытываете никакого врожденного отвращения к...

— Никакого. К тому же, чаще всего это были земляне. Я же не мог испытывать это чувство к землянам, не так ли? Вам остается спросить моего заместителя Жака. Он бывший Ночной.

— Вашим заместителем был Ночной?

— Почему бы нет? Он выздоровел. Допросите его.

— Боюсь, это невозможно... Все пассажиры вашей — гм! — эскадры сейчас находятся под наблюдением в Парапсихическом центре. А прерывать подобные эксперименты нельзя. Наука превыше всего...

— А нельзя ли...

— Нет. К тому же, это бесполезно. Итак, мы отмечаем, что у вас не было никаких отрицательных чувств к Ночным. Однако вы их уничтожали. С какой целью?

— С чисто научной.

В этот момент у Айрта возникло ясное впечатление, что тут, в соответствии с определенными правилами разыгрывается настоящая комедия. Адвокат сам сформулировал ответы на вопросы. Между тем робот-врач подкатился к Айрту и сделал ему сначала один, потом еще два, «безвредных» укола, чтобы, как он сказал, «успокоить ваши сверхвозбужденные нервы». Но Айрт вовсе не был «сверхвозбужден», и, как только ему сделали первый укол, он почувствовал, будто густая туча заволакивает его сознание. «Я еще никогда не был таким глупым,— подумал он,— и я еще понимаю кое-что: это рекорд!» Обрывки вопросов с трудом доходили до него.

— Но ведь вы не ученый, не правда ли?

— Конечно, я всего лишь астронавт.

— Тогда, как же вам пришло в голову...

К счастью, он не мог об этом вспомнить.

— А эти люди, с которыми мы вместе боролись, за которых вы рисковали своей жизнью и совершали преступления, вы их даже не знали?..

— О, у меня было представление о них: это были такие же, как я, астронавты. Вы не понимаете? Ну, конечно, вы не можете понять. Когда у человека ничего и никого нет на всем белом свете, кроме товарищей, с которыми он делит пространство, беды, звезды, они становятся его братьями. А Лес Кэррол...

— Командир Кэррол был вашим товарищем?

— Нет, он был, скорее, предводителем, но это ничего не значит, и я его воспринимаю как брата. За него я бы отдал свою жизнь.

— Однако... нам сказали, что ваша невеста... Не предназначалась ли она командиру Кэрролу?

— Талестра делала то, что ей нравилось. К тому же, она тоже была нашей боевой подругой.

Айрту смутно показалось, что его адвокат поднял к небу руки, которые на самом деле могли быть щупальцами.

В этот момент он понял, что с него хватит. Или, точнее, он не хотел слышать, как голубые губы денебийца будут произносить другое имя. Не пожелав принять руку помощи, которую хотел в меру своих способностей протянуть ему защитник, он добавил:

— К тому же, я не понимаю, что вы хотите выяснить. Да, я нападал на Ночных. Да, в основном, я превращал их в пюре. Но ведь это война, не так ли? А я ненавижу войну. Я хотел, насколько это было в моих силах, уничтожить ее. Вот и все.

И теперь ему задают — снова — этот вопрос:

— Айрт Рег, вы признаете себя виновным?

Он смотрит на арктурианских судей: все, даже самые пожилые (но не старые — дряхлых арктурианцев просто не существует), похожи на Леса. Все они высокого роста, чувствуется, что за спиной у них — сложенные крылья. Но многие лица слишком бледны, многие взгляды — тусклы. На Земле болезнь тоже начиналась с этих признаков?.. Зал почти пуст. Сигмийцы не падки на такие представления, в Самарре судят редко. Присутствует только небольшая группа землян. Ему кажется, что он их уже встречал на побежденных краблях, на безумных планетах... Вообще же этот процесс, от которого зависит его жизнь, жалкая и малоценная человеческая жизнь, интересует только тех, кто прямо замещан в деле. Однако нет: он вдруг замечает, что зал опоясан галерей, разделенной на множество лож, предназначенных, несомненно, для крупных сановников. Та, что в центре, увешана тяжелыми пурпурными занавесями, и Айрт замечает там высокого землянина в маске. Он узнает властный лоб и сурово сжатые губы.

Ингмар Кэррол пришел посмотреть, как его будут судить.

Тогда он снова смотрит вниз. Должен же там быть какой-то противовес?.. Он ищет знакомые лица, но никого не находит. Нет ни Талестры, ни Жака, ни Валерана. Он говорит себе, что это хорошо, что Виллис правильно поняла его указания и предупредила остальных. Но в глубине души он уверен, что у Виллис не было времени предупредить всех. И поскольку он еще очень молод, сердце у него сжимается.

Ответ на вопрос запаздывает, и наступает напряженная тишина. Айрту кажется, что денебийский адвокат судорожно перебирает своими руками-щупальцами. Наверное, он спрашивает себя, не потерял ли его подзащитный последние остатки выдержки, и заранее ужасается по поводу его возможных признаний.

Наконец Айрт разжимает губы и отвечает:

— Я невиновен.

Что ж, процесс может начинаться.

Лица расплываются, особенно после того, как робот-врач делает

ему еще один укол. Кажется, адвокат доволен и заявляет, что это для «оживления памяти». И действительно, Айрт теперь вспоминает все: обледеневшую и шероховатую поверхность астероида, где он до крови обламывал ногти, и свою мать, которая нежно гладила его по лбу в тот момент, когда он уходил (что означало «возвращающей скопее»), и схватку на «Летающей Земле», когда скрюченная рука трупа ударила его по лицу так сильно, что у него потом кровоточили губы... Все эти видения одолевают его, и он видит в зале только серебряные волосы и глаза арктурианского прокурора.

Прокурор. Тот, кто доставляет. Что?.. Жертвы государственному механизму?..

Вид у него не злой, он произносит обвинительную речь в таких изысканных выражениях, что хочется сказать ему: «Кончайте скопее, эта гнусная история абсолютно недостойна вашего внимания. Кончайте и удалимся в тенистый уголок слушать «Капричио» Римского-Корсакова или альтаирскую симфонию в ми-бемоле». Но изысканный арктурианец-прокурор говорит о кораблях, разбитых в созвездии Волопаса, об ограбленных жертвах и особенно «об этой ужасной резне на «Летающей Земле» — на корабле, который врезался в какой-то астероид, с помещениями, забитыми трупами...»

А вот дело об Антигоне: целая планета была разорена, даже сдвинута со своей оси. Все это, пожалуй, слишком для одного человека, слишком много звездных законов, которые этот человек нарушил... Существует человеческий термин, забытый, так как он датируется бурным двадцатым веком, но который полностью отражает...

Обвиненный в геноциде, Айрт остается спокойным, он словно отсутствует. Неожиданно голос обвинителя становится громче и прямо-таки бьет его по лицу:

— Он не щадил ни женщин, ни детей. «Летающая Земля» была буквально забита трупами многих поколений! Например, в пространстве был найден труп девушки со следами пыток, который был завернут в брезент, помеченный знаком этого корабля. Труп был покрыт ужасными ранами.

Айрту хочется крикнуть: «Я не убивал Марсул!»

И вдруг тяжелая туча, которая обволакивала, замуровывала его мозг, рассеивается, наркотики перестают действовать. Он ясно понимает, в чем его обвиняют, и что он стоит перед судьями.

Но здесь есть и публика.

Теперь зал полон, и множество землян в масках из пленки вытягивают шеи и рассматривают его, как дикого зверя. Среди них не мало женщин с волосами, украшенными золотом, в одеждах из ценных материй, тяжелых и облегающих. Их глаза светятся болезненным любопытством. Он никогда не видел столько блестящих и кокетливых женщин сразу. Неожиданно до него доходит, что они выбрали время, чтобы посмотреть, как он будет умирать.

Может быть, именно поэтому здесь нет Виллис и Талестры?..

Начинается допрос свидетелей. Это нескончаемая и глупая процедура: так как нет ни Леса, ни Жака, ни пленников Антигоны, ни даже вице-адмирала, эскадру которого он спас в созвездии Дракона. Он так и не понимает, почему их нет, и бросает на своего адвоката все тот же взгляд упрямого ребенка. Но денебиец явно занят чем-то другим. Может быть, он думает об обеде, который ждет его в садах Самарры, в розовом дворце на канале, о красотках, которые там будут, о бесчисленных блюдах (каждое из них — единственное в своем роде на всей планете), в которых проявится невероятная фантазия самаррских поваров. «Менкарийские фрукты — это цветы. Подливы с Андромеды — в виде туч. А еще есть такой сорт фазана, у которого вкус лесного ореха, его отстреливают в джунглях Омеги».

«Смотри-ка, — думает Айрт, — мне лучше: я снова становлюсь телепатом.»

И он слышит:

«Пусть поспешат, о, космос, пусть поспешат! Этой ночью у нас на Сигме другие дела...»

«Этот юноша и в самом деле очень красив. Дискобол... Какая жалость! Теперь их дезинтегрируют. Иначе я бы попросила, чтобы мне отдали его тело. С помощью карбоснега я успела бы вылепить статую умирающего Ахилла...»

«Но этому заседанию нет конца. Они с ума сошли, меня же ждут в Атениуме. Эта танцовщица...»

«Абсурд. Ясно, что разбойник будет осужден. Так зачем же тянутся?»

«Но, дорогой, есть же законы».

«На Земле они тоже были».

«Великий Икс! К чему эти гнусные подробности?!»

«Но ведь вы пришли, чтобы послушать именно их, Ксения, не правда ли?»

«Тише. Кажется, Ингмар Кэррол заинтересовался.»

«Этот старый садист...»

«А жаль. — Это арктирианская мысль. — В этом парне что-то есть, он хотел хоть что-то сделать... Но ничего не поделаешь.»

«Ничего не поделаешь... Срок ультиматума истекает в полночь.»

«Нужно удовлетворить Землю.»

«...С каплей муската и ломтиком лимона...»

Какой-то король-торговец долго описывает отпуск горючего «Скорпиону» на планетоиде где-то в созвездии Лиры. За горючее было уплачено? Да, было. Но экипаж показался ему... гм, довольно-таки преступным...

— Возражаю! — кричит адвокат. — Никто не спрашивает свидетеля о его впечатлениях!

Какой-то мелкий авантюрист с Мираха, которого Айрт в свое

время выгнал, рассказывает о пытках на борту, но спотыкается и признает, что слышал об этом от третьих лиц.

— У них сжигали их тысячу ножек... — утверждает он.

— И у всех их было ровно по тысяче? — резко спрашивает сам прокурор.

Подавленное молчание.

Один свидетель-оружейник описывает излучатели с корродирующими газом, примененные на Гере:

— Этот химический фонтан вырывал легкие и сжигал грудную клетку. Мгновенная смерть...

Но Айрт Рег никогда не был на Гере!

Наконец, все сосредотачиваются на неоспоримом факте: корабль «Летающая Земля» действительно был атакован в космосе. Он действительно был забит трупами. Многие пролетающие мимо корабли сообщали об этом, посетив его. А трупы долго сохраняются в пространстве. Описывают следы ужасных пыток, ожоги, кровоподтеки. «У некоторых были раздроблены все кости. У детей тринадцати-четырнадцати лет...»

Задача могла бы возразить, что такая бойня в космосе потребовала бы много времени и значительных затрат горючего. И прежде всего — отряд палачей, который количественно должен был превышать экипаж «Скорпиона». Но нет времени.

«...Нет времени.» Это как надоевший припев.

— Свободные граждане, вы можете ознакомиться с фотографиями «Летающей Земли».

Ужасающие снимки передаются в президиум суда. Одна из судей — арктурианка — падает в обморок...

— Обвиняемый, встаньте. Что вы можете сказать в свою защиту?

Именно в этот момент ему очень хочется какой-нибудь ерунды — несколько мыслей от Астрид, Талестры или Виллиса. Но пространство пусто, все три заняты чем-то другим. К тому же определенное достоинство молодого и мужественного человека запрещает ему любое обращение к чьей-либо помощи. Он встает. Ему нечего сказать, ему все ясно. Наконец он говорит:

— Я не согласен с тем, что касается «Летающей Земли». В остальных случаях мои действия были необходимыми. Я сожалею только об одном: я не закончил.

Вердикт выносится через десять минут. Надо же было соблюсти приличия.

Айрт Рег приговорен к дезинтеграции.

Единогласно.

Виллис говорит:

Это происходило в Центре Мутаций несколько часов спустя. Меня разыскали в толпе при выходе из тюрьмы и отвели туда. Теперь уж не знаю, кто. Потом меня оставили одну в каком-то зале. Несомненно, все это было очень красиво — стены фиолетовые, бирюзовые, сапфировые, меж колонн натянуты эоловы арфы, прозрачная зеленая вода в бассейне, окруженном голубыми ирисами. Звучала какая-то странная музыка, холодная и нежная. Неопределенная музыка. Как раз все то, что я любила; и чувствовала я себя легкой, как красное и черное пламя...

...Она появилась на краю бассейна, как будто всегда там была. Ее белая туника блестела среди ирисов. Она протянула мне браслет из электрума, который слабо светился, и жестом предложила надеть его на запястье. И сама надела такой же. Это были мысленные изоляторы.

— Итак, — сказала она тихо, — вот вы какая. Вода, водяные цветы, сумеречные отблески, Дебюсси... Да, по контрасту вы и должны быть такой.

— Не понимаю.

— Этот голубой зал, — сказала она, — это ведь вы сами создали его.

Она махнула рукой, и все исчезло: больше не было ни ирисов, ни арф. Мы оказались в ослепительно белом помещении, похожем на лабораторию.

— Я Астрид Еврафриканская, — продолжала она. — У нас мало времени, поэтому я буду краткой: меня убили Ночные, а Сигма спасла меня, точнее — мой мозг. Вот это, — она небрежно шлепнула себя по запястью, — всего лишь искусственно выращенная биологическая ткань. Я хорошо управляю всем этим. И только мозг, подвергшийся воздействию быстрых нейтронов, и коллоидный организм, агрегатированный с электронной системой, могут в данном случае развить различные непредвиденные приобретенные способности, которые обычно бывают наследственными. Таким образом я стала такой же мутанткой, как вы; нейтроны и электроны вполне соответствуют хромосомам и генам. Я являюсь единственным, к счастью, примером контролируемой искусственной мутации. Вы следите за моим рассказом?

— Да...

— Нет!

И неожиданная мысленная волна ударила меня. Картины... Я находилась в подземелье, и потоки огня захлестывали меня и все пространство вокруг. Я лежала среди трупов моих родных. Потом — на операционном столе, и микроинструменты проникали в мой мозг...

Я вскочила и закричала...

Она приблизила ко мне свое белое холодное лицо.

— Я позволила вам проникнуть в мои мысли и в мой личный ад только потому, что время не ждет. Айрт будет осужден, это неизбежно...

— Почему?

— Потому что они обнаружили у него то, о чем я только-только стала догадываться: это организм и мутация, выходящие из ряда вон. Смотрите, вот сравнение: вы, Талестра, я, сотни других перемещаются в пространстве или во времени, изменяют формы материи или энергии, наконец. Как бы там ни было, мы приспособляемся к существующему миру, внося в него частные улучшения. А Айрт изменяет структуру вселенной. К тому же, он ничего об этом не знает. Извините, но Айрт не слишком умен...

— Я тоже, знаете ли...

Она бросила на меня мрачный взгляд.

— Ум не всегда продуцируется мозгом, особенно у женщин. А если бы это было так, то самой блестящей из нас стала бы Талестра... Ее невинность кое-как сдерживает ее, но потом вы увидите, как она будет действовать... Между тем, система внутренней секреции женщин невероятно сложна и, скажем прямо, представляет опасность. Мне страшно подумать о том, что будет, когда вы достигнете совершенства. Вы воспринимаете и выполняете массу всяких чудес, продвигаясь вперед с логикой слепца, в то время, как я резонерствую, а Талестра заблуждается. (Смотри-ка, я тоже заблуждаюсь...) Но вот основное — мы дошли до точки: Сигма, как это было ранее с Землей, находится на краю бездны. Это началось давно, свидетельство тому — эпидемия самоубийств. Я считаю, что мы уже несколько лет, практически, находимся в руках Ночных. Таким образом, Айрт будет судим и приговорен в соответствии с законами, и это нельзя изменить. Теперь я хочу спросить у вас только одно. Взвесьте свой ответ, от него зависит... значительно больше, чем только его судьба. Так вот: что это за особое качество, которого Ночные боятся настолько, что готовы взорвать Землю? Каким особым свойством он обладает? Подумайте, найдите ответ. Может быть, тогда мы сможем спасти его.

Я стала ломать голову, постаралась связать мысли: по правде говоря, я не привыкла думать. Я вижу, я чувствую или не чувствую происходящее. И сейчас я чувствовала, как от этого совершенного андроида, от этой электронной машины расходятся волны страдания.

Она не обманывала. Она любила Айрта.

— Что ж, — сказала я, — если обобщить все это, то надо еще постараться найти слова... То немногое, что мне удалось прочитать у него в мозгу... Примечательные явления, как мне теперь кажется,

случались два или три раза. Во-первых, несомненно, на его родном астероиде, иначе он бы не выжил. Что, вы не понимаете? Но взрыв был таким, что на астероиде вообще ничего не осталось... Вероятно также, что он применял эти свои способности, по-прежнему не подозревая о них, во время своих сражений... Воплощалось это в пресловутых переходах через подпространство. Наконец, он прибыл на Антигону в тот момент, когда казалось, что все потеряно, и все было чудесно спасено. Мы все присутствовали при этом, и все это почувствовали — Лес, Талестра, Морозов, Валеран...

— И Валеран?!

— Конечно. Это было так... будто какой-то другой мир подменил наш. Он не был лучше, он был таким же несовершенным, каким мог бы его создать такой парень, как Айрт — с особо обостренным восприятием и без особого воображения. Ведь Антигона уже давно была мертвой планетой, воплощением мрака, дикости. Но у нас, которые были уже почти что мертвы, которых нес к смерти беспощадный мальстрим, у нас неожиданно появилось какое-то будущее — не лучшее, но и не худшее: мы просто спаслись. Как будто... Айрт вдруг стер, отбросил в бездну ту частоту времени, в которой мы должны были погибнуть...

— Вы уверены в этом? — спросил андроид с каким-то особым воодушевлением. — У вас было именно такое впечатление? Вы не перенеслись в какой-то параллельный мир?

— Нет! — ответила я, даже не дав себе времени подумать. — Я представляю себе, что такое параллельные миры: по ним путешествуешь в детстве, а потом эти похожие очертания начинают утомлять. Нет, этот мир был нашим. Просто Айрт как будто вычеркнул момент нашей смерти, заменив его частотой... созданной, может быть, им самим.

— Повелитель времени, создатель миров?.. О, Виллис! Я теперь понимаю, почему они хотят его уничтожить. Но почему же он не защищается? Почему не действует?

— Он ничего об этом не знает, вот и все! Если бы таким могуществом обладали Лес или Валеран, они сумели бы им воспользоваться! Но Айрт ни о чем не подозревает! С самого детства он был одинок, принжен. До встречи с нами он никогда не думал, что может обладать особыми свойствами! Он всегда выбирал самое неудобное для него решение, самый суровый, самый трудный путь! Вы ведь заметили это, правда? Там, где другим руководило бы собственное вдохновение, он согласен слушать подсказки. Его ранят во время покушения на Кэррола, он дезертирует, становится корсаром, он рискует жизнью и сражается там, где ему было бы достаточно просто перевернуть страницу...

— Однако на Антигоне...

— Но это чудо он сделал для других! Он бессознательно воспринял наши опасения и надежды, вот и все!

— Я слышу, — сказала она задумчиво, и, действительно, у меня было такое впечатление, что она слушала и воспринимала еще и другие голоса, кроме моего. — Конечно, если его звали другие, если он получал указание...

Неожиданно она посмотрела на часы и пожала плечами.

— Слишком поздно, — сказала она, — он в шахте, и никакая психическая помощь, никакая мысль не может дойти до него. Он будет дезинтегрирован на рассвете...

— Позовем на помощь Леса Кэррола!

— С Омикрона? Это немного далековато. К тому же Лес Кэррол на три четверти арктурианец, то есть ангел... Видели вы ангелов, какими бы совершенными они ни были, которые вмешиваются в земные дела? Они отступили в Содоме, потеряли драгоценное время при Мамбре, и только один из них был настоящим возлюбленным дочери Земли. Арктурианцы любят нас, но как общий тип. Так вот, этот единственный, который стал стражем Цецилии Метеллы, просто привел ее к самопожертвованию!.. Не смотрите на меня так, будто я сошла с ума, просто я слишком хорошо знаю историю Земли и даже ее легенды! Нет, Лес Кэррол слишком совестлив, чтобы нарушить какой-нибудь звездный закон; к тому же у нас больше нет времени!

— И что тогда?

— Тогда остается Ингмар Кэррол. В качестве обратного примера, он может все на Сигме — даже помиловать приговоренного к смерти.

Она встала, вся светясь каким-то сверхъестественным блеском.

— Я сейчас соберу ваших беспризорников, — сказала она. — Мы превратимся в батарею. Мы должны просто-напросто заставить Ингмара Кэррола спуститься в камеру Айрта. Какое бы бедное воображение у него ни было, я уверена, что он выкрутится.

Она уже выходила, когда я хотела ей крикнуть:

«Вызовите Талестру! Она самая могущественная...»

Она услышала меня, она повернулась ко мне ледяным профилем, как будто высеченным из нефрита, профилем бездны:

— Мы не можем вызвать Талестру. Я сожалею...

Гелико-амфибия скользнула над блестящей черной поверхностью, испещренной разноцветными лунами бассейнов. Дворцы Са-марры возвышались по берегам канала-меж-двух-морей — драгоценные шкатулки, миражи из мрамора и мозаики. Ступени лестниц из розового турмалина уходили в воду. Валеран остановил дискоид, легко спрыгнул на причал, украшенный статуями химер, и подал руку Талестре.

— Я даже не знаю, почему согласилась следовать за вами, —
сказала она не слишком любезно. — В этой толпе можно задохнуться... и все разглядывали нас как диковинку, как редких зверей.

— Поэтому мы и улетели.

— Мне кажется, я должна быть вам благодарна. Но... что они хотели от Айрта?

— Я думаю, простые формальности.

Стройная, в облегающем космическом комбинезоне, девушка, казалось, только что появилась из темных вод сигмийских морей. Она гармонично вписывалась в жизнь этого города, и он ей тоже подходил. И вообще, было какое-то неуловимое сходство между ней и этой планетой. Плавущие на небольшой высоте дискоиды застывали на ее пути. Слышались возгласы:

— Красавица... О! Красавица!

Вдали затихал рокот ракетных двигателей, образующих слитный хор на космодроме, и Черный принц прошептал:

— Добро пожаловать во дворец Валерана, Талестра!

— Я должна войти? — спросила она, улыбаясь.

— Как вам угодно. Но там вы найдете все, что хотите.

По всей эспланаде уже зажигались огни, роботы выстраивались на величественной набережной. Это были очень красивые андроиды с прекрасными фигурами, с глазами цвета морской волны, на их доспехах были выгравированы изображения древнего земного герба: битва орлов со львами на песчаном берегу. Появился пожилой арктурианец, затянутый в ливрею, шитую зеленым золотом, с жезлом из зуба нарвала с Андромеды, предметом редким и бесценным. «Он похож на одного из персонажей Монтењи», — подумал Валеран.

Они и должны были попасть как раз в этот мир. Обстановка конца блестящего и жестокого Кватроченто как нельзя лучше подходила Талестре. Старик поклонился, отворив украшенную тем же гербом створку огромных дверей.

— Наконец-то вы вернулись, свободный гражданин, принц... Этот дом заждался вас!

— Вы хотите осмотреть мой дом, королева Талестрис? — спросил Ральф.

— Конечно, Ваше Сиятельство!

Это была игра, всего лишь игра. Слегка опинаясь на руку мажордома, Талестра, маленькая девочка, брошенная в кровавой суматохе на какой-то улице Урании-под-куполом, прошла через стрельчатые ворота блистательной готики. Это была Земля и не Земля. Открылся широкий проход из рибеллита. Две сирены поддерживали карниз над входом. Пышная спиральная лестница поднималась в зал, где в потускневших от времени золотых рамках висели портреты принцев и эрцгерцогов с такими же, как у Валерана, ястребиными

профилями и глазами цвета небесного камня. Трофеи космических войн украшали стены, а видневшееся в глубине нечто, похожее на трон, было не чем иным, как уложенной на бок носовой частью корабля из чистого золота. Странная музыка — легкая, как трепетание волн или поцелуй сирены, звучала в ночи, и Валеран удивился, что не узнает ее. Потом он подумал, что это просто мелодия, приличествующая данной обстановке: ведь Талестра не была музыкантшей...

После того, как мажордом сделал ему какое-то сообщение по-арктуриански, Валеран сказал, улыбаясь:

— Нас ждали. Ужин в двадцать два часа. Мы сейчас не встретимся с моей матерью, она преклонного возраста и очень слаба. Будут присутствовать несколько друзей дома. Тем временем вас отведут в предназначенные для вас апартаменты, где вы сможете переодеться и...

— Но меня ждут в Центре Мутаций! Именно это мне сказал на космодроме какой-то маленький человечек по имени Арцес.

— У вас еще будет время на это...

Какое-то особое, колеблющееся и трудноуловимое выражение наложило отпечаток на лицо Валерана в этот момент, и Талестра неожиданно подумала: «Он не похож на Леса. Но он красив и любит меня...»

Странная слабость притупляла ее ум, обычно такой мятежный и живой.

— Видите ли, — продолжал Черный принц, — есть один вопрос, который мы до сих пор не решались затронуть в вашем присутствии. Дело в том, что он не имел особого отношения к тем ужасным мирам, на которых нам пришлось побывать, но здесь, на Сигме, он приобретает особое значение: в конце концов Центр Мутаций всего лишь психиатрическое и хирургическое заведение, а мутанты — всего лишь несчастные существа, которых человечество пытается вылечить. Конечно, у них есть то, что они называют «способностями», но это как раз мешает им вести нормальную жизнь. Мы здесь не на Земле, Талестра, и не на одной из безумных планет — на Сигме все прекрасно и гармонично. И чтобы пользоваться этим климатом, этой атмосферой постоянного праздника, чтобы, наконец, приобщиться к достойному вас обществу и вести жизнь, достойную вас, такой красивой девушки, вы должны покинуть этот лагерь калек, заранее поверженных, лагерь париев. Пойдемте.

Он отвел ее двумя пролетами выше и оставил у двери в так называемые «королевские покои», где ее встретили прислужницы. Блестящий и переменчивый ум Талестры находил удовольствие во внутреннем устройстве этих комнат, воспроизводящих множество деталей внутреннего убранства дворцов старой Европы — с их обивкой, тканной золотом, с высокими фонарями, которые с трудом рассеив-

вали неопределенный полумрак Сигмы. Были здесь длинные блестящие зеркала в форме мечей и сундуки с благовониями. Были высокие шкафы с запахами ириса и лимона, из которых служанки-андроиды вынимали предназначенные ей одеяния, изысканное нижнее белье и украшения из драгоценных камней. Неожиданно она заметила, что все эти наряды были очень старыми, очевидно, предназначенными для тех девушек, которые на фресках танцевали под миртовыми деревьями или гуляли по полям, покрытым диким сельдереем и белыми фиалками, в компании музыкантов, играющих на лютнях, или менестрелей. Она немного поколебалась, прежде чем сбросить свой потрепанный комбинезон и выбрать среди блестящих одеяний, сиреневых и голубовато-зеленых, одно платье цвета слоновой кости, вышитое жемчугом, и ожерелье из изумрудов, чтобы ее глаза приобрели зеленоватый оттенок. Служанки-андроиды ахнули от восхищения. Как это было интересно, играть в благородных дам, в морских принцесс. Еще никогда Талестре, которая прекрасно управлялась с дезинтегратором, не приходилось бывать на таком празднике. Служанки приглаживали ее локоны, удлиняли тенями глаза, и пасты, мази, которые они применяли, пахли так же странно, какими странными были их названия: коралловая пудра, сурьма, копытень, росный ладан, имперская вода... И вдруг на темной поверхности зеркала она встретила взгляд блестательной молодой женщины с кровавым ртом, с длинными ресницами. Действительно, очень красивая. И она тотчас возненавидела эту самозванку, которую Лес никогда не видел, которую он, может быть, смог бы полюбить...

Серебряный звук гонга возвестил о прибытии гостей. Она заставила себя встать, она сказала себе: «Я Талестра!» — и спустилась вниз с решимостью начать бой...

Очарование Сигмы продолжалось.

Холл был заполнен девушками, которые тотчас побежали на встречу Талестре, подбирая на ходу свои зеленые и бирюзовые шлейфы, вышитые серебром, накидки, вышитые слоновой костью и перламутром по моде денебских султанов. Все были прекрасны, все чувствовали себя как дома среди значков тысяч звезд и портретов: они были сестрами всех этих пилотов и сиренами всех этих кораблей. Некоторые обнимали Талестру, называя при этом свои имена: это были самые блестящие имена Созвездия. Они щебетали, как птички, все эти гости. Но с первыми же словами, произнесенными в ее адрес с запланированной восторженностью, наивная жительница Земли, вошедшая как победительница в этот дом, почувствовала укол, как будто острое жало... О! Нет, это не были мертвые прибаутки корсаров и не свист излучателей! Это сигмиянки поздравляли себя с возможностью познакомиться с героиней романа, нет... эпopeи!

— Дорогая! В Самарре только и говорят, что о вашей победе над этим героем... я хочу сказать, над этим ужасным пиратом! Ну, над

Айртом Регом, которого так не терпится узнать... Удовлетворите же наше любопытство. Правда ли, что он очень красив? Он вас оскорблял, преследовал? Или это естественное коварство, свойственное всем земным женщинам, помогло вам действовать с ним так безупречно?

- Вы применяли чары Венеры или духи с Аль-Нилама?
- Разрешите мне дотронуться до вашей щеки, она, кажется, так и создана для поцелуев!
- Мы хотели бы знать ваши секреты, все ваши секреты!
- Однако,— сказал чей-то голос, который шел откуда-то издалека, но был похож на голос Валерана, только приглушенный,— вы утомляете нашу гостью. Этот полет был очень трудным.
- О! — воскликнула сигмиянка цвета розового онисса, чья высокая и красивая шея буквально сгибалась под тяжестью целой коллекции из жемчужин,— какая романтическая одиссея! Можно только мечтать! Летать среди возбужденных планет с верными и мужественными друзьями, попасть в логово космического пирата! И выйти из этого победительницей! Преодолеть все препятствия, захватить это чудовище... Молчу, молчу! Я знаю, что я всего лишь никчемная глупышка, но, наконец, между вами и Сигмой на самом деле было секретное соглашение? Вы ведь никогда в действительности не были помолвлены с этим корсаром, которого приговорили.
- Красавица! — сказал чей-то отдаленный голос.— Берегись своих слов...

Талестра неожиданно и резко повернулась и посмотрела прямо в глаза этой молодой женщине, которая была похожа на Валерана, которая, несомненно, была его родственницей...

— Свободная дама,— сказала она,— ваши речи весьма любезны, но я ничего в этом не понимаю. Нет никакого соглашения. И я не доставляла командира Рега на Сигму скованным по рукам и ногам. И мы действительно помолвлены.

Она хотела поговорить с Валераном, спросить у него... Она пробралась сквозь толпу, почти сплошь состоящую из выющих блестящих сирен. Андроиды сопровождали ее, открылась какая-то дверь. Розовые свечи освещали зал с чередующимися золотыми и черными фресками. Дым из курительниц смешивался с запахом лилий, что вызывало легкое головокружение, и в висках Талестры забили маленькие молоточки...

— Мы тут, в Самарре,— говорил какой-то местный модник, одетый в пурпурные одежды свободного стиля и держащий в руках высокий кубок из цельного кристалла с душистым напитком,— мы все немного помешаны на духах и цветах...

На небольшой эстраде музыканты настраивали странного вида

инструменты — виолы, лютни... Среди них была одна из чистого серебра, изобретенная когда-то самим Леонардо да Винчи.

— При Лодовико Моро, герцоге Миланском, вы знаете... — сказал чей-то вкрадчивый голос. — Он положил на музыку сонеты Петrarки, канцоны из *Вита Нуова*...¹

Боже, как Талестре все это нравилось! Если бы она сама могла придумать целый мир... она, в самом деле, не нашла бы ничего лучше. На столе в форме подковы снежно-белые венчики незнакомых цветов были разбросаны среди посуды из золота и кристаллов; орхидеи, гребешки и цветущие почки высыпались из аметистовых кувшинов. В этом тепличном воздухе, среди разноцветных переливов и изысканных запахов, трудно было воспринимать мысль о существовании черной бесконечности, взрывающихся сверхновых, безумных миров и антимира, примыкающего к Бездне Лебедя...

Уже на пороге Талестра заметила предназначеннное ей место между хозяином дома и тем самым ученым. Здесь не было других дам, кроме нее и Красотки, похожей на Валерана, которая бросилась за ней. Царила подавляющая роскошь: эти самаррские принцы-торговцы были буквально увешаны драгоценными металлами и камнями. Талестра не знала, что Сигму по праву называют «ослепительной»...

Валеран поднялся ей навстречу с некоторой напыщенностью, и какое-то мгновение они пристально смотрели друг на друга. В этой блистательной группе только он один был одет во все черное. Она нашла его странно изменившимся. Он больше не был раненым и несчастным путешественником, которого она повстречала в антигонской ночи, или верным соратником в борьбе. Исхудавшее лицо напоминало обнаженную остроту и наступательный порыв грозного клинка, во взгляде блистали молнии. Он низко поклонился, усадив ее на трон.

— Добро пожаловать к нам, свободная гражданка, в этот земной дом, на эту землю, которая принадлежит нам...

И члены Совета Пяти подняли свои кубки. Они с энтузиазмом встретили ее. Все говорили одновременно.

— Вы должны как следует познакомиться с Самаррой, — сказал один торговец-король в тюрбане, усыпанном рубинами. «Один из Сальвиати? — подумал Валеран несколько рассеянно. — Или из рода Капелло?..² Нет, он изображен в правом углу одной из картин Тинторетто, не знаю, какой именно, но потом вспомню...»

— Наши дворцы — как драгоценные раковины, где еще случаются чудеса, — продолжал персонаж с картины. — Здесь красные закаты, сумерки, которые никогда не кончаются. Они опускаются на на-

¹ Имеется в виду «Новая жизнь» (*Vita nuova*) Данте Алигьери.

² Сальвиати, Капелло — знатные венецианские семейства эпохи Возрождения.

ши сады, и волны умирают, целуя наши пляжи. Вот планета, где мягкие бризы, трепетание приливов, свет меняющихся лун участвуют в создании того, что называется удовольствием. Здесь живут восхитительно.

— И какое отличие от космоса, свободная дама! — сказал Валеран, улыбаясь. — Здесь умирают только по двум причинам: на войне или от любви.

— Кто это говорит о смерти? — вмешался ученый. — Арктурианцы любят скользить по острию клинка. Мы, земляне, большие реалисты. Мы с вами дополняем друг друга. Выпьем же за нерасторжимый союз наших планет!

И все выпили стоя; изысканный ликер золотил кристаллические кубки.

— Выпьем прежде всего за ту, которую мы принимаем сегодня как государыню, — сказал Ральф-Валеран. — За ту, которая, благодаря своей находчивости и своему уму, спасла Сигму от большой опасности. За первую дочь всей Земли: Талестрис!

(Как он сказал — «государыня»?.. Все это было странно, более, чем странно...)

Слабый и нежный звон послышался от слегка соприкоснувшихся кубков. Валеран подобрал в одной из нефритовых ваз склонившуюся лилию и рассеянно срывал один за другим ее лепестки. В этом его занятии вдруг почувствовалась неосознанная жестокость...

— Выпьем за нашу королеву Талестру Земную!

Тост был произнесен. И все они бешено зааплодировали. Талестра быстро обвела взволнованные лица внимательным взглядом. Нет, они не насмехались над ней: в самом сердце Сигмы тайный конclave приветствовал в ее лице императрицу!

Она хотела крикнуть: «Вы сошли с ума!»

И вдруг она вспомнила, что на Земле Валеран был претендентом на трон...

Тогда, выпрямившись на своем кресле с выгравированной на спинке битвой единорогов и орлов, она сказала:

— Свободные граждане, мне кажется, что здесь какое-то недоразумение...

И вдруг чья-то прямая мысль, значительно более сильная, чем все волны, излучаемые сейчас во дворце, прямо-таки оглушила ее, как поток ледяного воздуха. Она не узнавала этот голос, который доносился откуда-то издалека: «Не спорь. Не теряй время. С тем же успехом можно бороться с тенями. Спасайся, иначе ты пропала...»

И она тотчас поняла, что это правда. Сейчас она думала очень быстро, она поднесла руку ко рту и сказала умирающим голосом:

— Пощадите, свободные граждане, мне кажется, что атмосфера Сигмы... Я внезапно почувствовала себя плохо...

Бросившись вон из зала, удаляясь уже, она услышала перестук

каблучков сзади: это была Красотка, это были все те красотки, которые следовали за ней по пятам — красотки в своих длинных, суженных книзу туниках и манто из водорослей и сапфиров, почти такие же неповоротливые, как сирены на песке... «Что жё, сейчас по-веселимся!» — подумала Талестра. Прыгая через четыре ступеньки, она поднялась по празднично освещенной лестнице, сбросив на ходу инкрустированные сандалии и вырвав два или три волана из своего платья Примаверы.

Добравшись до верхнего пролета, в то время, как красотки скакали далеко позади, она заскочила в кабину лифта и спустилась на первый этаж. В холле было полно роботов, и Красотка что-то кричала им сверху душераздирающим голосом. Талестра разобразила только: «Задержите ее! Она сейчас скроется!» (все это было весьма похоже на кошмары ее детства). Она приоткрыла дверь кабину, и первый андроид получил удар ребром ладони по носу. Он рухнул, загородив проход своим собратьям, и следующие за ним андроиды рухнули на него, запутавшись в сплетениях автоматических рук и ног. Красотка, которая, запыхавшись, торопливо спускалась по лестнице, тоже запуталась в этом хаосе, и еще одна красотка, и еще... Не теряя ни секунды, Талестра захлопнула дверь лифта и нажала кнопку подъема. Кабина понеслась вверх. Между тем весь этот шум достиг зала, из которого толпой повалили гости в тогах и тиарах. Но Валерана среди них не было.

Она тотчас поняла, что он придумал, когда кабина неожиданно остановилась меж двух этажей. Одновременно погасли все огни: Ральф отключил электричество. Повиснув в шахте, Талестра подумала с яростью:

«А что теперь?..»

«Постарайтесь выбить стекло на крыше кабины, — посоветовал далекий голос. — Это очень старый дом. Вы сейчас между двенадцатым и тринадцатым этажом».

«Да, вам хорошо говорить. Там не стекло, а толстая органика — ничего не получается».

«Ладно, тогда... Ведь должны же быть у вас какие-нибудь электромагнитные свойства? Приложите обе руки к этому месту и очень напряженно подумайте о расширяющихся солнцах, о взрывающихся новых...»

Талестра выругалась: в крыше кабины образовалась огромная дыра, раскаленная пластмасса и метал: потекли по стенам, обжигая ее руки. На них вскочили волдыри... Переждав немного, она уцепилась за края и, подтянувшись, выбралась на крышу кабины. Тока не было, и дверь на тринадцатый этаж была распахнута. Цепляясь за внутренние выступы шахты, она вскарабкалась к выходу с проворством, которое бы сделало честь самому Гейнцу, ее тренеру по гимнастике...

Она была на тринадцатом этаже.

Теперь мрак, в котором бродили остальные, давал ей некоторое преимущество. Она осторожно двинулась вперед по длинному, отделанному кристаллами коридору. Ей больше не было страшно. Абсолютно не было, даже в глубине души, с того самого момента, когда началось действие, охота, преследование. Когда настало время применить свою хитрость и ловкость, она начала развлекаться. «Ага! Он назвал меня Талестрис! И он думает, что так легко одурачить королеву амазонок! Посмотрим!» Она вихрем ворвалась в просторный зал, у противоположной стены которого возвышалось нечто вроде алтаря. А на нем — ложе. Талестра захлопнула за собой дверь. Застыла.

На этом ложе она увидела женщину.

Сам же зал походил на кабину звездолета из-за гладких стен и старинных пультов управления, которые, очевидно, служили теперь украшением. Экраны переливались расплывчатыми волнами. Устаревшее электронное оборудование болталось под потолком. Да, все это было похоже на оборудование старинной земной ракеты, построенной еще до Язвы...

А на королевском ложе приподнялся ужасный силуэт, и Талестра сразу поняла, что это мать Валерана.

Ужасное зрелище. Молодая уроженка Земли хотела что-то сказать, извиниться за неожиданное вторжение, но слова застыли у нее на губах, да и убежать она не могла: она еще ни разу не видела людей, скрученных болезнью до такой степени. Воскового цвета лицо, покрытое черными пятнами, уже не было человеческим. На месте глаз зияли кровоточащие щели, рот казался открытой раной. Большая протянула руки в сторону Талестры, темнота не мешала ей, она к ней давно привыкла...

— Девушка? — сказала она хриплым голосом, который, казалось, шел из бездны. — Да, девушка... Это хорошо. Я ждала вас. О! Я здесь уже давно, каждый раз, когда он думает обо мне... Нет, он не зовет меня, он думает, и я прихожу... Но поговорим о вас... Мне сказали, что вы умны, яростны и чисты. Я знаю, что вы его не любите и что он сделает все, чтобы завладеть вами. Но я никогда бы не поверила, что он может направить вас сюда... Или это только для того, — продолжала она, задыхаясь, — чтобы запереть вас здесь, чтобы запугать вас? Не бойтесь меня, я не заразна. Давным-давно я была больна. И я родила демона.

— ...?

Талестра дрожала. И призрак уточнил с удивительной естественностью:

— Да, я говорю о моем сыне Валеране. Это ведь демон, не так ли? Другие заражаются посредством контакта, взгляда. В них проникает вирус. Он же родился с этим. О! Я хотела убить его, услышав

его первый крик, как только я почувствовала в нем это зло. Конечно, они мне помешали, они сказали, что я сошла с ума, потом, что я умерла, и они послали его сюда, в великое Созвездие. Возможно, я сошла с ума от ужаса, выносив... Антихриста!

— Однако, — сказала Талестра, она различала приближение роботов, которые бегом поднимались по этажам, а также отдаваемые металлическим голосом короткие приказы... — Мы не можем терять время: если Валеран действительно то, что вы думаете...

— Я точно знаю: это Ночной Демон. Он хочет завоевать Сигму и Арктур, как те поступили с Землей. А потом и всю Галактику с ее миллиардами мерцающих звезд...

— Если он хочет осуществить то, что вы думаете...

— А разве он не старается уничтожить или обойти все препятствия?..

— Так вот, вы должны мне помочь. Мне необходимо присоединиться к одной группе, которая может бороться против него. Но меня преследуют по пятам. Есть какая-либо возможность выбраться отсюда? Умоляю вас, отвечайте!

Она действительно умоляла. Тогда произошло вот что: больная стала выгибаться на своем ложе, как будто хотела сделать «мостик», как будто у нее вдруг начался приступ эпилепсии. На губах у нее выступила кровавая пена. Она только пробормотала: «Он, это он...» Глухие удары начали сотрясать дверь. И Талестра чуть было не потеряла всю свою выдержку. Неожиданно с кровати упал и покатился к ее ногам какой-то сверток: это оказалась веревочная лестница, обмотанная вокруг старинного кинжала, украшенного чернью. Талестре не надо было объяснять, как им пользоваться. Она сразу успокоилась, и до нее дошло, что в том состоянии невероятного возбуждения, в котором она находилась, она забыла о всех своих сверхъестественных способностях: Талестра не могла сейчас ни левитировать, ни пересечь время, но в тот же момент была вполне способна применить обычные средства трехмерного пространства. Она тотчас подбежала к окну, вонзила кинжал в подоконник, выбросила лестницу наружу и моментально слетела по ней вниз. Когда Талестра, поднатужившись, оторвала лестницу с кинжалом, она еще слышала раздирающие крики старухи...

Уличка, которая огибалась дворец Валерана, оказалась заброшенной, с тем странным видом запустения, когда голубая трава пробивается меж нефритовых плиток мостовой. В соседних домах не светилось ни одно окно. Над увитой плющом дверью ближайшего дома болтала одна из тех табличек, которые на Сигме принято вывешивать на домах долго отсутствующих с указанием места, где они в данный момент находятся, но дожди и время сделали свое дело,

и Талестра смогла различить только два слова: «В НЕБЫТИИ...»

«Куда же теперь идти?» — спросила она почти вслух.

«В Дом Смерти», — ответил резкий голос.

Любая девушка, несомненно, ужаснулась бы, но Талестра чувствовала в себе такую силу, что казалась себе прямо-таки бессмертной. И еще ей казалось, что вся Сигма присутствует при этом — с ее полярными сияниями, бурно разросшимися садами, расцвеченными каналами с уютными мостиками. Она покинула улочку с мостовой из зеленого нефрита и присоединилась к толпе, которая, как всегда, казалась праздничной — а так оно и было в Самарре, — и долго шла прямо вдоль каналов. В воздухе чувствовалось какое-то беспокойство, волнение... Однако, прохожие как всегда улыбались девушке, словно сошедшей со старинной картины... Все они были красивы, их сходство с Лесом задевало ее: «Ангелы серийного образца...»

На бирюзовой башне светящиеся электронные часы пробили арктурианскую полночь.

XXIX

Когда Ингмар Кэррол, великий адмирал арктурианских эскадр и почти самодержавный правитель Сигмы, примерно в это же время покинул камеру приговоренного к смерти, он впервые в своей жизни, которая была жизнью человека по-настоящему благородного, была наполнена борьбой, великими намерениями и тяжелыми испытаниями, почувствовал невероятную слабость. Его разведка работала хорошо, Аирт рассказал ему не так уж много нового, кроме, конечно, последнего сообщения, самого ужасного. Но он пришел в камеру не для того, чтобы получить какие-то сведения. Теперь он мог признаться самому себе, что спустился туда, ведомый ненасытным любопытством, которое всегда было одной из главных движущих сил всего его существования. Он хотел посмотреть вблизи на единственного землянина, который, правда, хаотично и неловко, предпринял то, что на его месте и в его возрасте сделал бы он сам. Он пришел туда раздраженным, полным высокомерной предвзятости. Он начал говорить с этим заключенным как судья, и — странное дело — по мере того, как они беседовали, его предубеждение исчезало, туман рассеивался, и старый командир эскадр почувствовал какую-то особую близость с этим юношей, приговоренным к смерти.

До сих пор он видел Аирта только мельком, на скамье подсудимых, где тот выглядел вялым и высокомерно грустным, словно пойманный дикий зверь, который чувствует себя не то чтобы выше человеческих законов, а скорее — неподсудным им, ничего больше не ждет и не стремится к снисхождению. И это ему не понравилось...

Но только что ему удалось поговорить с обычным земным парнем, каких много, только более уязвимым и более прямодушным, и Кэррол был сражен. Еще с большим основанием, чем Лес, этот ангел, вооруженный огненным мечом, но неподвижно застывший у ворот рая, готовый только к защите, а не к нападению, мог бы быть его сыном!

Он подумал, что его старая земная кровь, уже подвергнутая космическим мутациям, предала его, смешавшись с кровью более древнего, более возвышенного народа. Страстная или покорная дочь Земли, изменчивая, как времена года этой планеты, как ее суровые зимы или жаркие летние месяцы, как ровные степи и живые моря, могла бы принести ему сына, такого, как Айрт. Но он никогда и не встретил ее. Ему завидно повезло с Ларцией, прекрасной, как ангел, которая и двигалась и жила, как ангел. Которую он обожал. И которая с ангельским вероломством выбрала день и час своей собственной смерти.

Ингмар Кэррол понял, почему он до конца не чувствовал Леса своим сыном: он знал, что тот слишком совершенен. И почему, какими бы ни были напрасные обвинения в семейственности со стороны общества, он допустил, чтобы ослепленный Лес сам выбрал свою дорогу к смерти. Потому что для Леса не было по-настоящему ни жизни, ни смерти. По духу это был не его сын.

Айрт же...

При выходе из подземной тюрьмы, где охранники расступились, словно тени, великий адмирал прислонился к стене. На висках у него выступил пот, и он неожиданно почувствовал себя стариком, обезоруженным судьбой. Этот юноша, если бы он мог спасти его! Но Айрт был прав — сначала надо было закончить с этим: комбинация Валеран — Ночные — Центр Мутаций была слишком ужасна, чтобы забыть ее хотя бы на миг. Айрт мог подождать до рассвета, его реабилитация будет еще обоснованней. Рассвет... Каким вдруг далеким он показался ему! Великий адмирал выпрямился: теперь, когда он знал корень зла — во всяком случае, здесь, на Сигме — он сделает все, чтобы нейтрализовать его. Он быстро поднялся по лестницам своей походкой молодого лейтенанта, обходящего боевые отсеки своего первого космического корабля. Он возвратился во дворец через крытый переход и быстро прошел через блестящие залы, где были выставлены древние иконостасы Земли и золотые сигмийские мозаики из золота и ляпис-лазури, где на пышных коврах, вытканых лазурью и розами, почивали длинноногие позолоченные борзые Бунгала и Аккрукса, а в вазах с росписью по эмали с Центавра распускались бледные венерианские лотосы...

Все теперь было ясно, и его долго сдерживаемая ярость не вышла из берегов. Уже несколько лет таинственное зло подтачивало великое созвездие. Заговоры множились, Сигма и весь Арктур жили как

во сне, оглушая себя удовольствиями и наркотиками: ведь развязка была близка, а Язва — уже в самом городе!

На пути великого адмирала слуги-androиды дрожали и прятались. Херувимы с Альтаира, вольготно расположившиеся в прихожих, дрожали и хлопаньем крыльев старались отогнать мысли, которые их ужасали. И если бы кто-нибудь спросил у них, какова причина их страха, и что оничувствовали своими органами слуха, настроенными на тот момент, когда Ингмар Кэррол должен был выйти из подземной тюрьмы, они, возможно, не осмелились бы ответить, что это сама смерть...

Да, он нес с собой смерть. Это было заметно по его искаженному лицу, по застывшим глазам, которые смотрели куда-то вдаль, по его неожиданно изменившейся походке, ставшей энергичной, как у молодого человека. Он возвращался молодым лейтенантом Кэрролом, который жил и любил когда-то, который яростно сражался, и которого больше не было с тех пор, как он превратился в сурового правителя, ответственного за жизнь тысяч звезд. Он возвращался молодым Ингмаром, который, казалось, давно умер. И тот Ингмар, возмущавшийся любым предательством, готовый к любым нападениям, и сейчас готовился действовать как тогда, рискуя, бросаясь в лоб на неприятеля, готовый разбиться и сгореть вместе со стоящим перед ним препятствием. И разве не было ему все это безразлично, потому что тот Ингмар был мертв?..

Андроиды не осмеливались следовать за ним. Они остались в стороне, когда он вошел в комнату, которую в течение многих лет делил с Ларцией, и где остался неизгладимый присущий ей терпкий запах амбры, ее чешуйчатый гребень на столике с выгнутыми ножками из красного мрамора, может быть, даже ее отражение в зеркалах... Они не решились приблизиться и когда, сбросив свой темный плащ, он надел летный комбинезон из замши, такой затертый и легкий, что походил на пластиковый, и который был ему тем более дорог, что пришел с ним из тех времен...

И только его собака осмелилась приблизиться к нему, длинная земная такса, которая украдкой кружила по комнате, с беспокойством обнюхивая ковры. Она положила свою остроносую голову на колено хозяину и тихо заскулила...

Но Ингмар Кэррол был мысленно слишком далеко, чтобы обратить внимание на древние земные предзнаменования, он не остановился у разбитого зеркала в зимнем саду, он не заметил последнюю луну слева. Спокойно отстранив собаку, он по интеркому приказал подать вертолет, потребовал самого лучшего пилота, а также последнюю сводку погоды. Но роботы, занимавшиеся техническим обслуживанием, были озадачены. Они были настроены только на тембр его голоса, который был уже тусклым и мертвым, надтреснутым, а речь мало понятной, местами бессвязной, и они не узнавали его.

Но сам он готовился к бою. В кабинете хранилось оружие, привезенное им из всех известных созвездий, оружие, каждый вид которого хранил в себе свое мрачное могущество. Здесь было оружие простое и варварское, магнитные клинки из созвездия Змеи, которые, поразив жертву, парализовали ее и медленно превращали в камень... Было здесь оружие массового поражения — мощные дезинтеграторы, а также клинки, украшенные чернью и золотом, которые слегка поблескивали в полумраке, иголки из гибких кристаллов и длинные прозрачные трубы, которые излучали смертоносные зеленые лучи. Из всех этих видов оружия, которыми были увешаны стены его кабинета, он выбрал самое известное и самое разрушительное, которое не щадит — короткий карманный излучатель. Он вынул его из футляра и положил в карман. Криво усмехнувшись, Ингмар Кэррол подумал, что похож сейчас на своего любимого корсара...

Затем он направился на самую верхнюю террасу дворца, которая служила взлетно-посадочной полосой, и в этот час, безмолвный и торжественный, за которым следует рассвет на Сигме, ни роботы, ни живые существа не сопровождали его. Но сам он уже успокоился, снова обрел свою обычную надменность и силу воли, он нес в себе не чью-то определенную смерть, а много смертей...

Лес и Морозов, даже Аирт, могли заколебаться, поискать какое-либо другое решение, постараться победить зло на других фронтах. Но на них не лежало такой ответственности, как на нем. В течение всей своей жизни, в бесконечных просторах космоса, великий адмирал вырывал зло, как сорную траву. Точно так же он готовился поступить и на этот раз, и каким бы земным принцем Валеран ни был, он должен был почувствовать на себе, что значит быть союзником Язвы...

На террасе его ждал гелико — красивая птица, послушная и гибкая. Прогнозы были удовлетворительными, видимость — совершенной, и в неопределенном небе Сигмы Центр Мутаций вырисовывался гигантской свечой белого воска. Они взлетели в тот момент, когда исчезла последняя луна, и только над садами синих и красных эвкалиптов пилот повернулся к Ингмару Кэрролу лицом с густыми бровями и широкими восточными веками, покрытым не маской, а мертвенно-бледной сыпью. И вдруг адмирал обнаружил, что смерть поднялась с ним в воздух, и едва успел удивиться, как она была похожа на Валерана...

...Красный болид покатился к зениту, разорвал его центр, и взрыв его был похож на огромный распустившийся цветок...

В тот же момент в ста различных районах столицы грянули сто взрывных устройств, с ужасающим грохотом подняв на воздух контрольную башню космодрома, бедный квартал в порту, баптистскую часовню, крыло адмиральского дворца и галактическую библиотеку, содержащую миллиард книжных единиц, начиная с папирусов поэта

Пентуэра, который жил в Египте во времена XVIII династии, и кончая последними микрофильмами современных трудов по ложистике. И другие точно рассчитанные по времени взрывы должны были вот-вот раздаться в разных концах города, в основном — на космодроме.

Вся Самарра взлетела на воздух, как взрывающаяся граната, пурпурная и кровавая.

Адмирал Ингмар Кэррол не мог бы желать лучшей смерти: красной и золотой.

И только клочок неба на востоке сохранял свой обычный темно-зеленый оттенок. Несомненно, восход был близок, но кто мог знать?.. Остальная часть горизонта была черной и пурпурной, и скорее всего, где-то там бушевала гроза, так как гром гремел, почти не умолкая. Да, это должна была быть именно гроза, и сады Самарры, казалось, стали какими-то воздушными и слегка фосфоресцировали. Несколько капель теплого и тихого дождя упали на плиты и, словно поцелуй, коснулись обнаженной руки Талестры.

Она увидела открытые ворота и поняла, что должна войти. Да, это было здесь. Высокая стена с черными и красными фресками окружала парк, который был в то же время кладбищем. «Странно, — подумала она, — что у таких цивилизованных арктурианцев места вечного отдохновения находятся в центре города. Это негигиенично.» Но присмотревшись, она поняла, что речь идет скорее о кладбище воспоминаний: здесь были длинные аллеи фиолетовых и желтых мимоз — мрачных арктурианских цветов, холмики газонов, но никаких надгробий. Только стена из порфира, где были выгравированы имена, тысячи имен. Талестра вспомнила, что легкий скелет арктурианцев растворялся с такой быстротой, что они полностью исчезали через какие-нибудь часы после своей смерти.

Она подошла к стене и прочитала в мерцающем свете:

Здесь радость и отдых Хольды.

Жизнь + смерть = мечте. Здесь Стайора.

Мы успешно преодолели притяжение плоти.

Веги Лира

Здесь Ларция, ставшая Бессмертной.

— Смерть, повсюду смерть! — раздраженно воскликнула Талестра. — И они наслаждаются ею, они обсасывают ее, как конфетку. У них такая планета, о которой ни один землянин не мог бы и мечтать, настоящий рай, столько лун, аметистовые океаны, цветы...

И все это предназначено мраку. Чтобы пришли Ночные, и эта планета сама упала им в лапы, как спелый плод!

Однако новая мысль остановила ее:

«Нет, Ночные — это земная Язва. Ведь Лес говорил: «Арктурианцы нечувствительны к этой болезни».

И все ее силы вернулись к ней. Она отказывалась слышать, видеть...

Но чей-то зов вел ее. Она пошла по аллее и в самом ее конце увидала павильон с открытыми дверями. Пустой и слишком роскошный, для местопребывания, например, сторожа. Опаловые стены были прозрачны и идеально гладки. Ложа и кресла придавали какую-то странную гармонию этому сооружению в форме раковины с его пастельными оттенками. В стенах кое-где виднелись неглубокие ниши с фарфоровыми амфорами и разноцветными вазами. Крошечные пузырьки были выточены, как она поняла, из драгоценных и очень твердых камней.

Раскаты грома не были слышны за звуконепроницаемыми стенами. Царила полная тишина. Плеск фонтанчика доносился из небольшого бассейна. И вдруг Талестре стало ужасно страшно. В тысячу раз страшнее, чем в каюте звездолета, во дворце Валерана или на горящей равнине Антигоны.

Холодный страх, состоявший из тысяч тихих отчаяний, тысяч спокойно вычисленных агоний...

И голос заговорил:

— Садитесь. Я направила вас сюда потому, что сейчас это единственное не потревоженное место на Сигме. Только не углубляйте свое восприятие: я знаю, что вы чувствуете, это не очень приятно. И ни к чему не прикасайтесь: цветы в этом саду более ядовиты, чем аконит и белладонна, а флаконы содержат сильные яды.

— ...?

— Да-да, они безболезненно убивают. Это и есть «Сад воспоминаний» Ларции Кэррол, которая хотела, чтобы ее с друзьями вспоминали как «умерших добровольно и славно».

— Самоубийцы?

— Именно. Самоубийство очень ценится в созвездии Арктура. Это основной ущерб и самая большая слабость. О! Все происходит с самым изысканным достоинством: стараются урегулировать все свои дела, даже устраивают праздник, дают бал... Потом уединяются здесь, в Доме Радостей Смерти. Ложатся, выбирают самую нежную музыку и свой любимый запах. Все здесь, в амфорах: это вербена или водоросли, летучее благоухание молодой лесной поросли или фимиам из таинственного храма... Но я здесь не для того, чтобы излагать вам нюансы самоубийства в качестве одного из видов искусства...

— Потому, что вы здесь?

— В той мере, в какой мои способности мне это позволяют. Ведь я Астрид.

— Я догадалась.

— Тем лучше — у меня нет времени на намеки. Гелико упал на Центр, у меня повреждены соединения. А Айрт должен быть дезинтегрирован через час...

— Айрт — дезинтегрирован?!

— Однако, я не ожидала такого изумления. Вообще-то, мы искали вас большую часть ночи. Нужно собрать в батарею всех мутантов, чтобы помочь ему бежать...

— Да вы сошли с ума! — воскликнула Талестра. — Это просто несносно! Айрт вот-вот умрет, а мы здесь спокойно пытаемся выполнить наши маленькие мутантские трюки, в которых мы до конца не уверены!

— А что бы вы могли еще предложить? — спросил голос скептически.

— Еще не знаю. Но надо действовать, надо двигаться!

— Прекрасная мысль! Что ж, двигайтесь, возмущайтесь. Вот координаты: Айрт заключен в подземной тюрьме, стены которой не-проницаемы для излучения ПСИ. И стены сверхпрочны — если только напасть с голыми руками...

— Мы должны связаться с Ингмаром Кэрролом!

— А, вы тоже об этом подумали? К сожалению, он мертв. Это его гелико свалился на Центр. А этот гром означает, что Ночные берут Самарру приступом. К тому же, Валеран уже взял власть в свои руки.

— Ах так? — сказала Талестра. Ее голос стал вдруг холодным и жестоким. — В таком случае нельзя терять времени. Мне нужно увидеть Валерана.

Она тут же стала энергичной, решительной и бдительной и настроила свои мысленные антенны. Нет, Валерана больше не было в его старой обители с сиренами. Он находился в другом месте, может быть, в адмиральском дворце. Она снова полностью овладела своими знаменитыми способностями, и теперь ей было легче найти выход из создавшегося положения. И машинально, по привычке старого бойца, она стала искать глазами какое-нибудь оружие; не важно, какое, лишь бы она могла воспользоваться им. Парадокс: Дом Смерти предлагал на выбор только тайные яды... Талестра выругалась по-своему — как космонавт. И, почувствовав недоумение Астрид, сказала:

— Ба! Я знаю, что делать! Вы не понимаете? Ведь Айрт — наш брат!

Тогда произошло невероятное событие, которое Морозов квалифицировал бы «странным, более, чем странным». Талестра увидела, как в двух шагах от нее из пустоты возникло и засветилось нечто

вроде запутанной вертикальной электрической схемы и искусственных клеток с управляющей ими электронной кибернетической системой. Все это висело в воздухе на уровне бассейна, предназначеннего для самоубийц, вскрывающих себе вены собственным ножом, прямо напротив голубого фонтанчика. А сверху, в футляре из органического прозрачного вещества, трепетала отвратительная живая масса, серая и кровоточащая...

— Не бойся,— сказал очень ясный голос, который шел из этого кошмара.— Я знаю, что на меня неприятно смотреть. Но... пусть могущество великого космоса ведет тебя, сестричка.

И Талестра почувствовала на лбу легкое прикосновение...

XXX

— Ты считаешь, что мы можем потребовать отмены карантина? — спросил Лес.

И Морозов:

— Это займет немало времени.

— Да...

— Они напали на твоего отца...

— Мой отец слишком велик, чтобы снизойти до защиты! Это был крик души...— И Сигма, такая справедливая, совершенная. Как же они могли?!

Морозов не стал объяснять Лесу, что один факт был следствием другого, что Сигма не была чисто арктурианской планетой, состоявшей из одной только справедливости и ангельской логики. Что она была наименее арктурианской, а, значит, самой уязвимой в созвездии Волопаса. Что в действительности она была отражением Земли — то есть самим субъективизмом, несправедливостью и жизнью, тогда как все на совершенных планетах Арктура было математически правильным, призрачным и мертвым. Что поэтому Сигму переполняли силы, бунты, и отовсюду выпирали противоречия, которые были ее сущностью с большой буквы, что у нее была цель...

Однако он любил Сигму, как можно любить красивое земное лицо.

Сам он никогда не осмеливался прийти ей на помощь: Данте снисходил к душам, закованным в ад, только для того, чтобы их пощадить или осудить. Но в тот момент, когда Лес Кэррол восстал, жребий был брошен.

Он только спросил:

— Когда ты думаешь покинуть орбиту Омикрона?

— Я ее покидаю прямо сейчас. Я только что предупредил Гейнца.— В отсутствие Валерана Гейнц командовал кораблем, подобраным на Антигоне.

— Но там нет экипажа.

— Есть. Несколько «кузнецов» во главе с Анг'Ри.

Морозов не стал спрашивать у этого команда с бешеными глазами, склонившегося над пультом управления, что он собирается предпринять на Сигме. С командного поста второго корабля передали координаты, повторили свое задание. Двигатели были запущены. «Летающая Игла» задрожала. Внизу контрольная башня Омикрона жалобным голосом осведомилась, что случилось, и силуэты остальных кораблей закачались в иллюминаторах.

— Все в порядке, — ответил Лес. — Я отчаливаю.

— И куда собираетесь лететь? — спросила башня вежливо.

— Во всяком случае, не на Омикрон. Кстати, вас это не касается.

— Но... вы возвращаетесь не в космос?

— Именно туда.

— Однако есть распоряжения!

— Отвечай им сам, Мор, — посоветовал Лес. — Мне действительно не до этого.

И он занялся кораблем.

— ...Именно так, — повторил Морозов на той же волне, понимая, что необходимо чем-то занять вышку, — распоряжения Омикрона действительны для самого Омикрона. Я не знаю, что с ними происходит в пространстве.

— Однако межзвездный кодекс...

— Что ж, поговорим о кодексе. В параграфе ОOOXXXIII специально подчеркивается, что из естественных законов развития вытекает тот факт, что пространство, не принадлежа никому, в то же время принадлежит всем. То есть вам, землянам, арктурианцам и мне. И лучшим подтверждением является то, что оно не может быть постигнуто и осознано, а кроме того, есть еще и подпространства. Есть на Омикроне приборы, способные исследовать подпространство? Сомневаюсь!

— Но вы не в подпространстве, — всхлипнула контрольная башня.

— А вы в этом уверены? Чтобы точно определить местонахождение летящего корабля, нужно нечто большее, чем измерение в трех плоскостях! Но я не уверен даже в том, есть ли у вас такие приборы. Я ведь видел только ваши медицинские инструменты и должен сказать — они в таком состоянии, что даже газообразные туземцы с Офишиуса не смогли бы их использовать, а всему космосу известно, что они пользуются чем угодно и где угодно!

— У нас совершенные инструменты! — возразила башня с отвращением.

— Да-да. Они ломаются при первом прикосновении...

— У вас такие органы и кожа. А наши инструменты предназначены для цивилизованных людей!

— Внимание! — сказал Морозов угрожающим тоном. — Кодекс не признает неучтивых и расистских инсинуаций по поводу цвета или состава кожи. Которые, кроме того, касаются личного и расового достоинства мыслящих существ и которые должны разбираться Высшим исправительным трибуналом свободных звезд. Так вот, вы затронули мое достоинство, и я...

В визоры было заметно большое оживление среди остальных кораблей, и со всех сторон послышались голоса других командиров. Вдохновленные бунтом «Летающей Иглы», а до этого лениво вращавшиеся на орбите Омикрона, они начали запускать свои двигатели. Настал момент, когда они начали тот же маневр...

— Подождите! — крикнула башня растерянно. — В случае нарушения карантина наши ракетные установки должны быть приведены в действие! Подчинитесь законам Омикрона или вас ждет катастрофа!

На втором корабле «кузнечики» запрыгали, и короткие волны разнесли во все стороны:

В порядок все системы приведем!
И к черту страх!
На смерть и на законы наплюем,
Пусть Омикрон подожнет в дураках!

— Приложение 00039876, параграф ХМПХV! — процитировал Морозов усталым голосом. — ЗАКОНЫ планеты действительны для ее поверхности, недр и стратосферы. Однако мы уже за пределами стратосферы Омикрона!

...Пусть молодой Арктур молчит!
И пусть замрут все старые кометы!
А мы плюем на карантин,
Над Омикроном посмеются все планеты!

— Свободные граждане! — взмолилась башня. — Будьте хоть немного благоразумны! Ваш случай довольно спорный, мы должны предупредить Сигму, а тогда она встретит вас термоядерным огнем!

— Бесконечное спасибо за вашу заботу. Но мы можем выбрать и другой путь...

— Мы пацифисты! — продолжала башня, захлебываясь. — Мы самые добродушные существа во вселенной! Но вы вынуждаете нас...

— Стреляйте!

— ...Отодвиньтесь, пожалуйста!

— Ах! Батюшки! — пропищал на ультракороткой волне голос «кузнечика». — Целься лучше, а то попадешь в Орион!

Когда они удалились на достаточное расстояние от орбиты Омикрона, они решили познакомиться. Каждый корабль сообщил свое название и назначение. Все решили остаться с «Иглой». Оказалось, что в распоряжении Леса Кэррола был целый флот из 998 кораблей,

искусственных спутников и торговцев — их было большинство. Он попросил Морозова обратиться к ним с торжественной речью. Тот в растерянности поднял руки к тому, что примерно соответствовало небу, потом порылся в исторических и литературных знаниях.

— Свободные космонавты! — начал он. — Пять миллиардов веков непокорности смотрят на вас через иллюминаторы этих кораблей!¹

— Ур-р-ра!!! — хором ответили с кораблей, не потрудившись проверить этот весьма странный подсчет.

— Омикрон — это слаборазвитая и реакционная планета, которая не может отличить чуму от обычной свинки — а ведь мы по-томки древних созвездий, чьи корабли бороздят пространство. ПРОСТРАНСТВО ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ!!! И нечего нам слушать расистские бредни идиотов, которым не нравится наша твердая кожа. К тому же мы не можем ждать. Некоторые из нас являются беглецами, которых подвергали пыткам или приговорили к смерти, как будто в насмешку над всеми законами Волопаса, и все потому, что они не смогли вовремя пожаловаться! Однако, из искры возгорится пламя, и если между нами еще не возникла братская дружба, то мы сейчас похожи на колокол или цимбалы... Таким образом, мы должны собрать недостающую информацию и выступить на защиту нашего товарища, наших товарищ, я точно не знаю, сколько их, а ведь среди них есть даже один КЮВКСЦШИЛЛ, которых даже Омикрон почитает! Конечно, мы ничто по сравнению с регулярными силами Волопаса, но звездная справедливость ведет нас! Поэтому, если сейчас нас только 998, то при подлете к Сигме нас вполне может оказаться 998 миллионов! Все планеты заинтересованы в торжестве справедливости, иначе что же с нами будет?! Это последний бой, и у интернационала свободных звезд — метагалактическое будущее!

— Ур-р-ра! Живе! ФКБКСУГИТСССС!!!

— Великий вождь! — передал огромный шарообразный звездолет с Секстана. — Мы последуем за тобой через любые бездны и черные солнца!

— Потому что ты полон благоразумия, — прибавила тонкая серебристая стрела из созвездия Весов. — И речь твоя так литература...

— И мы... и мы! И мы!

— Спом гимн! — предложил секстанец.

И гимн разросся в бесконечности, разросся и затопил ее, как космический прилив. Он слился с музыкой космоса. И теперь, и всегда революции начинались под аккомпанемент какого-нибудь, по правде говоря, посредственного гимна...

¹ Парафраз известного обращения Наполеона к армии в египетском походе: «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас с вершин этих пирамид!»

Морозов спустился с трибуны, вытирая блестевшее от пота лицо.

— Мне кажется, что я ошибся при выборе профессии, — сказал он.

А из космоса доносились:

В порядок все системы приведем!
И к черту страх!
Мы старый мир разрушим
С дезинтегратором в руках!

— Они неправильно поняли, — сказал шокированный Лес. — Не было речи о разрушении!

И Морозов:

— Нет. Они правильно поняли. Я подумал об этом.

Талестра бегом покинула Дом Счастливой Смерти. Рассвет уже наступил, и ей казалось, что синие верхушки кипарисов и ужасные оранжевые лилии кладбища склонялись, будто хотели попрощаться с ней. Она бежала, не разбирая дороги, полностью доверившись своим мысленным антеннам, и ее встреча с Астрид могла бы показаться ей сном, если бы, обернувшись при выходе из Дома Воспоминаний, она не обратила внимание на пурпурный огненный столб, поднимавшийся на том месте, где был Центр Мутаций.

Тогда она остановилась, чтобы перевести дыхание, и заметила, что облик Самарры неожиданно изменился. Она была теперь похожа на одно из тех проклятых мест, таких, как город-под-куполом на Уране, как платформы космодрома Сатурна, на Антигону, пожирающую своих пленников. Небо вдруг стало совсем черным, и казалось, что никогда и не было ни двойной звезды, ни многочисленных лун. Каналы и райские сады погрузились в такую густую и осозаемую тьму, будто это была ночная сторона планеты. И только лепестки пылающих роз-взрывов разрывали горизонт. Каждые пять или десять минут сильные толчки указывали на то, что еще какнибудь космодром или общественное здание взлетели на воздух: казалось, что весь город заминирован. Время от времени вспышка вырывала из темноты фасад дома или башню, которые, накренившись, как будто проваливались в бездну, как изображения на «космо-символистских» полотнах. Странные трещины неожиданно исщиряли нефрит и мрамор, угол стены приподнимался, будто камни хотели убежать, потом невероятно медленно разваливался. «Похоже на постройку из кубиков, — подумала Талестра, — и весь этот мир — слишком красивая игрушка, которую теперь разрушают...»

Раздался раздирающий рев сирен, который как будто застыл в воздухе. Микрофон на углу какой-то площади объявил, что аэропорт горит, и огонь подбирается к резервуарам с горючим. Талестра поняла, что катастрофа приобретает планетарные масштабы. Мно-

жество аппаратов на воздушной подушке со свистом пронеслись над каналами. Ни один из них не был освещен изнутри.

«Ночные, — поняла девочка. — Они уже в центре Самарры. Они давно готовились к перевороту, ультиматум и разговоры о мире были всего лишь уловкой. Но сначала они решили уничтожить единственное существо, которое им мешало: Айрта».

На следующем перекрестке она увидела первый труп с черным лицом...

Особый дух тотчас распространился в воздухе. Он стал в атмосфере Сигмы более легким и неуловимым, почти приятным, но в то же время смертоносным — этот запах увядших цветов, стоячих вод, запах заброшенных кладбищ. Это не был даже запах гнили, скорее, легкий запах плесени, тонкий и грустный. И цвет неба над Самаррой казался заимствованным у полотен старых мастеров — слегка зеленоватый, как будто тронутый старением... Небо грустное, нежное и жестокое. Это не было небом умирающей планеты, казалось, что гибнет целая галактика.

...И уже тяжелая поступь доносилась с соседней улицы, ужасные хриплые голоса останавливали прохожих, и Талестра благоразумно спряталась под ближайшим портиком. Там оказалась целая группа арктурианцев или земно-арктурианцев, худощавых, бледных и симпатичных, которые с достоинством ожидали своей смерти: очень красивая супружеская чета, которая занималась в основном поцелуями, высокая белокурая девушка, похожая на весталку, и группа пожилых арктурианцев, судя по разговору, из какого-то учебного центра.

Приглушенные голоса шептали:

— Они появились одновременно на всех перекрестках Самарры...

— Они высадились?
— Да... нет... Пожалуй, они всегда были там, в толпе.
— И никто их не узнавал? Однако их лица...
— Они выходили только по ночам. Штурмовики, знаете ли. Или люди из шахт...
— Префекта убили!
— И Факультеты горят!
— И космодромы...
— Подумайте только, — сказал старый астронавт, — там все запасы ракетного горючего, которого нам хватило бы на целый год! А если еще взорвут плотины... Так на Земле погибла Атлантида...

Красные отблески пламени плясали на оцепеневших лицах.

— Как жаль, — сказал один арктурианец, который оказался известным ученым, — что наши памятники и дворцы исчезнут. Эта планета, которая была музеем и сокровищем, перестанет существовать...

— Как жаль! — повторила женщина с седыми волосами и благо-

родным лицом без единой морщины — самая известная в Самарре оперная певица.— Ведь мы уже были на пути к счастливой смерти! Не правда ли, Эллеор?

И она скжала руку своего спутника.

— Мы тоже,— сказали молодые возлюбленные и улыбнулись друг другу.

— Как грустно, что придется умирать на улице; это будет, несомненно, так безобразно!

— Не огорчайтесь,— прошептала высокая весталка.— Добровольная смерть всегда прекрасна...

— Как! — воскликнула Талестра, не помня себя от негодования.— Вы хотите умереть без борьбы?! Так вы все трусы?!

— Борьба — самое большое зло,— отвечала молодая женщина с седыми волосами.— У нас была такая прекрасная жизнь, зачем же портить конец?

— Мы умрем с улыбкой.

— Наша смерть будет концом прекрасной поэмы...

«Они так и сделают,— поняла Талестра, у которой холодный пот выступил на лбу.— Язва проникла в них таким образом: они слишком совершенны, чтобы бороться против нее! Но тогда все пропало, и Язва будет править вселенной!»

Невыносимая картина черных солнц, окруженных мертвыми планетами, возникла у нее в сознании, но она знала, что так не было, так не могло быть, и, поняв, что это волны, распространяемые Ночными, она стала сопротивляться им. Арктурианцы могли на все ма-хнуть рукой... но только не она.

И снова тяжелые шаги, хриплые голоса разорвали ночь. Прошла, пошатываясь, группа арктурианцев. По пятам за ней шли черные силуэты и время от времени поливали ее огнем. И самое ужасное, никто не сопротивлялся, ни одна жертва не пыталась убежать. Талестра подумала, что завтра Самарра будет похожа на Гефистион, на его миражи...

В тот момент, когда черный патруль проходил мимо портика, где пряталась вышеописанная группа, один из Ночных обернулся, рассмеялся и наугад разрядил свое оружие в темноту. А патруль тотчас повернулся к портику, и, как всегда, началась резня. Влюбленная пара поникла, как две склоненные лилии, и исчезла в яркой вспышке. Блондинка рухнула, разрезанная пополам безжалостным лучом как раз в том месте, где у нее был живот... На лице ученого, ноги которого отлетели от туловища и целыми и невредимыми упали по другую сторону лестничного пролета, застыло неописуемое удивление: «Как? Это оно и есть? Как? Все кончено — и уже больше ничего не будет...» И они так и не смогли до конца насладиться фруктами и чьими-нибудь губами, налюбоваться предрассветным небом Сигмы, надышаться ее ароматами, тонкой амброй розовых акаций и медо-

вых корифасов, а также опьяняющими межпланетными водорослями и приправами — бальзамом с Аккрукса, шафраном и кориандром с Гиедиса, которые поступали с космодромов...

— Легко говорить о смерти, — громко сказала Талестра, — и даже встречать ее лицом к лицу, приукрашенную ритуалами, музыкой и фимиамом. Но сегодня у нее едкий запах дыма и металлический привкус крови...

Вдруг она заметила, что разговаривает с мертвецами.

Ночные ушли, и она поднялась со ступеньки из розового мрамора, на которой сидела как раз в тот момент... Ее последней мыслью было: только бы не упасть... Но она была жива. Единственная. Она закрыла им глаза и побежала вдоль канала.

...Как она изнемогала от всех этих своих способностей, которые переставали служить ей, как только она начинала волноваться. Сейчас ей хотелось одним прыжком перескочить пространство и время! Странная мысль пришла ей в голову: может быть, это наказание! Но ведь Айрт никак не мог избежать своего теперешнего положения.

«Но я же ничего плохого ему не сделала!» — возмутилась она. Однако тихие и вкрадчивые голоса шептали:

«Вы доставили Айрта Рега со связанными руками и ногами...»

Не считая поднимавшихся кое-где столбов черного дыма, вокруг стало значительно светлее, как будто наступил день. Небо было похоже на раскаленное покрывало, оно казалось опрокинутым, на его фоне четко вырисовывались горящие здания и уже почерневшие оставы. Неожиданно целая стена огня преградила ей дорогу, и как-то совсем бездумно она применила свое обычное маленькое волшебство. На этот раз все получилось, и она оказалась по другую сторону огненной стены с едва опаленными ресницами. Но земля заколебалась от нового страшного толчка, и стало ясно, что взорвались храмилища горючего. Талестру перевернуло и бросило в сторону вместе с другими беглецами, среди которых были и живые и мертвые. Поднявшись с земли, она увидела совсем рядом вестибюль огромного здания, которое показалось ей знакомым. Она прошептала:

— Дворец Валерана!

— Драгоценная реликвия, — сказал какой-то арктурианец, лежащий у ее ног. — Целиком принадлежит императорской семье с Земли. Но уже лет сто в нем никто не живет...

— Ошибка, — сказала Талестра. — Еще вчера здесь давали бал. Там был принц со своей семьей. С матерью, с сестрой, кажется...

— Вы ошибаетесь, девушка, — возразил с изысканной вежливостью арктурианец, рас простертый в луже собственной крови. — У принца Валерана нет сестры, а его мать умерла при родах. Мне это доподлинно известно — я был сторожем в этом дворце. Мое почтение. И прошу вас, не смотрите на меня. Это зрелище не для вас...

Он не закончил фразу и испустил дух.

А Талестра поняла: Валеран использовал гипно-систему старого дворца. Она вызвала перед глазами Талестры те видения, которые ей хотелось увидеть. Но среди частот «Талестрис» затесалась чья-то посторонняя мысль...

Посторонняя?..

Она больше ни в чем не была уверена.

В пустынном полутемном холле, где смутно вырисовывались пустые простенки и белели статуи, неожиданно ожила неизвестно где находящийся микрофон, который первым делом разразился неслыханной и дикой музыкой, похожей на гимн, в которой не было ничего общего с прекрасными и гармоничными произведениями Арктура. Затем металлический голос объявил, что город полностью в руках «наших союзников с Земли». «Предпринята всеохватывающая операция против неконтролируемых элементов. Порядок будет поддерживаться, чего бы это ни стоило. Новое правительство находится в адмиральском дворце. Подписано: Валеран Еврафриканский». Теперь Талестра знала, куда ей идти. Находясь под впечатлением последних слов арктурианцев, которые умирали вокруг нее благопристойно и с достоинством, она прошептала:

— Во имя Земли! — однако тут же поправилась, на этот раз вполне убежденно.— Нет, во имя Леса. Да и Айрту я не могу подложить такую свинью. И всей этой планете...

И, даже не сознавая толком всю сложность своей позиции и стоящих перед ней задач, она добавила:

— Потому что я Талестра!

После этого она заметила, что у нее промокли ноги. Золотые, белые и огненные цвета окружающей действительности отражались в жидкой массе, которая подступила к величественной лестнице, ведущей к дворцу. Она тотчас поняла, что прорвались самарские плотины, и уровень воды в каналах поднимается. Так как Лес говорил ей, что почти вся земля Сигмы была приподнята искусственно, она тотчас оценила опасность и возможные последствия и бегом поднялась по лестнице.

Привратник сказал правду — дворец казался уже целую вечность необитаемым. В разных углах виднелись ржавые останки стаинных роботов, покрытых тонким слоем пыли. На втором этаже во многих местах попадала штукатурка и отвалились лепные украшения... Теперь Талестра достаточно хорошо была знакома с гипнотическими феериями и ловушками Сигмы, чтобы понять, что это в ее собственном сознании возникли уже давно пленительные образы очаровательного праздника, коварных Красоток, всего этого земного Ренессанса на земле Самарры...

Сердце у нее немного сжалось.

Лифт не действовал, и она с трудом забралась на двенадцатый

этаж, где увидела кабину лифта устаревшей конструкции, застрявшую между этажами. Остывшие потоки расплавленного металла на ней заставили Талестру побледнеть... Но теперь она не могла спуститься — вода залила первый этаж.

Она пошла вверх.

От тринадцатого этажа остался только остов. Вверху было видно небо, разрисованное оранжевыми отблесками. Однако налево уходил все тот же коридор из разбитых теперь кристаллических стен, который упирался в зал, где одной стены не было вообще... А в углу — королевское ложе... Похолодевшей от ужаса Талестре смутно показалось, что она даже различает на подушках сероватые останки...

Она не стала задерживаться здесь, вернулась и поднялась на террасу — единственное место дворца, за которым, очевидно, еще следили. Здесь был гелиодром: взлетно-посадочная полоса, ангар и несколько аппаратов типа Любеллюль, которыми, казалось, еще пользовались. Отсюда Талестра могла видеть всю метрополию, объяющую морем пламени. Густые клубы черного дыма расстилались над огромным озером, которое образовалось на месте большого канала и собора Первых Астронавтов. Желтые круги уже поднимались по окрестным холмам. На территории космодрома поднимались высокие переливающиеся колонны: запасы пряностей и благовоний горели, словно в гигантских курительницах. И тяжелый запах, нежный и плотский, примешивался к тонкому и грустному дыханию ночи и смерти...

И вдруг Талестра с безграничным ужасом увидела: как раньше Антигону, Сигму засасывало в зону гигантского черного смерча. Итак, притяжение это перемещалось из Бездны Лебедя, оно проникало в великое созвездие...

С помощью «маленьких чудес» девушка вывела из ангаря гелико, стремительно взлетела и быстро облетела обреченный город. Она увидела «операции по очистке», жестикулирующие массы, которые в панике покидали затопленные подземелья, изуродованные трупы, которые падали с башен, женщин, прижимающих к себе детей...

Но все было еще хуже, чем на Антигоне или на Земле, — эти сигмийцы не боролись, они даже не кричали! Талестра возмутилась: ведь как раз в это время и следовало подумать о «достойной смерти! ...А на площадях вода уже растворяла легкие кости арктурианцев...

И она послала вызов, который, казалось ей, был похож на грохот Щита с Антигоны, вызов, который должен был пересечь любые бездны и световые века:

«Твой народ, Лес! Твоя планета, Лес! Они гибнут... На помощь, на помощь!»

Позволив себе слабость, она вновь стала Талестрой. Другие

могли прийти или не прийти. Она же будет делать то, что нужно.

Прямо под ней находился адмиральский дворец — величественное здание из черного мрамора и аквамарина, одно крыло которого тоже горело. Лес довольно подробно описывал дворец, поэтому ей не составило труда сориентироваться. Мраморная эспланада, колонны с золотыми фризами, херувимы из розового мрамора при входе — ей казалось, что она узнает все это. Ее гелико спикировалпря-на террасу дворца. Охранники у стены окликнули ее, но стрелять не стали, пораженные, очевидно, ее наглостью. Прибежал офицер в земной форме с дезинтегратором наперевес, но тотчас остановился как вкопанный, при виде этого прекрасного и сурового лица и глаз, похожих на живые хризопразы, на водоросли, на змей...

— Я должна увидеть принца Валерана, — сказала она. — Он здесь?

— Но...

— Никаких «но». Отдайте мне ваши дезинтегратор и следуйте за мной.

Она его просто-напросто загипнотизировала.

XXXI

Пластик окна разлетелся вдребезги от сильного удара снаружи, и сердце Виллис перестало биться. Предыдущее усилие, которое должно было способствовать прохождению пространства-времени и притяжению к ней человека, было таким яростным, что она в изнеможении опустилась прямо на пол в зале, где ирисы и мозаика приняли свой прежний вид после ухода Астрид. Снаружи яростно бушевал пожар. Пробковые деревья и столетние эвкалипты пылали, потрескивая, как солома. Ей казалось, что она здесь уже века, думает и стремится только к одной цели. И незримая огненная и кровавая нить связывала ее с той самой площадкой в тюремном дворе, с тремя столбами, с тенями казненных на земле...

Когда она смогла, наконец, подняться, Аирт бросился к ней и страстно прижал ее к груди. Он был здесь, целый и невредимый. Ничего больше не существовало для нее, в самом деле, ничего.

— Вот видишь, — сказала она, слегка отстраняя его, чтобы лучше видеть, — ты здесь...

Он осматривался с таким видом, будто только что родился, как будто видел мир новыми глазами — видел все, что в нем было прекрасного и ужасного — ночь, омытую пожарами, ирисы в водоеме и бледную до синевы Виллис на фоне пурпурных и серебряных отблесков.

Он сказал:

— И ты жива! О космос! В первый раз я чувствую, что ты живая,

и что между нами ничего нет, ни «Летающей Земли», ни Антигоны, ни смерти. Твои волосы пахнут медом, розами. Всем тем, о чём я только мечтал...

— И ты жив, — сказала она. — Это ты. Видишь ли, в то время, когда я звала, я ни в чём не была уверена. Ты мог быть лучом или архангелом. И это было бы вполне достаточно для Сигмы. Но для меня — нет! У тебя такие странные ресницы, они загибаются чуть ли не к вискам, а в глазах загораются такие зелёные искорки, когда тебе кажется, что ты что-то понял и за тобой никто не следит...

— У меня зелёные искорки?

— Следует заметить, — сказала она многозначительно, — что это я их там зажгла... Но ты ранен, у тебя кровь на руке.

— А, это? — отвечал он рассеянно. — Да, я сорвал магнитные оковы в тот момент, когда...

— Замолчи, я видела.

Она видела три столба...

— Знаешь, Виллис, после всего, что мы пережили, ничто больше не имеет значения: ни гордость, ни упрямство...

Наступило продолжительное молчание.

В аллее гигантская мимоза рухнула на крышу лаборатории нейрохирургии, которая тотчас взорвалась...

И голубой ирис осыпался в водоеме.

...Приведем в порядок все системы!

И к черту страх!..

Странная и шумная эскадра Леса Кэррола только что легла на орбиту Сигмы. Отсюда, с высоты, картина была впечатляющей: казалось, что планета, разрисованная в оранжево-красную полоску, катилась в необъятную бездну тьмы...

— Как шарик в рожок, — сказал один из «кузнецов». А Морозов дополнил после короткой паузы:

— Кажется, мы прибыли с некоторым опозданием...

Снизу на коротких волнах доносились стоны и призывы на помощь:

«СОС! Мы гибнем!»

«Сигма завоевана!»

«Плотины прорваны! Континенты пришли в движение!»

«Самарра горит! Совет Пяти перерезан!»

«Тревога! Свободные планеты! С О С!»

«Они отбирают наших детей и куда-то их уводят! Они не щадят ни женщин, ни стариков. Толпы, скопившиеся на космодромах, уничтожаются огнеметами. Они говорят о чуме, но на Сигме нет никакой чумы...»

«Всем! Всем! Всем! Говорит адмиральский дворец! Мы заявляем: законное правительство Сигмы обращается к здравому смыслу и к благоразумию свободных планет. Сигма выбрала свой путь развития и свою эмблему: МРАК. Эпидемия, которая началась в результате катализмов, будет ликвидирована, все необходимые меры уже приняты. Неконтролируемые элементы, распускающие панические слухи, будут наказаны должным образом. Всякое сопротивление будет беспощадно подавлено. Подписано: Валеран Еврафриканский».

— Последний земной принц,— сказал Морозов удрученно.

И Лес взразил суроно:

— Иуда был апостолом.

— Все-таки, садимся?

— Садимся.

Слегка касаясь рыжеватых, казавшихся живыми прядей на лбу Айрта, Виллис спросила:

— Как тебе это удалось? Ты погрузился в подпространство?

— Чтобы попасть сюда — да. Начиная с Ущелья Смерти, пространство непроходимо. Вода затопила долину, а ветер относит пла-мя вверх. Это невыносимо — деревья пылают, как свечи. Резервуары космодрома взрываются один за другим, и вода в каналах тоже как будто горит...

— А до этого?..

— Ты же должна знать...

— Может быть.

— Все было проще, определенное. Я уже подозревал, что во мне есть некоторые странные и скрытые возможности, но ты же знаешь, я ничего не смыслю в этих теориях, в парапсихологии и в остальном. Все произошло в тот момент, когда я уже был привязан к столбу, когда ты сказала: «Этот мир не существует». И я понял: я могу...

— Стереть минуту, в которую ты умирал?

— Да, стереть целую частоту времени. Это было очень даже легко, потому что речь шла о ближайшем будущем.

— Как тебе это удалось?

— Ты слишком много хочешь знать! Я просто сказал себе: «Все это не существует», и оно перестало существовать. Минуты, нет, секунды как будто склеились. Я не знаю, как все произошло. Ты мне помогала, правда?

— Нет,— она разверла руками с таким видом, словно просила прощения.— Это выше моих сил...

— Так я такой же мутант, как вы все?

— Ты сильнее, чем мы все. Но это ужасное могущество, Айрт. Ведь Ночные так тебя боятся...

Он попытался снова привлечь ее к себе. Но на этот раз Виллис

уклонилась. Она о чем-то размышляла с полузакрытыми глазами.

— Но,— сказала она,— что же происходит после этого склеенного, стертого времени?

— Я ничего об этом не знаю. Будущее возникает, как ни в чем не бывало, за исключением исчезнувшей частоты, на которую оно не обращает внимания. Ты видишь, я жив. Я думаю, с Джелтом тоже все в порядке. Как только он освободился от тела гориллы, он, скорее всего, соединился со своими.

— Имеет ли данная ситуация обратную силу?

— Понятия не имею. Может быть, в том, что касается недавнего прошлого. Понимаешь, я еще только начинаю разбираться в этом море понятий, до сих пор они были мне чужды. Так вот... время можно сравнить с рекой, которая несет в себе множество различных действий и эффектов, как будто это ил. Для очень отдаленного прошлого осадочный процесс уже закончился. Тогда надо абсолютно разрушить, а потом построить новый мир. Но все это легче, когда действия не закончились, когда они продолжаются. Однако, хватит! Вот после таких мыслей люди и седеют! Дай мне немного постоять вот так, прижавшись лбом к твоему плечу. Ты даже не представляешь себе, как это здорово — ни о чем не думать...

«Подумать только! — сказала себе Виллис. — Он разрушает и создает миры, а его самое большое желание — ни о чем не думать. Но может быть, это как раз правильно, что самое большое могущество дано тому из нас, у кого самое бедное воображение: это ограничивает возможность катализмов...»

— Виллис,— обратился к ней как будто далекий, как будто сонный голос, еле слышный среди треска горящих деревьев и ужасных взрывов, сотрясавших космодромы,— там, в Ущелье Смерти, ты сказала, что любишь меня. Повтори это.

— Космос! У нас еще будет время на это! — воскликнула она, одновременно смеясь и плача.

— Нет. У меня никогда не было времени подумать, а также серьезно поговорить или объяснить мою мысль. Мне посыпали волны, мне говорили: скажи это, сделай то. А сегодня я говорю и думаю сам. Если бы ты знала, как это трудно! Неужели ты думаешь, что я смогу повторить в другой раз то, что говорю тебе сейчас?! Может быть, я чудовище, Виллис. Ты мне ответишь: все мы в какой-то мере чудовища. Но у меня, видишь ли, все эти умения проходить в подпространстве, поворачивать время, воображать новые миры — вы называете это «создавать», — заменяют, несомненно, более нормальные качества. Все это сделало меня глухим, неуверенным, оторванным от общества. Пойми меня: я люблю Землю, потому что я землянин, я боролся, потому что это было необходимо. А сегодня я борюсь за себя самого и борюсь за свою любовь. И люблю я тебя. Ты единственное существо, которое я никогда не разделяю ни с какой вселенной. И ты так

много даешь мне! Нежность, радость жизни и счастье... гордость, что я мужчина, и вдохновение, необходимое в борьбе. И надежду... С тобой у меня нет необходимости играть роль освободителя или героя. Даже мутанта. Только себя самого. Я никогда таким не был с тех пор, как покинул астероид, я хочу сказать, не был таким настоящим. Ты ведь понимаешь меня, Виллис, правда?

— Думаю, что да. Мне кажется, что мутантам необходимо быть просто человечней.

— Вот видишь. Что ж, ты не хочешь сказать, что любишь меня? Есть что-то такое, что нас разделяет? Так скажи!

— Ты уже сам сказал...

— Но надо отбросить сейчас гордость или бессмысленное постоянство. Ни прошлое, ни будущее не могут иметь значения. Только мы двое.

Только...

Она тоже чувствовала себя разбитой, как в конце долгой и упорной битвы. В самом деле, в течение долгих месяцев, прошедших со временем их разговора на Антигоне, она стремилась подавить в себе чувства, погружаясь время от времени в смутные и тяжелые грезы, где она прижимала к себе это длинное тело, эту юную голову, так легко забывшуюся у нее на плече. Создатель миров — этот безответственный ребенок! Она с трудом могла в это поверить.

И она склонилась, она была готова броситься в бездну...

— Космос! — повторила она. — Но почему же они тебя боятся?..

— Об этом, — отвечал Айрт, прикрыв ресницами свои глаза, взгляд которых невозможно было вынести, — надо спросить у Ночных. И потом, какое нам дело, Виллис? Я ведь так люблю тебя.

И только взрыв прямо здесь, в Центре, мог заставить их оторваться друг от друга...

Талестра прошла через анфиладу залов, мрачных и торжественных, тех самых, по которым часы или века назад бродил адмирал Кэррол. Невообразимый беспорядок царил в невредимой части дворца. Розы осипались в вазах из аметиста и хрусталя. А на коврах, испещренных коричневыми пятнами, в разных местах как будто спали, как дети, молодые звездные гвардейцы. У некоторых виднелись на голове небольшие треугольные отверстия...

Здесь Ночные избегали применять огнеметы...

Офицер, которого Талестра продолжала держать под прицелом его собственного дезинтегратора, с особой покорностью провел ее через все посты. Скорее всего, он понимал, что сопротивление бесполезно... Они подошли к двери, и молодой человек постучал в нее. На какую-то секунду Талестра заколебалась, похолодев от перевозбуждения. Она представила себе, что за этими тяжелыми створками

заседает секретный конclave чудовищ, какая-нибудь уменьшенная копия Антигоны или вообще нечто невероятное... Она даже попятилась. Но откуда-то издалека, через сожженные или замерзшие миры и сумасшедшие созвездия перед ней возникло лицо ее отца, залитое кровью, лицо уже расплывчатое, уничтоженное в каком-то безымянном рву, но все-таки живое. И ей показалось, что оно одобritoельно кивнуло ей...

— Войдите,— произнес знакомый голос.

Талестра обернулась к сопровождавшему офицеру:

— Я войду одна,— сказала она.— Дело касается только его и меня.

Она вошла и закрыла за собой дверь.

— Бросьте дезинтегратор,— сказал Валеран совсем спокойно.— У меня тоже есть такой, а стреляю я лучше вас.

Он был один и стоял у стола, заваленного кучей микрофильмов. Но, за исключением этой детали, зал был сейчас единственным на Сигме спокойным местом. Стены были звуконепроницаемы, и здесь царила глубокая тишина. Старинная люстра освещала великолепие кабинета, и лучи ее отражались в мозаичных экранах. И изображение Ларции как будто слегка улыбалось из глубины прошедших десятилетий, безвозвратно ушедших, позабытых...

Снова вокруг была изысканная старинная обстановка; которую Валеран любил при всяком удобном случае воссоздать, в которой он полностью растворялся духовно: драгоценные деревянные панели, ковры в приглушенных тонах, белые статуэтки — как будто все это появлялось из незабвенного земного прошлого... Букет запахов здесь был даже более нежным, чем в Доме Смерти.

— Но если вы так любите Землю,— воскликнула Талестра,— почему же вы вступаете в союз с ее врагами?!

Валеран улыбнулся, и его мрачное лицо приняло задушевное, совсем земное выражение, появившееся как будто из других времен.

— Ночные — это тоже Земля,— сказал он.— Единственная, которую я узнал как следует. Но не будем заниматься метафизикой, Талестрис. Предположим... что я задумал завоевать Сигму, чтобы овладеть вами.

— Но это абсурдно!

— Нет, если вы поймете, что я вас люблю. А я действительно люблю вас, вот ведь проклятие, а? Из всех земных красавиц я выбрал, о! совсем не желая того, вот этот выпуклый упрямый лоб, этот яростный и нежный рот, самый ясный ум, самое изменчивое сердце... Вы не можете себе представить, как я вас люблю, и у меня нет слов, чтобы выразить это. И напрасно я буду анализировать — становится ясно только одно: с первого взгляда там, в джунглях Антигоны, я почувствовал, что вы для меня — все: жизнь, смерть! А вы всегда смотрели на меня, как на не стоящего особого внимания спутни-

ка, статиста драмы, в которой вы играли главную роль. Я так люблю вас, что даже никогда не осмеливался дотронутся до вашего Леса, хотя могу похвалиться, что весьма коварно отстранил его от участия в битве, которая в данный момент разыгрывается на Сигме. Но когда рядом со мной кого-нибудь убивают, когда приговаривают и казнят преступника, я убеждаю себя, что это Лес, и успокаиваюсь. Я люблю вас, наконец... как бы это сказать? Я мог бы взять вас силой или теленизировать. Вы сами видели, что возможно с гипно-установками. Они производят настолько сильный эффект, что в конце концов перестают подчиняться даже мне... Я мог бы держать вас в объятиях, наслаждаться вашими поцелуями и слезами. Думаете, я не мечтал об этом? Каждую ночь, начиная с Антигоны! Но разве украшенная любовь достойна вас или меня?!

Говорил он очень просто и спокойно, и Талестра медленно отходила к дверям, опустив дезинтегратор, пока не уперлась в них. Она побледнела.

«Так это возможно, — думала она. — Кто-то может меня так любить? Эта великая любовь, эта всеохватывающая сверхъестественная страсть, о которой я мечтала, которую я считала единственным достойным меня, возможно ли, что она все время была рядом со мной, а я не узнавала ее? Да, он чудовище, он предал наше дело, он сдал Сигму, и он, несомненно, убил Айрта... но нет ли и моей частичной вины во всем этом? Я всегда жила, как будто играла. Если б можно было все вернуть...»

Но и она не могла найти слов.

— Если вы действительно любили меня... — только и произнесла она.

— Я должен был продолжать мечтать и страдать. А также наблюдать, как вы порхаете направо и налево с непоследовательностью бабочки. Но мы живем не в глухие времена Средневековья, хотя вас и зовут Талестра — имя, которое вам так подходит. Я не мог видеть вас в объятиях Айрта...

— Но вы же знали, что я его не люблю!

— Ничего я не знаю, я не мутант. О! Я как будто тычусь лицом в эту стену... ваших возможностей! Я чуть не сошел с ума с тех пор, как присоединился к вашей группе!

Он стукнул кулаком по столу и тотчас извинился с прежней, воспитанной годами учтивостью. Должно быть, от удара открылась старая рана, и Талестра, оцепенев, смотрела на капли крови, появившиеся на тыльной стороне его ладони.

— Послушайте, Валеран, — сказала она, — хотя бы раз будем просто человечны. Забудем страдания, которые я причинила вам, зло, которое вы причинили другим. Мы накануне битвы. Мы отважно сражались, и вот мы оба побеждены. Постараемся же, постараемся хотя бы поправить то, что еще возможно...

— Как вы думаете, где вы находитесь? — спросил он неожиданно резко. Теперь он стоял к ней боком, смотря в окно, и она видела его профиль раненого бойца, гладиатора на арене. — В каком детском мире, в какой сказочной стране вы живете? Ничто не может быть исправлено, у каждого действия есть свои последствия. Эта планета и это созвездие захвачены. К тому же, все было очень легко и соблазнительно. Вселенная состоит из двух неравнозначных существ. И Ночные — вторая и вполне реальная, что бы там ни думали. А главное — мрачный бич, который перемещается. Ему нужна неизмеримо малая доля секунды, чтобы достичнуть вновь открытой зоны, которая предрасположена к нему, нового места распространения гуманоидов, куда он может внедриться. И ничто потом не может помешать его расцвету, заражению других миров... В этой звездной системе, где арктурианцы были слишком совершенны для того, чтобы заразиться, а земляне — слишком осторожны, именно я стал ключом к распространению и первой его зоной. Сейчас процесс развивается, и ничто не может его остановить...

— В самом деле ничто?..

— Было существо, которое могло помешать нашему распространению. Но мы его уничтожили.

— Аирт?

— Да, Аирт. И вы нам в этом помогли, Талестра, спасибо. Вы уничтожили его веру в себя. Аирт был из тех людей, которые себя обычно недооценивают. Он дезинтегрирован в Ущелье. Другое препятствие — Ингмар Кэррол — тоже было устранено. Вы скажете, что есть еще Лес, который во главе несуразной эскадры продвигается к Сигме. Но Лес единственный из вашей группы не является мутантом, а без вас он ничего не сможет.

— Он всегда сможет разбить вас, — сказала Талестра, облизнув губы. — И победить. Это прекрасный боец, он бьется с открытым забралом.

Ее страстный голос затих. Валеран шел к ней, он был уже совсем рядом. Он следил за этим взрывом, ожесточившим подвижное лицо девушки, и теперь он сдерживал себя, а усилие, которое он делал, чтобы снова перейти в область чувств, роковых и ужасных страстей, где извиваются проклятые Данте, было патетическим и не совсем естественным.

— Лес, — сказал он, — всегда был фаворитом, все они такие, эти ангелы Содома! Ему не пришлось унижаться и бороться. А я... Мне должно было принадлежать все на Земле, Талестра! А я все потерял. На планетах Арктура я был всего лишь жалким эмигрантом среди многих. Вы осуждаете меня за мое сегодняшнее предательство. Но ни у одного землянина не была так раздавлена гордость и разрушено будущее, как у меня, Талестра... Еще ребенком, гуляя в садах Самарры, я, как и все, мечтал о звездочке, которая поблески-

вала среди ветвей цветущей вишни. Это было Солнце, наше земное Солнце. Чтобы лучше видеть, я ложился на спину, и камни впивались мне в плечи, а я погибал от любви. Я пошел служить в эскадры Двойной Звезды и, потому что я был землянином и принцем этой планеты, меня превратили в один из многочисленных винтиков этого великого коммерческого и космического механизма, к тому же самым презренным: шпионом, посланным на Землю, а потом забытым... Я мечтал о вас, Талестра, а мне предложили мертвую — Астрид...

А она подумала: «Я мечтала о Лесе. А получила Айрта. И он мертв.»

— ...А теперь я в конце моего пути и моих измен. Я знаю, что Ночные и меня уничтожат, когда я не буду нужен. Но...

Их тела, двигавшиеся с согласованностью воздушного потока и тучи, были так близки, что она ощущала на своем лбу его дыхание и даже его губы. В конце этой моральной схватки оба они были на пределе. Оба выронили свое оружие, ужасное и никчемное. Валеран обнял ее, и его губы лихорадочно и отчаянно искали губы девушки.

— Эскадры Омикрона наткнутся на нашу спираль,— говорил он.— Они будут... Они уже затянуты. Лес умирает. И ты моя, Земля!

Именно в этот момент она его и ударила. Прямо в сердце. Тем самым кинжалом, который ей дала его мать, умершая тридцать лет назад.

Клинок вошел легко и глубоко. Как в песок.

XXXII

— Но ведь это горит башня! — вскочив, воскликнула Виллис.— А там была Астрид... Надо бы...

Астрид, которая знала все, которая знала ответы на все вопросы...

Через минуту они уже бежали через сады Факультета. Катастрофа принимала поистине вселенские масштабы, голубые кипарисы таяли, как свечи, стены рушились, осколки сложнейшей аппаратуры разлетались в разные стороны. Показалась Башня Мутаций, лишенная своих верхних этажей.

— Взрыв произошел в операционном зале,— сказал Айрт.— Боюсь, там никто не выжил...

— Ну и что? — ответила Виллис.— Мы должны удостовериться, правда?

Это была та самая Виллис, которая сказала: «двигатели выдергут». А в разговоре с Лесом: «Нет ни жизни, ни смерти, есть вечное движение».

Айрт улыбнулся ей в ответ, и они начали невероятный подъем

среди огня и развалин. Лестница рухнула уже на втором этаже, но Рег не зря был тренированным атлетом. Он взобрался на стоящее рядом пробковое дерево и по веткам перебрался на широкий подоконник. Оттуда он сбросил Виллис длинную пурпурную штору.

Они бегом пересекли анфиладу помещений, покинутых арктическими и земными учеными, как только раздались первые взрывы, и пластиковая обивка, воспламенившись, превратила их в преддверие ада. Однако не все убежали, в зале заседаний они неожиданно оказались лицом к лицу с десятком белых арктических теней, не подвижно застывших в креслах. Лица их были покрыты перламутровой пленкой, а глаза — широко раскрыты. Аирт уже хотел было заговорить с ними, как вдруг заметил, что огонь уже лижет эти неподвижные статуи. Мертвые... Все они были мертвы! Величайшие арктические умы не захотели пережить крушение всех своих трудов, всех своих надежд. На полу валялись осколки разбитых флаконов, судя по этикеткам, из-под особого яда... Арцес, склоненный над трибуной, должно быть, умер последним. Виллис коснулась его руки — она была еще теплой...

А потом?.. Потом они поднялись по сохранившейся лестнице, прошли через залы, в которых разрегулированные гипно-установки испускали целые потоки объемных изображений и разнообразные запахи. Сигма погибала, как и жила — в красоте. На шестом этаже их встретила резкая, торжественная и ужасная мелодия, а вместо огненных стен и рушащихся потолков они увидели бесконечность, заполненную звездами, словно они находились в рубке корабля... Карлики и гиганты, рубиновые, смарагдовые и сапфировые, взрывающиеся жемчужной пеной, а потом согласованный полет кораблей, направляющихся к маленькой зеленой и голубой планете... Так установки реагировали на появление Аирта.

Он не был готов к этому, но тотчас устремился вперед с намерением взять на себя командование... Героическая симфония достигла апогея, заполняя стрельчатые своды, оплакивая этот мир, потом все исчезло: загорелся верхний этаж. Аирт очутился в пустом коридоре, его тряслось. Он глазами нашел Виллис и пробормотал:

— Я не знал, что так бывает на Сигме...

— Я тоже...

Открыв дверь в зал отдыха, чудесным образом оставшиеся невредимыми, они сначала отшатнулись, пораженные.

Она была здесь.

Ужасное чудо техники! На ступеньках, ведущих на эстраду, стояла прекрасная фигура Астрид, как библейская статуя, в своем движении превращенная в камень. Должно быть, от взрыва у нее разошлись электрические соединения, и принцесса застыла, повернувшись в три четверти к двери, как будто в тот момент, когда смерть настигла ее, она ожидала, что кто-то должен войти. Ничто не успело

повредить ее красоте: на чеканном лице сияли пустые, широко открытые глаза, а совершенная линия губ застыла в легкой улыбке...

Камышовая циновка, покрывающая весь пол, дотлевала у ее ног, распространяя нежный и грустный запах. Айрт немедленно сорвал ближайшую штору, смочил ее в водоеме и потушил огонь. Затем он дотронулся до запястья, в котором не различил, однако, никакого биения жизни — синтетическая кожа была гладкой и холодной.

— Короткое замыкание, — сказал он. — Нет, это не взрыв: кто-то направил на нее мощное поле отрицательного заряда... Уже несколько часов назад!

— Так она мертва?!

— Вообще-то, андроид не может умереть. Если он выключен, его нужно просто включить. Но я опасаюсь за ее мозг, то есть за настоящую Астрид. Лишенный биотоков, смог ли он вынести такое потрясение?

— Но она была такой сильной!

— Да... Но, Виллис, ее тело мертвое уже более пяти лет! Мозг жил отдельно, в состоянии искусственного оживления.

— Это был самый ясный и самый чувствительный на свете ум, — сказала Виллис. — А еще — самый мощный. Она знала все в этом разрушающемся мире, который так долго был самой красотой, а также то, что мы отчаянно хотим спасти его! К тому же она тебя любила. Если в Астрид есть хоть искра жизни, она поможет нам. Постарайся запустить ее, Айрт. Это просто необходимо.

В конце концов это ему удалось.

Зрелище было ужасным. Радужные, пурпурные и серебристые отблески пробежали по телу совершенной статуи, а когда они посмотрели в мертвые глаза, им показалось, что происходит нечто невиданное, как в жуткой сказке. Какой-то яркий и более трагичный, чем в человеческом взгляде, свет озарил неподвижные зрачки. Неожиданно запястье, которое держала Виллис, стало гибким, скулы порозовели, рот приоткрылся...

— Астрид! Принцесса! — крикнула Виллис, судорожно сжимая руку андроида. — Вы нас слышите? Вы видите? Сигма завоевана Ночными, Самарра горит, но Айрт здесь. Что нам делать?!

Молчание.

Тишина, прерываемая только завыванием пламени снаружи...
Какая-то особая тишина...

Чувственные губы оставались по-прежнему неподвижными, широко открытые глаза блестели пустым светом, как окна дома, покинутого своим хозяином, куда кто угодно мог войти, который к то угодно мог захватить...

И вдруг Айрт и Виллис приняли волну, которая передавала знакомым ясным и бесстрастным голосом:

«Они перемещаются во времени. Уничтожьте эту частоту».

Сильнейший толчок снова потряс здание.

Колени андроида подогнулись.

Он пошатнулся и рухнул.

На этот раз принцесса Еврафриканская была мертва.

..Они сели на космодромах, которые горели вокруг Самарры,
998 линейных кораблей, искусственных спутников и торговцев.

Корабль Леса первым коснулся полосы главного аэропорта, большинство «кузнецов» высадились и захватили контрольную башню. К их невероятному удивлению, никто по ним не стрелял. И только кое-где возникли небольшие очаги сопротивления. Люди, казалось, потеряли голову и даже не знали, почему они сопротивляются... В основном, это были земляне. Затем они стали сдаваться, и куртки из черной кожи, всегда служившие формой Ночным, усеяли космодромы. Когда Анг'Ри с дезинтегратором наперевес ворвался в Центральный пост астродрома, командир поста признался, что ничего не понимает: сначала подчиненные разоружили его, заперли в каком-то служебном помещении, потом они так же неожиданно и не говоря ни слова, выпустили его, и отправились заниматься своими повседневными делами.

— Как будто из них что-то выскочило,— сказал он задумчиво.— Как будто вышел какой-то черный дым... И они абсолютно ничего не помнят. Могу вас в этом уверить. Первым моим движением было разбить им рожи: но они были очень удивлены...

— Это была шутка,— решил Анг'Ри.— Да и была ли?..

Однако эта сумасшедшая ночь не могла быть кошмарным сном: нашествие тщательно готовили, слишком много людей погибло до и после! Слишком много изувеченных и обожженных трупов лежало у подножий столичных памятников, слишком много дворцов дрогало с пустыми окнами, вытаращенными, как глаза слепца, на каналы, по которым текло горючее..

На некоторых перекрестках еще стреляли одержимые...

И резервуары были взорваны, и прорваны плотины.

Но вдруг вода отступила.

Это было необъяснимо.

Когда освободители вошли в Самарру, Сигма была похожа на тяжело больного, который приходит в себя после жесточайшего приступа лихорадки, рассматривает свое тело, потому что все у него болит, и с ужасом обозревает следы своей борьбы и своего ночных бреда.

Поставив часовых на космодромах и доверив переходное правление Морозову, Гейнцу и нескольким «кузнецникам», Лес обратился по космовидению и радио с заявлением к населению Созвездия, без различия вида или места проживания. Он сказал, что ужасным событиям положен конец, что надо по возможности простить и забыть все содеянное в течение этих безумных дней, что Ночные отброшены.

Он не сказал, каким образом, он сам ничего об этом не знал...

Однако выйдя после передачи на внешнюю площадку контрольной башни, он подставил свое лицо легкому бризу, долетавшему с сигмийских океанов, которые, как и прежде, искрились звездочками аметистов, а также всем знакомым сигмийским запахам, среди которых больше не чувствовалось металлического привкуса крови, а также дыма и копоти, все еще покрывавших землю. Такое быстрое очищение граничило с чудом, и Лес начал догадываться о его природе.

Он хотел найти Айрта Рега.

Однако, прежде всего ему пришлось со своей странной армией, которая так и не успела вступить в бой, пройти вдоль главного проспекта Самарры в качестве триумфаторов, и оставшиеся в живых жители бросали им цветы. Все сады веселого отдыха были ободраны, и даже дома Счастливой Смерти были опустошены. Потому что те из арктурианцев и землян, которые принимали участие в защите города, вдруг обрели вкус к жизни, к чистому небу и воздуху, к песням и простым радостям...

И в такой вот обновленной и вечной атмосфере всеобщей гармонии астронавты великого похода возвращались на Сигму. Лес знал, что в это утро не все было так уж прекрасно, что не все радовались одинаково: слишком много людей навсегда исчезло в эти дни и ночи, которые позже будут фигурировать в звездных хрониках под многозначительным названием «Дни, которые потрясли Метагалактику». И он почувствовал это лучше всего, когда увидел труп своего отца, который всегда был против его экспедиции. Теперь он знал: отец слишком его любил... И Лес был рад, что отец умер спокойно, из-за своих ран: что его не пытали и не вешали, что у него было спокойное помолодевшее лицо, как будто умирая, он видел счастливую картину: адмирал Ингмар Кэррол закрывает глаза в освобожденной Сигме.

Обследуя адмиральский дворец, он наткнулся на другого мертвеца, распостертого в единственном месте, где Мрак еще казался реальным и конкретным — на труп Валерана.

Он был поражен старинным кинжалом прямо в сердце.

Рядом с ним он нашел Талестру, обезумевшую от ужаса и все еще одетую в цвета слоновой кости платье Примаверы с картины Боттичелли и в диадеме из изумрудов.

Весь ее наряд был запачкан кровью, и Лес не был уверен, не пролежала ли она всю ночь рядом с этим мертвецом, которого сама убила, и которого, может быть, пыталась оживить...

Но Талестра молода — она забудет.

Две последние луны, зеленая и сиреневая, потемнели на горизонте, и Айрт, уничтожив частоту времени, когда Ночные высадились на Сигме, снова очутился у авто-

матически запирающейся двери своей камеры, в шахте. Только что мимо прошли ночные стражники, и еще были слышны их отрывистые голоса, когда они говорили о падении адмиральского гелико...

Обессиленный Айрт опустился на свою койку. Ему казалось, что ничего не произошло, что и визит адмирала, и его прыжок в подпространство у столба, и завоевание Сигмы Ночными, и его последняя встреча с Виллис — да, даже эта встреча, его последнее и единственно счастливое впечатление — были частью мечты или кошмарного сна.

Мечта...

Приближение зари.

Шаги.

Скрежет металла...

И вдруг в камеру ворвался Джелт — самый маленький и слабый из «кузнецов». Он выбрался из тела гориллы и теперь плясал от радости!

— За мной, командир! — крикнул он. — Сигма свободна! Это вы ее освободили! Морозов пытается объяснить все, что произошло: вы уничтожили частоту перемещения и, может быть, саму Язву. Во всяком случае, эти самые сумерки, которые перемещались во времени, эту мрачную и все сжигающую субстанцию, которая внедрялась в Метагалактику и из которой возникали пресловутые завихрения, которые пожирали целые миры и питались нашими страданиями... Вы их стерли, и звездная болезнь больше не существует. По крайней мере, на Сигме! Пошли!

«...Нет, — сказал себе Айрт, — все это слишком прекрасно, малыш бредит. Или я вижу сон и сейчас проснусь...»

— Пошли же! — настаивал Джелт. — Лес и Морозов идут сюда с целой толпой. Все немного сошли с ума. Это Виллис послала меня к вам: она не знает, что с вами, и беспокоится...

— Почему она не пришла сама? — спросил Айрт, начиная приходить в себя.

— Потому что она думает, что здесь может быть Талестра...

— Но...

— Вы забываете, командир, что вы стерли почти весь этот день...

Да, он стер все эти счастливые часы. Тот момент, когда он врезался в окно. И когда она сказала: «Ты здесь. Ты жив. Ты пришел». И когда он обнял ее среди ирисов и пламени. Ее волосы пахли розами и медом. Она тогда сказала: «Ты мог бы быть лучом или архангелом. Этого было бы достаточно для Сигмы. Но не для меня...» А потом: «Ты ранен, у тебя рука в крови». И еще, позднее, когда он убеждал ее: «Надо отбросить гордость или бессмысленное постоянство», а она ответила, как эхо: «Надо...»

Но все это могло, все это должно было вернуться. Ведь отныне он знал, что Виллис любит его!

Ручонка Джелта вцепилась в его ладонь.

— Пошли, командир. Вы немного не в себе, да? Здесь еще темно. Но там, наверху, небо безоблачно, рассвет прекрасен. Мы последуем за вами куда угодно. Мы освободим Землю. Теперь, когда мы знаем наши возможности...

Каковы же были возможности Айрта?! Он ничего об этом не знал. Но, когда они вылезли из шахты и очутились среди восторженной толпы, вся Сигма со своим розовеющим небом и еще дымящимися стрелами своих дворцов будто превратилась в гигантский космодром, с которого были готовы стартовать тысячи звездолетов, чтобы принять участие в самом справедливом походе — в походе за освобождение!

Таким стал мир, таким он воссоздал его.

С чистым небом.

С этим рассветом.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПРОЛОГ	5
Часть первая. ИСХОД	29
Часть вторая. БИТВА	167

«ФЛОКС»

Издательство
открывает новую серию
«ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ»
книгами известного отечественного
писателя-фантаста
Василия Головачева

В 1992-1993 годах выйдут в свет совершенно новые и ранее опубликованные романы и повести писателя:

«ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК», книги 1 и 2;
«РЕКВИЕМ МАШИНЕ ВРЕМЕНИ»;
«РЕЛИКТ», фантастический роман в 4-х книгах;
«ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ»;
«ПИРАНЬИ», «МИЛОСЕРДИЕ ДИНОЗАВРОВ»;
«ЗВЕЗДА ЛЮЦИФЕРА», роман в стиле сайенс-фэнтези;
«КОНСЕРВНЫЙ НОЖ»;
«СПЯЩИЙ ДЖИНН».

Они составляют фантастико-приключенческий цикл, охватывающий события галактического масштаба на протяжении XXIII и XXIV веков.

Читателя при встрече с произведениями Василия Головачева ожидают захватывающий сюжет, сложные проблемы развития человеческой расы, вопросы глубинной связи Человека и Космоса, образы красивых умных женщин и героических мужчин.

Роман «ЗАПОВЕДНИК СМЕРТИ» не входит в цикл космических произведений. Действие происходит на Земле в конце XX века. В романе рассматривается проблема адаптации сверхчеловека в обычном человеческом обществе. В секретной лаборатории в дебрях сельвы Амазонки бывший нацистский врач Копман проводит эксперименты над людьми с целью создания человека-робота. В его сети попадают шериф, священник, профессор, агент секретной службы красавица Анхелика, профессиональный убийца...

Серию продолжат новые произведения известного писателя-фантаста Владимира Михайлова. Диалогия «КАПИТАН УЛЬДЕМИР» удостоена в 1991 году литературной премии «Аэлита» Союза Писателей России и журнала «Уральский следопыт», отмечена и читательским признанием. В новом романе «ВЛАСТЕЛИН» продолжаются приключения героев диалогии «Капитан Ульдемир». Многочисленные приключения чередуются с любовными сценами и размышлениями автора и его персонажей. Роман состоит из двух книг: «И ПРОЧИЕ УСЛЫШАТ И УБОЯТСЯ» и «ПУСТЬ ВОЗВРАТИТСЯ УБИЙЦА».

Эти книги и только что написанные повести «И ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА», «ВАРИАНТ», «ПУТЬ В ДОЛИНУ СЧАСТЬЯ» выйдут в издательстве «Флокс» в 1993 году.

В этой же серии в 1993 году будут изданы новые романы Владимира Савченко и Сергея Павлова.

«ФЛОКС»
продолжает выпуск сборников
фантастических рассказов и повестей
«ФАТА-МОРГАНА»

В них читатель вновь встретится с несравненным Р. Брэдбери — рассказы «РАЗРИСОВАННЫЙ», «ЖЕНЩИНЫ», «ВСЕГО ЛИШЬ ЛИХОРАДОЧНЫЙ БРЕД», поэмы «ХРИСТОС-АПОЛЛО»;

блистательным Д. Боллардом — рассказы «МИСТЕР Ф. ЕСТЬ МИСТЕР Ф.», «ГОРДОВИНА 69», «НЕВОЗМОЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК»; оригинальными рассказами У. Уинварда «БЛАГОДЕТЕЛЬ», Р. Уильямса «ГРОБОВЩИКИ», Р. Харвея «ТУННЕЛЬ», А. Рафа «ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ», в которых авторы проникают в темные закоулки человеческой души, исследуют истоки низменных страстей, жестоких поступков с кровавым исходом.

В 1992-1993 годах увидят свет еще пять выпусков этой серии.

Выйдет новый авторский сборник знаменитой американской писательницы Андре Нортон «ДОЛГАЯ НОЧЬ ОЖИДАНИЯ»

В него войдут следующие фантастические романы, повести и рассказы:

«ОПЕРАЦИЯ «ПОИСК ВО ВРЕМЕНИ»,
«ГЭРАН ВЕЧНЫЙ»,
«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛОРД КОР!»,
«КОШАЧЬИМ ВЗГЛЯДОМ»,
«ТАЙНА «ИМПЕРАТРИЦЫ МАРСА»,
«ДОЛГАЯ НОЧЬ ОЖИДАНИЯ»,
«ЛОВУШКА».

Книга «короля космической оперы» Эдмонда Гамильтона «КАПИТАН ФУТУР» включает два романа о подвигах космического защитника справедливости: «КАПИТАН ФУТУР ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ» и «ПОИСК КАПИТАНА ФУТУРА».

Американский фантаст Род Серлинг мало известен нашим читателям. В этом году издательство «Флокс» готовит к выпуску сборник его рассказов «ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ», куда входят как научно-фантастические произведения, так и мистические, повествующие о «сумеречной зоне» человеческой души.

**«ФЛОКС»
продолжит детективную серию книгой
«ПРОШУ ПОВТОРИТЬ УБИЙСТВО»**

В нее войдут романы:

К. Квасневский: «ДЕВУШКА ИЗ БАНКА», «ПРОШУ АКТЕРОВ ПОВТОРИТЬ УБИЙСТВО»,

Е. Эдгей: «ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ПОЛДЕНЬ», «ОДНА НОЧЬ В «КАРЛТОНЕ».

В этой же серии в книге «ПСИХОПАТ» будут изданы романы известных мастеров детективного жанра:

Р. Блок «ПСИХОПАТ»,

Р. Ладлэм «НАСЛЕДСТВО СКАРЛАТТИ»,

Д. Дюморье «ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР «ЯМАЙКА».

В 1993 году выйдут в свет авторский сборник Шарля Эксбрайя, в который войдут романы:

«МЫ ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ, КРОШКА»,

«У НЕЕ БЫЛА СЛИШКОМ ХОРОШАЯ ПАМЯТЬ»,

«НОЧЬ В САНТА-КРУЦ».

«ФЛОКС»
продолжит публикацию
произведений известной современной
американской писательницы
Жаклин Сьюзан
романом
«МАШИНА ЛЮБВИ»

Как и в «Долине кукол», в центре романа — звезды американского телевидения и музыкальных шоу, ведущие и создатели телепередач.

Герои романа — это телевидение и самый популярный ведущий теленовостей Робин Стоун, которого обожают самые ослепительные красавицы. Каждая из них мечтает выйти за него замуж, но у Стоуна свои психологические проблемы...

Издательство «Флокс» предполагает продолжить публикацию произведений популярной американской писательницы Жаклин Сьюзан.

ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ
предлагаем
обращаться по адресам:

Фирма «ФЛОКС-1»
603001, Н. Новгород, ул. Маяковского, д. 35
тел. 34-06-95

Фирма «ФЛОКС-2»
603006, Н. Новгород, ул. Варварская, д. 32
тел. 38-94-72

Фирма «ФЛОКС-3»
603000, Н. Новгород, ул. Малая Ямская, д. 48
тел. 34-20-34

Телефакс (831) 342-64-17
Телекс 151143 PHLOX SU

Издание литературно-художественное
Перевод с французского С. Цырульникова

В оформлении книги использованы
илюстрации Гюстава Доре
к «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Натали Хеннеберг

ЯЗВА

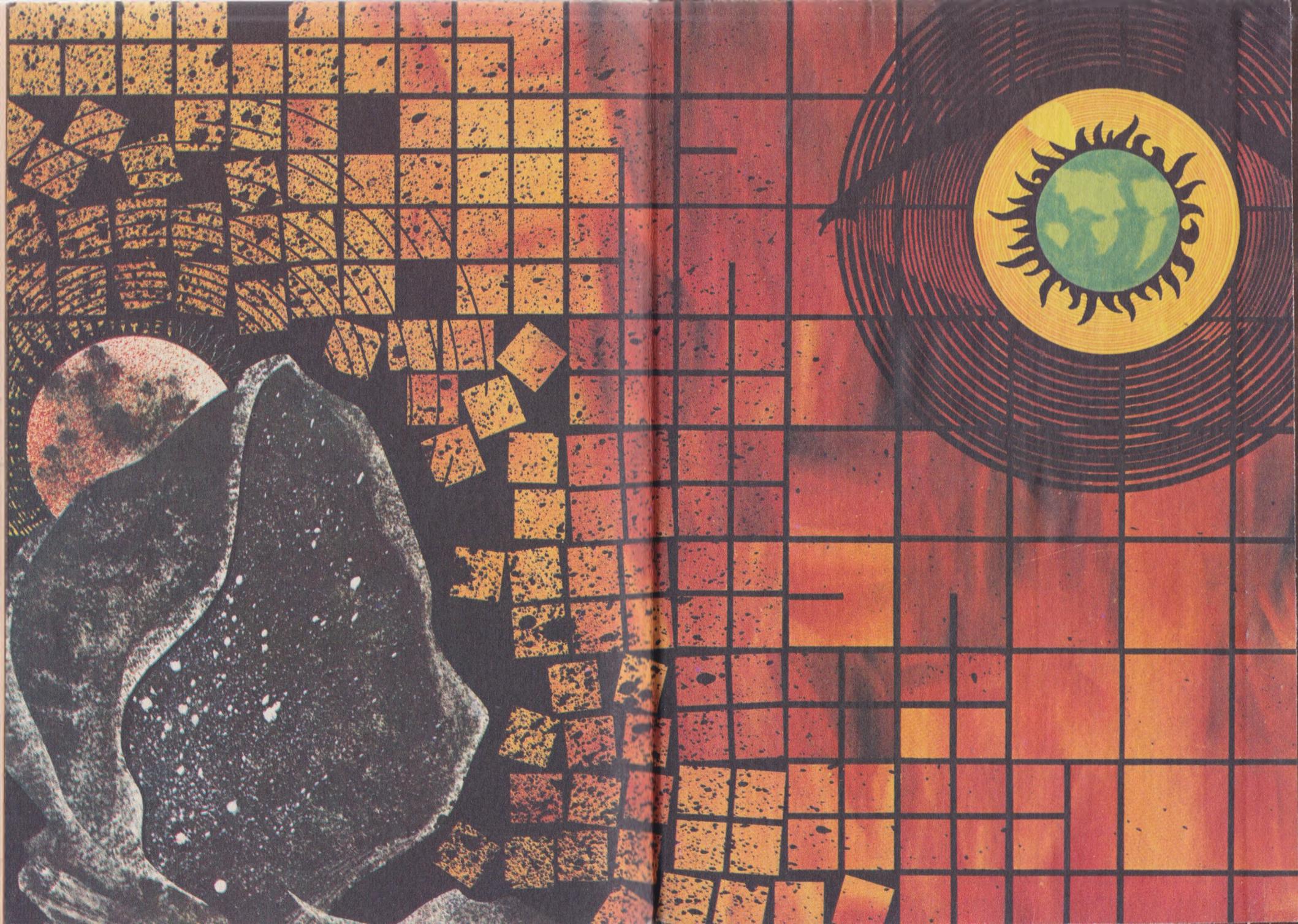
Фантастический роман

Редактор С. Барсов
Художник В. Гундоров
Художественный редактор В. Кременецкий
Технический редактор И. Иорданская
Корректор И. Пигулевская

Подписано к печати 10.09.92. Формат 60×84¹/16. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 21,3. Усл. кр.-отт. 20,93. Тираж 30 000 экз. Заказ 3833. Цена договорная.

Издательство «Флокс»,
603600, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

Отпечатано в типографии ГИПП «Нижполиграф»,
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ДЕНЬ Г

НАТАЛИ
ХЕННЕБЕРГ